

О. Б. Мозохин

# ОГПУ—НКГБ В БОРЬБЕ СО СПЕЦСЛУЖБАМИ ЯПОНИИ

## Annotation

Монография посвящена противостоянию советских и японских спецслужб в период 1918–1945 годов. Усилия органов государственной безопасности СССР в это время были нацелены в первую очередь на предупреждение и пресечение разведывательно-подрывной деятельности спецслужб Японии, а также диверсионной и террористической деятельности националистического подполья на Дальнем Востоке. Книга предназначена для всех интересующихся историей советско-японских отношений в XX веке. Текст приводится в авторской редакции.

---

- [О. Б. Мозохин](#)
  - [Введение](#)
  - [Глава I](#)
  - [Глава II](#)
    - [Деятельность японских спецслужб на исламском направлении](#)
    - [Взаимодействие разведок Японии и Германии](#)
    - [Взаимодействие разведок Японии и Польши.](#)
    - [Совершенствование специальных служб Японии](#)
    - [Деятельность белоэмигрантских организаций](#)
  - [Глава III](#)
    - [Борьба со шпионско-диверсионными организациями на железнодорожном транспорте](#)

- Борьба со шпионско-диверсионной деятельностью на объектах народного хозяйства СССР
- Выселение иностранных граждан с территории ДВК
- Проведение операции в отношении харбинцев
- Разоблачение японской агентуры в органах НКВД
- Деятельность резидента Советской разведки в Японии Рихарда Зорге
- Глава IV
- Заключение
- Приложение.
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)

- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)

- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)

- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)



- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)

- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)

- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)

- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)

- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)

- [382](#)
  - [383](#)
  - [384](#)
  - [385](#)
  - [386](#)
  - [387](#)
  - [388](#)
  - [389](#)
  - [390](#)
  - [391](#)
-

# **О. Б. Мозохин**

## **ОГПУ-НКГБ в борьбе со спецслужбами Японии**

*Памяти историка органов  
государственной безопасности  
полковника ФСБ России Ямпольского  
Владимира Павловича посвящаю.*

## **Введение**

Японцы всегда стремились к захвату территорий Маньчжурии, Монголии и Дальнего Востока. После японо-китайской войны традиционной миссией японской армии, представлявшей из себя оплот продвижения Японии на материк, было увеличение вооруженных сил и подготовка к нападению на Советский Союз. Преследовалась цель оккупации и в дальнейшем отторжения территории Дальнего Востока.

Основными формами подрывной деятельности были избраны: шпионаж, диверсии, террор, заговоры и организация повстанческой деятельности. В подрывной деятельности против СССР использовались белогвардейские элементы, китайские, корейские и японские граждане. Руководили этой работой кадровые японские разведчики.

В период гражданской войны территория Дальнего Востока была оккупирована японцами. После установления дипломатических отношений между СССР и Японией, солдаты оккупационных японских войск покинули Дальний Восток и Северный Сахалин. Однако планы отторжения территории СССР остались.

Перед выводом своих войск японские специальные службы активно развернули мероприятия по массовой вербовке агентуры, рассчитывая в дальнейшем использовать это средство в борьбе против Советского государства.

В первой половине 1931 г. японский Генеральный штаб приступил к непосредственной подготовке захвата Северо-Восточного Китая. Оккупировав эту территорию, японцы большое внимание стали уделять активизации разведывательно-подрывной деятельности спецслужб, стремясь максимально использовать их



возможности в подготовке и ведении будущей войны против СССР. На оккупированной территории Маньчжурии стал создаваться плацдарм для нападения на СССР.

Интересы Советского Союза в Китае после «маньчжурского инцидента» оказались под угрозой. Северная Маньчжурия, бывшая сферой влияния России, была фактически включена в состав японской империи. В марте 1932 г. было объявлено об образовании независимого маньчжурского государства (Маньжоу-Го), а в марте 1934 г. это государство превратилось в империю, которая во всех отношениях зависела от Японии.

Советский Союз мог также потерять свое влияние и в Монголии. По мнению японских политиков МНР должна была входить в состав маньчжурской империи. В связи с этим СССР предпринял попытки предотвратить возможное нападение на Монголию посредством заключения пакта о ненападении, которые предпринимались в 1931 и в 1932 гг., однако эти попытки были безрезультатны.

В 1934-1935 гг. японские войска неоднократно провоцировали конфликты на советско-маньчжурской и монголоманьчжурской границах в отношении КВЖД, последнего оплота Советского влияния в Северной Маньчжурии. В результате этих действий железная дорога в марте 1935 г. правительством СССР была продана властям Маньжоу-Го.

Учитывая то, что японской армией в будущей войне с Советским Союзом придется иметь дело с Красной армией, проводилась соответствующая подготовка и соответствующие мероприятия, направленные на подготовку японских войск для войны с СССР.

В это же время усиливаются японские спецслужбы. По мнению руководства армии, они не отвечали новым возрастающим требованиям. В связи с этим в 1934 г.

была разработана инструкция по разведывательной работе штаба Квантунской армии против Советского Союза, в которой определялись задачи и обязанности каждого разведывательного органа. Всем разведывательным подразделениям указывался конкретный участок подрывной работы против СССР, перечислялись методы осуществления разведывательно-диверсионных акций. Устанавливался порядок отчетности перед 2-м (разведывательным) отделом штаба Квантунской армии.

Подписание 25 ноября 1936 г. соглашения между нацистской Германией и Японией, известного как Антикоминтерновский пакт, еще более обострили отношения.

Вскоре после этого события японское правительство провело реорганизацию разведывательных и контрразведывательных органов. В 1937 г. при кабинете министров Японии было создано специальное бюро, которое руководило всеми разведывательными органами, установив жесткую централизацию в работе секретных служб и усилив их подрывную деятельность против Советского Союза.

В 1937 г. японцы приступили к непосредственной подготовке войны против Советского Союза. Генеральным штабом при участии 2-го управления была издана т. н. «Красная книга», с которой знакомили только старший офицерский состав. Это был сборник материалов о Советских Вооруженных силах, подобранных таким образом, чтобы дать японским офицерам наглядное представление о Красной армии. Ознакомление с ним способствовало подготовке японских офицеров к будущим боевым действиям против СССР. С этой же целью военным министерством Японии начал издаваться специальный военный журнал. Во всех офицерских училищах Японии был введен для обязательного изучения русский язык.

В конце тридцатых годов японцами стали провоцироваться вооруженные конфликты.

Так в июле 1938 г. возникли территориальные претензии между СССР и Японией в районе озера Хасан, на границе с Манчжурией. Дипломатические переговоры ни к чему не привели. У японцев появилась реальная возможность проверить свои войска в действии, которой они с успехом воспользовались. Войсковая операция у высоты Заозерной и сопки Безымянной показала слабость Красной армии. Конфликт был урегулирован дипломатическим путем.

По итогам этих боев отмечалось, что боевая подготовка советских войск оказалась на недопустимо низком уровне. Оказалось, что Дальневосточный округ к войне готов не был. Советским правительством были сделаны необходимые выводы по улучшению боеготовности Красной армии.

Через год, 11 мая 1939 г. японские войска совершили вооруженное вторжение на территорию Монгольской народной республики в районе реки Халхин-Гол. К этому времени Советский Союз сумел перевооружить Дальневосточную армию, заменить командный состав, провести обучение личного состава. В соответствии с протоколом о взаимопомощи с Народной Монголией, который был к этому времени заключен, сумел оказать военную помощь союзнику. Войска Японии в течение четырех месяцев были разгромлены.

Это поражение несколько охладило воинственный пыл японских милитаристов, вынудило их проводить более осторожную политику по отношению к СССР.

Подписание советско-германских соглашений в августе-сентябре 1939 г. повлекло за собой и урегулирование японо-советских отношений. Вне всякого сомнения, позиция Германии сыграла здесь определенную роль.

Затем, 13 апреля 1941 г. министры иностранных дел Японии и СССР подписали в Москве пакт о нейтралитете сроком на пять лет. Естественно и для СССР, и для Японии этот пакт не являлся сдерживающим фактором в планировавшейся войне. Для ввода войск можно было найти массу причин. Сейчас можно с уверенностью сказать, что если бы Германия захватила Москву, то Япония, вне всякого сомнения, ввела бы свои войска на территорию СССР.

После нападения Германии на СССР Япония поддержала эту агрессию. О начале войны с Советским Союзом Япония была заранее предупреждена своим союзником — Германией. Ей оставалось только определиться с датой нападения на СССР.

В это время японские специальные службы прилагают максимум усилий, чтобы определить такой момент. В решении этого вопроса использовались возможности агентурных источников, официальных сотрудников спецслужб, находившихся в годы войны в СССР под различными прикрытиями, службы радиоперехвата, информационноаналитической службы, а также другие силы и средства.

В это время значительно увеличилось количество забрасываемой японской агентуры в СССР, которой давались задания по разведке военных объектов, а также по установке фактов переброски советских войск с Дальнего Востока на Западный фронт. Через агентуру в приграничной советской территории распространялись провокационные слухи, разбрасывались антисоветские листовки с изменническими призывами, рассказывавшими об успехах немецких войск. В пропагандистских целях японская разведка применяла громкоговорящие радиоустройства, устанавливая их на границе и транслируя передачи на сопредельную советскую территорию.

С началом войны Япония активно стала готовиться к оккупации Дальнего Востока и Сибири. Ими были даже посланы на оккупированные Германией территории СССР представители разведки с целью изучения опыта деятельности немецкой администрации. Выводы, сделанные на основании собранных данных, рекомендовались для практического использования в период оккупации советской территории японскими войсками. Но они не смогли воспользоваться этими рекомендациями.

Ход войны сложился не по тому сценарию, который предполагался японским правительством. Победа Советских войск под Москвой способствовала тому, что Япония вынуждена была строить свою политику в соответствии с пактом о нейтралитете и даже пыталась выступить посредником в переговорах между Гитлером и Сталиным по прекращению военных действий.

В дальнейшем, в связи с успехами Красной армии в войне с немецко-фашистскими войсками, японским правительством было принято решение о соблюдении нейтралитета с Советским Союзом, дабы исключить войну на два фронта одновременно, с США и СССР. Однако Японии этого не удалось избежать. В соответствии с договоренностью со своими союзниками, 8 августа 1945 г. Советское правительство через посла Японии в Москве заявило, что с 9 августа 1945 г. СССР считает себя в состоянии войны с Японией. 9 августа Советские войска прорвали японскую линию обороны и, расчленив Квантунскую армию, перешли в наступление. Уже в первых боях японцы понесли тяжелые потери.

В связи с наступлением советской армии японскими спецслужбами стала планироваться организация диверсионно-террористической деятельности в тылу Советской армии. Но в результате стремительного наступления советских войск японская разведка не смогла реализовать эти планы, так как почти все

японские военные миссии в Маньчжурии были захвачены оперативными группами органов военной контрразведки «Смерш» НКО и НКВМФ СССР.

Отображая противоборство спецслужб СССР и Японии нельзя не упомянуть о явно нерядовом событии, произошедшем в июне 1938 г. в Дальневосточном крае, — о побеге начальника Управления НКВД ДВК Г. С. Люшкова в Японию. Об этом событии много написано. В связи с этим была сделана попытка отразить не до конца изученные моменты этого события.

Исследователями предпринимались попытки осмыслить взаимоотношения Японии и СССР. Для публикаций начала 30-х гг. характерны утверждения о надвигающейся мировой войне<sup>[1]</sup>. Предпринимались попытки анализа состояния вооруженных сил Японии. Отражались японо-советские конфликты у озера Хасан и на реке Халхин-Гол<sup>[2]</sup>. В более поздних публикациях предпринимаются попытки объяснить причины напряженности в отношениях СССР и Японии<sup>[3]</sup>, планах нападения на СССР, провокациях японских военных<sup>[4]</sup>.

Необходимо отметить, что в 1920-1930-е гг. Япония была одним из основных потенциальных противников СССР, уделявшая самое пристальное внимание тайным методам борьбы. Сферы деятельности японской разведки по мере упрочения связей с Польшей, Германией и другими европейскими странами расширяются. Происходит постоянный обмен разведывательной информацией между этими странами, причем разведки этих государств не ограничивались работой в каком-то конкретном регионе, а собирали сведения на всей территории СССР.

Современная историография характеризуется появлением значительного числа работ по истории борьбы органов государственной безопасности с подрывной деятельностью спецслужб Японии, в

которых анализируется деятельность советской разведки<sup>[5]</sup> и борьба контрразведки со спецслужбами Японии на Дальнем Востоке<sup>[6]</sup>. Появляются новые подробности противостояния советских и японских спецслужб<sup>[7]</sup>.

Интересны работы, в которых на основе широкого круга источников дается объективная оценка репрессиям, в том числе и в дальневосточных органах государственной безопасности<sup>[7] [8]</sup>.

Большое внимание в научных исследованиях уделялось действиям пограничных войск НКГБ на Дальнем Востоке, особенно в период войны с Японией<sup>[9]</sup>.

Появились интересные статьи российского историка С. В. Тужилина о деятельности советских органов государственной безопасности<sup>[10]</sup>.

Японский исследователь профессор университета Тохоку — Тэраяма Киосукэ в своих работах рассматривает вопросы укрепления Красной армии, Военно-Морского флота и экономики Дальнего Востока СССР<sup>[11]</sup>. Делает объективные выводы о деятельности партийных и советских органов по укреплению ДВК.

В приложении публикуется документ министерства колоний Японии, подготовленный совместно с обществом по изучению национальной политики «Кокусаку кенкью кай» в октябре-декабре 1941 г., который отражает планы японского государства по управлению территориями так называемой Великой Восточной Азии.

Ранее монография издавалась под названием: Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии<sup>[12]</sup>.

# **Глава I**

## **Политико-экономическая обстановка на Дальнем Востоке**

С окончанием Гражданской войны и иностранной военной интервенции на основной территории России главное внимание большевистского правительства переключилось на Дальний Восток. Советская власть на этой территории отсутствовала, там существовала буферная буржуазно-демократическая Дальневосточная Республика (ДВР).

В это время Дальний Восток стал ареной борьбы за власть, сферы влияния, природные ресурсы и рынки сбыта многих стран. В первую очередь это касается Японии и США.

Увеличив свою группировку в Сибири, Япония стала игнорировать претензии США на руководящую политическую роль в этом регионе. Ей предпринимались попытки по укреплению своего влияния на континенте.

Советским правительством, в свою очередь, решалась задача покончить с японской военной оккупацией Приморья и Северного Сахалина, чтобы открыть путь для политического воссоединения страны на всем ее пространстве.

17 июля 1920 г. было оформлено соглашение о перемирии между Дальневосточной республикой и Японией в виде обмена нотами. Стороны признавали целесообразность образования ДВР в качестве буферного государства с единым правительством без вмешательства в его дела вооруженных сил других



государств. ДВР брала обязательство поддерживать дружественное сотрудничество с Японией, «не вводить» коммунистического строя, не позволять пребывания войск Советской России на своей территории и не пропускать их через нее.

1 января 1921 г. Пленум ЦК РКП (б), учитывая сложную политическую обстановку, признал советизацию Дальневосточной республики недопустимой, равно как и недопустимым принятие каких бы то ни было шагов, ведущих к нарушению договора с Японией. Была создана специальная комиссия в составе: Преображенского<sup>[13]</sup> (или Крестинского<sup>[14]</sup>), Никифорова<sup>[15]</sup> и Чичерина<sup>[16]</sup> для детальной выработки основных положений экономической и внешней политики Дальневосточной республики<sup>[17]</sup>.

В конце мая 1921 г. во Владивостоке и других городах Приморья был совершен белогвардейский переворот, в результате которого было свергнуто Приморское Временное правительство ДВР, состоявшее в своем большинстве из эсеров и большевиков. Было образовано правительство крупной буржуазии во главе с братьями С. Д. Меркуловым и Н. Д. Меркуловым, которые опирались на японские и антибольшевистские силы. Необходимо подчеркнуть, что переворот в Приморье был совершен при поддержке и прямом участии японских воинских частей, блокировавших местную милицию и народную охрану.

В связи с этими событиями 10 июня 1921 г. Дальневосточное бюро ЦК РКП (б), руководившее партийными организациями на территории ДВР (с октября 1920 г. находилось в Чите), признало необходимым применить все средства во избежание вооруженного столкновения с Японией и для ликвидации белогвардейщины на Дальнем Востоке.

Дальбюро считало необходимым начать переговоры с японским правительством и другими иностранцами о сдаче им лесных, горнопромышленных и иных концессий, политически выгодных, а может быть, и выгодных в экономической части<sup>[18]</sup>. Иными словами, планировалось за счет экономических уступок получить политические гарантии, заключающиеся в признании Японией суверенитета ДВР.

В ответ на эти предложения ДВР народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин 18 июня 1921 г. писал секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову о нецелесообразности создания в ДВР японских концессий. При этом он ссылался на то, что коллегия НКВД считала недопустимым, крайне вредным и опасным вступление в какие бы то ни было переговоры с японским правительством или японскими капиталистами в момент новой интервенции со стороны Японии Дальнего Востока.

Чичерин считал, что в то время, когда можно было ожидать новых нападений, явных или скрытых, на ДВР со стороны японцев, такого рода концессии могли сыграть роль маскировки для захвата японцами важных пунктов или для подготовки их наступления или наступления поддерживаемых ими белогвардейцев.

В связи с этим предложение Дальбюро предлагалось отвергнуть<sup>[19]</sup>.

На следующий день Чичерин в дополнение своего предыдущего предложения высказал следующее: «предоставление в ДВР концессий японцам недопустимо, пока Япония не очистит всей без исключения территории ДВР, не выдаст Семенова и других вожаков белогвардейцев и не восстановит дипломатических сношений с ДВР и с РСФСР».

По его мнению, эти конкретно перечисленные условия должны были явиться доказательством того,

что Япония готова отказаться от той враждебной линии против РСФСР, при существовании которой предоставление японцам концессий в ДВР составляло бы серьезную опасность и подвергало бы риску безопасность и ДВР, и РСФСР. Ленин согласился с этими предложениями<sup>[20]</sup>.

21 июня 1921 г. Г. В. Чичерин проинформировал министра иностранных дел ДВР И. Л. Юрина о принятом решении и предупредил, что пока продолжается политика интервенции, было бы крайне опасно давать японцам концессии. Эта инфильтрация служила бы подготовкой для наступления и завоевания. Предлагалось отвергнуть эту политику<sup>[21]</sup>.

20 декабря 1921 г. Я. Янсон подготовил доклад о концессионной политике на Дальнем Востоке. По его мнению, природные богатства региона не могли быть использованы государством из-за отсутствия оборотных средств. Нельзя было рассчитывать и на русский частный капитал из-за его слабости на ДВК. Японский, американский, английский, немецкий иностранный капитал стремится проникнуть на ДВК, но его укрепление может привести к потере экономического преобладания в крае Советского государства. Вместе с тем, полное закрытие доступа иностранного капитала задержало бы развитие края.

Янсон предлагал привлекать иностранный капитал, сохранив за государством наиболее ценные участки концессий и местонахождения ископаемых. Сдаваемые иностранцам концессии предоставлять по участкам, распределенным в порядке шахматного поля. Оказывать преимущество капиталу стран менее опасному на ДВК чем Япония — Германии, Англии, Америке. Нейтрализовать влияние японского капитала вклиниванием концессий других стран.

Подчеркивалось, что по отношению к японским концессионерам работа с ними возможна была лишь после заключения соглашения Японии с Россией и вывода японских войск с Сахалина. До этого предлагалось не давать японцам никаких концессий на разработку недр и на устройство предприятий обрабатывающей промышленности.

Учитывая то, что удалить их с лесных концессий и с рыбалок, эксплуатируемых ими, является технически почти невозможным и может привести к серьезным осложнениям с Японией, предлагалось предоставить им возможность дальнейшей работы на этих концессиях. При этом ставя всяческие преграды их работе и тем самым заставляя их переоформить с органами СССР соответствующие частные договора на право использования этих концессий.

В отношении японских лесных концессий объявить, что прежние договора недействительны. Предложить им обратиться в соответствующие органы для заключения новых договоров. При заключении новых договоров потребовать внесения поденной платы и других платежей за пользование концессиями. Если договор ими не заключался в течении двух месяцев, то имущество концессий должно переходить во владение государства и др.

Царскую же рыболовную конвенцию с Японией предлагалось считать юридически несуществующей. Японские рыбалки, работавшие в период власти белых, считать незаконно захваченными. Объявить о нашем согласии, провести на будущий сезон торги рыболовных участков. Порядок эксплуатации их установить исходя из существовавшего порядка<sup>[22]</sup>.

Переговоры с Японией по поводу установления дипломатических отношений шли, но очень трудно. Так, 18 апреля 1922 г. Дальневосточное телеграфное

агентство сообщило в НКВД РСФСР о прекращении 16 апреля переговоров между ДВР и Японией в Дайрене. Переговоры были прерваны по инициативе японского правительства. Сообщалось, что 30 марта между русской и японской делегациями было достигнуто полное соглашение по всем пунктам основного торгового договора. Когда же на очередь стал вопрос о военном соглашении, японская делегация отказалась определить срок эвакуации своих войск и предложила формулу, которая давала бы возможность японцам продолжать интервенцию до бесконечности. Были предъявлены новые требования к тем пунктам, по которым уже было достигнуто полное соглашение. Совершенно неожиданно японцами было предложено отразить в проекте договора условие о сохранении численности флота ДВР без перспектив его увеличения. При этом они настаивали на немедленном принятии этого требования. Русская делегация заявила, что ею сделан максимум возможных уступок и отказалась принять требования японцев. Заявления русской делегации были сделаны в категорической форме. Японцам было предложено дать ответ в течение суток. В ответ 16 апреля председатель японской делегации Мацусима, получив от своего правительства телеграмму, прервал переговоры и выехал в Токио.

Таким образом, подтверждались высказывавшиеся предположения о стремлении японского правительства к полной оккупации русских дальневосточных территорий.

При прощании Мацусима заявил русской делегации, что мирные отношения между Японией и ДВР продолжатся и что японские войска останутся в том же районе, где они находились до сих пор, и дальше нейтральной зоны не пойдут.

Председатель русской делегации Петров в ответ на это заявил, что войска ДВР будут избегать

столкновений с японскими войсками, но правительство ДВР будет продолжать дальнейшее преследование мятежников в Южном Приморье<sup>[23]</sup>.

1 июня 1922 г. Политбюро рассматривает вопрос о необходимости возобновления переговоров с Японией. Было принято решение продолжить переговоры между Японией и объединенной делегацией РСФСР и ДВР. Предварительным условием возобновления переговоров должен быть поставлен вопрос о выводе японских войск из Сибири и принципиальное согласие Японии на определение точного срока их вывода. Кандидатом на ведение переговоров предлагалась кандидатура Иоффе. При этом Дальбюро сообщалось, чтобы они никакие дипломатические шаги в отношении Японии не предпринимали без предварительного согласия ЦК<sup>[24]</sup>.

В это время создалась такая ситуация, когда Японии не хватало сил для оккупации территории России как своими силами, так и с помощью белогвардейцев, а у России не было сил, чтобы вести войну с Японией и одновременно с остатками белогвардейской армии на Дальнем Востоке.

Немного позже, 9 ноября 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б), рассматривая вопросы в отношении Сахалина, постановляет поручить заместителю Главного концессионного комитета А. А. Иоффе в печати выразить протест против занятия японцами части Сахалина и упомянуть, что если они эвакуируют войска, то будут иметь права на концессии на Северном Сахалине<sup>[25]</sup>. Таким образом торг продолжился.

Необходимо отметить разногласия по Сахалину и членов Политбюро. Так, в начале 1923 г. Л. Д. Троцкий выступил с предложением продать Японии Северный Сахалин, мотивируя это трудностями, возникшими с эвакуацией оттуда японских войск, и необходимостью стабилизации положения на Дальнем Востоке в свете

назревавших серьезных политических событий в Европе. Однако в конце концов благоразумие восторжествовало, вопрос о продаже Северного Сахалина больше не поднимался.

Нефтяные и угольные месторождения на Сахалине начали привлекать японских горнопромышленников еще в 1914 году. В период оккупации японское военное министерство совместно с японской горнопромышленной фирмой «Мицубиши» провело дополнительные изыскания нефтяных и угольных залежей. Результаты их были положительны.

Учитывая результаты своих изысканий и политическую ситуацию, Япония стремилась выжать из нее максимум возможного. 12 августа 1924 г. глава концессионного комитета А. Е. Минкин сообщил Чичерину о неприемлемости японских условий по Северному Сахалину. Он писал, что «японское предложение о концессионировании Сахалина является абсолютно неприемлемым. Если это предложение будет нами принято, это будет означать, что мы отдаем весь Сахалин в бесконтрольную эксплуатацию японцам. Освобождение японскими войсками Сахалина, которое будет иметь место по подписании договора, не изменит фактического положения. Изменится лишь то, что мы будем содержать на Сахалине дорогостоящий аппарат, который будет занят исключительно охраной японских интересов.

Территория, указанная в японском предложении, на которую распространяется действие концессии, охватывает почти весь Сахалин и абсолютно все известные нефтяные и угольные богатства острова. В нашем распоряжении остается лишь длинная ленточка, отрезанная от воды. Если же учесть, что согласно проекту японцев, Япония будет иметь право "рубить лес, строить портовые сооружения, железные дороги, проводить нефтепроводы, устраивать электрические

коммуникации и другие предприятия, поскольку они нужны для эксплуатации концессий (а концессия свободна от всяких стеснительных условий и вопрос, нужен ли лес и другое для концессии, будет решаться концессионером)", то можно без преувеличения сказать, что фактически весь Сахалин будет находиться в руках японцев.

А беспошлинный и бесконтрольный ввоз и вывоз товаров окончательно увенчает господство Японии на Сахалине и отрежет его от нас, не менее чем он отрезан сейчас в силу военной оккупации».

Взамен Россия должна была получить 5 % от добычи нефти и угля. При этом налоги и сборы японцы не должны были платить. Россия должна была представить Японии полное покровительство и всякие льготы, а также помощь охраной.

Минкин считал, что покупать такой ценой признание России Японией абсолютно невыгодно. Он полагал, что за такую взятку можно получить безоговорочное признание со стороны крупных европейских стран. Минкин считал, что по концессионным вопросам нужно держаться с Японией общепринятых правил и не давать никаких монопольных концессий и огульных обещаний, тем более что, по его мнению, эта концессия не улучшит положения России на Сахалине и фактически не изменит его<sup>[26]</sup>.

2 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) решает в процессе переговоров предоставить японцам 50 % существующих нефтяных источников и предоставить им в будущем 50 % тех, которые они откроют. Япония же должна была проводить 10 % отчислений с валовой добычи.

Предлагалось также предоставить японцам для разведок площадь в 1000 кв. верст, в качестве же



крайней уступки дойти до 4000 кв. верст. Срок для производства этих работ планировался от 5 до 10 лет и др.<sup>[27]</sup>

11 октября 1924 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило НКВД пообещать Японии предпочтение при сдаче в концессию второй половины нефтяных ресурсов при договоренности Японии немедленного принятия соглашения в целом<sup>[28]</sup>.

Подготовка документа продвигалась медленно, японцы шли на различные уловки. Они как могли тянули с эвакуацией войск, стараясь «зацепиться» за материк. 9 января 1925 г. Г. В. Чичерин сообщил председателю реввоенсовета М. В. Фрунзе о том, что японцы затягивают вывод своих войск с Северного Сахалина по климатическим условиям. Японское правительство окончательно планировало вывести свои войска к 1 или к 15 мая 1925 г.

При этом в протоколе договора должно было прописано об обязательстве России заключить концессионные контракты в течение 6 месяцев со дня вступления договора в силу и по истечении 3-х месяцев с момента полного удаления войск и полного установления власти СССР над всеми частями территории Северного Сахалина<sup>[29]</sup>.

15 января 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло предложение НКВД о продлении срока между эвакуацией японских войск из Сахалина и подписанием концессионного контракта до пяти месяцев<sup>[30]</sup>.

Ценой политических уступок России служили в первую очередь экономические интересы Японии. Учитывая то, что Советская Россия закрепилась на территории Сахалина, Япония стала прорабатывать варианты получения концессий. В это время она испытывала большие затруднения во ввозе заграничного коксующегося угля из Англии и Америки,

что усиливало ее стремление на получение концессий на Сахалине. В результате ей были предоставлены нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине, а также были предоставлены послабления и по рыболовству.

20 января 1925 г. в Пекине состоялось подписание советско-японского соглашения. В проекте интервью Чичерина в связи с заключением Пекинской конвенции говорилось, что заключение этого соглашения «есть нечто гораздо более значительное, чем простое признание СССР еще одним правительством, нечто гораздо более значительное даже, чем одно лишь урегулирование спорных вопросов между двумя правительствами. Это не только начальный пункт периода дружественных отношений между народами СССР и Японией, это настоящий перелом во всей дальневосточной политике и в современной политике вообще. Для нас это есть завершение целого периода интервенции, гражданской войны и урегулированных отношений на Дальнем Востоке, и это есть завершение неуклонно продвигавшегося вперед поступательного развития наших политических отношений на Востоке, охватывавших все новые этапы, с постепенно расширяющейся дружбой с народами Востока, и дошедших до конца с созданием дружественных отношений с Японией. Это есть несомненное упрочение нашего положения на Дальнем Востоке»...

«Русский Дальний Восток вступил теперь в полосу мирного развития и дружественных отношений со всеми соседями. Для Японии же этот договор означает создание твердого и крепкого тыла и базы для всяких могущих ей угрожать осложнений. От Татарского пролива до южной части Японского моря на всем протяжении последнего ее тыл опирается на противоположащие дружественные берега. Дружественные отношения с СССР дают возможность

Японии как бы закрыть на ключ Японское море и не допускать враждебных флотов до западных берегов японского архипелага. Больше полугода тому назад создание дружественных отношений с великим китайским народом дало новый размах советской политике развития братства между народами на почве принципа их самоопределения. С каждым днем крепнущая дружба СССР с охваченным широким освободительным движением китайским народом находит свое восполнение в создании дружественных отношений с Японией. Для последней, все более подвергающейся давлению могущественного мирового англо-американского соглашения, дружба с СССР и с Китаем означает гарантию мирного развития и удовлетворения жизненных потребностей»<sup>[31]</sup>.

Таким образом, в связи с предпринятыми дипломатическими усилиями японская военная интервенция на советском Дальнем Востоке была прекращена в 1925 г. На первом этапе была осуществлена эвакуация японских войск из Приамурья и Приморья в 1921-1922 гг., затем с Северного Сахалина в 1921-1925 гг.

Сталин контролировал развитие отношений с Японией. Так, 10 июня 1925 г. он направил шифртелеграмму полпреду в Японии Копу, в которой писал, что «на днях НКВД демонстрировал в ЦК Ваши предложения о нашем соглашении с Японией в Манчжурии. Сообщаю Вам для сведения, что это предложение мы расценили как попытку восстановить сферы влияния в Манчжурии за счет Китая, ввиду чего и отвергли его»<sup>[32]</sup>. Такие инициативы не поощрялись.

Органы Объединенного государственного политического управления стали отслеживать в это время стремления японцев на получение максимального числа концессий. Так, было установлено,

что они в первую очередь будут стремиться получить в концессию район Мачи, который залежами угля был не богат, но в экономическом и практическом отношении имел для них колоссальную важность. Это было связано с тем, что японцы получали легкий и свободный выход с восточного берега Сахалина на западный. Возникла также и возможность прокладки нефтепровода через реку Теш и постройка железной дороги. Другие же месторождения угля были окружены горами.

Органы Экономического управления (ЭКУ) ОГПу стали собирать сведения об интересах японцев в Дальневосточном крае. Удалось выяснить, что Советским правительством еще до заключения договора уже много обещано. Было установлено, что А. А. Иоффе благожелательно отнесется к просьбам японцев, так как при нахождении Адольфа Абрамовича в Токио, японцы оказывали ему теплый прием, угощали его и устраивали интимные прогулки.

10 ноября 1925 г. группа фирмы «Мицубиши», находившаяся в Москве, достигла с технической комиссией Главного концессионного комитета (ГКК) соглашения о получении угольного рудника «Мачи». По данным ЭКУ ОГПу было установлено, что под видом дипломатического багажа японцы привезли с собой чемодан наличных денег червонцами (примерно тысяч двадцать). Предполагалось, что эти деньги предназначались для дачи взяток, так как провозились они контрабандным путем и в больших купюрах. Это предположение впоследствии подтвердилось.

28 ноября на заседании Главконцесскома японцы хотели выторговать дополнительные уступки, но им было заявлено, что если до 30 ноября от них не будет письма о полном согласии на все условия, то все обещания, данные ГКК, аннулируются, в том числе и обещания относительно объекта концессий. К

условленному сроку такое письмо было японцами подготовлено.

В соответствии с концессионным договором японцы получили право разработки угольных и нефтяных залежей.

По сведениям Экономического управления ОГПу, получению японцами концессий за большое вознаграждение активно содействовал заведующий геологическим комитетом на Дальнем Востоке инженер Полевой, который оказывал определенное влияние на заместителя Главконцесскома А. А. Иоффе.

В связи с достигнутыми договоренностями, 9 декабря 1925 г. председатель СНК СССР А. И. Рыков направил в Политбюро ЦК РКП(б) письмо с просьбой утвердить концессионные договоры с японскими компаниями на добычу нефти и угля на Северном Сахалине.

Он указал, что Главным концессионным комитетом были внесены на рассмотрение Совета Народных Комиссаров Союза проекты трех договоров между СССР и японскими фирмами на сдачу последним нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине. СНК Союза на заседании 8 декабря эти три проекта рассмотрел и утвердил [\[33\]](#).

В справке Главконцесскома СССР об условиях заключения концессионных договоров с японскими компаниями на добычу нефти и угля на Северном Сахалине указывалось, что согласно Пекинскому договору между СССР и Японией, правительство СССР обязалось предоставить японским фирмам, рекомендованным японским правительством, нефтяную и угольные концессии на Северном Сахалине.

Прошедшие переговоры закончились согласованием трех проектов концессионного договора, которые были составлены по типовому образцу и с юридической

стороны почти не содержали отступлений от установившихся норм концессионной практики. Концессии на Северном Сахалине сдавались на 45 лет.

Из отступлений от типового концессионного договора отмечались следующие: не была предусмотрена обязательная для концессионера минимальная производственная программа; было предоставлено право концессионеру свободно и беспошлинно ввозить на предприятия из-за границы предметы потребления для рабочих и служащих и др.

После подписания договора о концессии с правительством СССР в начале 1926 г. японцы стали проявлять активность под всякого рода предлогами прибрать весь Сахалин к своим рукам в экономическом отношении.

Отмечалось стремление Японии получить от правительства СССР под видом подряда все нефтяные площади Сахалина для того, чтобы вся нефть поступала японцам. Они хотели использовать опыт Первой мировой войны, когда во время оккупации беззастенчиво грабили природные ресурсы Сахалина.

С этой целью единоличного господства на Северном Сахалине японцы выехали в Берлин, где планировали заключить соглашение о покупке сахалинских концессий у германского подданного Кунс-Альберса и присоединения этих концессий к своим. Однако представленный ГKK 14 июля 1927 г. в СНК СССР утвержденный проект концессионного договора, купленный Японией концессии у фирмы «Кунст и Альберс» на право разведки и разработки каменного угля на западном побережье Северного Сахалина, был отменен. Это было связано с полученной информацией о возможной японской колонизации Сахалина. Политбюро, отменив решение СНК, изменило и свое прежнее решение от 23 июня, признав

нецелесообразным предоставление концессии на Сахалине и фирме «Кунст и Альберс».

Была создана комиссия для выработки проекта общих директив как о концессионной политике на Дальнем Востоке, так и о порядке и районах организации хозяйственных предприятий в местах, наиболее уязвимых с точки зрения японской колонизации.

18 августа 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о нецелесообразности расширения японских концессий на Дальнем Востоке в области нефти и угля. Было решено дать директиву Главному концессионному комитету максимально препятствовать расширению в дальнейшем японских лесных концессий в Приморском районе<sup>[34]</sup>.

Большую активность в это время проявил инженер Полевой. Он выдвигал идею, что на Сахалине русским делать нечего и надо весь Сахалин отдать японцам под разведку<sup>[35]</sup>.

13 декабря 1928 г. Политбюро поручило НКВД доложить на следующем заседании Политбюро вопрос о политике в отношении Японии<sup>[36]</sup>. 20 декабря Политбюро заслушивает вопрос о Японии и поручает комиссии в составе «т.т. Микояна, Ксандрова, Пятакова, Карахана, Кубяка, Уншлихта и Лобова рассмотреть всю совокупность вопросов, связанных с нашими взаимоотношениями с Японией в настоящий момент, выяснить размер и условия японских концессий, а также как выполняются японцами принятые ими на себя обязательства, и выработать конкретные предложения о нашей политике по отношению к Японии в настоящее время». В частности, комиссии предлагалось обсудить вопрос о возможности привлечения американцев в порядке концессий или смешанных обществ для работы на Дальнем Востоке<sup>[37]</sup>.

В подготовленном докладе о Японии Караханом было отражено внешнее и внутреннее положение Японии. Констатировалось, что внешняя политика Японии подчинена задачам китайской политики, в значительной мере определившей на данный период отношения, складывающиеся между Японией, Англией, США и СССР.

Сообщалось о том, что миссия графа Учиды, посетившего в конце лета Лондон и Вашингтон, состояла в том, чтобы добиться конкретизации тех общих положений, которые хотя и были намечены в Женеве, но в жизнь не проводились. Его шаги в Америке должны были оказать давление на Англию угрозой возможного сговора с США с одной стороны, с другой стороны должны были заставить США проявить больше умеренности в отношении китайской политики Японии.

Огромный интерес представляла нота, врученная 29-го сентября Учидой Келлогу в которой подтверждается заявление японского правительства о выводе японских войск из Шандуна. Указывается на фактическую эвакуацию большей части экспедиционных войск и на полную готовность японского правительства договориться с Китаем.

Пространно обосновываются особые права в Маньчжурии, достигшей благодаря японцам исключительных успехов, и имеющей жизненное значение для Японии с точки зрения национальной обороны и с точки зрения экономической и политической безопасности.

Кончается нота призывом к тому, чтобы «страны, имеющие глубокие интересы в Китае, особенно те, кто является участниками Вашингтонской конференции, время от времени открыто обменивались взглядами по вопросам, затрагивающим их общие интересы, и действовали бы насколько возможно в контакте...»



Англо-японское соглашение, несомненно, имело антисоветское острие. Оно могло привести к поддержке Японией антисоветских планов Англии в Китае, поскольку на такого рода компенсацию Токио пойдет скорее, чем на выступление против США.

Центральным моментом в японской политике в Китае по-прежнему являлся Маньчжурский вопрос, в котором больше всего заинтересованы те круги, выразителем настроений которых является Танака (военщина, тяжелая индустрия и группы финансового и промышленного капитала, тесно связанные с колониальной политикой Японии на азиатском материке).

На основании известных фактов о японской политике в докладе делались выводы в отношении перспектив японо-советских отношений:

- Японское правительство не имеет серьезных оснований опасаться политики СССР в Китае и в частности в Маньчжурии.

- Японцы убедились в том, что развернутая антияпонская кампания, которая проводится по Китаю, инспирируется не СССР, а ее «союзниками» Англией и США.

- Развитие нашего сотрудничества с китайцами объективно усиливает нарастающее и крепнущее сопротивление японским агрессивным планам со стороны китайцев Манчжурии. Это сопротивление является единственным реальным противодействием, которое может тормозить и задержать осуществление маньчжуро-монгольских планов Японии.

- Мы заинтересованы в том, чтобы сгладить в пределах возможного конкурентную борьбу за грузы между КВЖД и ЮМЖД, в особенности борьбу за распределение грузов между Владивостоком и Дайреном.

— В то же время следует решительно требовать от японцев прекращения антисоветской кампании, проводимой япономаньчжурской прессой. В ответ на нашу лояльность мы должны требовать лояльности к нам.

— Решительно отклонять провокационные предложения о военном сотрудничестве на Сахалине или разговоры о совместном обсуждении наших оборонительных планов на Дальнем Востоке, разъяснив, что наша внешняя политика принципиально исключает военные союзы, хотя бы и чисто оборонительного характера.

Проведение такой политики при достаточно членораздельном разъяснении ее японцам, несомненно затруднит попытки военщины и крайне реакционных кругов отыгаться в плане англо-японского сотрудничества на антисоветской кампании. Больше того, она может привести к дальнейшей активизации японской политики в Китае, в результате чего Япония еще больше завяжет в Китае, что только ослабит ее положение на азиатском материке и обострит отношения с США.

*Политика, проводимая СССР на Дальнем Востоке в отношении Японии, в основном правильна и не нуждается в пересмотре. Она по-прежнему должна решительно противодействовать специфическим колонизаторским устремлениям агрессивных элементов японского капитала и военщиной, пробивающейся у них временами тенденции рассматривать наш Дальний Восток и Сахалин как объект своих специальных интересов. Серьезное расширение японских инвестиций на советском Дальнем Востоке, безусловно, нежелательно.*

Дальнейшее развитие экономических взаимоотношений с японцами должно идти в следующих трех направлениях: лояльного отношения к

нашим обязательствам, вытекающим из рыболовной конвенции и существующих концессионных договоров; развитие в пределах возможности торгового оборота с Японией и всемерного развития нашей собственной хозяйственной деятельности и колонизации края.

Стоит задача добиться проведения в жизнь в наступающем году всех пунктов *рыболовной конвенции*. Так как имеющиеся у нас сведения говорят о недовольстве значительных групп японских рыбопромышленников конвенцией и их стремлении добиться на деле изменения некоторых наиболее существенных для нас пунктов (попытки превратить торги в фикцию, нежелание расстаться с участками, находящимися в эксплуатации, противодействие выделу 20 % эксплуатируемых участков для нужд нашей государственной рыбной промышленности).

*Концессионные отношения* между СССР и Японией ограничивались, если не считать рыболовных консервных заводов, семью концессиями — три угольных, одна нефтяная, одна лесная и две золотопромышленных. Нефтяная и угольные концессии на Сахалине предоставлены на особых условиях, предусмотренных пекинским договором. Нефтяная концессия работает полным ходом (добыча 1927 г. около 80-ти тысяч тонн, 1928 г. предположительно около 100 тысяч). Из трех угольных концессий работает только одна, остальные две бездействуют исключительно по вине японской стороны. Лесная концессия, которой японцы так упорно и настойчиво добивались, не развивается. Концессионеры приостановили работу, требуя пересмотра концессионного договора. Из 2-х золотопромышленных концессий одна была расторгнута по вине концессионера, другая не приступала к работе, добиваясь предоставления ей одного из участков, составлявших объект первой концессии.

Одним из важнейших источников концессионных конфликтов являлись вопросы, связанные с наймом рабочей силы. Здесь необходимо было, не отказываясь от настаивания соблюдения всех принципов законодательства СССР о труде, рекомендовать нашим органам проявления достаточной осторожности и воздержание от шагов, имеющих характер мелких придирок. В частности, можно идти на временные уступки концессионерам в вопросе о допущении ввоза японских рабочих в количестве, немного превышающего норму концессионного договора, поскольку положение с рабочей силой на советском Дальнем Востоке и на Сахалине было неблагоприятно.

Вопрос о сахалинских концессиях следует ставить в связи с нашими собственными предприятиями на Сахалине и общими перспективами в отношении этой территории. Советский Сахалин не находится под непосредственной угрозой захвата со стороны Японии, но он легко может быть освоен ею экономически, что неизбежно создаст аппетит к его захвату. Нам необходимо противопоставить огромной активности японцев собственную хозяйственную активность и расширение нашей деятельности на Сахалине.

*Торговые взаимоотношения* с Японией выражались в следующих цифрах: было вывезено из СССР в 1925-26 гг. на 10 миллионов рублей, в 1926-27 гг. на 12 миллионов, в 1927-28 гг. на 20 миллионов рублей. Ввоз из Японии за те же годы соответственно составлял: 3 миллиона, 6 миллионов и 10 миллионов рублей. Торговый оборот между Японией и СССР ограничивается главным образом импортными нуждами и экспортными возможностями Советского Дальнего Востока. В этих ограниченных рамках этот растущий из года в год товарооборот предлагалось увеличивать и в дальнейшем. Предлагалось снабжать Дальний Восток при прочих разных условиях потребными иностранными

товарами из Японии. Желательно было подработать вопрос о возможности некоторого расширения импорта из Японии в Европейскую часть Союза<sup>[38]</sup>.

Правительство СССР строго придерживалось своих решений. 4 апреля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о строгом надзоре за исполнением японцами концессионных договоров, требуя выполнения всех обязательств по платежам, добиваясь, по возможности, перевода всех платежей со стороны японских концессионеров Советскому правительству на иностранную валюту там, где платежи были обусловлены в червонцах.

В отношении дальнейшей концессионной политики с японцами было предложено прекратить предоставление новых концессий на Дальнем Востоке, не прекращая, однако, привлечение японского капитала в форме финансирования государственных советских промышленных организаций по отдельным строго ограниченным операциям.

Видимо, чтобы избежать колонизации Дальнего Востока японцами, Политбюро считало целесообразным привлечение американского капитала в виде концессий и в порядке финансирования наших предприятий. Однако концессионные объекты Дальнего Востока Главконцесскомом так и не были разработаны, в силу чего не было и конкретных предложений, по которым можно было бы говорить с американцами. Вместе с тем необходимо отметить, что на территории ДВК организовывались концессии других иностранных государств, но в экономическом плане они были малоэффективны.

14 мая 1930 г. Главконцесском СССР сообщил в СНК СССР о целесообразности прекращения действия концессионного договора с японской угольной компанией «Цукахара Кумиай» в связи с невыполнением

ею договорных условий. Указывалось, что 23 февраля 1926 г. правительством был заключен концессионный договор с фирмой «Цукахара Кумиай» на разведку и добычу каменного угля в районе реки Костиной на западном побережье острова Северного Сахалина. Согласно концессионного договора, советское правительство предоставляло концессионеру на срок до 1 ноября 1927 г. исключительное право разведки каменного угля в вышеуказанном районе. Концессионер же в свою очередь обязан был приступить к разведочным работам с начала летнего сезона 1926 г. Несмотря на то, что срок разведочного периода концессионеру впоследствии был продлен до 31 декабря 1929 г., он не приступил к разведкам в предоставленном ему по концессионному договору районе. Пленум ГKK 7 мая 1930 г. постановил: «Ввиду того, что до настоящего времени концессионер не приступил к выполнению концессионного договора, признать договор прекратившим свое действие», о чем Главконцеском вышел с представлением в СНК СССР<sup>[39]</sup>.

5 октября 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о японском «Чосен-банке», который был замешан в незаконных валютных операциях на территории СССР. Было решено поставить судебный процесс против арестованных японских валютчиков. Разрешалось привлечь к ответственности банковских сотрудников. Закрытие «Чосен банка» предлагалось провести в административном порядке<sup>[40]</sup>. 16 января 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет предъявить «Чосен банку» через Наркомфин требование об окончании его ликвидации не позже 15 марта. При этом было высказано предупреждение, что в случае просрочки этого срока ликвидация будет произведена принудительно органами Наркомфина<sup>[41]</sup>.

15 сентября 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешает НКИД заключить соглашение с Японией о *рыбной* лойле<sup>[42]</sup>. Постановлением Президиума ЦИК СССР 7 мая 1928 г. была ратифицирована советско-японская рыболовная конвенция между Союзом ССР и Японией, подписанная 23 января 1928 г. При этом НКИД поручалось совместно с НКЗемом РСФСР установить перечень тех постановлений конвенции, которые не могли бы быть введены в жизнь в текущем рыболовном сезоне и согласовать указанный перечень временных изъятий с японским правительством<sup>[43]</sup>.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 марта 1929 г. предлагало торги по вопросам рыбной ловли закончить 5 апреля. НКИД должен был дать директиву полпреду СССР в Японии А. А. Трояновскому о более твердой политике в вопросе о рыболовной конвенции.

4 апреля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривает вопрос о борьбе с нарушением японскими судами территориальных вод СССР, необходимости сокращения японской и увеличения русской рабочей силы на Дальнем Востоке и ужесточения концессионной политики в отношении Японии.

Это было связано с частым нарушением японцами правил плавания военных судов и ввиду вторжения японских судов в территориальные воды СССР. Предлагалось вести самую решительную борьбу с этим, поручив НКИД регистрировать такие факты и каждый раз энергично протестовать дипломатическим путем, а также через прессу<sup>[44]</sup>.

В 1929 г. в Японии по инициативе рыбопромышленников, добивавшихся расторжения рыболовного договора с Советским Союзом и провозглашения свободного лова в советских территориальных водах, была начата кампания в пользу

разрыва отношений с СССР. Однако японское правительство не стало обострять обстановку и не пошло на конфликт с Советской Россией.

14 июля 1931 г. заместитель наркома иностранных дел Л. М. Карахан сообщил И. В. Сталину о хищническом лове рыбы и крабов японскими судами в советских территориальных водах. Он писал, что японцы возобновили в этом году самовольный лов лосося с судов в водах СССР перед портом Усть-Камчатск. Лов производится с помощью неводов-гигантов, преграждающих фарватер, мешающих нормативному судоходству, перехватывающих рыбу, идущую к береговым участкам. Неводы мешали доступу рыбы в реку Камчатку для икрометания, что грозило уменьшением рыбных запасов вообще и уменьшением ловли на береговых участках.

С начала рыболовного сезона появились японские военные суда, которые охраняли японский краболовный и рыболовный промысел судов в пределах 12-мильной зоны СССР. В трехмильную зону японские военные суда заходить избегали, но они фактически прикрывали хищнический промысел в трехмильной полосе, поскольку мешали рыболовному надзору СССР преследовать и задерживать хищников.

По имеющимся данным, краболовные суда были также вооружены винтовками и даже пулеметами и готовы были к вооруженному отпору рыбопромысловому надзору, который был крайне малочислен и не обладал реальными средствами борьбы с хищниками.

Год назад японскому правительству предлагалось в целях устранения конфликтов заключить специальное соглашение о режиме японских рыболовных судов в 12-мильной зоне. Японцы дали в декабре формальное согласие вступить в переговоры, но фактически от этих переговоров постоянно уклонялись.



В связи с тем, что не была исключена возможность серьезных провокаций со стороны японских рыбопромышленников, коллегия НКВД считала необходимым заявить японскому послу протест против выявленных нарушений о хищническом лове японскими судами лососевой рыбы и крабов у берегов Камчатки и нарушении ими рыболовной конвенции<sup>[45]</sup>.

В проекте заявления советского правительства от 14 июля 1931 г. в частности говорилось, что японские подданные возобновили в текущем году перед Усть-Камчатским незаконный промысел, препятствуя нормальным морским сообщениям с Усть-Камчатском и даже угрожая оружием судам, приближающимся к японским сетям. Так, 10 июня японский катер «Саки», команда которого была вооружена, остановил катер «АКО», а 12 июня пароход «Свирьстрой» был остановлен таким же образом, причем ему было предложено идти определенным курсом, удлиняющим путь этого судна.

В то же время японские военные корабли и японские правительственные шхуны, принадлежащие Министерству земледелия и лесов, позволяли себе не только крейсировать в водах СССР, но и стремились осуществлять в этих водах функции административного надзора. В частности, требуя от сторожевых судов СССР совместного рассмотрения дел японцев, нарушающих законы и правила, действующие в СССР, каковые требования приняты быть не могли.

Из вышеизложенного следовал вывод, что с японской стороны не предпринималось никаких мер, способствующих предотвращению конфликта.

Заявляя протест против этих нарушений, союзное правительство снимало с себя ответственность за весь ущерб, который могли понести предприятия и граждане, занимающиеся морским и рыбным

промыслами, в результате вышеуказанных действий японских граждан и поддерживающих их японских властей. Вместе с тем союзное правительство возобновляло сделанное ранее предложение и выражало надежду на получение скорого и благоприятного ответа японского правительства<sup>[46]</sup>.

Тем не менее, хищнический лов рыбопродуктов и шпионаж с использованием рыбопромысловых судов продолжался. В октябре 1936 г. Н. И. Ежов направил Л. М. Кагановичу письмо, в котором сообщал о задержании на Дальнем Востоке пограничной охраной 22 японских судна различных типов. Часть этих судов, в отношении которых было установлено, что они зашли в воды СССР вследствие шторма, тумана, порчи моторов и т. п., были отпущены.

Суда, в отношении которых было установлено, что они занимались хищническим ловом или умышленно нарушили границу, задерживались, а их капитаны предавались суду. По решению суда на капитанов налагались денежные штрафы в размере от 100 до 300 золотых рублей.

В августе на Дальнем Востоке были задержаны 4 японских рыболовных шхуны «Футаби Мару», «Киракатэ Мару», «Синью Мара» и шхуна без названия, принадлежащая японцу Ясумуро Кентаро, с командами общей численностью в 17 человек. Шхуны были задержаны за нарушение границы и хищнический лов рыбы в водах СССР. Суд над ними был задержан в связи с арестом японцами нашего парохода «Терек».

11 и 17 сентября на Дальнем Востоке за нарушение границы и хищнический лов рыбы в нашей трехмильной зоне были задержаны шхуны «Дай Эй Мару» и «Отамейцзу Мару» с командами общей численностью в 17 человек. На шхуне «Дай Эй Мару» кроме вещественных доказательств лова (6,7 тонны

свежевыловленной рыбы) были обнаружены шпионские материалы — карты советского побережья с нанесенными на них данными о численности и дислокации частей ОКДВА и НКВД, баз подводных лодок и угольных баз.

Ежов считал необходимым:

«1. Капитанов шхун "Футаби Мару", "Киракатэ Мару", "Синью Мара" "Отамейцзу Мару" и шхуны без названия, принадлежащей японцу Ясумуро Кентаро, судить за нарушение границы и хищнический лов рыбы в наших водах.

2. Капитана шхуны "Дай Эй Мара" судить за шпионаж и хищнический лов рыбы в наших водах.

3. Судебное рассмотрение провести после того, как станет известным решение японского суда по делу задержанного японцами советского парохода "Терек".

4. Ввиду настойчивых требований японского консула о свидании с командами задержанных нами японских шхун в Посьете суд провести во Владивостоке»<sup>[47]</sup>.

Б. С. Стомоняков<sup>[48]</sup> не возражал против предложений Ежова, но просит добавить еще один пункт, поручающий ему и Ежову договориться о размерах наказания каждого из капитанов задержанных шхун. Это было связано с тем, что по полученному сообщению ТАСС японский суд приговорил капитана «Терека» к уплате штрафа в 1500 иен. Однако, прокурор опротестовывает приговор, настаивая на конфискации парохода. Для того, чтобы оказать давление на японцев, он предлагал довести до сведения японского консула во Владивостоке о предании суду капитанов всех шхун. Если высшая инстанция японского суда подтвердит приговор над «Тереком», то надо будет вынести приговор об освобождении части японских шхун без уплаты штрафа, а на остальное наложить штраф<sup>[49]</sup>. 17 октября 1936 г.

Политбюро, рассматривая вопрос о задержанных японских шхун, принимает предложения Ежова и поручает ему и Стомонякову наметить меры наказания каждого из капитанов задержанных шхун<sup>[50]</sup>.

18 сентября 1931 г. Квантунская Армия Японии начала вооруженную оккупацию северо-восточной провинции Китая — Маньчжурии. Советский Союз вынужден был начать подготовку к войне с Японией. Предпринимаются меры по укреплению границы. 6 октября 1931 г. было принято специальное решение ЦК «О партийном руководстве в отрядах погранохраны и ОГПу», где были определены меры по укреплению партийного влияния на ОГПу. 26 ноября был сделан доклад о погранохране Дальнего Востока<sup>[51]</sup>.

Полученные сведения подтверждали тревожные ожидания приближающейся войны. Так, 19 декабря 1931 г. заместитель председателя ОГПу В. А. Балицкий направил И. В. Сталину копии документов, отражающих японскую политику в отношении СССР. Так, согласно записки, составленной японским военным атташе в Москве подполковником Касахара по итогам беседы 1-го июля 1931 г. с генерал-майором Харада, командированным Генштабом в Европу с особыми заданиями, следовало, что посол Японии в СССР Хирота считал необходимым, «чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью».

В конспекте своего доклада, составленного Касахара для Харада, было отражено общее положение в Советском Союзе. По его мнению, пятилетний план

строительства социализма ляжет в основу грядущего развития Советского государства.

Он отразил следующие особенности советского государства: Система политического правления в СССР является самой настоящей абсолютистской диктатурой и поэтому правительство может бросать все финансовые и людские ресурсы на выполнение центральных моментов своей программы. Производительность в Советском Союзе низка, но вложение капиталов проводится исключительно с точки зрения развития государства. Возможность консолидации антиправительственных выступлений исключается. В дальнейшем в области внутренней политики станут вопросы о сепаратистском движении (Украина, Кавказ, Туркестан) и о разногласиях внутри партии. Эти вопросы будут гангреной советской государственности и особенно пагубную роль могут сыграть во время войны. Вооруженные силы организуются исходя из принципа самозащиты. Советский Союз питает страх перед иностранной интервенцией.

Основной целью пятилетнего плана является усиление вооруженной мощи. Вооружение Красной армии развивается в стремительных темпах. Центральное внимание сосредоточено на моторизации армии. Имеется: 500 танков. Пять мотомеханизированных соединений: 4 отд. бригады и 1 пехдивизия. Химическое вооружение Красной армии, по его словам, достойно изумления. Воздушные силы: от 1.700 до 2.000 самолетов. Ориентировочная цель — организовать 200 авиационных рот.

Военный бюджет СССР увеличился вдвое по сравнению с 1929 годом.

По мнению Касахара не «подлежит никакому сомнению, что Советский Союз в дальнейшем по мере развития экономической мощи, роста вооруженных сил

начнет переходить от принципа пассивной обороны к агрессивной политике. Рассматривая общее состояние страны, можно заключить, что в настоящее время СССР не в силах вести войну. Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы Япония приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют возможность сейчас выступить согласованно также с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом».

Подробно Касахара отразил также вопросы, требующие внимания со стороны японской армии. Резолюция Сталина: «Т. Гамарнику. Важно»<sup>[52]</sup>.

22 декабря 1931 г. секретарь Далькрайкома ВКП(б) С. А. Бергавинов направил Кагановичу копию доклада командующего японскими войсками в Маньчжурии на имя японского военного министра. Пакет был подкинут председателю Благовещенского горсовета. Каганович после прочтения переправил его Сталину<sup>[53]</sup>.

В докладе японского главнокомандующего Квантунскими войсками Хон Дзио на имя японского военного министра Минами от 3 августа 1931 года «О занятии всей Азии и о планах против Америки» поражают масштабы. Сообщалось, что в целях сохранения существования Японской Империи и укрепления положения Японии как первоклассного государства, необходимо пользуясь моментом нынешнего экономического кризиса всего мира взять Монголию и Маньчжурию в свои руки. Также необходимо взять в свои руки те районы Советского Союза, которые были интернированы в 1919-1921 гг. Японская империя только тогда будет прочна и крепка, когда все вышеуказанные районы с собственной частью Японии соединяются в одно целое.

«Для предотвращения проникновения американского влияния на Восток, прежде всего нужно обеспечить оборону страны с суши и достигнуть самостоятельности материального положения. Вследствие этого, до войны с Северной Америкой империя во что бы то ни стало должна получить преимущественное положение в Китае и СССР. Для этого необходимо парализовать Китай и СССР навсегда. Если это невозможно, по крайней мере нужно, чтобы в сравнительно короткий период времени они не имели возможности принять по отношению к нам какие-либо наступательные действия или быть сильными государствами. Таким образом, наша империя сможет опереться на неограниченные богатства новой оккупированной территории и использовать их для укрепления обороны страны на суше и на морях с таким расчетом, чтобы вытеснить САСШ за остров Савайи на восток. После этого управление филиппинскими островами, безусловно, останется за империей, и Япония явится на западном Тихом океане единственным хозяином. Тогда никто не посмеет оспаривать нашу гегемонию в указанной части океана. Без Северной Америки английские Сингапур и Гонг-Конг перестанут быть грозными для нас, и мы в скором времени своими морскими силами сумеем справиться с ними. Тогда Китайское южное море тоже перейдет к нам, и Китай, оказавшийся в нашем окружении, никак не сможет нам противостоять. Таким образом, план объединения Европы нетрудно будет осуществить».

Далее излагался план осуществления этого <sup>[54]</sup>.

Делается вывод, что исходя из такого положения, можно будет выступить за завоевание всей территории Китая, всей Азии, всей Европы вместе с Африкой, составляющих восточную половину земного шара и разделить последний с Северной Америкой <sup>[55]</sup>.



С захватом Маньчжурии Япония реализовала планы по созданию военного плацдарма для осуществления своих агрессивных намерений в отношении Советского Союза. Японский Генеральный штаб и штаб Квантунской армии с конца 1931 г. приступили к широкому мероприятиям по строительству в Маньчжурии военных сооружений, созданию складов продовольствия, амуниции и боеприпасов. Одновременно к границам Советского Союза и Монгольской Народной республики прокладывались стратегические железные и шоссейные дороги.

На территорию Маньчжурии с островов перебрасывались дополнительные воинские части, которые в основном сосредоточивались на границе с СССР. Для обеспечения этих войск вооружением и боеприпасами на захваченной территории началось активное строительство новых военных предприятий. В Мукдене был построен танковый завод, завод по производству боеприпасов и фабрика военной амуниции. В Корее в городах Дзиосен и Хойд-зио — оружейные заводы.

По всей видимости, Сталин считал проблемы, касающиеся так или иначе Японии и региона Дальнего Востока, весьма важными, так как лично контролировал всю информацию. Об этом свидетельствует заметка редактора газеты «Известия» И. М. Тройского В. В. Куйбышеву, которому поручили готовить план второй пятилетки: «Международная часть хороша. Замечаний у меня нет никаких. Думаю, что ее следовало бы показать т. Сталину, т. к. все, что касается Японии и Дальне-Восточных дел, проходит через него»<sup>[56]</sup>.

28 февраля 1932 г. заместитель председателя ОГПУ В. А. Балицкий направил И. В. Сталину «соображения» военного атташе Японии Касахара, где тот писал, что СССР в последние годы проводит неуклонное



увеличение своих вооруженных сил. Красная Армия превосходит японскую по организации и степени вооружения. По его мнению, вооружение СССР в дальнейшем будет развиваться еще более стремительными темпами. Красная армия по части оснащения и обучения достигла требуемого уровня и превосходит армии блока Польши, Румынии и прибалтийских государств. Однако экономическая мощь СССР, военная промышленность и единство нации еще не достигли требуемой степени.

Военный атташе считал, что СССР развернет свои мощные крылья и, опираясь на свою колоссальную вооруженную силу, начнет развертывать активную политику по политической, экономической и идеологической линиям. «Разумеется, Советский Союз тогда поставит проблему независимости Кореи и приступит к полному изгнанию всех японских концессионеров по рыболовной, нефтяной, лесной и угольной части с советской территории. Сомневаться в этом не приходится, тем более что уже сейчас мы видим начало этой политики».

Западные государства знают, что в отдельности выступить против СССР рискованно. Если начнется война между СССР и Японией, западные соседи СССР — Польша, Румыния и лимитрофы — вступят в войну не сразу, они присоединятся к Японии, улучив благоприятный момент. Франция не пожалеет усилий для активной поддержки этих государств. Остальные государства займут позицию благожелательную в отношении Японии.

Касахара считал, что, если японская империя намерена существовать в качестве Великой Японии, ей нельзя будет избежать войны с СССР и полагал, что имперское правительство должно проводить свою политику с расчетом как можно быстрее начать войну с СССР. Исходя из условий Империи, войну необходимо

было провести в стремительном темпе, добиваясь быстрой развязки, осуществив продвижение до Байкальского озера. Что же касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому времени, и особенно в зависимости от состояния государств, которые выступят с Запада.

Военный атташе предлагал вести стратегическую пропаганду. «В связи с этими задачами наши разведывательные органы нужно дислоцировать не только с целью собирания сведений об СССР, но и под углом зрения проведения политических комбинаций против СССР. С этой точки зрения остро ощущается необходимость учреждения наших военных органов в Румынии. В смысле собирания информации об СССР Румыния не представляет особой ценности для нас, но с точки зрения проведения комбинаций она имеет громадное значение, так как в случае японо-советской войны Румыния вместе с Польшей будет сковывать акции Красной армии против нас. Исходя из наших военно-оперативных планов против СССР, нам нужно хорошо знать ситуацию в этой стране и иметь правильное представление о румынской армии».

Сталин направил документ членам Политбюро «Из рук в руки. (Каждому отдельно.) С обязательством вернуть в ПБ»<sup>[57]</sup>.

Политбюро принимает решение по укреплению кадрового состава Дальнего Востока. Еще до маньчжурских событий для укрепления безопасности советских дальневосточных границ, освоения целинных и залежных земель, обеспечения населения Дальнего Востока и армии продовольствием, значительного сокращения ввоза хлеба и мяса из Сибири на Дальний Восток и развития экономики ДВК были созданы Особые красноармейские колхозы. В 1932 г. было переселено в

Дальне-Восточный край 18 тысяч семей. 16 марта постановлением ЦК ВКП(б) было утверждено формирование Особого Колхозного Корпуса на территории ОКДВА общей численностью до 60 тысяч человек.

В этом процессе принимали участие и органы безопасности. Так, ОГПУ было поручено, под личную ответственность его руководителя Менжинского В. Р., обеспечить переброску с февраля по июль 1933 г. на площадку строительства Даль-промстроя 10.000 спецпереселенцев рабочих (без учета семей)<sup>[58]</sup>.

10 мая 1934 г. заместитель председателя ОГПУ Ягода за № 115575 направил Сталину добытую агентурным путем докладную записку японского военного атташе в Стамбуле подполковника Канда по вопросу о политике стратегических мероприятий против СССР. Эта записка была послана в начале апреля из Стамбула в Токио на имя начальника Генерального Штаба Японии принца Котохито во исполнение директивы последнего о представлении к концу апреля соображений по вопросу о политико-стратегических мероприятиях против СССР в мирное и военное время<sup>[59]</sup>. Данный документ представляет большой интерес, в связи с чем приводятся полностью.

«Перевод с японского.

21 марта 1934 года.

Чрезвычайно секретно.

ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С  
ПОЛИТИКОСТРАТЕГИЧЕСКИМИ МЕРОПРИЯТИЯМИ.

Рассылается:

1) В Генеральный Штаб Японии, г-ну Ямаваки.  
(н/примечание: Новый военный атташе в Польше).

От японского военного атташе при японском посольстве в Турции Канда Масатанэ.

I.

## ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИЙ И СВЯЗИ.

1) Кавказско (Грузия, Азербайджан, Северный Кавказ) — Украинско-Туркестанский блок (печатный орган "Прометей"). Организация и линии связи этого блока указаны в прилагаемой схеме.

### ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ФИГУРЫ БЛОКА.

1. Украинская группа: — Президент — Андрей Левитский (Париж-Варшава); премьер-министр Прокопович (Париж); Мининдел Шульгин (Париж); министр юстиции Зарский (Варшава).

Наиболее энергичную деятельность в этой группе может развить Шульгин.

2. Азербайджанская группа — Лидер Мемед Эмин-Бей (Варшава), Миль-Якуп (Париж).

3. Грузинская группа: — Лидер Ной Жорданья (Париж).

4. Северо-кавказская группа: — Лидеры: Мамед Гирей (Варшава), Шакман (Париж), Ибрагим Чурик (Париж).

По военной линии — Хурше (Варшава) (полковник польской армии).

### ЛИЦА, С КОТОРЫМИ МОЖНО ДЕРЖАТЬ СВЯЗЬ В СТАМБУЛЕ:

1. Представитель украинской группы в Стамбуле — Мурский (журналист); может работать главным образом по линии печати. Способности его в практической работе сомнительные. Честен.

2. Представитель Азербайджанской группы в Стамбуле — Мустафа (быв. министр Внутренних дел Азербайджанского правительства, кандидат юридических наук, способности в практической работе сомнительны).

3. Представитель грузинск. группы в Стамбуле Шалва (католический священник; способности в практической работе сомнительны).

4. Представитель северо-кавказск. группы в Стамбуле — Муса (Парков) офицер Генштаба царского правительства; обладает достаточными возможностями в практической работе).

5. Туркестанская группа: — лидер Осман (хотя он и лидер, но представляет собой всего-навсего добродушную фигуру, не активен).

Этот блок все время находился под руководством польского военного командования. Он производит впечатление, что храбр только на словах и в прессе, но утратил решимость по части преодоления реальных трудностей.

## II.

Помимо этого блока в Стамбуле можно держать связь со следующими лицами: —

1). По Азербайджанок, линии — Султанов (полагая целесообразным заставить его действовать в будущем, главным образом, в Персии, мы послали его туда (в поездку) — он был министром юстиции при Азербайджанском правительстве, в прошлом имел связь с польским военным командованием, но ныне эту связь прервал. Представитель знатного рода в Азербайджане. На персидской территории близ советско-персидской границы имеет родственников и бывших подчиненных.

Полагаем, что он обладает достаточными возможностями в практической деятельности. Имеет другое имя: доктор Порат.

2) По Северо-кавказской линии: — Шамиль. (Имея в виду поручить ему проведение антисоветской пропаганды среди всех мусульман в будущем, я дал ему приказ составить план данной работы).

Он является внуком знаменитого Шамиля, боровшегося против царской России за независимость Кавказа.

Нынешний Шамиль принимал участие в антибольшевистском движении на северном Кавказе.

До сих пор находился в составе блока, но после этого вышел оттуда, полагая, что Польша, руководя блоком, преследовала только свои интересы. В настоящий момент, главным образом, работает по линии мусульман в качестве члена Исполнительного Комитета Иерусалимского мусульманского конгресса. Немножко легкомыслен, но обладает способностями к практической работе. Его следует использовать по мусульманскому движению.

3) По линии Крымских татар: — Джафер Саид Амед. Представитель Крымских татар. Если будет выдвинут лозунг присоединения Крыма к Украине, то эту организацию нельзя будет использовать.

Ввиду того, что в настоящий момент приходится в центре ставить использование украинской группы, с ним поддерживается слабый контакт. Но я имею в виду в случае возможности использовать его по линии мероприятий против Черноморского флота.

### III.

Моменты, на которые нужно обратить внимание при использовании Азербайджанской группы:

1) В Персии имеется около 4 миллионов, входящих в состав Азербайджанской народности (они не могут рассматриваться, как чистые азербайджанцы, но как родственные юг). Они населяют северо-запад Персии и советско-персидскую погранполосу. Чистых азербайджанцев, бежавших из сов. территории в Персию, 5 тысяч человек, а в Турцию — 3 тыс. В Советский Азербайджан продвигаться легче со стороны Персии, чем со стороны Турции.

2) Из азербайджанцев в настоящий момент служат в иностранных армиях следующие количество лиц: — в турецкой армии около 20 офицеров в чине ниже поручика. В персидской — 1 полковник и около 30 офицеров в чине подпоручика и поручика.

В Польше два полковника (находятся в Варшаве) и еще 3 офицера.

3) Предположительное количество вооруженной группы, которую можно будет тайно перебросить с персидской границы в советский Азербайджан, около 1.000 человек.

4) Момент, на который нужно обратить внимание при использовании грузинской группы.

Основной силой этой группы является грузинское правительство, имеющее базой Париж.

Учитывая демократическую идеологию, христианское вероисповедание и отличие их в этническом отношении от Персии и Турции, ценность их использования в практической работе, при создании базы в Турции или в Персии, по-видимому не особенно велика.

Но учитывая то, что среди грузин имеются солидные лица, которые могут, вступив в турецкое гражданство, развернуть деятельность в политической и военной области, можно будет их до известной степени использовать по линии мероприятий в отношении Турции.

#### IV.

Моменты, на которые нужно обратить внимание при использовании северо-кавказской группы:

А) При детальном рассмотрении северо-кавказцы разделяются на большое количество племен, но в общем они состоят из горцев с основным ядром из дагестанцев. Они являются наиболее воинственными и поэтому их нельзя не принять во внимание по линии политико-стратегических мероприятий, ставящих цепью путем поднятия волнений на Северном Кавказе связать действия советских войск и дезорганизовать нефтяные районы.

Б) Из северо-кавказских горцев в Персии находятся около миллиона человек, которые прибыв около 80 лет

тому назад в Турцию, перешли в турецкое подданство. Из этих натурализовавшихся горцев имеется около 200 офицеров, в том числе: товарищ военного министра и два командира корпуса.

Жена нынешнего начальника генерального штаба Турции маршала Февзи, родом из Северного Кавказа.

Реджан-Бей, который играет серьезную роль в политическом мире, в качестве председателя центрального комитета Народной партии, был ранее офицером турецкого генерального штаба. Родом он из Северного Кавказа.

В) Из северо-кавказцев в нынешнюю Сирию переселилось около 5.000 человек. Они, прибыв около 80 лет тому назад из Кавказа в Турцию, были в эпоху султанского правительства расселены, как казаки в качестве заслона против арабских племен. Французы из этих северо-кавказцев организовали воинские части и употребляют их для поддержания порядка.

Организация этих войск: — 4 кав. полка. В каждом полку 3 эскадрона, в каждом эскадроне по 100 человек.

В составе офицеров ниже командиров эскадронов состоят северо-кавказцы.

Северо-кавказцы в общем поддерживают дружественные отношения с курдскими племенами, населяющими турецкую границу и поэтому можно считать вполне возможным наступление этих северо-кавказцев через курдские районы на советскую территорию.

Г) В польской армии северокавказских офицеров — 7 человек.

Д) В районе Советско-турецкой границы из северо-кавказцев, находящихся в Турции, можно организовать вооруженные части предположительно в количестве 1.000 человек.

V.



Взаимоотношения между сепаратистскими организациями и турецкой администрацией.

Примерно до 1926 г. эти организации могли развивать сравнительно свободно свою работу. Но по мере укрепления турецко-советских взаимоотношений и распространения влияния советского полпреда Сурина, сепаратистские организации стали испытывать нажим со стороны турков, антисоветская пропаганда была совершенно запрещена и наиболее активные элементы были высланы из Турции.

В настоящий момент эти организации не могут ничего делать и выжидают удобного момента.

Одна только азербайджанская группа в силу этнического родства имеет возможность поддерживать между собой связь, но все же эта связь недостаточно крепка. Азербайджанцы недостаточно прилагают стараний.

Связь сепаратистских организаций с единомышленниками на сов. территории.

Эта связь сводится, к получению общей информации о внутреннем положении в Советском Союзе от беженцев. В настоящий момент ни одна организация не имеет связи с кем-либо внутри Советского Союза.

В данный момент наибольшие шансы на возможность установления таких связей имеются у азербайджанской группы, которая может установить ее через советско-персидскую границу.

#### ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТУРЕЦКИХ МУСУЛЬМАН

1) Пока нынешнее турецкое правительство будет придерживаться курса запрещения религиозных движений, использование мусульман в Турции будет невозможно.

2) Поэтому если даже база для использования мусульман будет находиться в Турции, все же придется

ареной практической деятельности мусульман избрать какое-либо другое мусульманское государство.

3) Если использовать в качестве центральной фигуры мусульманского движения лиц, связанных с турецким султаном, то это вызовет противодействие со стороны нынешнего короля Египта, мечтающего о звании калифа, и со стороны арабского короля. Это монет отразиться на использовании Египта и Аравии. Из других турков все, кто известны среди магометан, находятся сейчас в весьма тяжелом положении.

Разумеется, если в других государствах разовьется мусульманское движение, население Турции откликнется на это.

4) Ранее в донесении за № 1 я изложил свое мнение о том, что нам необходимо использовать мусульманские государства по линии антисоветских мероприятий. При антирелигиозной и советофильской политике нынешнего турецкого правительства, установление базы в Турции для использования мусульман представляется нецелесообразным. Все видные мусульманские деятели заявляют о том, что проведение мусульманского движения, имея в центре турецких мусульман, весьма затруднительно.

Поэтому это движение не должно ограничиваться только странами, прилегающими к Советскому Союзу. Необходимо строить план с таким расчетом, чтобы развить деятельность на Марокко, Египет, Аравию, Индию и Яву с тем, чтобы поднять общее мусульманское движение в пользу спасения мусульман Советского Союза.

Опорной базой этого движения, учитывая вышеуказанные условия, должен быть Египет. По этому вопросу я представляю объяснения и доклад по возвращении в Японию.

ВОПРОСЫ, КАСАЮЩИЕСЯ ОТНОШЕНИЙ  
УСТАНОВЛЕНИЯ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ С

## ТУРЕЦКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

1) Если посмотреть на внешнюю политику Турции в настоящий момент, то мы увидим, что из близких держав наиболее дружественные отношения с Турцией имеет СССР, затем стоит Франция, а после нее Америка. Взаимно отношения Турции с Италией все более и более ухудшаются, а с Англией почти, что не прощупывается политической связи, Польша постепенно устанавливает дружественные отношения с Турцией.

Учитывая эту атмосферу, установление дружественных отношений с Турцией для Японии представляется сравнительно трудным делом. Особенно нужно учесть, что нынешнее дипломатическое ведомство Турции избегает того, чтобы Турцию, как азиатское государство, заподозрили бы в поддержании особых взаимоотношений с Японией.

Примерами политики Турции в отношении Японии может служить то, что Турция предложила восточнотуркестанскому независимому правительству установить дружеские отношения с СССР и то, что в ответ на извещение об установлении Империи в Маньчжоу-Го, Турция ответила, что она будет действовать согласно резолюции Лиги Наций; также характерен ответ турецкого мининдела на слова нашего посла о том, что Турция после ухода Японии из Лиги Наций, должна поднять свой престиж в качестве представителя Азии. Турецкий мининдел ответил, что Турция будет действовать не как представитель Азии, а как одно из балканских государств.

2) Следует учесть то, что в то время, как наши дипломатические чиновники, посылаемые в Турцию, всегда совмещали должность членов комиссии Лиги Наций или делегатов на конференции по разоружению, т. е. основная миссия их шла по линии других государств, советский полпред в Турции находится беспрерывно в течение 10 с лишним лет в Турции,

установив исключительно близкие отношения с премьер-министром и мининделом Турции.

Вполне понятно, что наши дипломаты, как бы они не были способны, не могут при указанных условиях конкурировать с советскими.

3) Если рассмотреть экономические взаимоотношения, то разумеется понятно, что бедная Турция должна приветствовать то государство, которое часто приобретает продукцию Турции, СССР вне зависимости от того, ощущается ли в этом необходимость, закупает турецкую продукцию. Америка закупает, главным образом фрукты и прочие земледельческие продукты.

Ввиду того, что Америка закупает большое количество продуктов, американо-турецкие взаимоотношения все больше и больше улучшаются. Франция является с эпохи султаната кредитором Турции и имеет возможность оказать давление на Турцию путем требования уплаты долгов, Италия в свое время на весьма благоприятных условиях представила Турции 6 контрминоносцев. Стоит вопрос о представлении Турции займа на 30 милл. лир.

СССР в позапрошлом году предоставил Турции заем на 8 милл. америк. долларов, а в январе 1934 года повторил заем на ту же сумму. Условия займа крайне благоприятны, т. к. он будет выплачен в течение 20 лет путем закупки турецкой продукции.

Как бы Япония не предлагала своих товаров Турции, пользуясь низким вексельным курсом, все же экономические взаимоотношения с Турцией весьма однобоки вследствие того, что японские коммерсанты в весьма ничтожном количестве покупают, турецкую продукцию.

В конце концов это приведет к тому, что будет запрещен ввоз японских товаров. Сейчас фактически торговля с Турцией приостановлена.

В настоящий момент мы прилагаем усилия к тому, чтобы заключить новый торговый договор и вероятно это положение будет смягчено тем, что наша империя пойдет на закупку турецких товаров. Но все же усилия нашей Империи в сравнении с другими державами ничтожны.

4) Что касается турецких взаимоотношений по линии военного командования, то турки великолепно знают доброжелательное отношение нашего командования, армии и флота в отношении Турции.

Кроме того, турки знают, что самым страшным врагом Турции является СССР, и исходя из этого признают необходимость установления дружественных отношений с Японией и необходимость поддержания близких отношений между военными командованиями обеих стран.

Несмотря на финансовые затруднения, Турция в свое время послала в Японию своих офицеров флота и армии, а ныне готовится к назначению помощника военного атташе.

Маршал Февзи — нач. генерального штаба, является центральной фигурой в нынешнем правительстве наряду с Исметом, но Февзи совершенно не вмешивается в политику, чтобы обеспечить себя от опасностей. Он является главой Советофобов и все более и более ощущает необходимость враждебного отношения к Советскому Союзу. Но в настоящий момент, когда существует атмосфера советско-турецкого сближения, проведение попыток улучшить японско-турецкие взаимоотношения через Февзи может роковым образом отозваться на его личном положении.

5) Исходя из вышесказанного нынешнее положение весьма неблагоприятно для стимулирования японо-турецких дружественных отношений.

Однако следует учесть, что Кемаль является комбинатором и далеко не глупым человеком.

Использование им Советского Союза в данный момент объясняется желанием компенсировать недостаточную мощь Турции, но в будущем, когда Советский Союз обнаружит свои настоящие намерения, Кемаль непременно выступит против него.

Если после начала японо-советской войны наша Империя сразу же одержит победу, отношения Турции и СССР подвергнутся изменению и поэтому нам нет необходимости высказывать пессимизм, основываясь на рассмотрении нынешней обстановки. Нам нужно ждать хладнокровно и спокойно благоприятного момента. Наше военное командование должно все время держать курс на то, чтобы неуклонно развивать дружеский контакт с турецким военным командованием. Наряду с этим необходимо послать в Турцию способных дипломатов, которые по меньшей мере могли бы развивать деятельность наравне с дипломатами держав. По линии же экономической нам нужно учитывая пожелание Турции как можно больше закупать ее продукцию, в частности хлопок, шерсть и табак.

6) Учитывая нынешние условия, в частности советско-турецкие взаимоотношения, нам нужно перенести базу в Египет, т. к. проведение политико-стратегических мероприятий против СССР с базой в Турции может встретить препятствия со стороны СССР. Наш орган в Египте должен наряду с мероприятиями против СССР, вести работу вообще по линии мусульман»<sup>[60]</sup>. Как говорится «комментарии здесь излишни».

Японское военное руководство в Манчжурии встало на путь постепенного наращивания провокаций. В 1936–1938 гг. на маньчжуро-советской границе был зарегистрирован 231 инцидент, в том числе 35 крупных боевых столкновений.

30 января 1936 года на участке Гродековского пограничного отряда две роты японо-маньчжур углубились на полтора километра вглубь советской территории в районе пади Мещеряковской, однако были выбиты обратно. В ходе боя, по советским данным, противник потерял 31 человека убитыми, с нашей стороны погибли четверо пограничников.

24 ноября 1936 г. на том же участке границу нарушил японский коннопеший отряд численностью около 60 человек. После схватки с пограничниками японцы были отброшены, потеряв 18 человек убитыми и 7 ранеными<sup>[61]</sup>.

Генеральным штабом, с учетом данных разведки, вновь был уточнен план «Оцу». На 1938–1939 гг. намечалась концентрация основных сил в Маньчжурии. На первом этапе планировавшихся боевых действий против СССР предусматривалось захватить города: Никольск-Уссурийский, Владивосток, Иман, а затем Хабаровск, Благовещенск, Куйбышевку-Восточную. При этом одновременно было запланировано вторжение в Монгольскую народную республику.

С учетом складывающейся обстановки Сталиным принимается решение об усилении обороноспособности Дальневосточного края. С этого времени начинается чехарда назначений и переназначений в партийных и силовых блоках ДВК.

В январе 1937 г. первый секретарь Далькрайкома ВКП(б) Л. И. Лаврентьев из-за излишнего либерализма был снят и заменен более «жестким» партийным руководителем И. М. Варейкисом, который по приезде потребовал от начальника УНКВД ДВК Т. Д. Дерибаса немедленного разоблачения краевого «правотроцкистского подполья».

Командующим Особой дальневосточной армии в то время был широко известный маршал Блюхер.

8 мая 1937 г. Политбюро принимает решение для усиления чекистской работы на Дальнем Востоке перевести В. А. Балицкого с должности наркома внутренних дел УССР на должность начальника УНКВД Дальневосточного края. При этом ему подчинялась посланная ранее туда решением ЦК В КП (б) группа чекистов во главе с Мироновым.

Дерибас, возглавлявший до этого УНКВД ДВК, отзывался в распоряжение НКВД СССР. Вопрос о его дальнейшем использовании должен был решиться по его приезду в Москву<sup>[62]</sup>.

Однако, 19 июня снимают Балицкого, 7 июля его арестовывают, а затем приговаривают к расстрелу. Немного позже 31 июля 1937 г. начальником УНКВД Дальневосточного края был назначен Г. С. Люшков, хорошо зарекомендовавший себя на прошлой работе. Дела по НКВД ДВК он принимает у Дерибаса.

Его назначение на Дальний Восток было не случайно. Сталин не доверял Блюхеру. Ему нужен был человек, который бы «присматривал» за маршалом.

По-видимому, была еще одна причина этого перевода. Работая в Азово-Черноморском крае, Люшков собирал информацию на И. М. Варейкиса (см. гл. «Бегство во спасение»). При переводе его на ДВК, он не мог не продолжать этого делать. Сталин это так же понимал. Он нуждался в объективной информации. Таким образом Люшков вынужден был «присматривать» не только за Блюхером, но и за первым секретарем Далькрайкома ВКП(б).

В это время начинаются операции по массовым репрессиям. Согласно оперативного приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. было принято решение о репрессировании бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов. Операцию решили начать по всем областям Союза 5 августа 1937 г. В ДВК — с 15



августа 1937 г. Всю операцию предполагалось закончить в четырехмесячный срок, а в ДВК — не позднее 1 апреля 1938 г.

При организации и проведении операций всех репресслируемых антисоветских элементов разбили на две категории. К первой категории относились наиболее враждебные элементы. Они подлежали немедленному аресту и после рассмотрения их дел на «тройках» — расстрелу. Ко второй категории относились менее активные враждебные элементы. Они подлежали аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них — заключению на те же сроки в тюрьмы.

В первую очередь репрессиям подвергался контингент, отнесенный к первой категории. Следствие требовалось проводить ускоренно и в упрощенном порядке с обязательным выявлением преступных связей арестованных. По окончании следствия дело направлялось на рассмотрение «тройки». По Дальневосточному краю выделялся лимит по первой категории 2.000 чел., по второй 4.000 чел. Утвержденные цифры являлись ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имели права самостоятельно их превышать. В случаях, когда обстановка требовала увеличения утвержденных цифр, они обязаны были представлять соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории — во вторую категорию и, наоборот — разрешалось.

«Тройки» вели протоколы своих заседаний, в которых записывали вынесенные ими приговоры в отношении каждого осужденного. Протоколы заседания «троек» направлялись начальникам оперативной группы для приведения приговоров в исполнение.

Общее руководство по проведению операций возлагалось на заместителя наркома НКВД СССР М. П. Фриновского. В Дальневосточном крае председателем «тройки» был назначен Люшков, а членами — Птуха и Федин<sup>[63]</sup>.

20 августа 1937 г. Сталин, видимо устав ждать от секретаря Далькрайкома Варейкиса сообщений об обстановке в крае, сам направил ему в Хабаровск шифртелеграмму. Он недоумевал «По сведениям ЦК в вашем крае идут аресты по линии парторганизаций. Нельзя ли узнать, кто именно арестован, кем думаете заменить арестованных и каково вообще ваше отношение к арестам. Не кажется ли вам странным ваше молчание»<sup>[64]</sup>.

На следующий день, 21 августа Варейкис поспешил дать объяснение. По его мнению, все, что происходило до последнего пленума ЦК по линии трестов, чистки края и парторганизации от врагов он докладывал ЦК на пленуме и во время пленума. При этом признан, что за время после июньского пленума не информировал ЦК и обязался впредь все регулярно сообщать.

Варейкис признал свое прямое и непосредственное отношение к арестам, которые проходили только после санкции крайкома и его лично. Из руководящих работников были арестованы следующие:

«Наговицын — секретарь Комсомольского городского комитета партии. Вместо него выдвинули члена крайкома Вилинова;

Шангин — секретарь Завытинского райкома партии Амурской области. Вместо него выдвинули Оксенгорна;

Петров — председатель Приморского облисполкома. Исполняющим обязанности председателя Приморского облисполкома выдвинут Данилов, ранее работавший секретарем Кагановичевского райкома;

Черник — крайпрокурор, снятый ЦК ВКП(б) и Вышинским по предложению крайкома;

Чеманов — начальник КрайЗУ арестован по связям со Свердловской правой контрреволюционной организацией и Дальневосточной. Вместо него выдвинули Назаренко, агроном по специальности, до этого работавший зав. Сельхозотделом Уссурийского обкома;

Ир — начальник КрайУНХу. Вместо него выдвинут Первухин, работавший в Приморье, затем заместителем Край-УНХУ;

Залкиндер — управляющий краевой конторой Госбанка. Вместо него выдвинули Доброва — работника крайкома ВКП(б), окончившего финансовый институт и аспирантуру. С Кругликовым вопрос согласован;

Василевич — зав. Сельхозотделом крайкома ВКП(б) арестован по белорусским связям и ДВК. Вместо него ЦК командирован работник Сельхозотдела ЦК Семенихин;

Чугунов — редактор китайской газеты «Рабочий путь», вместо него утвержден Мартынов.

Кроме того, отстранены от работы, ныне арестованы следующие:

Родин — секретарь Ивановского райкома партии, вместо него выдвинут Скотников.

Шерстнев — секретарь Кировского райкома партии, вместо него выдвинут Умничкин;

Гуськов — секретарь Нанайского райкома партии, вместо него выдвинули Лисненко;

Гуревич — секретарь Бикинского райкома партии;

Точмин — секретарь Пенжинского райкома партии Камчатской области, вместо него крайком послал Пикова;

Новлянский — уполномоченный Наркомпищепрома, вместо него выдвинут работник крайкома Федоров;

Свят с работы секретарь Далькрайкома комсомола Чернявский, вместо него прислан из ЦК ВЛКСМ Аман;

Касименко — зав. Школьным отделом крайкома ВКП(б), вместо него утвержден Беляев».

Варейкис информировал, что в связи с арестом Дерибаса, Западного и начальника УНКВД Приморья Визеля, Амурской области Давыдова, начальника Особого отдела ОКДВА Барминского выяснилось, что органы НКВД покрывали участников контрреволюционного японо-троцкистского фашистского заговора, часть которых еще якобы осталась в составе руководящих работников<sup>[65]</sup>.

В своем следующем письме Варейкис подробно информировал Сталина о положении в Дальневосточном крае. По его словам, положение было плохо с партийным и советским руководством, особенно по войсковому строительству. Сослался на то, что бывший секретарь Лаврентьев все запустил.

«Враги тормозили укрепление ДВК. После февральского Пленума был вскрыт краевой троцкистско-правый японский шпионский центр, в который входили: Лаврентьев, Крутов, Дерибас, Лейберг (член бюро крайкома, бывший начальник Дальневосточной дороги), Сангурский (заместитель командующего ОКДВА), Аронштам (нач. ПуаРМа ОКДВА), Гербек (шпион, агент двух контрразведок — немецкий и японский). На ДВК работал четыре года уполномоченным Наркомлеса».

После приезда нового начальника УНКВД Люшкова выяснилось, что в заговоре активную роль играл бывший начальник НКВД Дерибас и его первый заместитель Западный. Второй заместитель Барминский (он же начальник особого сектора ОКДВА) оказался японским шпионом. Были арестованы как японские шпионы и участники заговора: Бизиль —

начальник НКВД во Владивостоке, Давыдов — начальник НКВД Амурской области (г. Благовещенск) и большая группа других чекистов.

Они всячески тормозили разоблачение заговорщиков, прятали материалы, искажали протоколы следствия и допросы. Показаниями Крутова, Дерибаса и других были разоблачены как участники заговора — Слинкин секретарь Хабаровского обкома ВКП(б) — старый Дальневосточник, партизан, находившийся в тесной связи с Гамарником, Аронштамом и другими; секретарь Уссурийского обкома Овчинников, связанный с военными заговорщиками по Приморской группе войск и с Лаврентьевым; Васильев — секретарь Нижне-Амурского обкома, до этого работавший секретарем Куйбышевского райкома Амурской области, и др.

Барейкис признался, что выдвигать новых людей очень трудно т. к. партийные руководители и он сам еще плохо знают людей. Осторожность эта оправдывается тем, что в составе секретарей райкомов, председателей райисполкомов и других городских и районных работников немало есть еще прямых ставленников Лаврентьева и Крутова.

Неблагополучно обстояло дело и в комсомоле. Секретарь крайкома комсомола Листовский работал на ДВК пять лет, характеризовался разложившимся человеком, троцкистом, японским шпионом. В 1926 г. его отозвал ЦК ВЛКСМ, прислали Чернявского с Северного Кавказа, оказалось, что он проходит в группе правых, в компании с Пивоваровым на Северном Кавказе. Его сняли. Распустили бюро крайкома ВЛКСМ. Политическое, бытовое, моральное разложение в среде руководящего состава работников комсомола поощрял Лаврентьев, он спаивал секретарей крайкома комсомола, таскал их по банкетам, которые здесь чудовищно процветали.

В настоящее время секретарем крайкома ВЛКСМ избран Аман, присланный ЦК ВЛКСМ. Дела в комсомоле пошли значительно лучше.

Была вскрыта троцкистско-правая вредительская организация на железных дорогах ДВК. Выяснилось, что на всех крупных железнодорожных узлах, станциях и депо были расставлены японские шпионы, агенты, резиденты. За это время основательно почистили железные дороги. Свыше 500 шпионов было расстреляно, после чего железные дороги стали работать значительно лучше. Очистку железных дорог продолжаем.

Барейкис попросил ЦК, хотя бы за счет других дорог Советского Союза, отгрузить требуемое оборудование для скорейшего полного окончания оборудования вторых путей Дальневосточной и Амурской железных дорог, чтобы пустить по ним движение.

Особого внимания, по мнению Варейкиса, требовали Камчатка и Сахалин. Камчатка имеет огромное значение в рыбном хозяйстве, а Сахалин по углю, нефти и лесу. В военном отношении Камчатка и Сахалин фактически не защищены. В связи с этим состояние партийных и советских кадров здесь приобретает исключительное значение.

После разоблачения работавшего на Камчатке в АКО Адамовича была проведена чистка рыбных организаций. Дела пошли лучше. Годовой план лова рыбы выполнен.

На Сахалине в некоторых районах, примыкающих к японской концессии, трудно установить, кто является хозяином — мы или японцы. Выпи вскрыты японо-троцкистские резидентуры, расставленные врагами в нефтяной и в угольной промышленности, в рыбных, советских и партийных организациях. В крае взят курс на строгий контроль над выполнением концессионных договоров, заключенных с японцами.

Варейкис предлагал построить железную дорогу, чтобы использовать этот богатейший район высокого качества угля, хорошей нефти и леса.

Сообщил, что с большим трудом поднимается угольная промышленность<sup>[66]</sup>.

Варейкис предполагал покончить с отставанием сельского хозяйства<sup>[67]</sup>.

Положение в О КД В А, Тихоокеанском флоте и войсках пограничной охраны. После вскрытия военного заговора главное внимание было сосредоточено на чистке командного состава и замене скомпрометированных командиров и политработников людьми новыми, преимущественно в порядке выдвижения молодых командиров. Проптеедптие полевые тактические учения показали, что настроение бойцов и командиров хорошее, боевое. Но серьезно отстает военная подготовка, даже командиры слабо знают полевой устав. Медленнее происходит обновление состава политических работников, выдвижение и назначение комиссаров. Значительно слабее развернулась работа в Тихоокеанском флоте. Военный Совет Тихоокеанского флота развернул политическую работу по выкорчевке шпионов, троцкистов и буха-ринцев.

Варейкис считал необходимым поставить вопрос относительно режима, который применялся во Владивостоке. Нужен военный или полувоенный режим, а порт Владивосток должен быть объявлен военным, с правом захода коммерческих пароходов.

В пограничных войсках вскрыли гнезда японотроцкистских фашистских заговорщиков. Оказалось, что заговор в ОКДВА непосредственно связан с пограничными войсками. Во многих случаях граница была фактически открыта и некоторые пограничники промышляли контрабандой.

Резко отставало войсковое строительство. Директиву ЦК ВКП(б) выполнить не смогли<sup>[68]</sup>. Вредительство в крае, по мнению Варейкиса, было направлено, главным образом, на срыв войскового строительства<sup>[69]</sup>.

В связи с событиями в Китае больше внимания уделено помощи армии и флоту, работе по проверке мобилизационных планов и подготовке края к обороне<sup>[70]</sup>.

17 сентября 1937 г. Ежов направил Сталину заявление П. Н. Скудрэ, в котором тот сообщал компрометирующий материал на арестованного бывшего начальника УНКВД ДВК Дерибаса. Он писал, что муж телефонистки Мусиной, работавший в НКВД на ДВК, отдыхая в 1932 г. на курорте попал под паровоз и погиб. Его сразу захоронили, сообщив, что он был паровозом разрезан на части. Однако один из товарищей мужа передал жене фотографии трупа Мусина, из которых было видно, что он не только не разрезан на части, но и кроме пулевой раны на виске других повреждений не было видно. Мусина хотела разрыть могилу мужа, но ее предупредили, чтобы она этого не делала, т. к. может пострадать.

Ей рассказали, что Мусин задержал контрабанду золота, перевозившегося на шхуне, которое он передал Дерибасу, а тот присвоил его. Мусин хотел сообщить об этом, но его убили. Один из товарищей Мусина, заявивший в компании коллег, что знает почему был убит Мусин, впоследствии был также найден мертвым. Жену Мусина предупредили, чтобы она уезжала с Дальнего Востока, так как и она может пострадать.

В 1934 г. Мусина со всеми документами выехала в Москву хлопотать о выяснении причин смерти мужа и об увеличении пенсии. По этим вопросам обратилась к



Фельдману и Берману в НКВД. Однако они ей в расследовании отказали.

Сталин не оставил это письмо без внимания. Рез: «т. Ежову. Важно. Возможно, что Дерибас кроме всего прочего серьезный уголовный преступник. Нужно расследовать это дело. И. Сталин»<sup>[71]</sup>.

19 сентября 1937 г. Люшков сообщил в Центр свое мнение о партийном руководстве края: «Вообще не чувствуется, чтобы крайком ВКП(б) активно включался сам и мобилизовал парторганизации на активное разоблачение врагов или подхватывал проводимые УНКВД аресты для выявления всех связей. Во всем этом имеет значение стиль работы самого Варейкиса, мало соответствующего обстановке ДВК, — слишком много заботы о себе и своем отдыхе...»<sup>[72]</sup>.

Варейкис, видимо чувствуя определенное недоверие к себе, поставил перед ЦК и Сталиным вопрос о порядке согласования арестов партийных работников, считая неправильным, когда их арестовывали без согласования даже с первым секретарем крайкома. В доказательство привел один пример: «ночью 24 сентября тов. Люшков (начальник УНКВД) передал мне по телефону, что он должен арестовать бывшего Зав. ОРПО крайкома Федина, уехавшего на работу в Уссурийский обком. Я спросил Люшкова «А почему его надо арестовать». Ответ: «Получил приказ тов. Ежова». Я ответил: «Тогда арестуйте его немедленно».

25 сентября по установившемуся в крайкоме порядку созвал руководящий состав бюро для обсуждения поступающих за день директив ЦК, запросов с мест и тому подобных возникающих вопросов, требующих немедленного решения или принятия срочных мер. Участвуют обычно: первый и второй секретарь, председатель крайисполкома, Блюхер, Ха-ханьян, Люшков. На этом заседании из

состава перечисленных лиц второго секретаря в данном случае не было (он командирован в Амурскую область). Я сообщил, что ночью мы арестовали Федина и предложил исключить его из состава крайкома и из партии как врага, но предложил, чтобы Люшков информировал нас в чем дело. Но он от информации по существу отказался, заявив: «Ничего не могу сказать, арестовать получил приказ». Доверяя целиком приказам, поступающим от тов. Ежова, мы разумеется без колебаний исключили из партии, одобрили санкцию на арест члена бюро, данную первым секретарем ночью по телефону. Само собою разумеется, и впредь будем без всяких колебаний поступать так.

Однако мне кажется неправильным, когда даже первый секретарь поставлен перед фактом приказа и не имеет возможности вникать в дело по существу. Я допускаю может быть исключение, но к чему сводится согласование с секретарем, без знакомства, как в данном случае было, даже с мотивами ареста — к простой формальности. Может быть это произошло потому, что я недавно выдвигал этого Федина. Тогда тем более недопустимо, я стараюсь придерживаться ленинско-сталинского правила, коль узнаю, что человек двурушник, изменил партии — ответ один — немедленный разрыв и беспощадная борьба с ним — вплоть до расстрела, как бы к такому человеку ранее не относился. Только так должен поступать каждый большевик, тем более руководитель.

Ясно, что в данном случае я почувствовал некое недоверие, а руководить можно только при полном доверии к тебе, поэтому счел необходимым Вам об этом сообщить»<sup>[73]</sup>.

28 сентября 1937 г. Сталин ответил: «Первое. На днях направим в Далькрай требуемых вами работников на секретарские должности.

Второе. Приказы Ежова об арестах в Далькрае проходят обычно с санкции ЦК ВКП»<sup>[74]</sup>.

Вслед за этим 30 сентября 1937 г. секретарь Далькрайкома Г. М. Стацевич проинформировал Сталина о положении на ДВК. По его словам, за последние полтора месяца секретари Обкомов партии Амурской, Уссурийской, Хабаровской, Нижне-Амурской были арестованы. Ранее во время областных конференций всем им было выражено политическое недоверие за явную связь с врагами, однако под нажимом Крайкома В КП (б) они остались на прежних должностях. Секретарь Сталинского райкома В КП (б), проваленный на конференции за связь с врагами, был взят Варейкисом к себе помощником, позже был арестован. Второй его помощник по военным вопросам Соколов был снят как второй секретарь горкома по тем же причинам и вызывает большое подозрение по своим связям с врагами.

В аппарате крайкома большая засоренность. Зав. ОРПО Крайкома Федин, работая с Варейкисом около 8 лет, арестован. Мякинен, Зав. промышленно-транспортным отделом, арестован. Исаев, Зав. Культпросветом, ранее работал секретарем партколлегии, освобожден с работы в связи с тем, что был троцкистом. Дроздов, зав. совторговым отделом Крайкома ВКП(б), подозрителен своими связями через жену с Маньчжурией, ранее работал у Варейкиса помощником в Воронеже и Сталинграде. Вольский, исполнявший обязанности Председателя Крайисполкома, будучи исключен из партий первичной организацией, не только не был отстранен от работы, но продолжал пользоваться у Варейкиса огромным доверием и по его поручению проводил подготовительную работу по выселению корейцев вплоть до ареста и др.

Линия поведения и работа Варейкиса вызывали подозрение политической нечестности по отношению ЦК. Подробную записку Стацевич выслал фельдсвязью<sup>[75]</sup>.

В своей записке от 2 октября 1937 г. секретарь Далькрай-кома Стацевич действительно подробно, как и обещал, информировал Сталина о том, что Варейкис не выполнил указания о том, что вся работа Далькрайкома ВКП(б) должна была быть пронизана военными вопросами. Сообщал, что продуманного плана мероприятий по гражданским учреждениям, в случае войны, перехода их к обслуживанию и помощи Красной армии у Варейкиса нет<sup>[76]</sup>.

Особенно остро стоит вопрос о дорогах, имеющих военное значение<sup>[77]</sup>.

Стацевич считал, что край мог бы сделать очень многое с точки зрения развития небольших предприятий пищевой промышленности, швейных фабрик, развития кустарных артелей, по развитию местной промышленности — кирпичные заводы и т. д., так как из-за отсутствия кирпича каждый год остаются неиспользованными большие суммы на военное строительство. Этим самым мог быть освобожден железнодорожный транспорт от этих перевозок, особенно в первые месяцы войны, и во-вторых эти предприятия были бы переключены на оборону, когда потребуется пошивка обмундирования, белья для армии.

До сих пор край такие продукты, как макароны, вермишель, всякие кондитерские изделия получает из Москвы. Швейные изделия также завозятся извне. Те же самое происходит по линии обеспечения себя необходимыми овощами — картофелем, капустой и т. д. Г. Д. Хаханьян обвинял бюро Крайкома в том, что оно

военными вопросами не занимается и требует специально обсудить этот вопрос.

Разоблачение Крутова, Лаврентьева и других требовало от Варейкиса немедленно проверить кадры, ликвидировать последствия вредительства. Однако Варейкис не выполнял решения Февральского пленума ЦК партии<sup>[78]</sup>.

Стацевич отразил обстановку в сельском хозяйстве о фактах нарушения устава сельхозартели, захвата колхозных земель различными районными учреждениями, в том числе и единоличниками, ликвидации колхозов с санкции районных руководителей, о выходах из колхозов по отдельным районам<sup>[79]</sup>.

Остановился он и на проблемах городского строительства, коммунального и бытового обслуживания населения<sup>[80]</sup>.

Краевая газета, по мнению Стацевича, не разоблачала врагов. За полтора месяца ни в одном номере газеты не было ни одной статьи, разоблачающей троцкистско-бухаринских шпионов. Все поступающие материалы и письма с разоблачениями врагов не получали огласки. Факты пересаживания с одного места на другое руководителей, обанкротившихся своими связями с врагами, не только не разоблачались на страницах газеты, но некоторые из них получали положительную оценку на страницах газеты за хорошую работу.

Редактор газеты Швер привезен Варейкисом. Федин — зав. ОРПО Крайкома — арестован, также привезен Варейкисом, ранее работал у него помощником в Воронеже, затем в гор. Сталинграде был зав. ОРПО. Первый секретарь Амурского Обкома Косокин — работал с Варейкисом около семи лет. Беккер — первый секретарь Приморского Обкома — родственник

Варейкиса. Гришенин — заведующий отделом печати Крайкома — работал у Варейкиса помощником в Воронеже. Дроздов — зав. Совторготделом — также работал помощником у Варейкиса в гор. Воронеже и Сталинграде. Рохлин — второй секретарь Уссурийского Обкома — родственник жены Варейкиса.

Часть руководящих работников в крае вызывала политическое сомнение<sup>[81]</sup>.

Стацевич описывает стиль работы Варейкиса, который работал с 11 утра до 6 вечера и очень редко вечерами, и так работал весь аппарат. Напряжения в работе у него не было. Руководство таким огромным и сложным краем поставлено на самотек.

В заключении делает вывод, что Варейкису политически доверять нельзя. «Вся линия и практика его работы построена не на выкорчевывании врагов, а на покровительстве им»<sup>[82]</sup>.

Совершенно ясно, что задача по сбору компрометирующей информации на Варейкиса перед Стацевичем была поставлена Сталиным. Самостоятельно заниматься этим он бы не рискнул. А Сталину эта информация видимо была нужна для принятия окончательного решения — оставлять Варейкиса у руководства края или нет.

Компромат, поданный Стацевичем на Варейкиса, способствовал тому, что 3 октября 1937 г. Политбюро принимает решение освободить Варейкиса от обязанностей первого секретаря Далькрайкома ВКП(б) ввиду перехода его на другую работу. Исполняющим обязанности первого секретаря Далькрайкома был рекомендован Стацевич<sup>[83]</sup>.

На следующий день 4 октября 1937 г. Хахоньян понимая, что Варейкису уже не поможешь (надо спасать себя), спешит сообщить Сталину, что перед отъездом в Москву Варейкис имел с ним

конфиденциальный разговор о шифровке, посланной на имя Сталина с изложением точки зрения о имевшихся неправильных арестах, о якобы формальном своем участии в решении вопросов, касающихся ареста того или иного лица. Во время разговора у Варейкиса прорвались фразы о том, что «никого из арестованных не выпускают (надо понимать сознательно держат невинных), ордена хотят получить».

У Хахоньяна сложилось впечатление, что Варейкис недоволен всей практикой арестов, считая, что имеются налицо огромные перегибы, переросшие в отрицательное политическое явление и то, что у Варейкиса имеются настроения, носящие антипартийный характер и исходящие из «гнилова нутра». «Иначе нельзя понять эти настроения и разговоры, в частности отражающие недовольство жесткой линией по отношению к врагам, проводимой Люшковым, как раз в тот момент, когда с приездом Люшкова разоблачена целая плеяда мерзавцев вроде Дерibasа и Западного, Барминского, Вольского, Слинкина и других. Разоблачение этих и прист-ных им других многочисленных врагов как раз говорит о том, что до сих пор не было необходимой жесткой борьбы по разоблачению и выкорчевыванию врагов. Разговоры же об имеющихся якобы перегибах у нас, да еще в такой форме (никого не выпустили, хотят заработать ордена), могут свидетельствовать лишь о скрытом несогласии с линией партии.

Я так понимаю. Считая необходимым обо всем этом довести до Вашего сведения»<sup>[84]</sup>.

По принципу кто быстрее в тот же день и Стацевич поспешил проинформировать Сталина о том, что Хахоньян 4 октября рассказал членам бюро крайкома разговор с Варейкисом 27 сентября у него на квартире, где тот изложил свои антипартийные настроения,



связанные с проводящимися арестами врагов. Хахоньян просил совета сообщать об этом в ЦК или нет. Все выразили недоумение, что он до сих пор еще не сообщил об этом, и предложили немедленно это сделать. После информации Хахоньяна у Стацевича и у других членов бюро остался нехороший осадок от поведения Хахоньяна из-за того, что он не сообщил о таком факте. У Стацевича сложилось мнение, что этому разговору Варейкиса с Хахоньяном предшествовали другие разговоры, которые давали право Варейкису так открыто излагать свои антисоветские взгляды Хахоньяну<sup>[85]</sup>.

В это время секретарь Камчатского обкома ВКП(б) Никонов сообщил Сталину, что в течение двух лет Дальневосточная парторганизация вела борьбу против руководства Лаврентьева, Крутова, вследствие чего его травили, делали троцкистом в то время, когда на протяжении всей партийной работы никаких колебаний не было. Никонов писал на имя Маленкова о безобразиях в Приморье и роли в этом Лаврентьева. О положении в крае неоднократно информировал ЦК через всех бывших членов комиссии ЦК. Несмотря на все это, по его словам его начинают связывать с мразью. Никонов просил Сталина дать указание проверить факты, изложенные в его заявлениях в ЦК, а также по линии Ежова, чтобы проверив и указав на отдельные ошибки, товарищи не смешивали бы его со всякой сволочью, маскировавшейся для борьбы с руководством ЦК. Также просил дать указание дальневосточному крайкому о более внимательном и быстром разборе вопросов Камчатки, в особенности военных оборонных вопросов, связанных с ликвидацией последствий шпионской банды Адамовича, поставленных еще в апреле перед крайкомом, «а эти



боевые вопросы, в частности тов. Варейкисом, тормозятся, не разрешаются»<sup>[86]</sup>.

Тем самым вовремя «всплывшее» письмо подтвердило, что Варейкисом не принимались меры по рассмотрению таких важных обращений.

В свою очередь заведующий отделом печати и издательств Мехлис внес свою лепту, сообщив Сталину, Кагановичу, Андрееву, Жданову и Ежову о том, что редактор газеты «Тихоокеанская заезда» Швер на протяжении ряда лет был политически тесно связан с троцкистско-бухаринскими шпионами Рябовым и другими. Редактируемые им в разное время газеты воронежская «Коммуна», «Сталинградская правда», «Тихоокеанская заезда» отличались тем, что они носили ярко враждебный подхалимский характер. Никогда в редактируемых Швером газетах не было острой борьбы против троцкистов и правых. Мехлис объяснял это тем, что Швер чужой и враждебный партии человек.

Отдел печати ЦК ВКП(б) вносил предложение: за связь с троцкистско-бухаринскими шпионами и засорение редакции «Тихоокеанской звезды» враждебными и политически сомнительными людьми снять Швера с работы редактора и исключить его из партии. При этом прилагался проект постановления<sup>[87]</sup>.

4 октября 1937 г. Стацевич направил шифртелеграмму на имя Сталина, в которой сообщал, что обсудив статью в «Правде» от 30 сентября «Кто редактирует Тихоокеанскую звезду» бюро крайкома, признав правильным критику редактора газеты Швера и его заместителя Кукуя, исключило их из партии, передав дело Швера органам НКВД<sup>[88]</sup>.

Заведующий отделом печати и издательств Мехлис внес на утверждение ЦК ВКП(б) кандидатуру нового редактора «Тихоокеанской Звезды» корреспондента «Правды» по Таджикской ССР Верховского, который

проделал значительную работу и сейчас мог бы быть переброшен на Дальний Восток<sup>[89]</sup>.

10 октября 1937 г. Мехлис переправил Сталину и Ежову письмо Иванова — работника точного машиностроения, которое он направил в газету «Правда». Тот пишет, что прочитав статью в «Правде» «Кто редактирует Тихоокеанскую звезду», решил отослать копию письма, посланного маршалу Ворошилову, где содержится компрометирующая информация на Варейкиса<sup>[90]</sup>.

2 ноября 1937 г. от члена партии с 1917 г. (парт. бил. № 0437073) Председателя месткома ШТАРМА Данилова было направлено письмо Сталину, в котором излагалось о безобразиях, творившихся в Продармии в период руководства краем Варейкисом<sup>[91]</sup>.

Нашлась «компра» и на Стацевича. Так, в редакцию газеты «Правды» поступите» письмо о Стацевиче, исполняющем обязанности секретаря Дальне-Восточного крайкома ВКП(б). Автор письма И. М. Шаров писал, что Стацевич, будучи секретарем Сокольнического, а затем Железнодорожного райкомов ВКП(б) в Москве, поддерживал врагов, пробравшихся в аппараты этих райкомов. Поступающие к нему сигналы всячески замазывал. Особую поддержку оказывал Торнеру, выдвигая его как «достойного работника» на руководящую работу в ОГИЗ. Мехлис поспешил направить копию этого письма Статину, Андрееву и Ежову<sup>[92]</sup>.

27 марта 1938 г. Блюхер сообщил Сталину, Ворошилову и Молотову об окончании работы пленума Крайисполкома, созванного для решения вопросов, связанных с севом<sup>[93]</sup>. Почему он переключился с вопросов, связанных с армией, на вопросы сева не совсем понятно. Наверное, это было связано с

ненавязчивой передачей компромата на руководство края.

Далее он сообщил, что армия, сокращая норму выдачи свежих овощей, выделяет краю для посева 5.000 тонн картофеля и 1.000 тонн выделяет Тихоокеанский флот. Почти столько же, сколько выделяет ТОФ, должны дать пограничники и Дальлаг. Если этого будет мало, то армия за счет сокращения нормы свежих овощей в пайке сможет выделить еще 3–4 тысячи тонн. Если будет одобрение ЦК, то армия готова была помочь в трактористах и водителях<sup>[94]</sup>. Вот на такие самопожертвования и лишения своих красноармейцев готов был согласиться с одобрения партии Блюхер.

Позже, как и все, Блюхер начинает информировать инстанции. Так, 13 апреля 1938 г. он разговаривал с Федько «по проводу» и просил срочно передать Сталину следующее: «Мои последние наблюдения за работой и поведением тройки работников, о которой речь шла в моей телеграмме тов. Сталину от 27.3. № 01/0071, эта тройка в указанной телеграмме упоминается в ее конце, — приводит меня к выводу о том, что ей политически доверять нельзя. Эти сомнения закрались у меня давно, мне кажется, что у этих людей, начинающих в своих выступлениях имени ЦИКа и Сталина и этим кончающих очень плохие дела на практике, или во всяком случае вызывающие очень большое подозрение. Я несколько раз слышал автобиографию этих людей по их выступлениям на собраниях и каждый раз у меня оставались от их рассказов сомнения. Двое главных из них в дни гражданской войны все время болтались на западном и юго-западном фронтах, работая то в 12 армии, то в Мозыревской группе, то в 16 армии.

Теперь совершенно ясно, что на фронте этих армий работала сильная, хорошо сколоченная и многочисленная группа предателей пилсудчиков. Эта группа предателей для насаждения своих агентов по развалу войск широко использовала польские бюро или польские отделы при наших партийных органах. Один из них, у которого Петр Александрович был перед отъездом из Хабаровска, как будто работал и болтался по этим польским бюро, так как сам он уроженец Двинского или Гродненского районов Польши.

Я упоминаю о разговоре Петра Александровича для того, чтобы установить о ком идет речь. Мои настроения в отношении этих лиц Петр Александрович помнит еще по своей поездке на Дальний Восток, о них в разговоре с ним я и тогда высказывал некоторое сомнение, которое сейчас у меня перерастает в убеждение.

Передаю это сейчас по проводу в связи с только что полученными указаниями, свидетельствующими об обстановке на Дальнем Востоке. Свидетельствующими о напряженной обстановке на Дальнем Востоке. Доклад о этих людях и их делах я имел через 2-3 дня передать шифром сейчас это ускорю и свои сомнения, и очень большие опасения передаю, пользуясь разговором с Вами.

Прошу передать тов. Сталину, что обоих руководителей, о которых идет речь, следует хорошо и немедленно проверить по их личным делам<sup>[95]</sup>.

Понятно ли Петру Александровичу, о ком я говорю?

Говорит тов. Смирнов, понятно, Василий Константинович»<sup>[96]</sup>.

Кабинетная возня продолжалась. 31 марта 1938 г. Стацевич направил в ЦК ВКП(б) Маленкову копию материала, присланного Шкирятовым в крайком на Легконраова, в котором тот обвинялся в защите лиц,

оказавшихся впоследствии врагами народа. Стацевич просил совета рассматривать ли этот материал на бюро крайкома?

По жалобе Блюхера на отсутствие коллективного руководства в бюро крайкома Стацевич высказал предположение, что во всем этом деле играет негативную роль Легконравов, который занимался интриганством<sup>[97]</sup>.

Интересный случай произошел на районной партконференции Ивановского района Амурской области. Секретарь райкома Миронов 11 мая 1938 г. сообщил ЦК ВКП(б), что секретаря Далькрайкома Стацевича, прибывшего на вторую районную партконференцию без партийного билета, делегаты удалили с заседания.

ЦК ВКП(б), получив эту телеграмму, попросило Стацевича дать объяснение. Тот пояснил, что когда он явился на райпартконференцию, начались раздаваться возгласы со стороны военных товарищей, что надо проверить документы. Председательствующий на конференции Миронов дал справку кто пришел на конференцию, заявил, что лично знает Стацевича. Выступление Миронова не удовлетворило часть товарищей, после чего Стацевич выступил и заявил, что требования товарищей предъявить партдокументы правильны, но предъявить партбилета не может, так как оставил его в крайкоме. Тем не менее конференция большинством голосов лишила его возможности присутствовать на конференции.

ЦК ВКП(б) посчитало факт недопущения секретаря Далькрайкома ВКП(б) к участию в работе Ивановской районной партконференции Амурской области является дезорганизаторским и свидетельствует о наличии крайней распушенности в этой парторганизации, постановив доложить в ЦК ВКП(б) результаты проверки

всех обстоятельств дела и обстановки в районе, при которых мог иметь место подобный факт<sup>[98]</sup>.

15 мая 1938 г. Мехлис сообщил Сталину о данном инциденте. Как выяснилось, инициатором его является батальонный комиссар Подокаралин. Мехлис предложил отстранить от работы. По его мнению, это позорит присутствовавших на конференции политработников и военных коммунистов. Вместо того, чтобы обрушиться против провокации, Подокаралин возглавил ее<sup>[99]</sup>.

Блюхер, получив шифртелеграммы о происшедшем, посчитал крайне необходимым личный выезд члена Военного совета Мазепова в дивизию и район для детального ознакомления с обстановкой, где разыгрался этот инцидент, и для беседы с активными его участниками<sup>[100]</sup>.

17 мая 1938 г. было принято решение по этому делу. ЦК ВКП(б) посчитал факт недопущения секретаря Далькрайкома ВКП(б) Стацевича к участию в работе Ивановской районной партконференции Амурской области из-за формальной придирки (отсутствие партбилета на руках) дезорганизаторским. Учитывая то, что секретарь РК ВКП(б) Миронов и многие члены партконференции хорошо знали лично Стацевича как секретаря Далькрайкома ВКП(б), этот факт свидетельствовал о наличии крайней распушенности в Ивановской парторганизации и об отсутствии какого бы то ни было руководства конференцией со стороны как президиума, так и секретаря РК ВКП(б) Миронова.

«ЦК ВКП(б) постановляет:

**1.** Снять Миронова А. И. с поста секретаря Ивановского райкома ВКП(б), как не обеспечивающего большевистского руководства районной парторганизацией и исключить его из партии.

**2.** Привлечь к партийной ответственности членов президиума райпартконференции и передать дело о них в КПК при ЦК ВКП(б).

**3.** Указать т. Стацевичу на то, что он, как секретарь Далькрайкома ВКП(б) оказался в данном случае не на высоте, удалившись с партконференции вместо того, чтобы до конца разоблачить дезорганизаторские действия группы делегатов партконференции или в крайнем случае распустить конференцию за ее антипартийное поведение.

**4.** Предложить Дальне-Восточному крайкому ВКП(б):

а) созвать в Ивановском районе Амурской области новую районную партийную конференцию, произведя выборы делегатов на первичных партсобраниях. На конференции разъяснить не большевистский характер поведения части делегатов предыдущей конференции;

б) доложить ЦК ВКП(б) результаты проверки всех обстоятельств и обстановки в районе, при которых мог иметь место подобный факт.

**5.** Настоящее постановление опубликовать в Хабаровске, в Амурской области и в Ивановском районе»<sup>[101]</sup>.

28 марта 1938 г. Блюхер начинает «топить» Стацевича. Он информирует Сталина и Ворошилова о том, что «Стацевич по возвращении из Москвы часто и не всегда к месту рассказывает, как он докладывал Вам о тяжелом жилищном положении, в котором находится ОКДВА. Казалось бы, это обязывало его как секретаря Крайкома и члена Военсовета армии всячески помогать армии. К сожалению, кроме ни к чему не обязывающих слов, со стороны Стацевича армия реальной практической помощи не видит и не испытывает».

Далее он писал, что исполняя решение февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), армия пропустила через партийные и политические курсы со сроком от 2-х



до 4-х месяцев 914 политработников. При этом для размещения курсов пришлось закрыть санаторное отделение Хабаровского военного госпиталя. Очередные партийные курсы в 200 человек собрать негде. Хотя в Хабаровске уже 6 месяцев стоит пустым огромное здание, которое подготовлено для партийных курсов, открыть которые собираются, но собрать никак не могут. Это здание может вместить одновременно и курсы Крайкома и 200 человек наших политработников. Стацевич третий месяц отказывается удовлетворить нашу просьбу под разными предлогами. Последний раз он заявил, что запросил разрешение у Вас и ждет разрешения. В связи с этим Блюхер просил дать Стацевичу разрешение предоставить ОКДВА помещение для 4-х месячных партийных курсов Пуарма ОКДВА на 200 политработников.

Просил выделить дополнительно к ассигнованным средствам еще 4 миллиона рублей для постройки в Хабаровске здания армейского учебного центра<sup>[102]</sup>.

В тот же день Сталин ответил. «Первое. Ваши записки получил. Спасибо за информацию. Не допускаю, чтобы Стацевич имел что-либо против Вас, ибо мне хорошо известно его положительное отношение и уважение к Вам. Возможно, что Легконрахов ласково мутит воду и мешает Вам разглядеть действительное лицо Стацевича, которого ЦК считает хорошим товарищем и работником. Легконрахов способен на такие фокусы.

Второе. У меня нет и не было никакого запроса от Стацевича насчет предоставления ОКДВА помещения партшколы для 200 политработников. Понятно, что я стою за предоставление помещения.

Третье. Легконрахов вызван по вопросу о распределении колхозных доходов, а также по



некоторым другим щекотливым вопросам, бросающим на него тень»<sup>[103]</sup>.

Таким образом Блюхеру не удалось скомпрометировать Стацевича, но посеять червь сомнения в способностях партийного руководителя удалось.

26 мая 1938 г. Политбюро принимает решение освободить Г. С. Люшкова от работы начальника УНКВД Дальневосточного края, с отзывом его для продолжения службы в центральном аппарате НКВД СССР.

На должность начальника УНКВД ДВК утверждался Горбач Г. Ф., с освобождением его от должности начальника УНКВД Новосибирской области<sup>[104]</sup>.

29 мая 1938 г. Стацевич рапортует в ЦК ВКП(б) Сталину, что «Коллегия Верховного Суда СССР приговорила к расстрелу и приговор приведен в исполнение за вредительство и японский шпионаж над бывшими руководителями Амурской области. Иванов бывший секретарь обкома ВКП(б), Коссокин бывший первый секретарь Обкома ВКП(б), Давыдов бывший начальник облуправления НКВД, Рыбаченко бывший управляющий трестом Амурзолото, Полетаев бывший зам. председателя облисполкома, Осеев бывший прокурор области, Максимов бывший секретарь Архаринского райкома ВКП(б), Гавеман бывший председатель облисполкома. Володин бывший зав. сельхозотделом обкома ВКП(б).

По городу Хабаровску и области Крутов бывший председатель Далькрайкома, Верный бывший третий секретарь дальневосточного крайкома ВКП(б), Западный бывший зам. нач. УНКВД по ДВК, Лебедев бывший зам. председателя Далькрайисполкома, Райхман бывший председатель Горсовета, Вольский бывший врид. председателя Далькрайисполкома, Чернин бывший прокурор ДВК, Шостак бывший

уполномоченный наркомторга, Введенский бывший зам председателя далькрайкома, Шрейберг бывший замкрайздрава, Иовлянский бывший уполномоченный Наркомпищепрома. Слинкин бывший секретарь обкома ВКП(б), Лямин бывший, председатель облисполкома, Каплан бывший секретарь обкома ВКП(б), Виноградов бывший секретарь Горкома Уссурийской области, Овчинников бывший секретарь обкома ВКП(б), Гриневич бывший председатель облисполкома, Скворцов бывший начальник политотдела приморской группы войск, Хозбиевич бывший секретарь Спасского райкома ВКП(б), Семенихин бывший исполняющий обязанности секретаря обкома ВКП(б), Уласевич бывший председатель облплана Сахалинском области, Ульяновский бывший секретарь обкома ВКП(б), Арсеньев бывший 2-ой секретарь обкома ВКП(б), Муругов бывшей зав. Культпропа обкома ВКП(б), Кукин бывший секретарь обкома ВЛКСМ, Приморской области, Таныгин бывший секретарь обкома ВКП(б), Петров бывший председатель облисполкома, Беккер бывший секретарь обкома ВКП(б), Визель бывший начальник УНКВД, Сеннов бывший секретарь Ворошиловского Горкома ВКП(б), Данилов бывший председатель облисполкома, Крапотницкий бывший управляющий рыбтреста Еврейско автономной области, Левин бывший второй секретарь обкома ВКП(б) Нижне-Амурской области. Толбыго бывший председатель облисполкома, Васильев бывший секретарь обкома ВКП(б), Понурко бывший секретарь обкома ВКП(б), Саенко бывший плановик облплана, Шишков нач. политотдела дальгосрыбтреста, Голубков бывший зав. Школьным сектором обкома ВКП(б) Камчатской области, Лев бывший начальник облуправления НКВД, Тунтул И. Я. бывший зам. председателя комитета Севера при Далькрай-исполкоме, Дошкин бывший зав. отделом газеты

"Камчатская правда", Никонов бывший секретарь обкома ВКП(б), Торопов бывший зам. директора АКО».

При этом бюро крайкома просило ЦК ВКП(б) разрешить в местных газетах опубликовать в форме извещения о приговоре к расстрелу и его приведения в исполнение<sup>[105]</sup>.

В своей следующей телеграмме Стацевич сообщал, что «Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила к расстрелу и приговор приведен в исполнение за вредительство и японский шпионаж над Фединым — бывший зав. ОРПО крайкома ВКП(б) и Швер — бывший редактор "Тихоокеанской звезды" из кампании Варейкиса». Просил в дополнение к своей прежней просьбе также разрешить опубликовать в газете о приговоре этих лиц к расстрелу и о приведении его в исполнение<sup>[106]</sup>.

1 июня ЦК решает «Разрешить Далькрайкому опубликовать в местных газетах извещение о приговоре к расстрелу за вредительство и шпионаж бывших областных руководителей и о приведении приговора в исполнение»<sup>[107]</sup>.

В связи с тем, что многих руководителей, в том числе и в НКВД, репрессировали 1 июня 1938 г. Политбюро проводит массовые назначения по НКВД ДВК.

«1. Назначить заместителем начальника Управления НКВД по Дальне-Восточному краю и заместителем начальника Особого Отдела НКВД СССР ОКДВА т. Ямницкого М. С. с освобождением от должности начальника 3-го отдела 2 Управления НКВД СССР.

2. Назначить начальником Управления НКВД по Приморской области ДВК и начальником Особого Отдела НКВД СССР по Тихоокеанского флота т. Дементьева В. Ф. с освобождением от должности

начальника Управления НКВД по Архангельской области.

3. Назначить начальником Управления НКВД по Уссурийской области ДВК т. Сорокина И. Г.

4. Назначить начальником Управления НКВД по Амурской области ДВК т. Диментмана М. И. с освобождением от должности начальника Управления НКВД по Приморскому краю.

5. Назначить начальником Управления НКВД по Сахалинской области ДВК т. Папивина А. А.

6. Назначить начальником Управления НКВД по Камчатской области ДВК т. Клейменова А. П.

7. Назначить начальником Управления НКВД по Нижне-Амурской области ДВК т. Маевского В. М.

8. Назначить начальником Управления НКВД по Еврейской автономной области ДВК т. Соловьева П. А.

9. Назначить начальником Управления НКВД по Хабаровской области ДВК т. Иванова И. Т.

10. Назначить начальником Особого Отдела НКВД СССР Краснознаменной Амурской военной флотилии т. Утянова И. М.

11. Освободить от занимаемой должности заместителя начальника Управления НКВД по Московской области т. Якубовича Г. М. в связи с назначением его на должность помощника начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю»<sup>[108]</sup>.

4 июня 1938 г. Сталину и Молотову заместитель председателя комиссии Советского Контроля Беленьким было направлено на ознакомление письмо уполномоченного КСК по ДВК Махнева от 10 мая, в котором он сообщал членам Бюро КСК об инциденте, происшедшем 4 мая между ним Блюхером и Стацевичем на закрытом заседании Бюро Датькрайкома.

Обнаружив угрожающее положение в крае с мобилизационными фондами, Махнев доложит

Правительству о результатах проверки. Он сообщил, что в этом виноват и бывший начальник III-го отдела штаба ОКДБА — Энтин. План закладки мобилизационных фондов в крае занижен. Несмотря на значительный рост за последние годы армии и населения края, план мобфондов не увеличивался. Энтин при согласовании плана закладки резервов на 1937 г. отказался от имени командования ОКДБА от дополнительного заложения фондов на склады ОКДБА по мотивам отсутствия свободной складской площади. Учитывая необходимость принятия срочных мер со стороны командования ОКДБА и Краевого Комитета партии по исправлению ситуации, Махнев передал Блюхеру материалы проверки, а со Стацевичем условился, что вопрос о мобфондах будет обсужден на Бюро Далькрайкома. Это привело к инциденту <sup>[109]</sup>.

Доугадывая об этом Косиору, Махнев писал, что не намерен возводить этот инцидент в степень конфликта и преувеличивать его значение, однако происшедшее само говорит за себя. Сигнализируя Крайком и Блюхеру о мобфондах, он надеялся на иное реагирование. В. Махнев просил Косиора сделать оценку происшедшего «и если ошибаюсь в чем-либо — поправить меня, а если т.т. Стацевич и Блюхер не точно понимают роль Уполномоченного ВСК в крае и отношение к нему, разъяснить необходимое им» <sup>[110]</sup>. Данное письмо показывает, что руководство края игнорировало создание мобилизационного фонда.

4 июня 1938 г. Сталин принимает решение в отношении Стацевича. Он пишет в Красноярский крайком партии Соболеву «ЦК ВКП(б) считает, что т. Стацевич не справляется с обязанностями первого секретаря Далькрайкома ВКП(б). ЦК ВКП(б) убедился, что т. Стацевич работает неважно, к севу готовится плохо, военному делу не помогает, хотя об этом ему

быта дана специальная директива, руководство парторганизацией выпустил настолько, что его удалили с одной райпартконференции.

Обратите внимание на партийный аппарат крайкома и обеспечьте, чтобы в нем было все чисто, так как сейчас по-нашему в аппарате крайкома неблагополучно. Также посмотрите партийный аппарат обкомов партии, прежде всего Приморской области и особенно во Владивостоке, так как и там по-нашему тоже не чисто.

Информируйте о результатах приемки дел и о принимаемых Вами мерах по укреплению партийного руководства в крае»[\[111\]](#).

Соболев рвется в бой. 18 июня 1938 г. он сообщает Сталину и Маленкову о принятии дел по Дальневосточному крайкому. Естественно при этом стал докладывать «негатив» на попавшего в опалу Стацевича. Ведь надо же было в перспективе показать свои результаты. По его словам, он получил самые общие сведения о крае. Списка работников аппарата крайкома с описанием их деловой и политической характеристики не оказалось. После того, как этот список был составлен, то Стацевич о большинстве этих работников ничего не мог сказать. По статистике оказались потерянными ряд первичных парторганизаций. Стацевич не мог объяснить куда они исчезли. Чистые бланки партбилетов и ключи от сейфов хранились не у него, как этого требовала директива ЦК, а у двух учетчиков, один из которых проходил по показаниям как заговорщик. Удалось установить, что 11 ответственных работников крайкома и обкомов проходили по показаниям участников контрреволюционной организации или были просто сомнительны, не внушающие политического доверия лица.

Был арестован зав. финхозсектором Демидов, который сразу стал рассказывать о своей заговорщической работе, стал выдавать других. Также был арестован зав. совторготделом Шапиро и несколько других работников аппарата.

Во Владивосток послан секретарем Приморского обкома Фомичев, с ним был разработан план операции по очистке аппарата в Приморской организации.

Соболеву бросилась в глаза исключительная расхлябанность, распушенность, беспечность. Среди работников аппарата процветали «настроения отдыхать, поменьше работать». Вызов работников вечерами или в выходной день встречается визгом недовольства.

Стацевич признал, что армии помогали плохо и занимались ею мало, что подтверждают военные и гражданские работники. Оборонные предприятия в большинстве своем программу не выполняли.

16-17 июня на совещании и во время индивидуальных разговоров с секретарями Соболев ставил перед ними задачи по решительной очистке и укреплению областного, городского и районного партийного и советского аппарата, особенно в пограничных районах. О внимании, помощи армии. О подготовке к уборочной.

Для укрепления краевого аппарата Соболев просил ЦК прислать: председателя крайисполкома; зав. ОРПО; зав. сельскохозяйственным отделом крайкома ВКП(б); зав. отделом печати для замены редактора краевой газеты «Тихоокеанская звезда» Красильникова, которого только назначили, а также второго секретаря и зав. ОРПО Приморского обкома; секретаря Сахалинского обкома.

Ввиду необходимости немедленного снятия ряда секретарей пограничных райкомов, просил ЦК о срочной

присылке десяти товарищей для укрепления этих райкомов.

Как положено в заключении заверил, что сделает все, чтобы выполнить полностью поручение ЦК и Сталина<sup>[112]</sup>.

После того как дела были приняты, сообщил в ЦК БКП(б) Сталину, Маленкову о мероприятиях по очистке партийного аппарата<sup>[113]</sup>.

Сталин в свою очередь попросил Соболева:

«ПЕРВОЕ. Сообщите коротко, в каком положении застали организацию и что думаете сделать для улучшения дела.

ВТОРОЕ. Какие меры думаете предпринять, чтобы овощи, картофель производились у вас на месте в достаточном количестве, так как, как вам известно, завоз овощей, картофеля в ваш край не будет больше производиться с 1939 г.»<sup>[114]</sup>

В ответ Соболев сообщает, что после того как он приступил к исполнению обязанностей секретаря Далькрайкома ВКП(б) в организации числилось членов ВКП(б) 17.820, кандидатов 6.109. За период с первого июля 1937 г. по первое июня 1938 г. краевая парторганизация уменьшилась на 3.467 человек. Было принято на учет горкомов и райкомов в течение года 10.839 человек и снято с учета 14.255 человек. Отмечал в организации большую текучесть и слабый рост (с начала возобновления приема в партию было принято по краю 982 человека).

В результате очистительной работы из аппарата крайкома ВКП(б) удалено и передано органам НКВД 25 ответственных работников, том числе: Анисимов — второй секретарь крайкома, Баринов — зав. ОРПО, Шапиро — зав. Совторгот-делом.

Соболев пишет, что ему стало ясно «сопротивление и визг работников аппарата, которое были оказаны мне



при приеме дел от Стацевича — аппарат находился в руках врагов». Анисимов показал, что вражеская работа проводилась им вместе со Стацевичем и другими заговорщиками, орудовавшими в аппарате крайкома. Отчитался по обкомам ВКП(б)<sup>[115]</sup>.

Отчетно-выборные собрания первичных парторганизаций, районных, городских, областных парторганизаций не вскрыли орудовавших врагов. Например, из числа делегатов на Приморскую областную партконференцию 22 человека оказались врагами народа.

Соболевым вызывались начальники политотделов дорог, водного транспорта, рыбной, пищевой промышленности, гражданского воздушного флота специально по вопросу об очистке политотдельского партийного аппарата. В результате проведенной работы обнаружилась большая засоренность и в этих аппаратах заговорщиками и всяким другим контрреволюционными враждебными элементами, особенно по Дальневосточной железной дороге.

Уполномоченный КПК Раздобреев проходил по показаниям как заговорщик. Орудовавшие в партийном аппарате враги срывали выполнение решений февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) на Дальнем Востоке. Этим объяснялась большая засоренность парторганизаций армейского аппарата, аппарата советских хозяйственных предприятий истроек контрреволюционными элементами, которые в открытую продолжали свою разрушительную работу<sup>[116]</sup>.

Было установлено, что КПК восстанавливала в партии белогвардейцев и шпионов и мариновала апелляции ни за что исключенных партийных товарищей. Вражеским оказалось и руководство крайкома комсомола, которое в настоящее время

обновлено. Фаворит на день, но не знавший об этом Соболев отразил царивший развал на всех уровнях партийных органов ДВК<sup>[117]</sup>.

Заверил Сталина, что работает «над укреплением партийных аппаратов в первую очередь крайкома, который должен быть настоящим руководителем всего, держать парторганизации и всех коммунистов независимо от чинов, рангов и места их работы. Эту задачу буду проводить настойчиво, последовательно воспитывая работников в духе беззаветной преданности ЦК ВКП(б), в духе большевистской организованности и дисциплины, мобилизуя всех коммунистов на боевое выполнение директив ЦК в крае. В крайком выдвинуто 26 ответработников, преимущественно инструкторов».

По сообщению ОРПО ЦК в ближайшее время должны были выехать в ДВК второй и третий секретари крайкома и несколько товарищей на заведывание отделами крайкома, а также на руководящую партийную и советскую работу в области и районы. Просил Сталина ускорить подбор и посылку этих работников.

По мнению Соболева, очень плохо была проведена Приморская областная партконференция. Укрепил работниками Приморский обком. Имеем всех трех секретарей и зав. отделами. Аппарат обкома развернул работу по руководству организациями. Аппарат Хабаровского горкома состоит целиком из новых людей. Продолжаем укрепление аппаратов Уссурийского, Хабаровского обкомов ВКП(б), горкомов и райкомов края. Для этой цели по краю выдвинуто до двести человек работников. По областям края провели собрания активов по вопросам укрепления партаппарата, развертывания партроты и укрепления связи и помощи Красной армии. В Хабаровске провели

партийный день по выполнению решений отчетно-выборных собраний первичных парторганизаций.

Обновил редакцию краевой газеты «Тихоокеанская Звезда», которая стала значительно лучше.

В крайисполкоме продолжительное время нет председателя и зама некоторых зав. отделов. Громадный аппарат фактически без руководства<sup>[118]</sup>.

По его словам, враги долгими годами создавали такое положение, когда почти все отрасли промышленности края — военная промышленность, водный транспорт, рыбная, лесная — не выполняли программы<sup>[119]</sup>.

Обращаясь к Сталину, в качестве неотложных задач отразил следующие:

- очистить партийно-советский, армейский, хозяйственный аппарат от всякой правотроцкистской, белогвардейской шпионской сволочи.

- укрепить аппарат крайкома, обкомов, горкомов, райкомов, сделать его недоступным для врагов.

- организовать большевистское воспитание и учебу актива, поднять его бдительность, дисциплину.

- поднять роль и боеспособность первичных парторганизаций, мобилизовать их на полную реализацию решений февральско-мартовского пленума ЦК.

- организовать проведение в жизнь решений январского пленума ЦК. Укрепить сверху донизу советский аппарат.

- навести в нем порядок, сделать так, чтобы он работал честно. Выдвинуть в него работников с низов.

- укрепить связь с частями армии. Приковать к ней внимание всех партийно-советских организаций Дальнего Востока. Всеми силами организовать ей помощь и укрепить ее боеспособность. Организовать ликвидацию прорыва в промышленности, в первую

очередь в военной. Просил ЦК заставить соответствующие наркоматы принять в этом деятельное участие.

Планировал также подготовить к зиме железнодорожный транспорт, организовать уборку урожая. Подготовить реализацию постановления ЦК и СНК об обеспечении собственными овощами и картофелем ДВК в 1939 г. Подготовить краевую партконференцию и отлично ее провести. Выбрать краевой комитет из числа преданных партии и родине товарищей и через конференцию мобилизовать всех коммунистов на большевистское выполнение поставленных ЦК ВКП(б) задач, подчеркнуть на конференции военнополитический характер работы всей Дальневосточной парторганизации<sup>[120]</sup>.

27 июня 1938 г. Политбюро утверждает постановление Комитета Оборона от 27 июня 1938 г. о мероприятиях по укреплению боевой готовности Дальнего Востока, согласно которым в целях дальнейшего укрепления боевой готовности частей и укрепленных районов Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии и дальнейшего развития подготовки «Дальневосточного театра», а также для ликвидации недочетов содержания и эксплуатации оружия, боевой техники, разного имущества и улучшения складского хозяйства, предлагалось проработать на местности вопрос усиления существующих укрепленных районов:

а) Усилить существующие укрепленные районы артиллерией на специально выбранных позициях — командные высоты и другие пункты, позволяющие вести артиллерийскую стрельбу по живой силе (76 мм орудия в капонирах или полукапонирах), противобатарейную (107,122 или 152 мм пушки) и противотанковую борьбу (45 мм орудия). Усиление

артиллерией, в том числе и тяжелой, существующих укрепленных районов должно было быть произведено в 1938 г. Все работы по определению мест постановки артиллерии, калибров, количества и ее назначения, должны быть произведены в кратчайший срок.

б) Увеличить количество командных и наблюдательных пунктов, обеспечить гарнизоны убежищами. Работы произвести специальными рекогносцировочными комиссиями, назначаемыми распоряжением Военного Совета фронта.

в) Ассигнованные в 1938 г. средства на приведение в порядок существующих укрепленных районов обратить в первую очередь на их артиллерийское усиление.

Отработанные и утвержденные Военным Советом фронта доклады с приложением схем, расчетов, а также требования на дополнительные денежные средства, артиллерийское вооружение, материалы и рабочую силу представлять Народному Комиссару Оборона СССР по мере окончания каждого укрепленного района, установив следующую очередность и время окончания рекогносцировки:

Гродековский — 15 июля.

Полтавский — 15 июля.

Барабашский — 20 июля. Благовещенский — 20 июля.

2. В 1938-1939 гг. построить:

а) Усть-Бурейнский отдельный опорный пункт III типа с позицией на 1 тяжелую батарею 107 или 122 мм пушек. Стоимость без вооружения — 3 млн руб.

б) Иманский укрепленный район.

Оперативное значение: не допускать форсирования крупными силами противника р. Уссури в районе Иман; обеспечить форсирование р. Уссури нашими войсками.

Всего узлов обороны II типа — 2.

Общая стоимость без вооружения — 30 млн рублей.

в) Шуфенский укрепленный район:

Оперативное назначение: в случае наступления превосходящих сил противника на Шуфенско-Ворошиловском направлении — явиться прочной опорой для упорной обороны наших войск на этой направлении; при наступлении противника на Полтавский или Барабашский укрепленные районы обеспечить маневр наших войск во фланг и тыл противника; служить исходным рубежом для наступления наших войск; обеспечить артиллерийское огневое взаимодействие с левым флангом Полтавского и правым флангом Барабашского укрепленных районов.

Всего узлов обороны: I типа — 2, II типа — 2.

Общая стоимость без вооружения — 70 млн рублей.

г) Посьетский укрепленный район.

Оперативное назначение: служить исходным рубежом для наступления наших войск в направлении Хуньчунь или Хойрен; прочно прикрыть направление на Посьет; держать под артиллерийским огнем ж. д. Юкки-Хуньчунь.

Всего узлов обороны I типа — 1, II типа — 1.

Общая стоимость без вооружения 35 млн руб.

д) Для усиления Усть-Сунгарийского укрепленного района — две оборудованные позиции на один тяжелый дивизион (107 или 122 мм пушек) каждая с подъездными путями.

Стоимость без вооружения — 10 млн руб.

е) Для усиления Барабашского укрепрайона — один узел обороны III типа на хребте Теплый.

Стоимость без вооружения — 8 млн руб.

Всего на строительство укрепрайонов в 1938 г. было выделено из резервного фонда СНК СССР 25 млн руб.

Кроме того, были выделены средства на строительство оперативной связи для ДВК фронта. Общая сумма составила 25,248 млн руб.

Было выделено на строительство аэродромов 13 млн руб.

Были решены вопросы организационно-мобилизационного обеспечения Красной армии на ДВК.

Стрелковую дивизию военного времени предлагалось иметь общей численностью 18.000 чел., доведя каждое стрелковое отделение с 11 до 18 человек. Дивизия в то время состояла из:

- а) Управления дивизии;
- б) 3-х стрелковых полков (из них один горный);
- в) 2-х артиллерийских полков: артиллерийского полка в составе: 8 — 76 мм полевых пушек, 8 — 76 мм горных пушек и 16 — 122 мм гаубиц; гаубичного артиллерийского полка в составе: 12 — 122 мм и 12 — 152 мм гаубиц;
- г) дивизиона противотанковой обороны: 18-45 мм пушек;
- д) зенитного дивизиона в составе: 4—76 мм зенитных пушек и 9 — комплексных пулеметов или 8 мелкокалиберных зенитных пушек;
- е) разведывательного батальона, состоящего из мотострелковой роты, танковой роты Т-38 и кавалерийского эскадрона;
- ж) батальона связи;
- з) танкового батальона — 45 танков Т-26;
- и) саперного батальона;
- к) дивизионные тылы, состоящие из догазационной роты, ремонтно-восстановительной роты, полевого хлебозавода, дивизионного полевого госпиталя, медико-санитарного батальона, продовольственного транспорта (50 % автомобили, 50 % лошади) артиллерийского парка (50 % автомобили, 50 % лошади), взвода питания горючим и дивизионного ветеринарного лазарета и т. д.

Всего в дивизии необходимо было иметь:

Людей 14.147 чел.

Ручных пулеметов 590  
Станковых 341  
Зенитных 18  
Ружейных мортирок 216  
Ротных минометов 72  
Батальонных минометов — 16  
Полковых минометов - 24  
Зенитных пушек 4  
Пушек 45 мм 54  
Пушек горных 70 мм 32  
Гаубиц 122 мм 8  
Пушек 107 мм 12  
Танков Т-26 55

Кроме того, решались вопросы по строительству железных и шоссейных дорог. По размещению начальствующего состава армии. По профуражному довольствию. По санитарному обеспечению. По ветеринарному обеспечению. По обеспечению средствами химзащиты и строительстве химических заводов. По организации полевого ремонта военной техники и по созданию ремонтной базы военной техники и др. [\[121\]](#)

Учитывая непростые отношения с Японией, активно готовящейся к войне с Советским союзом, руководством НКВД были предприняты действия по укреплению границы. Так, в первых числах июля 1938 г. советские пограничники скрытно заняли позиции на высоте Заозерная. Граница проходила по гребню этой сопки. Ранее никаких укреплений там не было. Пограничники стали рыть окопы и возводить проволочные заграждения. 12 июля японцы обнаружили эти укрепления.

Сам конфликт, согласно советской версии, [\[122\]](#) начался 15 июля 1938 г. в районе Заозерной, куда в этот день был послан отряд жандармов, один из них —



Сякуни Мацусима — был убит советскими пограничниками.

Японцы утверждали, что труп лежал на маньчжурской стороне границы, следовательно, виновны русские. Расследование, проведенное по приказу Блюхера, подтвердило выводы японской стороны. Созданная по его инициативе комиссия обнаружила «нарушение» пограничниками маньчжурской границы на 3 метра и, следовательно, установила виновность в возникновении конфликта на озере Хасан советской стороны. В связи с этим Блюхер потребовал немедленного ареста начальника пограничного участка и других виновных в провоцировании конфликта с японцами.

Дипломатические переговоры не урегулировали эту проблему. По инициативе японского командования границу перешли десятки местных жителей с письмами, где просили русских уйти с маньчжурской земли.

29 июля японцы атаковали высоту Безымянная на советской территории, при этом были убиты пятеро пограничников. Подошедшая рота Красной армии заставила их отступить. Однако 31 июля японские войска снова смогли занять высоту Заозерную и сопку Безымянную.

Атаки Красной армии на эти высоты начались только 2 августа, когда японцы успели окопаться и оборудовать огневые позиции. Начатое в этот же день советское наступление захлебнулось. Блюхера обвинили в промедлении. Он все еще надеялся на мирное урегулирование инцидента и ничего не предпринимал для подготовки войск с целью ведения боевых действий.

Японцы предложили урегулировать спор миром и вернуться к позициям, которые стороны занимали утром 11 июля — до инцидента. Однако советская сторона

выдвинула предложение вернуться к позициям, существовавшим до 29 июля, до даты, когда японские войска перешли границу и начали занимать высоты Безымянная и Заозерная.

Началось новое наступление советских войск, но ни одной высоты взять так и не удалось.

Вновь состоялись переговоры, в результате которых стороны пришли к соглашению, что в 20 часов 12 августа главные силы японской армии и главные силы Красной армии отводились назад на расстояние не ближе 80 метров от гребня сопки. Таким образом гребень сопки оставался в качестве нейтральной зоны. Японцы отошли с захваченных территорий.

В результате этого конфликта советские потери составили 792 человека убитыми и 2752 ранеными, японские соответственно — 525 и 913. По итогам хасанских боев отмечалось, что боевая подготовка войск, штабов и командноначальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне.

Неудача у озера Хасан стоила потерей престижа Красной армии, потерей веры в ее боеспособность. Оказалось, что Дальневосточный округ к войне не готов. В связи с этим командующего Дальневосточным фронтом Маршала Советского Союза Василия Константиновича Блюхера на Главном военном совете в конце августа сняли с должности. 22 октября арестовали, а 9 ноября он умер во время пыток в Лефортовской тюрьме.

Для укрепления дальневосточных рубежей Советского Союза, взамен высланных с территории ДВК лиц, дальневосточные краевые организации наметили план приема на работу в ДВК в 1938 г. молодежи хетагуровского призыва в количестве 20 тыс. человек. Это движение по освоению ДВК началось после опубликования статьи В. Хетагуровой и В. Мельниковой «Организованно проведем призыв молодежи на ДБ»,

опубликованной в «Комсомольской правде» 10 октября 1938 г.

16 июля 1938 г. Молотов сообщил Политбюро, что большое количество молодежи, оканчивающей среднетехнические учебные заведения, желает приехать на работу в ДВК, крайком и крайисполком просят, впредь до утверждения общего плана приема на работу в ДВК молодежи хетагуровского призыва, отпустить 2 млн рублей на расходы по переезду этой молодежи. Решением ЦК ВКП(б) расходы по переезду молодежи в ДВК установлены в сумме 1 тыс. руб. на человека. Он считал необходимым удовлетворить это ходатайство Дальневосточных краевых организаций и отпустить дополнительные средства<sup>[123]</sup>. 31 июля 1938 г. Политбюро положительно решает этот вопрос<sup>[124]</sup>.

Кроме того, 3 августа 1938 г. заведующий Отделом руководящих парторганов ЦК ВКП(б) Маленков предложил Сталину для укрепления партийной организации направить на ДВК 500 партийных работников из состава секретарей парткомов первичных парторганизаций, секретарей райкомов партии и работников партийных аппаратов. Всех отобранных можно было, по его мнению, отправить уже 25 августа предварительно тщательно их проинструктировав и снабдив материально всем необходимым<sup>[125]</sup>.

16 августа 1938 года Маленков сообщит Сталину о разговоре с Соболевым, который считал, что положение на Дальнем Востоке остается напряженное. Кроме вопросов, связанных с военными делами, он занимается промышленностью, особенно оборонной, железной дорогой и уборкой хлеба. Серьезным препятствием в уборке хлеба явились большие ливни. В крае проходит призыв на военно-учебный сбор, по которому должны

явиться в части несколько десятков тысяч людей. Штаб фронта, не продумав, издал приказ о поголовной явке на сбор, такая непродуманность могла здорово испортить дело, сейчас его выправляем.

Соболев сообщил о тяжелом положении с товарами. По этому поводу он вынужден писать записку Сталину, так как Наркомлегпром, Наркомпищепром и сбытовые базы промышленности возмутительно относятся к снабжению и отгрузке запланированных решением Правительства для Дальнего Востока промышленных и продовольственных товаров<sup>[126]</sup>.

Для укрепления работы партийной организации ЦК ВКП(б) направил в Хабаровск В. А. Донского. Прибыв на место назначения, Донской 1 октября 1938 г. сообщил Маленкову о том, что через 3 часа после приезда Соболев выехал в гор. Ворошилов на партконференцию первой армии, находится там уже 4 дня. Горбач занят операцией в Амурской области, и продолжительное время живет в Благовещенске. Руководство краем настолько централизовано, что без Соболева никто и ничего не предпринимает. Все это помешало приехавшим сразу вкнуться в работу.

Обрисовал сложное положение в экономике<sup>[127]</sup>.

Донской констатирован, что в пограничных районах быта проведена большая очистительная работа, есть районы, в которых осталось всего 75-100 человек населения. Партийные организации в этих районах слабые.

По мнению Донского Соболев сделал довольно странное предложение. Он предложил немедленно обсудить вопрос об организации открытых процессов над двумя контрреволюционными группами, раскрытыми в Амурском и Радчихинском совхозах. Приехавшие отказались обсуждать этот вопрос, позже пришли к убеждению, что эти процессы могут посеять

неуверенность в тылу и в частях, расположенных на фронте. «Суетня вокруг этих двух небольших групп вряд ли принесет пользу».

Обнаружен факт ошибочного ареста секретаря Центрального райкома партии в Хабаровске Жаркова, вместо Жарикова. В результате Жарков пробыл в тюрьме 9 часов. Крайком этот факт не обсуждал.

В крае продолжался созыв краевых и областных совещаний, Соболев не возражал против предложения прекратить эту говорильню, однако, как выяснилось, при отъезде в Ворошилов указаний об этом не сделал. Очень осложнил обстановку приезд Лебедева, который рассказал всему аппарату известные факты о Соболеве, его жене и о якобы состоявшемся решении ЦК в отношении Соболева, распространил слухи об его аресте.

«Нами принимаются такие меры:

1) Во все пограничные районы посылаем приехавших из Москвы товарищей.

2) Намечаем мероприятия по ускорению хода уборки овощей и картофеля. Изыскиваем пути к ликвидации дефицита в кормовом балансе края.

3) Посылаем людей в Петропавловск, Александровск, Николаевск, Благовещенск, Владивосток для руководства завоза товаров на север.

4) Намечаем меры к тому, чтобы все же выполнить план лова рыбы, в частности, предполагаем заставить тресты, кончившие лов, продолжать его до ледостава и ловить частичковую рыбу.

По поводу остальных дел жду приезда Соболева, чтобы поговорить с ним поосновательнее.

Прошу:

1) Ускорить присыпку председателя крайисполкома и двух его заместителей, одного из них на Крайплан.

2) Ускорить присылку секретарей Амурского, Нижне-Амурского, Сахалинского, Камчатского обкомов ВКП(б).

3) Поговорить с тов. Микояном об ускорении присылки недостающих товаров для севера. В частности, мясных консервов, все что у нас здесь есть, мы в ущерб местному снабжению отправляем на север.

4) Предложить Кабанову дать директиву АКО Притыки не отправлять заготовленную рыбу россыпью и навалом, а принять меры к ее переработке. Это пока все, о положении областей сообщу особо»<sup>[128]</sup>.

20 октября 1938 г. Донской сообщил Соболеву о новых негативных фактах, характеризующих отдельные звенья чекистского аппарата. После известного случая с арестом Жаркова в Хабаровске имели место факты обыска столов и шкафов Хабаровского райкома ВКП(б)<sup>[129]</sup>. Этот вопрос поставили на обсуждение в крайкоме (нельзя сказать, что нас активно поддержали). Сотрудникам Луженко и Михалеву, производившим обыск, объявили выговор. Горбач обещал наложить на них взыскание по служебной линии. С хранением документов действительно очень плохо, но никто не давал прав работникам районного НКВД, даже не предупредив секретаря райкома, шарить по столам партийного комитета.

Соболев сообщал, что есть тревожные сигналы и о некоторых работниках краевого управления НКВД. Так, на имя Сталина и Ежова послано заявление хатагуровки Щукиной, работавшей в 9 отделе управления НКВД. Он просил с ним ознакомиться. Учитывая, что в отношении начальника Даль-лага Серикова очень много разговоров, просил прислать работников, которые помогли бы разобраться с Дальлагом.

Соболев считал, что Горбач внешне держится к ним близко, но больше отмалчивается и даже в тех случаях, когда говорят о его делах, ограничивается междометиями и репликами. Соболев не видел ни одного факта, по которому можно было бы судить о его

желании серьезно помогать крайкому. Горбач «присутствует» при постановке вопросов, а не ставит этих вопросов<sup>[130]</sup>.

В это время 20 октября 1938 г. Политбюро для решения ряда задач национальной безопасности и повышения управляемости территориями принимает решение — Дальневосточный край разделить на два самостоятельных края: Хабаровский и Приморский.

Была проведена реорганизация погранохраны. 20 марта 1939 г. Дальневосточный округ пограничных и внутренних войск был разделен также на два — Приморский и Хабаровский. Одновременно из состава Хабаровского погранокруга выделились внутренние войска НКВД (железнодорожные, промышленные, конвойные, оперативные).

При этом необходимо отметить, что реорганизации подверглись и вооруженные силы ДВК. Дальневосточный фронт был ликвидирован и разделен на три отдельные армии: 1-ю, 2-ю и Северную группу войск, которые напрямую подчинялись Москве.

Были приняты и другие меры по укреплению обороноспособности региона и нейтрализации угроз стране. Они оказались своевременными, так как существовали реальные предпосылки втягивания СССР в войну.

При проведении реорганизации, естественно Соболев был снят с должности. Секретарь оргбюро ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю Донской 9 ноября 1938 г. сообщил Маленкову, что Горбач получил из Москвы указание произвести обыск в квартире и служебном кабинете Соболева. Он ограничился тем, что информировал об этой директиве. Донской просил отменить эту операцию т. к. в квартире, которую занимал Соболев, уже полмесяца живет первый секретарь Хабаровского крайкома и это указание,

будучи не отмененным, выглядит довольно двусмысленно. В дополнение он сообщает, что непонятно значение этой операции, так как Соболев увез не только свои, а и даже кое какие казенные вещи. В бывшем служебном кабинете Соболева никаких документов не обнаружено. Есть сведения, что какие-то документы уничтожат помощник Соболева Уланов, уехавший вместе с ним.

Донской посчитал необходимым сообщить о Горбаче. В связи с тем, что задержалось назначение начальников НКВД в ДВК, Горбач чувствует себя неуверенно. После ареста Ямницкого и Серикова стал нервничать еще больше. Донской считал очень важным ускорить решение по вопросу о назначении начальника УНКВД края. При решении этого вопроса просил учесть мнение о том, что работу Особого отдела во Второй армии целесообразно выделить из подчинения краевого НКВД создав там самостоятельный аппарат<sup>[131]</sup>.

18 ноября 1938 г. в дополнение к разговору с Маленковым по прямому проводу Донской сообщил, что Соболев своими указаниями об исключениях из партии создал такую обстановку в крае, при которой коммунисты больше думали о своей судьбе, чем об укреплении границы, разоблачении врагов и так далее. Коммунисты не могли в этой обстановке по-настоящему помогать чекистам, в парторганизациях царила неуверенность. В результате органы НКВД очистительную работу вели изолированно, райкомы зачастую не знали об арестах лиц, имевших партбилеты, а в колхозах и деревнях главную роль играли милиционеры, которые проводили аресты. Благовещенск, Амурская область одно из вероятных направлений японского удара и только в интересах врага было создать в этих районах обстановку разброда, «ожидания событий», перемести эти



настроения в среду красноармейцев, в гарнизоны, расположенные на границе.

История повторяется. Теперь Донской «топил» Соболева. По его мнению, Соболев давал свои установки именно с этих позиции и Горбач безусловно виноват в том, что он ограничивался ролью «беспристрастного наблюдателя». Он был обязан, как коммунист, как чекист, отвечающий за политическую обстановку в крае, вести себя более активно. Он же в лучшем случае только «в душе» сомневался в правильности поведения Соболева. Наиболее опасным является то обстоятельство, что очистку проводил бесконтрольно такой аппарат, который нуждался в особом контроле. Нужно иметь ввиду, что работники НКВД подбирались в Амурской области и «воспитывались» в течение ряда лет врагами, сидевшими там на руководящих постах, и именно они проводили операцию.

Далее Донской приводит выдержку из письма прокурора края Бардина о нарушениях законности<sup>[132]</sup>. По его мнению, «Бардин неизвестный нам человек, но он, видимо, прав в своем заявлении. Проверять его заявление ездил Горбач и было очень странно слышать от него по поводу заявления Бардина "это подозрительный человек, он работал с Филиповым в Москве" и ни слова больше. О том, что Горбач был вынужден признать правильность заявления Бардина, мы узнали только 15 ноября, когда краевой прокурор принес мне записку Альперина, которую цитировал выше. Не хорошо, что Горбач скрывает от нас непорядки в работе его аппарата. Вот уже 10 дней как у Горбача лежат копии документов, посланных к вам, он до сих пор не занялся ими, отговаривается занятостью. Пассивность Горбача, о которой мы уже сообщали, остается прежней, он не доставил на бюро обкома ни одного вопроса, отмалчивается при обсуждении всех

острых дел. Это начинает становиться подозрительным. По моим наблюдениям он не активен, а в своем аппарате, об этом можно судить хотя бы по такому факту — он не знает своих районных работников, не добрался до них, а ведь проверка этих кадров азбука организатора! Проводя проверку, мы, конечно, заставим и его заняться кадрами, но очень опасаемся, будет ли он как следует помогать, все его поведение, а главное дела пока говорят за то, что эту "помощь" придется решительно требовать».

В заключение Донской сделал вывод, что Амурская область не очищена до конца. Там исключали на партии, не объясняли происходящего коммунистам, а до врагов еще не добрались как следует. Считал, что нужно будет многое сделать, чтобы действительно включить в эту работу коммунистов. Нельзя мириться с таким положением, когда парторганизации стоят в стороне от работы чекистов.

Он назвал «пятой колонной» семьи репрессированных, живущие в городах Амурской области. В Благовещенске, в двух-трехстах метрах от Сахалина жило около 2.000 семей репрессированных, то же и в других пунктах. Это большие цифры, если принять во внимание малочисленность края. Им с Горбачем были намечено ряд мер по очистке Хабаровска, Благовещенска и других городов. Шла работа по укреплению партийными кадрами Амурской области [\[133\]](#).

Для подтверждения своих выводов о Соболеве 30 ноября 1938 г. Донской направил шифртелеграмму Маленкову в которой сообщал свои наблюдения о связях Соболева с лицами, работающими в других областях. Так, Хворостин очень близкий ему человек. Зарифов и Бабушкин, работающие в первом отделе центра — люди, с которыми он «связан кровью».

Работающий там же Костиков привезен Зарифовым из Горького и наш настойчиво просил отпустить его в Хабаровск. Михельсон, раньше работавший начальником в Крыму, а сейчас в НКВДе его личный друг. Щучкин в свое время рассказывал об аресте некой латышки в Крыму после того как она сказала, что ей кажется, что Михельсон не то лицо, за которое он себя выдает. Все это Донской решил для верности сообщить [\[134\]](#).

Продолжалось недопонимание в отношении деятельности Уполномоченного КСК Махнева. 21 декабря 1938 г. Секретарь Оргбюро ЦК ВКП(б) по Хабаровскому краю Донской сообщил Маленкову, что считает необходимым опротестовать действия Беленького, который считал, что «Уполномоченный КСК подчинен непосредственно КСК, работает по указаниям КСК и обязан обеспечить своим систематическим контролем выполнение местными органами решений партии и правительства, чем по существу обеспечивается действенная помощь местным партийным и советским органам в их практической работе. Совершенно неправильным является решение о включении уполномоченного КСК в оперативную тройку по руководству лесозаготовками края или другую оперативную работу». Донской просил разъяснить, правильно ли они делали, привлекая Махнева к работе [\[135\]](#).

22 декабря Политбюро обсудив этот вопрос, направляет секретарю Хабаровского крайкома Донскому следующую телеграмму: «Телеграмму т. Беленького ЦК считает неправильной, однобокой и узко формальной.

Эта телеграмма дает повод противопоставить уполномоченного КСК краевым партийным и советским органам, что недопустимо. Работая в первую очередь по

директивам СНК и его органа КСК, уполномоченный КСК обязан работать в тесной связи с краевыми, особенно с краевыми партийными органами, не сводить свою роль к роли постороннего наблюдателя, а во всем помогать местным органам. Прежде всего, обязанность уполномоченного КСК заключается в контроле за выполнением решений ЦК и СНК. Из телеграммы секретаря Хабаровского крайкома тов. Донского видно, что крайком требует от уполномоченного КСК улучшения его работы по контролю за решениями центральных органов, срыв которых стал частым фактом на Дальнем Востоке, и поэтому указания крайкома ЦК считает правильным. Уполномоченный КСК не должен ограничиваться критикой недостатков в работе местных органов, а должен участвовать в практической работе местных органов по устранению и предупреждению этих недостатков. С другой стороны, крайком не имеет права без крайней необходимости втягивать уполномоченного КСК в свою текущую оперативную работу. Телеграмму т. Беленького ЦК отменяет, как неправильную»<sup>[136]</sup>.

Этим решением Политбюро показало, что поддержит все начинания Донского на ДВК, которые способствуют наведению порядка в крае.

В 1939 г. японцами была совершена вооруженная провокация против Монгольской Народной Республики на реке Халхин-Гол. Начало конфликту положили требования Японии о признании реки Халхин-Гол границей между Маньчжоу-Го и Монголией. Старая граница проходила на 20–25 км восточнее. Одной из причин такого требования являлось желание японцев обеспечить безопасность строящейся в этом районе железной дороги Халун-Аршан — Ганьчжур.

В 1935 году начались столкновения на монголоманьчжурской границе. Начавшиеся

переговоры между представителями Монголии и Маньчжоу-Го о демаркации границы к осени зашли в тупик.

12 марта 1936 г. между СССР и МНР был подписан «Протокол о взаимопомощи», в соответствии с которым с 1937 г. на территории Монголии были развернуты части Красной армии. Это не устраивало японцев. 11 мая 1939 г. отрядом японской кавалерии численностью до 300 человек была атакована монгольская пограничная застава на высоте Номон-Хан-Бурд-Обо.

22 мая советские войска перешли Халхин-Гол и отбросили японцев к границе.

С 22 по 28 мая в районе конфликта сосредотачиваются значительные силы.

28 мая японские войска, обладая численным превосходством, перешли в наступление, ставя цель окружить противника и отрезать его от переправы на западный берег Халхин-Гола. Советско-монгольские войска отступили, но план окружения сорвался. На следующий день советско-монгольские войска провели контрнаступление, оттеснив японцев на исходные позиции.

2 июля японская группировка вновь перешла в наступление. Войска форсировали реку Халхин-Гол и после ожесточенного боя захватили на ее западном берегу гору Баян-Цаган, находящуюся в 40 километрах от маньчжурской границы. Вокруг горы Баян-Цаган развернулись ожесточенные бои. С обеих сторон в них участвовало до 400 танков и бронемашин, более 800 артиллерийских орудий и сотни самолетов. К вечеру 4 июля японские войска удерживали только вершину Баян-Цагана — узкую полосу местности в пять километров длиной и два километра шириной. 5 июля японские войска начали отступление в сторону реки. На склонах горы Баян-Цаган погибло более 10 тысяч

японских солдат и офицеров. Были потеряны почти все танки и большая часть артиллерии.

Однако японские войска продолжали оставаться на территории Монголии, военное руководство Японии планировало новые наступательные операции. Таким образом, очаг конфликта в районе Халхин-Гола сохранялся.

8 июля японская сторона вновь начала активные боевые действия, начав наступление на восточном берегу Халхин-Гола, но 11 июля в результате контратаки советских танков и пехоты, японские войска были отброшены на исходные позиции.

23 июля японцы после артиллерийской подготовки вновь начали наступление на правобережный плацдарм советско-монгольских войск. Однако после двухдневных боев, понеся значительные потери, им пришлось отойти на исходные позиции.

Наступление советско-монгольских войск, начавшееся 20 августа, оказалось полной неожиданностью для японского командования. Бронетанковые и механизированные войска Южной и Северной групп советско-монгольских войск к исходу 26 августа соединились, завершив полное окружение 6-й армии противника. После чего началось ее дробление отсекающими ударами и уничтожение по частям. Попытки японского командования провести контратаки и деблокировать окруженную группировку закончились неудачей. К утру 31 августа территория Монгольской Народной Республики была полностью очищена от японских войск.

4 и 8 сентября японские войска предприняли новые попытки проникновения на территорию Монголии, однако они сильными контрударами были отброшены за линию государственной границы.

15 сентября 1939 г. было подписано соглашение между Советским Союзом, МНР и Японией о

прекращении военных действий в районе реки Халхин-Гол, которое вступило в силу на следующий день.

Поражение на реке Халхин-Гол не позволило японцам осуществить на практике создание в конце 30-х годов буферного государства на Советском Дальнем Востоке. Оно несколько охладило воинственный пыл японских милитаристов, и вынудили их проводить более осторожную политику по отношению к СССР. Однако это не означало окончательного отказа Японии от своих планов. Штаб Квантунской армии просил Генеральный штаб увеличения в Маньчжурии японских войск путем введения воинской повинности для местного населения и ввода новых частей с островной Японии. Особое внимание обращалось на авиацию, танковые и артиллерийские части, улучшение технического оснащения дислоцирующихся в Маньчжурии соединений.

24 марта 1941 г. состоялась встреча Сталина с министром иностранных дел Японии Мацуока, который объяснил причины, по которым он просил принять его. Сообщил, что собирается посетить Германию и Италию. После своего возвращения из поездки хочет еще раз посетить Москву с целью улучшения японо-советских отношений.

Сталин ответил, что желание Мацуока остановиться на обратном пути в Москве будет приветствоваться. Улучшение отношений между СССР и Японией вполне возможно, и если новая встреча необходима, то он готов встретиться еще раз.

Мацуока рассказал, что, в Японии верховная власть находится в руках императора (Тенно). Однако, это не совсем верно, ибо в Японии уже давно коммунизм. Мацуока, назвал его моральным коммунизмом. Англосаксонские традиции нанесли ущерб Японии, а промышленной переворот затормозил развитие морального коммунизма. Однако сейчас, продолжал

Мацуоко, создалась группа лиц, правда, незначительная, которая стремится распространить свои принципы на все великое азиатское пространство, и которая называет принцип своей политики японским словом Хаккоицю, что в переводе означает всемирный мир, основанный на справедливости. Мацуока заявил, что если Сталин понимает, что он хочет сказать, и если у советской стороны будет соответствующее понимание и желание идти вместе, то Япония готова идти рука об руку с Советской Россией.

Касаясь японо-китайской войны, Мацуока отметил, что Япония ведет войну не с китайским народом, а с англосаксами, т. е. с Англией и Америкой. Япония ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кай-Ши является слугой англосаксонских капиталистов. Поэтому японокитайский конфликт нужно рассматривать под этим углом зрения. В связи со сказанным, Мацуока просил учесть намерения Японии в Китае.

В ответ Сталин сказал, что какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон <sup>[137]</sup>.

12 апреля того же года состоялась вторая встреча Сталина с министром иностранных дел Японии Мацуоко, в ходе которой он заявил, что за время своего пребывания в СССР хотел заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий в порядке дипломатического блицкрига. Он считал, подписание пакта о нейтралитете будет полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР. Однако констатировал, что его желание не увенчалось успехом. Он уезжает с сожалением, что пакт не подписан. Мацуока напомнил, что он пригласил Молотова посетить Японию. Личные визиты, а также



ответные визиты могут способствовать сближению двух стран, и это могло бы иметь положительный результат для японо-советских отношений.

После чего высказался по следующим моментам:

— Япония имеет с Германией союзный договор, однако, из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то Япония предпочитает посредничать между СССР и Германией.

— коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если подойти под углом зрения больших проблем к случаю, когда СССР будет стремиться выйти через Индию к теплым водам Индийского океана, то он считает, что это нужно допустить и если СССР захочет иметь порт Карачи, то Япония будет закрывать на это глаза. У него сложилось убеждение, что судьбу Азии решают две силы — Япония и СССР.

— для того, чтобы освободить Азию, нужно избавиться от англосаксов, а потому перед такой задачей нужно отказаться от мелких вопросов и сотрудничать в больших вопросах.

— Япония сейчас ведет борьбу с Китаем, но не с китайским народом, с которым Япония воевать не хочет. Она хочет добиться изгнания из Китая англосаксов. Чан Кай-Ши — агент англо-американского капитала, и ради этого капитала он ведет борьбу с Японией.

— относительно так называемого морального коммунизма, Мацуока говорит, что он не согласен с

политическим и социальным коммунизмом, но в основном он также придерживается коммунизма и решительно настроен против англосаксонского капитализма. Его предложение заключается в том, чтобы СССР и Япония вместе изгнали влияние англо-американского капитализма из Азии.

Сталин отметил, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Однако пакт четырех еще не назрел, т. к. Гитлер заявил, что не нуждается в военной помощи других государств. Сталин считал, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о создании этого пакта. Поэтому СССР и ограничивается вопросом о пакте нейтралитета с Японией. Вопрос назрел. 30 лет Россия и Япония смотрят друг на друга как враги. Между Россией и Японией была война. Был заключен мир, но он не принес дружбы. У Сталина не было возражений против текста пакта, только пункт о Маньчжоу-Го и МНР вызывал сомнения. Если между Японией и СССР будет существовать пакт, то поле для конфликтов между Монголией и Маньчжоу-Го останется. Сталин предложил, в той или иной форме сказать относительно МНР и Манчжоу-Го, так как в противном случае получается, что Япония может напасть на МНР, а СССР на Маньчжоу-Го. В результате будет война между СССР и Японией.

Мацуока ответил, что предложение Советского правительства передал японскому правительству. Так как у Японии с Манчжоу-Го не союзные отношения, то Мацуока считал, что лучше о Манчжоу-Го и МНР сказать в декларации.

Сталин сказал, что все равно где и заявил, что разногласий по этому вопросу нет. Остаются разногласия относительно протокола о ликвидации концессий.

Против пакта у Мацуока так же никаких возражений не было, кроме редакционных поправок. Что же касается протокола о ликвидации концессий, то он считал, что так как в скором времени будут заключены торговый договор и рыболовная конвенция, то создастся хорошая атмосфера для разрешения вопроса о концессиях, а пока что он хотел бы ограничиться передачей Молотову конфиденциального письма и подписать пакт о нейтралитете, без протокола.

Сталин заявил, что все беседы, которые вел Мацуока с Молотовым, и его беседа убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры, а что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР. В чем он раньше сомневался. Теперь у него эти сомнения исчезли. Сталин сказал, что не хотел бы затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со своими преемниками в Японии, и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига.

Мацуока заявил, что по концессионным вопросам лучшим и коренным способом его разрешения была бы продажа Японии северной части Сахалина, но так как советская сторона не принимает этого предложения, то нужно найти иной способ разрешения вопроса о концессиях. Мацуока не мог взять на себя обязательства по ликвидации концессий в 2-3 месяца, так как ему нужно вернуться в Японию и там работать, чтобы правительство и народ поняли необходимость этого. Он имел инструкцию, где говорилось о продаже Северного Сахалина, но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь.

Сталин подошел к карте и, указывая на Приморье и его выходы в океан, сказал: «Япония держит в руках все выходы Советского Приморья в океан, — пролив Курильский у Южного мыса Камчатки, пролив Лаперуза

к югу от Сахалина, пролив Цусимский у Кореи. Теперь Вы хотите взять Северный Сахалин и вовсе закупорить Советский Союз. Вы что, хотите нас задушить? Какая же это дружба?»

В ответ Мацуока сказал, что это было бы нужно для создания нового порядка в Азии. Кроме того, Япония не возражала против того, чтобы СССР вышел через Индию к теплому морю. Ему непонятно, почему СССР, имеющий огромную территорию, не хочет уступить небольшую территорию в таком холодном месте. Это создаст спокойствие в этом районе.

Сталин ответил, что это даст спокойствие для Японии, а СССР придется вести войну в Индии. По его мнению, это не годилось. Сталин считал, что желание японцев взять Северный Сахалин сродни желанию мешать жить Советскому Союзу.

Далее уточнялись поправки, решались различные технические вопросы.

В заключение беседы Сталин, Молотов и Мацуока договариваются о выделении представителей обеих сторон для уточнения текста пакта, и составления совместной декларации относительно МНР и Манчжоу-Го и т. п. [\[138\]](#)

13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете между Японией и СССР был подписан. Однако этот шаг можно рассматривать как очередной маневр японской дипломатии. В Японии полагали, что в случае агрессии Германии против СССР, несмотря на заключенный договор о нейтралитете, Япония выступит на стороне Германии. Мацуока в беседе с германским послом в Японии Отту заверил, что в случае конфликта между Германией и Россией Япония нападет на Россию.

Необходимо отметить, что Япония заблаговременно была информирована о намерении Германии напасть на СССР. Более того, японское военно-политическое

руководство ждало этого нападения, связывая его с собственными планами по захвату советских территорий на Дальнем Востоке и в Сибири.

Еще 10 июня 1941 г. оно разработало документ под названием «Курс мероприятий по разрешению нынешних проблем», где было зафиксировано, что в ходе предстоящей германо-советской войны, когда складывающаяся обстановка станет выгодной для Японии, против Советского Союза будут применены вооруженные силы. То есть подразумевалось, что политика Японии в отношении советско-германской войны будет носить выжидательный характер. Японские вооруженные силы будут готовы выступить на Советском Дальнем Востоке в зависимости от успеха действий немецко-фашистских войск против обороняющейся Красной армии.

С 25 июня 1941 г. в Японии стали регулярно проводиться заседания координационного комитета и императорской ставки. На них Мацуока настаивал на принятии политического решения в пользу немедленного выступления Японии против СССР после нападения Германии на Советский Союз. Он считал, что Японии необходимо успеть выступить еще до победы Германии, чтобы не оказаться обделенной. Если Германия победит и завладеет Советским Союзом, Япония не сможет воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для этого. Мацуока полагал так же, что не следует опасаться возможного выступления США на стороне СССР в противоборстве с Германией. Он считал, что Соединенные штаты не захотят помочь России, так как они ее ненавидят. Доказывал, что успешные боевые действия японской армии против СССР ускорят окончание японо-китайской войны. Эти действия смогут повлиять на Чан Кайши, подтолкнуть его на заключение мира с Японией [\[139\]](#).

К 25 июня японский генеральный штаб, осуществляя подготовку нападения на Советский Союз, разработал график практической реализации этого плана, который был утвержден ставкой японского военного командования. Он включал в себя следующие позиции: принятие решения по мобилизации — 28 июня; издание директивы о мобилизации — 5 июля; начало переброски и концентрации войск — 20 июля; начало военных действий — 29 августа; переброска четырех дивизий из Японии — 5 сентября; завершение операции — середина октября. Анализ этого графика свидетельствует о том, что командование японских вооруженных сил, планируя нападение на Советский Союз, рассчитывало, как и германский вермахт, осуществить против СССР «молниеносную» войну, аналогичную немецкому плану «Барбаросса»<sup>[140]</sup>.

Однако недавнее поражение на Халхин-Голе несколько скорректировало планы японского правительства. Что сыграло свою роль в отказе Японии нападения на Советскую Россию в декабре 1941 г., когда войска Германии стояли под Москвой. Это позволило в самые трудные дни обороны Москвы перебросить с Дальнего Востока до двадцати стрелковых дивизий и несколько танковых соединений, сыгравших важную роль в обороне Москвы, что позволило в дальнейшем Красной армии перейти в контрнаступление.

Из телеграмм итальянского посла в Японии — Инделли Марко, направленных им 2 июля 1941 г. в Министерство иностранных дел Италии, следовало, что министр иностранных дел Японии Мацуока вызывал к себе послов Италии и Германии. Им было сделано устное и строго конфиденциальное сообщение в отношении политики японского правительства перед лицом войны, проходящей между Италией и Германией,

с одной стороны, и Советской Россией с другой. Министр заявил, что Япония готовится соединить свои силы с силами Германии и Италии, чтобы активно бороться с коммунистической угрозой и намерена наблюдая за развитием ситуации, со всей своей решительностью уничтожить коммунистический режим, который там установлен.

В то же время сообщал итальянский посол, японское правительство хотело обеспечить себе во французском Индокитае опорные пункты, дающие возможность Японии усилить свой нажим на Великобританию и США. С этой целью Япония осуществляла постоянную бдительность на Тихом океане, включая юго-западную часть океана, с целью сдерживания этих держав и будет продолжать эти свои усилия, интенсифицируя их там, где это необходимо. Инделли полагал, что японское правительство не замедлит действовать сообразно с целями и духом трехстороннего пакта<sup>[141]</sup>.

В ходе второй мировой войны военно-политические верхи милитаристской Японии лелеяли планы создания в пределах Советского Дальнего Востока марионеточного образования со столицей в гор. Чите. Из сообщения Харбинской резидентуры НКГБ СССР относительно видов Японии о создании на Советском Дальнем Востоке буферного государства от 15 июля 1941 г. следовало, что Квантунским штабом был разработан план создания на Советском Дальнем Востоке буферного государства в рамках территории бывшей Дальневосточной Республики.

С занятием немцами Москвы планировалось сформированные из русских эмигрантов (преимущественно казаков) части ввести на территорию СССР, поднять восстание и независимо от размера захваченной территории провозгласить антисоветскую власть. Временным наместником на Дальнем Востоке

планировался атаман Семенов, который должен был обратиться за помощью к Японии и Квантунской армии. Предполагалось, что японцы должны были ввести войска на Дальний Восток, начав действия против Красной армии. Тем самым японцы избегали объявления войны. Центр буферного государства мыслился в Чите.

В связи с этими планами русский отдел японской военной миссии имел задание выяснить дислокацию советских войск на Дальнем Востоке и подготовить воззвание к русскому населению Дальнего Востока с призывом к восстанию.

В это время, 24 июля 1941 г. секретарь Хабаровского крайкома ВКП(б) Г. А. Борков направил И. В. Сталину шифртеле-грамму в которой сообщал о том, что Военному Совету Дальневосточного фронта Правительством предписано провести большие учебные сборы приписного состава. По его мнению, командование в основном правильно решает эту задачу.

Его во всем этом деле смущало то, что военные руководители спешат с вопросами эвакуации семей начальствующего состава. Он указал, что в шифровке Генштаба РККА от 21 июля в пункте 10 сказано: «Семьи начсостава из угрожаемых районов эвакуировать в восточные области СибВО, и в первую очередь семьи начсостава частей, убывших в другие округа».

22 июля на имя начальника краевого управления НКВД поступила шифровка за подписью Чернышова, адресованная органам НКВД Хабаровского, Приморского краев, Бурят-Монгольской, Якутской АССР, Читинской и Иркутской областей, в которой приказано вывезти из угрожаемой прифронтовой полосы в тыловые районы семьи работников НКВД и 30 июля сего года доложить об исполнении этого указания.

Борков понимал, что готовиться к эвакуации из прифронтовой зоны некоторых семей, и тем более детей и престарелых, необходимо. Но не ожидал, что



так быстро надо от планов перейти к действию. В связи с этим просил Сталина дать указания по этому вопросу.

Сталина написал ответ: «Хабаровск. Секретарю крайкома Боркову. Семьи пограничников и комсостава нужно эвакуировать из прифронтовой полосы. Отсутствие такого мероприятия привело к уничтожению членов семей комсостава при внезапном нападении немцев. То же самое может случиться при внезапном нападении японцев»<sup>[142]</sup>.

Ожидая оккупации японскими войсками Дальнего Востока, свою выгоду в будущем военном конфликте искали третьи силы. Из письма резидента НКВД СССР в Чунцине об отношении гоминьдановцев к нападению фашистской Германии на Советский Союз и подготовке Японии к войне против СССР от 30 июля 1941 г. следовало, что эту войну с нетерпением ожидал Чан Кай-Ши. По его расчетам за германским выступлением против СССР последует японское. Это должно было повлечь за собой общее ослабление СССР и Японии. Отсюда неизбежный вывод японских войск из Китая и в перспективе, почетный для Китая мир.

Выступление Японии против СССР способствовало разрешению и внутреннего вопроса в Китае — коммунистической проблемы. Ибо, как заявляли гоминьдановцы, войска КПК обязаны были защищать свое пролетарское государство, т. е. СССР. С этой целью, развивая боевые действия в северном направлении, КПК вынуждена будет покинуть занимаемый ею пограничный район Шеньси-Ганьсу-Нинсян и уйти в Маньчжурию.

Борьба СССР против фашистских захватчиков также расценивалась этой же реакционной частью правительства как положительный фактор для Китая еще и потому, что она позволяла разрешить Китаю в

свою пользу так называемый синьцзянский вопрос и проблему Внешней Монголии.

Чан Кай-Ши на заседании узкого круга военных руководителей 23 июля заявил, что Япония выступит против СССР в течение ближайшего месяца. Однако его прогноз не оправдался. Поэтому ожидаемое и желаемое для правительства гоминьдана ослабление позиций Советского Союза в этом регионе на тот период не произошло.

Информация советской внешней разведки содержала важные сведения и о серьезных внутривнутриполитических противоречиях, касающихся проблем территориального устройства Китая, а также экспансионистских устремлениях гоминьдановцев в отношении территории Монгольской Народной Республики. По мнению руководства гоминьдана, прибрать к рукам МНР можно будет только лишь после серьезного ослабления конкурента в лице Японии и гаранта территориальной целостности Монголии — Советского Союза<sup>[143]</sup>.

За разворачивающимся конфликтом между СССР и Японией внимательно следили ее партнеры по оси — Германия и Италия. Видимо, эта тройка, полагая победу на Востоке делом решенным, заранее подготавливала позиции для будущего раздела Советского Союза.

После краха попыток компромисса и нажима на Англию и Америку Япония начала войну на Тихом океане, решив во избежание одновременной войны на две стороны сохранить в силе советско-японский пакт о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.

3 апреля 1946 г. МВД СССР направило И. В. Сталину, протокол допроса военнопленного генерал-лейтенанта японской армии, бывшего командующего 3-й Квантунской армией Мураками Кэйсаку<sup>[144]</sup>, который 14 февраля 1946 года написал собственноручные

показания. Эти показания так же являются исключительно ценным источником в плане отражения политики Японии в отношении СССР в рассматриваемые нами годы. Они подтверждают и дополняют ниже сказанное.

Мураками в своих показаниях говорит об агрессивной политике японского империализма по подготовке войны против Советского Союза, показал об увеличении Квантунской армии, строительстве Японией стратегических железных дорог, укрепленных районов и военных заводов в Маньчжурии.

Так он сообщил, что в 1917 г. после крушения царизма в России и установлении революционного правительства, японское правительство оказывало поддержку контрреволюционным вооруженным силам, замышляя создание на русском Дальнем Востоке дружественного ей буферного государства.

В 1918 г. Япония направила в Приморье сначала одну дивизию, а затем — две. Общая численность вооруженных сил достигла 60 тысяч человек. Авангард японских вооруженных сил доходил до озера Байкал.

Несмотря на помощь, оказываемую Колчаку, Семенову и Калмыкову, первоначально рухнуло колчаковское правительство, а затем потерпело поражение контрреволюционное движение Семенова и Калмыкова. Таким образом, замысел японского правительства лопнул как мыльный пузырь.

Подробности военной интервенции Сибири японскими войсками Мураками Кэйсаку не знал, так как в 1919 г. был командирован в Польшу и другие европейские страны для изучения истории военных действий первой мировой войны. Однако, будучи в Варшаве, через капитана Ямаваки, исполнявшего обязанности военного представителя Японии в Польше, получал полную информацию о состоянии Красной армии и ее боеспособности.

Эти данные были получены от агента японской разведки Штерна, которому в то время было около 30 лет. Он являлся студентом какого-то института и имел большие связи с белогвардейцами и польской агентурой. Полученные от него данные о боеспособности Красной армии переправлялись в Токио генеральному штабу.

С момента интервенции Сибири Япония в 1918 г. стала активно проводить разведывательную работу на территории России. Была создана разведывательная сеть для деятельности против Советского Союза и в других странах: в Варшаве ею руководил капитан Ямаваки; в Эстонии — Ревеле капитан Комацу Бара, в Берлине — полковник Фуруя. В разведывательной деятельности обращалось особое внимание на изучение действительной мощи Красной армии.

18-го сентября 1931 г. в районе Мукдена возник инцидент подрыва железнодорожной линии Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД)<sup>[145]</sup>. Используя этот случай, Квантунская армия, насчитывавшая всего 13.000 человек, начала всеобщее наступление на Чжан Сюэ — Ляновскую северо-восточную армию.

Первоначально операции велись только на полосе железной дороги, но затем они распространились на другие районы. В 1932 г. на всю северную Маньчжурию, в 1939 г. на Жахэйскую провинцию. А летом того же года, перейдя через Великую китайскую стену, войска достигли Северного Китая.

Таким образом, Япония фактически оккупировала всю Маньчжурию.

Численность Квантунской армии за время событий постепенно увеличивалась и к концу оккупации Маньчжурии армия имела 70.000 человек.

Постановление Портсмутского договора было нарушено, японо-советские отношения ухудшались, и

на предложение СССР заключить пакт о ненападении со стороны Японии последовал отказ.

Захватом Маньчжурии Япония имела намерение не только экономически использовать богатства страны, но и как прямая цель — создать военно-стратегический плацдарм для нападения на Советскую Россию.

В 1932 г. по плану, разработанному секретарем кабинета министров Мори Каку, в Маньчжурии было создано марионеточное правительство, которое всецело и полностью выполняло японскую политику.

В период захвата Маньчжурии в японском правительстве произошли крупные изменения. В начале военных действий кабинет Вакацуки в декабре 1931 г. ушел в отставку, его место занял кабинет Инукаи Ки. В состав этого кабинета вошли самые враждебные по отношению к Советской России элементы.

С захватом Маньчжурии Япония приступила к активной подготовке к войне с Советским Союзом. Прежде всего, значительно был увеличен состав штаба Квантунской армии, месторасположение которого было переведено из Порт-Артура сначала в Мукден, а затем в Чаньчунь.

Квантунская армия в 1931 г. состояла всего из одной экспедиционной дивизии и одного отдельного гарнизонного отряда. В 1932 г. она была доведена до трех дивизий, в 1937 г., до 5 дивизий в 1940 г., до 13 дивизий. В 1941 г. То есть к моменту нападения Германии на СССР армия имела 15 пехотных дивизий, 2 танковых дивизии, 1 танковую бригаду, 2 авиационных дивизии, 9 отдельных гарнизонных отрядов и 13 пограничных гарнизонных отрядов.

Кроме того, в 1933 г. была создана Маньчжурская армия, численностью в 100 тысяч человек. Причем значительный процент офицерского состава этой армии состоял из японцев. Общая численность Квантунской

армии в 1941 г. достигла 700 тысяч человек и была хорошо вооружена.

В важных пунктах Маньчжурии были сформированы русские отряды из числа белогвардейской эмиграции. Руководство этими отрядами осуществлял орган особых дел японской армии («Военная миссия»), в Харбине, но в 1945 г. белогвардейские отряды были расформированы из-за недостаточного количества оружия в японской армии.

О серьезной подготовке японской армии к нападению на СССР свидетельствовали следующие факты: в 1930 г. вся тактическая подготовка командного состава в академии строилась на изучении тактики советской армии. Главной темой обучения и соответствующие тренировки в академии и различных военных училищах стали методы военных действий против советской армии. При изучении тактики часто употреблялись карты Маньчжурии и советских территорий, например, направления — Спасское, Ворошилов, Благовещенск, Иман и т. д.

В 1939 г. в Маньчжурии в г. Гунджулин было основано военное училище, непосредственно подчиненное главному инспектору военного обучения — генералу Нисио, а затем Ямада (командующий Квантунской армии). Там практически на местности велось изучение и преподавание методов военных действий против СССР, согласованных действий всех родов оружия и военных формирований. Обучались в этом училище командиры, полков и батальонов. Кроме того, в 1939 г. в гор. Сыпингай было открыто танковое училище, где велось преподавание танкового дела.

Как только Маньчжурия была оккупирована, Япония немедленно приступила к постройке стратегических железных дорог с общим протяжением 5–6 тысяч километров, главным образом в направлении советских границ. Одновременно для увеличения пропускной

способности была проложена вторая колея корейской магистрали.

Для урегулирования связи морского транспорта с сухопутными были расширены и улучшены портовые сооружения в Расине, Сейсине и Хулудао. Кроме того, по линии Мукден — Аньдун также была проложена вторая колея.

С приходом Квантунской армии в Маньчжурию, участились случаи диверсий, провокаций и т. п. на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД)<sup>[146]</sup>, поэтому советское правительство продало эту дорогу Маньчжоу-Го. Она немедленно была переделана по маньчжурскому образцу и использовалась Японией как военно-стратегическая магистраль.

Начиная с 1933 г. в районах Хайлара, Сахалина, Айгуня, Дуннина, Хулина, Баньцзайхэ и Пограничной были построены долговременные бетонированные укрепления. В важных пограничных пунктах были созданы постоянные и полупостоянные позиции.

То есть на всех направлениях намечаемых военных действий с Красной армией были построены укрепленные районы.

Вся связь в стране была поручена основанной в Чаньчуне телеграфно-телефонной акционерной компании. Она должна была оказывать содействие связи военных органов, и ей также было поручено вести радиовещание.

Число авиабаз, и аэродромов было увеличено. По всей Маньчжурии была раскинута сеть авианавигации. Кроме того, была основана Маньчжурская авиационная, акционерная, компания, которая в мирное время должна была заниматься гражданской авианавигацией, а в военное время содействовать вооруженным силам.

Для снабжения армии накапливали разнообразное военное имущество и материалы. Важнейшие склады

находились: в Муданьцзяне, Суйяне, Дуннине, Хунчуне, Цзяньдао, Дуна-не, Хулине Дмнкоу, Цзинине, Цзямусы, Цицикаре, Сун-У и Хайларе.

Для удовлетворения военных нужд были построены оружейные заводы и заводы боеприпасов в Мукдене, Хэйдзио и Чемульпо; авиастроительные заводы — в Мукдене, Харбине и Гунджулине; автомобильные и танковые заводы — в Мукдене; завод взрывчатых веществ — в Лясяне; заводы обработки горючего в Сьпингае, Фушуне, Цзиньсине, Цзиньчжоу Дайрене и в Ауди.

Кроме того, в Хулудао, Порт-Артуре, Дайрене, Телине и Щуанчэнпу были организованы хранилища горючего.

Япония за этот период времени проводила большую разведывательную работу на территории Советского Союза. Главным образом через военных атташе в Москве, Варшаве, Хельсинки, Анкаре, Бухаресте, Берлине и Риге. Военные атташе иногда съезжались в Берлине и там обменивались информацией.

Что касается Квантунской армии, то в Харбине был помещен штаб военной миссии, возглавляемый генерал-майором Акикуса. В Цзяньдао, Муданьцзяне, Дун-ане, Дзя-мусы, Сахаляне, Хайларе и прочих важных пограничных пунктах были дислоцированы отделения военной миссии. Этой организации был поручен сбор информации.

Кроме того, Квантунской армией был организован особый информационный отряд — штаб его помещался в Чань-чуне, а отделения — в важных пограничных пунктах. Он перехватывал, радиоволны советской армии и научно-техническим путем вел сбор разнообразной информации. Чосэнокайская (Корейская) и Сахалинская армии также имели задание собирать информацию о Красной армии.



Каждая армия имела на пограничных высотах прекрасные подзорные трубы. Кроме того, были установлены наблюдательные пункты, где командирами ставились способные в наблюдательном деле офицеры и унтер-офицеры. На этих пунктах днем и ночью велось наблюдение за действиями советской армией.

На границе были расположены отряды пограничной полиции Маньчжоу-Го, которые также вели наблюдение. Пограничным отделениям японской жандармерии также был поручен сбор информации по определенным вопросам.

Генеральным штабом по Сибирской магистрали посылались курьеры, которые наблюдали состояние перевозок по Сибирской железной дороге.

В ходе изучения вопросов о СССР в японской армии были изменены уставы и положения.

В Квантунской армии ежегодно два раза — осенью и зимой — проводились крупные маневры, чем повышали тренировку к войне против СССР. Проводились поездки — маневры штабных офицеров. В 1937 г. была проведена такая поездка — маневры проходили под непосредственным: руководством заместителя начальника генерального штаба Имаи.

Воспитание солдат и офицеров было направлено на ненависть к советскому народу и Красной армии. Из-за полученного в армии воспитания, на границе часто возникали конфликты и инциденты.

Осенью 1935 г. маньчжуро-монгольские войска под предводительством Ли Шоу-Сином перешли границу Маньчжоу-Го и вторглись во внутреннюю Монголию. Зимой 1936 г. они вновь продвинулись на запад. У Байлинмяо между ними и войсками Китая произошло столкновение. Войска Ли Шоу-Сина потерпели поражение и отступили. Этими актами провокаций, происходивших при содействии Японии, последняя

была намерена завязать войну, вторгнуться во внутреннюю Монголию и создать плацдарм идя захвата МНР.

У руководства 19 дивизии Чосэнской армии стояли экстремистские элементы. Летом 1938 г. они атаковали советские войска и в районе сопки Заозерной начались бои. Эти бои возникли в конце июля 1938 г. и закончились 10 августа. В это время как раз был самый разгар сражений за взятие гор. Ханькоу. Правительство Японии немедленно послало директиву японскому послу в Москве о том, чтобы он начал переговоры с Советским правительством. В результате переговоров инцидент был разрешен.

Затем в 1939 г. произошел инцидент у Номонхан (Халхин-Гол). В апреле 1939 г. по самостоятельному решению командира 23-й дивизии, пожелавшего испытать боеспособность советской армии, кавалерийский полк, под командой полковника Оучи с приданным ему пехотным батальоном вытеснил вышедшие за реку Халха вооруженные силы МНР.

Командующий Квантунской армии генерал Уэда одобрил самостоятельное решение генерал-лейтенанта Комацу-бара и оказал ему помощь. Силы были постепенно увеличены. В июле главные силы 23-й дивизии переправились через реку Халха и открыли наступление, но потерпели поражение и отступили. После этого военные действия на некоторое время прекратились, и командующий Квантунской армии вернул танковый отряд, находившийся на театре военных действий обратно в Гунджулин.

Ввиду того, что в августе военные действия возобновились, по приказу командующего Квантунской армии 7-я дивизия была дополнительно придана к 6-й армии и 23-й дивизия вместе с 7-ой дивизией, под руководством командующего 6-й армии генерал-лейтенанта Огису вступили в вооруженные действия.

Но так как они были разбиты советской армией, то по приказу командующего Квантунской армии 2-я и 4-я дивизии были переброшены с восточного фронта и приданы 6-й армии. Наступление должно было возобновиться.

В Токио испугались поражения Квантунской армии. 31-го августа в штаб Квантунской армии был послан заместитель начальника генерального штаба — генерал-лейтенант Накадзима Тэцудзо для того, чтобы прекратить военные действия, но командующий Квантунской армии стоял на дальнейшем увеличении вооруженной силы и возобновлении наступления. Тогда руководящий состав Квантунской армии, во главе с командующим армии, начальником штаба и его заместителем, а также с начальником оперативного отдела штаба были сняты и заменены.

Японское правительство через своего посла в Москве приступило к переговорам с Советским правительством и в сентябре военные действия были прекращены. Одновременно с этим кабинет Хиранума был вынужден уйти целиком в отставку.

После того как в июне 1941 г. Германия, без предварительного оповещения Японии, напала на Советский Союз, центральные правящие круги Японии экстренно усилили Квантунскую армию. Количество пехотных дивизий достигло пятнадцати. Все дивизии были мобилизованы и доведены до полного состава. Было две с половиной танковых дивизий (около 600 танков), две авиационных дивизии (самолетов передовой линии около 600). Общая численность Квантунской армии достигла примерно 700.000 человек. Такие крупные силы были сконцентрированы в Маньчжурии потому, что целью было, по крайней мере, создать угрозу для советской армии, находящейся на Дальнем Востоке, сковать ее там. В этом случае, если бы советское правительство рухнуло, то в Советском

Союзе, в том числе и на Дальнем Востоке, возникли бы беспорядки. В этом случае Квантунская армия начала бы наступление против советской армии.

Арестованный бывший командующий 3-й армии — генерал-лейтенант Мураками Кейсаку — заявил, что вышеизложенные сведения являются его личными соображениями, никакими документальными данными по этому вопросу он не имел. С его слов еще один факт свидетельствовал о подготовке нападения на СССР. В ноябре 1944 г. ему говорил бывший командующий 3-й армии генерал-лейтенант Нэмото Хироси, что в оперативном плане 1942–1943 гг. на восточном фронте предполагалось вести наступление против Красной армии. По плану предполагалось, что 3-я армия ведет наступление следующим образом: 71-я дивизия, находящаяся в Хунчуэе, наступает из района Тушнцзы в направлении Барабаш, 9-я дивизия в И-Хэ, 12-я дивизия (в Дуннине) и 1-й пограничный гарнизонный отряд наступают из района Байтаошандзы (восточнее Лаоцзюньло) в направлении Ворошилова. Кроме того, предполагалось, что 20-я армия (8-я дивизия, 25-я дивизия и приданные им различные соединения) предпримет своими главными силами наступление из района Гуань-Юэтай (севернее Пограничной) в направлении Жальково.

С 1944 г. характер оперативных планов Квантунской армии изменился. Началась подготовка оборонительных операций. В 3-й армии был также утвержден план оборонительных операций. Как раз в период возведения оборонительных укреплений началось наступление советской армии<sup>[147]</sup>.

Таким образом, вышеприведенные факты однозначно свидетельствуют о серьезных намерениях японского правительства, направленных на захват восточных территорий Советской России. Основную

роль в подготовке этого вторжения играли спецслужбы Японии.

## **Глава II**

# **Разведывательно-диверсионная деятельность японских спецслужб**

После октябрьской революции правительство Японии стало строить планы по отторжению Дальнего Востока от Советской России. Непосредственную роль в подготовке и организации вооруженной интервенции Японии на Дальнем Востоке отводилась японским спецслужбам. Они выступали в качестве орудия осуществления внешней политики японского государства.

Разведке поручалась подготовка и проведение мероприятий, облегчающих вторжение японской армии в пределы Советской России. Чтобы скрыть свои истинные намерения японское посольство в Петрограде и консульство в Москве неоднократно заверяли, что их правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела России. Однако, не смотря на эти заверения, японская разведка засылала на территорию Дальнего Востока свою агентуру, которая занималась шпионской и диверсионно-террористической деятельностью.

Спецслужбами Японии была подготовлена и осуществлена провокация, преследовавшая цель найти «подходящий предлог» для вооруженного вторжения в пределы Советского Дальнего Востока. «Существо операции сводилось к тому, что 4 апреля 1918 г. японскими агентами было совершено убийство двух граждан японской национальности, которое немедленно было истолковано, как нежелание советских властей охранять жизнь японских

подданных. На следующий день командующий японским флотом адмирал Като высадил во Владивостоке десант и публично заявил, что Япония берет на себя охрану порядка»<sup>[148]</sup>.

В период японской оккупации в городах Благовещенске, Владивостоке, Иркутске, Омске, Харбине и Чите японцами были созданы структуры так называемой «специальной (особой) службы (Токуму-Кикан). Во главе них стояли представители военной администрации, выполнявшие функции военных атташе Японии при правительстве Колчака и военной администрации на той или иной оккупированной территории, которые в переводе на русский язык стали именоваться японскими военными миссиями (ЯВМ). Создание этих структур очередной раз подтверждало, что Япония готовилась к долгосрочной оккупации Дальнего Востока.

В подрывной работе ЯВМ активно использовали белогвардейских элементов, китайских, корейских и японских граждан, враждебно настроенных против Советской России, проживавших в то время на Дальнем Востоке. Для квалифицированного руководства агентурой, организации контрреволюционных восстаний и политического бандитизма в ЯВМ были направлены кадровые японские разведчики, работавшие раньше в царской России и хорошо владевшие русским языком.

«Основными формами подрывной деятельности в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции на территории Советского Дальнего Востока и Сибири японская разведка избрала шпионаж, диверсии, террор, заговоры и организацию повстанческой деятельности. Активную подрывную работу в этот период японская разведка проводила на

территории Монголии и сопредельной с ней Советской Бурят-Монголии»<sup>[149]</sup>.

В 1921-1925 гг. перед выводом своих войск с территории Советской России японские спецслужбы развернули мероприятия по массовой вербовке агентуры, рассчитывая использовать их в дальнейшей борьбе против Советского государства. Основные кадры для этих целей вербовались в среде белогвардейцев, бывших царских чиновников, купцов и др.

После вывода своих войск японцы продолжали строить экспансионистские планы относительно СССР. Так, в конце 1927 г. майор Канда Масатанэ представил в штаб Квантунской армии и генеральный штаб Японии доклад «Материалы по изучению подрывной деятельности против России», являвшийся программой разведывательных, диверсионных и подрывных мероприятий против Советского Союза. В первом разделе документа «Общие принципы подрывной деятельности против России» отмечалось: «В будущей войне подрывная деятельность будет играть чрезвычайно важную роль... Поэтому работа, включающая в себя подрывную деятельность против России, весьма многообразна, и эта деятельность должна охватывать весь мир».

Автор доклада рекомендовал принять меры к обострению национальной, идеологической и классовой борьбы внутри Советского Союза. Предлагалось «подстрекать государства, лежащие на западных и южных границах Союза, угрожать ему таким образом, чтобы не дать возможности перебросить на Дальний Восток большую армию. При помощи экономической блокады мешать ввозу в Союз материальных средств и, в частности, предметов военного снаряжения».

Рекомендовалось также разрушать транспортные сооружения (в первую очередь сибирские железные



дороги), телеграфную связь, задерживать мобилизацию и концентрацию армии.

Второй раздел доклада был посвящен разработке важнейших мероприятий по подрывной деятельности на территории Восточной Сибири. В нем предусматривалось ведение антисоветской агитации и пропаганды, засылка на советскую территорию антисоветских групп, чтобы мешать в военное время действиям частей Красной армии. Предлагалось «в связи с развитием общего военного положения создать на русской территории антисоветское правительство и побудить свергнуть советскую власть одновременно в Сибири и на Кавказе». Предусматривалось «сделать Внешнюю Монголию антисоветской».

По поводу организации разведывательной сети на советской территории в докладе указывалось: «В том случае, если нельзя будет устроить официальные разведывательные органы, необходимо отправлять в Россию японских разведывательных агентов под видом дипломатических чиновников. Если же и это будет невозможно, то тогда нужно будет отправлять переодетых офицеров».

В приложении к докладу были разработаны «Важнейшие мероприятия мирного времени на Дальнем Востоке в связи с подрывной деятельностью против России». Среди этих мероприятий предусматривалось создание за границей белоэмигрантских организаций для враждебной деятельности против Советского Союза.

В соответствии с положениями доклада майора Масатанэ разведывательный отдел генштаба начал практическую разработку мероприятий подрывной и диверсионной деятельности против СССР<sup>[150]</sup>.

Последовательная подготовка Японии к войне с СССР была сформулирована премьер-министром Японии

Танакой и изложена в документе под названием «Меморандум Танаки». Впоследствии, после того как сведения о меморандуме стали известны, японцы попытались отмежеваться от него, заявляя, что это провокация. Однако факты свидетельствуют об обратном.

С начала 1928 г. Япония стала усиленно готовиться к военной интервенции в Маньчжурии, преследуя цель создания необходимой сырьевой базы и приобретения удобного военного плацдарма для осуществления своих захватнических намерений в отношении Китая, Монгольской народной республики и Советского Союза. В этой связи перед разведкой ставилась задача по получению наиболее полной информации о возможной позиции Советского Союза в вопросе японской интервенции в Маньчжурии. «Одновременно разведка использовалась для оказания необходимого влияния на позиции высших правительственных и военных инстанций по вопросам внешнеполитического курса, который бы обеспечивал невмешательство СССР в предстоящие события в Северо-Восточном Китае»<sup>[151]</sup>.

В первой половине 1931 г. японский Генеральный штаб приступил к непосредственной подготовке захвата Северо-Восточного Китая.

Для подбора повода вторжения японских войск в Маньчжурию вновь были использованы возможности разведывательных служб. Таким поводом послужило следующее. 18 сентября 1931 г. японская агентура произвела диверсию на Южно-Маньчжурской железной дороге недалеко от Мукдена. После этой акции японцы оккупировали южную часть Маньчжурии. В течение последующих трех месяцев при попустительстве крупных империалистических держав Маньчжурия полностью оказалась в руках японских агрессоров.

Закрепившись в Маньчжурии, японцы стали проводить активную деятельность, направленную на развязывание войны против Советского Союза. В докладе военного атташе Японии в Москве Кавабы, направленном в июле 1932 г. в Генеральный штаб, предполагалось усилить подготовку войны против Советского Союза, исходя из ее неизбежности. Отвечая Кавабе, начальник 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления Генштаба Касахара, телеграфирован в Москву о завершении этой подготовки, указывая на то, что в целях укрепления Маньчжурии война против России просто необходима для Японии.

В декабре 1933 г. военный министр Араки (ранее работавший в разведывательных органах Генштаба) на одном из совещаний руководящих деятелей страны заявил, что в проведении своей государственной политики Япония неизбежно должна столкнуться с Советским Союзом. В связи с этим Японии необходимо военным путем овладеть территориями Приморья, Забайкалья и Сибири.

С момента захвата Манчжурии начинается усиленное и планомерное развертывание работы японских разведывательных органов на СССР, проводимой различными ведомствами, в особенности военными. Основное внимание японцев было сосредоточено на работе по установлению разведки и организации диверсионных ячеек в частях и районах расположения ОКДВА. Однако наряду с этим предпринимаются меры к переброске из Манчжурии агентуры и в тыловые округа СССР и к развитию разведывательной работы своих представителей в сопредельных с Союзом странах и в самом Союзе (военные атташе, стажеры и т. д.).

В начале тридцатых годов организационно структура японской разведки выглядела следующим

образом:

*Центральное руководство военной разведкой.* Военная разведка была сосредоточена во 2-м отделении Генштаба. В его составе имелась специальная советская секция. Основным органом японской разведки на СССР, являлась военная миссия в Харбине, значительно укрепленная после оккупации Манчжурии. Ей оперативно были подчинены все военные миссии и резидентуры, расположенные вдоль советско-маньчжурской границы. Они располагались на ст. Манчжурия, на Сахалине, Пограничной, Лунщица, Хайларе и др.

Советской секции в отношении работы на Союз также подчинялись: военный атташе в Москве и подчиненные ему официально тайные резиденты в СССР (помощник атташе, секретарь, военные стажеры в Красной армии); военный атташе в Польше, лимитрофах, Турции, Германии, которые согласно распределения сфер агентурно-разведывательной деятельности, вели работу на СССР. А также чины Генерального штаба и военного министерства, командированные со специальными заданиями в западные государства и останавливающиеся проездом в СССР. Чины Генштаба, назначенные в консульства на территории СССР на фиктивные должности секретарей-практикантов для ведения агентурной работы. Разведывательные отделы штабов дивизий, бригад и отдельных отрядов, оперирующих на Западной и Восточной линиях КВЖД (опорные пункты: Цицикар, Харбин, Хайл ин).

Наряду со 2-м Отделом Генштаба, разведку по специальным отраслям военной техники проводило Главное военнотехническое управление и Управление Военно-воздушных сил Японии. Эти ведомства вели работу на СССР через военных атташе в Москве и лимитрофах и через специальных резидентов в

западных государствах (собиравших, главным образом, сведения о военных заказах СССР).

В то время прорабатывался вопрос о посылке в СССР (официально или неофициально) военных резидентов специально для изучения вопросов, связанных с техническим вооружением Красной армии.

Общее руководство зарубежной разведкой по линии морского ведомства осуществлялось третьим сектором Морского главного штаба, которое шло по двум основным линиям: первое на Владивостокский район, на Северный Сахалин и второе на Охотское море, как будущие театры операций флота и десантных частей.

Разведывательная работа в этих направлениях проводилась непосредственно военно-морскими базами на Японском море в Майдзуру и Оминато, аппаратом нефтяной концессии на Северном Сахалине (аппарат концессий был составлен из морских резервистов). Эскадрильей истребителей, крейсирующих в Охотском море между гор. Николаевском и Камчаткой. Маршрутной агентурой из состава команд японских пароходов, заходящих в гор. Владивосток, которые регулярно поставляли информацию разведывательному отделу военно-морской базы. А также по линии морского атташе в Москве, который собирал сведения о состоянии военно-морских вооружений в европейской части СССР в контакте с морской разведкой Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии.

Дипломатическая разведка осуществлялась отдельными сотрудниками посольства в Москве; Японской колонией в Ленинграде, состоящей, главным образом, из стажеров-практикантов МИДа; японскими корреспондентами в Москве; консульствами на местах.

Основная масса консульств была расположена на территории ДВК; на территории Манчжурии: в Харбине, на ст. Манчжурия, в Цзяньдао. При этих консульствах имелись полицейские отделы и специальные чиновники

министерства внутренних дел, которые имели отдельно от консульства агентуру, работающую, главным образом, по контрразведке (освещение предприятий, корейских и китайских левых), обслуживали дипломатическую разведку по линии работы на СССР.

Полицейская разведка на СССР проводилась жандармерией (военная контрразведка). В частности, жандармскими филиалами в Цуруге, Ранане (Сев. Корея) и филиалами при частях Квантунской армии в Северной Манчжурии; полицейскими органами (политическая контрразведка) в Цзяньдао, Северной Корее и на Южном Сахалине (Тойохара); нелегальной резидентурой Цуругского жандармского отделения во Владивостоке.

С начала оккупации Манчжурии все ведомства форсированным темпом стали развертывать разведывательную работу на СССР. В первую очередь это касается разведывательных органов Генштаба, занявшего руководящее положение в этой работе. Наибольшая оперативная работа проводилась Харбинской миссией.

После захвата Харбина японцы взяли в свои руки аппараты китайской разведки и полиции и усилили руководство деятельностью всех белогвардейских организаций<sup>[152]</sup>.

В это время у японцев развивается радиоразведка. В Квантунской армии был создан Специальный Отдел Радиоразведки, который занимался расшифровкой радиопереговоров, которые велись с территории СССР.

Особое внимание при организации подрывной работы против Советского Союза разведывательные органы Японии уделяли агентурной разведке. Планировалось широко использовать японцев, китайцев и корейцев с легендами сочувствующих социалистическому образу жизни.

Русских белоэмигрантов, проживавших в Маньчжурии, предлагалось вербовать с учетом их ненависти к советскому строю. Планировалось привлекать к сотрудничеству представителей различных национальностей внутри СССР, делая основной упор на националистические тенденции среди украинцев, лиц из среднеазиатских республик и советских граждан, проживающих на Кавказе. Рассматривалась возможность привлечения к сотрудничеству антисоветски настроенных лиц польской, эстонской, финской национальностей и граждан других стран, граничащих с Советским Союзом.

Планировалось активизировать подрывную работу с использованием легальных позиций, через сеть консульских учреждений на территории СССР. В каждом дипломатическом учреждении должны были быть сотрудники японской военной разведки.

Особую активность проявляло Генеральное консульство Японии во Владивостоке, которое отслеживало все события, происходившие на ДВК. Часть территории этого города была закрыта для посещения иностранцами. Однако это не смущало японцев, которые, пользуясь дипломатическим статусом, собирали разведывательные сведения об объектах береговой обороны, места базирования флота, дислокации частей и т. д.

Главные свои силы японская разведка направляла на работу в ДВК и ВСК. Однако японцы энергично развернули разведывательную деятельность и из Польши, Латвии, Турции и западноевропейских стран. Из этих стран работа шла в основном по линии использования материалов разведок, в особенности польской, с которой было заключено соглашение о финансировании ее работы на СССР.

Кроме того, большую работу японцы проводили среди различных сепаратистских групп Украины, Кавказа и Средней Азии. Военный атташе во Франции вел переговоры с группой УНР (Шульгин) о совместных действиях в районах ДВК, заселенных украинцами (Зеленый Клин). Военный атташе в Польше устанавливал связи с украинскими, кавказскими и татарскими сепаратистами.

Особую активность по связи с сепаратистскими группировками Туркестанской, Кавказской и Украинской эмиграции и организации собственной агентурной сети на Украине и Кавказе проявил японский военный атташе в Турции.

Ориентация японского Генштаба на сепаратистов ставила цель помимо их использования в разведке на СССР, подготовить почву для поднятия сепаратистского движения в союзных республиках во время войны [\[153\]](#).



## Деятельность японских спецслужб на исламском направлении

11 мая 1934 г. Тагиров — председатель Башкирского ЦИКа — писал Выкину<sup>[154]</sup>, что 10 мая 1934 г. у него на приеме был белоэмигрант Саккери, работавший на Дальнем Востоке по линии Наркомата Просвещения. Краевым отделом народного образования он был командирован в Москву для разрешения каких-то мелких вопросов. Придя к Тагирову, Саккери заявил, что зашел повидаться и поговорить с ним как с писателем.

В разговоре с ним Тагиров узнал, что белоэмигрант Гияз Исхеков, находившийся на Западе, приехал в Японию, откуда отправлен в Джунгарию (Западный Китай). Курбангали-ев, находившийся в Харбине, отправлен туда же. Рашид Ибрагимов (известный панисламист), находившийся в Турции, также приехав в Японию, впоследствии выехал в Джунгарию.

Сакмари сказал, что в Джунгарию японцами из Аравии перевезен и Ибн-Сатуг — зять бывшего турецкого султана Абдульхамида.

Перед этим 2 мая Тагирова посетил Муфтий и спрашивался о том, перед кем и какой организацией нужно ходатайствовать, чтобы получить разрешение на выезд в Афганистан или Джунгарию.

Тагиров считал необходимым выяснить, с какой целью едет в Москву Сакмари. Он полагал, что происходит вербовка известных элементов, которых Япония отправляет в Джунгарию для создания «Исламистана» (по-японски «Туркестана») по английскому плану.

Письмо было доложено Сталину, который написал: «Тов. Ягода. Хорошо бы забрать Сакмари и выудить у

него все, что нужно»<sup>[155]</sup>.

В ответ, 21 мая 1934 г. за № 50710 Ягода сообщил Сталину, что антисоветская деятельность Сакмари ОГПу известна. Сакмари (литературный псевдоним татарского писателя Газизова Абдуллы), сын муллы, зять уфимского миллионера Усманова, активный участник бывшего мусульманского собрания в Уфе сторонник Гияза Исхакова. Во время гражданской войны был связан с атаманом Семеновым. Эмигрировал в Манчжурию, где входил в правление мусульманской общины в Харбине. В 1927 г. восстановил советское гражданство и устроился на КВЖД преподавателем английского языка на ст. Пограничная. В 1932 г. переехал во Владивосток, где работает в Библиографическом Институте.

ОГПу проводилось следствие по делу вскрытой в Москве и Казани шпионско-диверсионной группы татар, которые были завербованы японской военной миссией в Харбине и переброшены на советскую территорию. В задачу этой группы входило помимо сбора шпионских сведений, создание татаро-башкирской контрреволюционной националистической организации, активное выступление которой, в частности поднятие повстанческого движения в национальных районах Поволжья и Урала, приурочивалось к моменту начала войны Японии с СССР.

Сакмари, проживая на ст. Пограничная и в гор. Владивостоке, осуществлял нелегальную связь, между националистическими элементами на территории СССР с одной стороны и с мусульманской общиной в Харбине и японской разведкой — с другой.

Показаниями арестованного по указанному делу Жабирова Файза, переброшенного японской разведкой из Харбина для шпионско-диверсионной работы, Сакмари изобличался в том, что состоял членом особой

нелегальной пятерки при правлении мусульманской общины в Харбине, которая по заданиям японской военной миссии вела активную антисоветскую работу на территории СССР путем посылки для этого специальных агентов.

В связи с этим и с целью вскрытия его связей среди националистических контрреволюционных кругов Башкирии, и Татарии, Полномочным представительством ОГПУ ДВК было предложено устроить Сакмари командировку в Москву с учетом его намерения по пути заехать в Уфу и Казань.

Было установлено, что в Уфе и Казани он связался с рядом разрабатываемых лиц. В частности, Сакмари посетил членов Центрального Духовного Управления Мусульман (ЦДУМ), информировал их о положении мусульманской общины в Харбине и татарской эмиграции на Дальнем Востоке, возглавляемой японским агентом, муллой токийской мечети Курбангалиевым.

В письме сообщалось, что на днях Сакмари прибывает из Казани в Москву и будет арестован.

По существу переданной Тагировым информации ОГПУ сообщало, что по имеющимся документальным и агентурным данным устанавливается, что Генеральный Штаб Японии через посредство военных атташе в Варшаве, Стамбуле и др. пунктах широко развернул работу по использованию националистических контрреволюционных эмигрантских контингентов для организации повстанческих и диверсионных выступлений внутри Советского Союза.

Были известны, в частности, следующие факты:

Японский военный атташе в Стамбуле в начале апреля 1934 г. представил начальнику Генерального штаба Японии конкретный план работы, в котором указывал на возможность переброски на территорию СССР крупного вооруженного отряда из

азербайджанцев со стороны Северной Персии. Для подготовки этого мероприятия ими был командирован в Персию доктор Хосров-Бек-Султанов.

Тот же атташе энергично развивал контакты с представителями национальной контрреволюционной эмиграции на Ближнем Востоке (Осман-Ходжа, Джаффар-Сеид-Аметов, Сеид-бек-Шамиль и др. лидерами).

На средства военного атташе в Варшаве был командирован в Японию и Манчжурию Гаяз Исхаков, представивший в 1933 г. в японский Генштаб план создания Идель-Уральской республики под протекторатом Японии. Военным атташе в Стамбуле был командирован туда же известный панисламист Рашид-Кази-Ибрагимов. Им обоим поручалось пробраться в Синьцзян для организации антисоветской работы через Среднюю Азию. Ожидалось также прибытие в Синьцзян лидера туркестанской эмиграции в Стамбуле Медже-дина и видного панисламиста Муса Бигеева, поездки которых были организованы представителями японской разведки<sup>[156]</sup>.

Усиление работы японских спецслужб против СССР по мусульманской линии отражают и другие документы, перехваченные разведкой Советского Союза.

«Подполковнику Хата

Генеральный Штаб Японии. Токио.

От Военного атташе при японской миссии в Риге подполковника ОУЧИ.

9 февраля 1934 г.

О сборе агентурной информации о Синьцзяне путем использования видного мусульманского деятеля Мусса Бей Джарулла.

Среди мусульман в Финляндии (их около 800 чел.) находится некий Мусса Бей Джарулла, являющийся мусульманской старшиной. Он очень культурен, знает

русский, арабский, персидский и турецкий языки и является отчаянным японофилом.

Недавно он получил приглашение от синьцзянских мусульман приехать туда. 27 января он выезжает из Финляндии и проехав по маршруту Польша-Румыния-Турция-Аравия-Сирия-Ирак-Афганистан-Индия и связавшись в пути следствия с местными мусульманскими группами, проедет в Синьцзян. Он имеет намерение, если представится возможность, до поездки в Синьцзян, посетить Японию и Манчжоу-Го. Поэтому считаю весьма удобным, если при приезде Мусса Бей Джаруллы в Токио, наше военное руководство свяжется с ним и использует его для разведывательной работы в отношении Синьцзяна и по линии руководства мусульманами.

В Токио имеется следующая организация:

Японская Ассоциация мусульман у квартала Йойоги, То-мигая № 1416. Мусса Бей Джарулла должен явиться в эту ассоциацию. Ввиду этого считаю целесообразным связаться с этой организацией. Ему нужно будет при въезде в Японию получить соответствующее разрешение японского правительства, так как у него на руках имеется только так наз. нан-сеновский паспорт. По этому поводу секретарь японской дипл. миссии в Финляндии Ичикава уже послал ходатайство в Министерство Индел. Если военное руководство имеет в виду использовать Мусса Бей Джаруллу, то следовало бы принять меры через МИД.

Мусса Бей намерен обратиться за японской визой примерно в апреле, явившись лично в нашу дипломатическую миссию в Тегеране.

Мусса Бей поддерживает систематические связи, со следующими своими друзьями в Синьцзяне:

- 1) Абдурахим Ахун Бей, Кашгар.
- 2) Джамулла Зарифкари, Кашгар.
- 3) Домулла Мохаммед Сабит, Кашгар.

- 4) Ибрахим Ахун Бей, Кашгар
- 5) Захир Аллахмар — Голджа
- 6) Имам Кашпул Исрар, Голджа.

По словам Мусса Бея мусульманские организации во всем мире поддерживают тесную связь между собой, прилагая все усилия к тому, чтобы освободиться из-под ига европейцев и американцев. Мусульмане, находящиеся на территории Советского Союза, также стремятся к освобождению.

Данные о Мусса Бей Джарулле:

Родился в 1876 г., по происхождению тюрк. Жил все время в России. В 1930 г. из Туркестана через Кашгар, Афганистан и Бомбей, бежал в Финляндию. В дальнейшем он намерен обосноваться в Кашгаре»<sup>[157]</sup>.

«Токио. Генеральный Штаб Японии

Подполковнику Хата

От подполковника Оучи Рига.

Прошу передать письмо Мусса Бей Джаруллы в адрес Японской Мусульманской Ассоциации.

Написал в городе Ревеле.

Многоуважаемый Рашид Хазрят Ибрагим!

Шлю Вам свой искренний привет. Пишу это письмо очень спеша, желая воспользоваться удобным моментом. Случайно встретился на одном собрании с майором Акио Дои и решил воспользоваться этим. Наверно, Вам хорошо известен вопрос о визе. Я был бы очень рад, если бы Вы ходатайствовали перед министерством Внутел Японии о выдаче мне визы и этим открыли мне доступ в Японию. Я прошу Вас позаботиться об этом. Господин Майор на дороге мне говорил несколько обнадеживающих слов. Японский посол в Гельсингфорсе также мне советовал обратиться к Вам.

Я жил в Финляндии около 6–7 м-цев и выехал оттуда с целью посещения Ирака и Персии. Меня приглашают в Кашгар. Я намерен через Японию поехать в Китай прежде чем окончательно устроиться в Кашгаре. Я тоже хочу побывать во всех странах. Я намерен остановиться в Кашгаре после этого большого путешествия и преподавать Богословие и литературу в течение 4–5 лет.

Буду очень тронут, если Вы будете ходатайствовать визу для меня. Если можно постарайтесь и о результате можете сообщить мне через Хакима-Муллу в Финляндии. Сообщат мне также, если напишете в иракские газеты. Будет еще лучше, если о выдаче визы меня известят через японское посольство в Персии.

28-го января 1934 года»<sup>[158]</sup>.

«В Токио во 2-й Отдел Генерального Штаба подполковнику Хата /н/примечан. начальнику советского сектора.

От военного атташе при японской миссии в Варшаве — майора Янагида

Председатель местной мусульманской ассоциации Исха-ки-бей, о котором я Вам уже сообщал, и который известен Вам, выезжает в конце июля из Варшавы в Японию. Цели его поездки в Японию заключаются в следующем:

1. налаживание работы с татарами,
2. установление связи с мусульманами в Маньчжоу-Го,
3. установление связи с китайским Туркестаном,
4. политический контакт с Японией по поводу указанных вопросов.

Для меня неясно насколько для нас выгоден, принимая во внимание нынешнюю ситуацию, приезд Исхаки в Японию. Но с другой стороны, никаких оснований возражать против поездки — нет. Мы ему

выдали визу и оказали ряд других услуг. Кроме этого, учитывая дальнейшие перспективы, мы оказали ему кое-какую материальную поддержку. Считаю необходимым уведомить Вас об этом. Как только окончательно определится дата отъезда, я сообщу Вам дополнительно. По прибытии его в Японию, прошу взять его под соответствующее руководство. Сегодня я послал свои соображения по вопросу о внесении коррективов в наш воинский устав. Резиновую именную печать от Фужзицука получил. Куклы для капитана Симануки еще не получены.

18 июля 1933 г. Янагида»[\[159\]](#).



## **Взаимодействие разведок Японии и Германии**

22 мая 1934 г. Ягода сообщил Сталину, что в расшифрованных телеграммах японского военного атташе в Москве на имя помощника начальника японского Генштаба (за № 55, 56, 57 и 58 от 12-го мая) сообщалось, что германским военным атташе в Москве полковником Гартманом были переданы японцам подробные разведывательные данные, касающиеся ряда конструкций самолетов, а также секретные сведения о некоторых авиационных заводах (заводы № 81, 22, Пермский, Воронежский и другие).

Обращало на себя внимание, что некоторые из переданных германским военным атташе разведывательных данных в отношении авиации СССР и авиапромышленности относились, несомненно, к последнему времени. Заслуживало внимания также и то, что помимо сведений о военных самолетах германский военный атташе располагал данными, касающимися гражданского авиастроения, в частности по заводу № 81.

В целях вскрытия источников, которыми пользовался германский военный атташе и, исходя из того, что германские подданные с работы в авиапромышленности повсеместно были удалены, органами ОГПУ был подвергнут анализу ряд агентурных разработок обрусевших немцев, имеющих отношение к авиапромышленности и подозрительных по шпионажу в пользу Германии.

Из числа таких лиц особое внимание вызвал консультант Главного Управления Гражданского Воздушного Флота — С. Ф. Лукенберг (по национальности полушвед, полунемец, гр-н СССР,

беспартийный, бывший сотрудник концессии «Юнкере», бывший начальник Планового Отдела Авиаспец-треста). Лукенберг в период службы его в концессии «Юнкере» был осведомителем Особого Отдела ОГПУ, но существенных сведений не сообщал и в 1932 г. связь с ним была прекращена.

В начале 1932 г. он по своей инициативе и без всяких рекомендаций поступил на службу в Авиаспецтрест, воспользовавшись происходившей тогда мобилизацией в Авиапромышленность всех бывших работников авиации.

Последующим наблюдением за ним было установлено, что он имел тесные связи с рядом работников Главного Управления Авиационной Промышленности (ГуАП) через свою жену С. А. Ланскую — работника Отдела Снабжения ГуАП. Он располагал по своему служебному положению обширными данными о ГуГВФ и в частности о заводе № 81 (находился в непосредственном обслуживании Лукенберга, как консультанта ГуГВФ). Установлено что Лукенберг с 1927 г. был знаком с установленным германским разведчиком, представителем ряда германских фирм в Москве, германско-подданным Г. Вальтером, поддерживающим в свою очередь связь с сотрудниками германского посольства в гор. Москве.

17-го мая Лукенберг был арестован. В ходе допроса он сообщил, что в 1924 г. был завербован для разведывательной работы в пользу Германии агентом Разведывательного Отдела Штаба Рейхсвера, бывшим директором воздушных линий фирмы «Юнкере» в Москве — А. Н. Воскресенским (русский, эмигрант, германский подданный, в 1926 г. выехал из пределов СССР). Далее он показал, что в 1927 г. с ним связался по разведывательной линии Вальтер, под руководством которого он и выполнял функции резидента в ГуАП и ГуГВФ.

Подробное перечисление Лукенбергом сведений, переданных им через Вальтера для германской военной разведки и в частности сведений по заводам № 81, 22, Пермскому и Воронежскому показало, что они в основном и содержали в себе те разведывательные данные, которые впоследствии были переданы германским военным атташе полковником Гартманом японцам<sup>[160]</sup>.

Японская разведка в период, предшествовавший Великой Отечественной войне, и в ходе ее активно сотрудничала со спецслужбами фашистской Германии. Их совместная разведывательная деятельность против СССР была налажена в 1936 г., когда между Германией и Японией был заключен так называемый «антикоминтерновский пакт». В это время в японских разведывательных органах были созданы специальные подразделения, которые поддерживали связь с немецко-фашистскими спецслужбами. Но наиболее тесное сотрудничество в плане обмена разведывательной информацией о Советском Союзе началось с осени 1940 г., с момента заключения тройственного военно-экономического союза между Германией, Италией и Японией.

Как показал арестованный органами госбезопасности в 1945 г. бывший начальник разведотдела Квантунской армии полковник Асада, сотрудничество между разведывательными службами Германии и Японии в период войны осуществлялось на основании распоряжения начальника Генерального штаба японской армии Сугиямы.

В Токио разведывательный контакт поддерживался через начальника 2-го (разведывательного) управления Генштаба, который непосредственно передавал и получал информацию о Советском Союзе через германского военного генерал-майора Кречмера.

Последний, кроме того, был тесно связан с начальником 16-го отделения 5-го (русского) отдела 2-го управления Генштаба полковником Аmano.

В Маньчжурии сотрудничество было налажено через 2-й отдел штаба Квантунской армии и аппарат военного атташе германского посольства в Маньчжоу-Го. Вместе с тем необходимую информацию германский военный атташе в Маньчжоу-Го получал и от начальника Информационно-разведывательного управления Квантунской армии.

Сотрудничество между специальными службами Германии и Японии продолжалось вплоть до окончания войны. Это подтвердил в своих показаниях Асада, который, вступая в должность начальника 2-го (разведывательного) отдела штаба Квантунской армии в апреле 1945 г., получил указание от начальника штаба армии Хаты о необходимости поддержания связи по разведывательной линии с германским военным атташе в Маньчжоу-Го.

Контакт между японской и немецко-фашистской разведками в период советско-германской войны был налажен не только на уровне руководящих инстанций. В процессе анализа архивных документов установлено, что по согласованию вышестоящих органов спецслужб этих стран такое сотрудничество в подрывной работе против СССР имело место и между отдельными разведчиками, а при необходимости и на агентурном уровне.

Так, арестованный в 1945 г. резидент японской разведки Суражкевич сообщил в своих показаниях, что он, как полуофициальный сотрудник Мукденской ЯВМ, по разрешению руководства последней совместно с агентом ЯВМ белогвардейским атаманом Семеновым поддерживал разведывательный контакт с сотрудниками гестапо Гертнером и Фуксом, находящимися в Маньчжурии как представители

деловых кругов Германии. По словам Суражкевича, Гертнер и Семенов обменивались информацией о положении во Внутренней Монголии. Сам же Суражкевич и Гертнер информировали друг друга о политическом положении немецкой и русской колоний в Маньчжурии.

Японцы в рассматриваемый период передавали немцам самые разнообразные сведения разведывательного характера: о численности и дислокации советских войск на Дальнем Востоке, о военных и экономических возможностях Советского Союза, об эффективности бомбежек немецко-фашистской авиацией Москвы, о метеоусловиях в районе столицы, о характере грузов, поступающих в СССР через дальневосточные порты из США. Немцам сообщались и такие важные для них сведения, как переброска частей Красной армии с Дальнего Востока на советско-германский фронт, планы переброски и многие другие разведывательные данные.

Асада в своих показаниях о целях сотрудничества немецко-фашистской и японской разведок откровенно заявил: «Передача разведданных о СССР Германии в тот период производилась на том основании, что у Японии и Германии была единственная цель — добиться поражения СССР и при этом немцы хотели захватить Украину, Белоруссию и Прибалтику, а японцы Приморье и Забайкалье».

Данное заявление может вызвать возражения по поводу захватнических устремлений Германии и Японии, так как их планы в этом отношении были гораздо обширнее, однако цель сотрудничества спецслужб Японии и Германии указана точно — добиться поражения СССР<sup>[161]</sup>.

## **Взаимодействие разведок Японии и Польши.**

19 марта 1932 г ИНО ОГПу сообщило Сталину сведения, полученные от источника во французском генштабе. Советский агент, находясь в Варшаве, беседовал с начальником штаба польской армии генералом Гонсяровским, который сообщил ему, что осенью 1931 г. Варшаву посетила группа высокопоставленных японских офицеров. В ходе этого визита между генштабами двух стран было заключено письменное соглашение. «Гонсяровский отметил, что согласно этому соглашению Польша обязана быть готовой оттянуть на себя силы большевиков, когда японцы начнут продвигаться по территории СССР»<sup>[162]</sup>.

Будучи осведомленными о стратегических установках японского Генерального штаба на развязывание войны против Советского Союза, разведывательный аппарат 2-го управления Генштаба и 2-й отдел штаба Квантунской армии осуществляли направление своих сотрудников в сопредельные с Советским Союзом капиталистические государства для сбора с их территорий разведывательных сведений об СССР. Находясь в таких странах, как Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, граничащих с Советским Союзом, японские разведчики контактировали в подрывной работе со специальными службами этих государств, получая интересующую их информацию о вооруженных силах и экономике СССР.

Особенно тесный контакт японские разведчики поддерживали с представителями 2-го (разведывательного) отдела польского Генерального штаба. Назначая в 1933 г. военным атташе в Польшу подполковника Янагиту, разведывательное управление

генштаба Японии поставило перед ним задачу: используя общую границу Польши и СССР, проводить военную, экономическую и политическую разведку против нашей страны. При этом японские спецслужбы учитывали антисоветскую направленность польской политики, так как, по заявлению Янагиты, «у Польши и Японии Советский Союз являлся общим врагом»<sup>[163]</sup>.

25 августа 1933 г. секретарю ЦК БКП(б) Лазарю Кагановичу зам. председателя ОГПУ Ягода и начальник Экономического управления ОГПУ Миронов писали, что в результате углублённой агентурной работы по вскрытию контрреволюционной вредительской и шпионской организации в военной промышленности — Орудийно-Арсенальное Объединение и его заводы было установлено, что на территории Союза действует разветвлённая шпионская сеть, созданная разведывательными органами Польши, которая вела крупную шпионскую и диверсионную работу на заводах Военной промышленности. К моменту ликвидации этой шпионской сети агентурой НКВД было установлено, что во главе ее в качестве организатора и руководителя стоит специально переброшенный на территорию СССР крупный резидент польской разведки, прибывший в СССР под видом политэмигранта Минин Михаил Робертович.

Одновременно с операцией всей контрреволюционной организации в Военной промышленности, ОГПУ, ПП ОГПУ МО и ГПУ УССР была ликвидирована и указанная выше польская резидентура. При этом были установлены конспиративные явки польской разведки в Москве (квартира гр-на Клячко Льва Аркадьевича на Троицкой улице в д. № 1/4, кв. 2) и в Киеве (кв. гр-ки Арабок Марии Пахомовны — «Люси», ул. Короленко, д. № 71 на 1-м этаже). Кроме того, был арестован в числе других

резидент Польской разведки Минин Михаил Робертович, настоящая фамилия которого — Бриль Виктор Иосифович.

В этих материалах отражается взаимодействие японской и польской разведок. Так, в связи с заданиями агента польской разведки «Совы» о получении сведений по оборонным работам на границах был завербован для шпионской работы по Дальнему Востоку инженер Рыбальченко, работавший участковым прорабом на строительстве по укреплению Маньчжуро-Китайской границы.

«Через Рыбальченко были получены и переданы польской разведке секретные документы об укреплениях на ДВ с указанием конструкций укреплений и их качества, дислокация и планы построенных на ДВ в 1932 г. воинских казарм.

При аресте участника к.-р. организации Улановского, непосредственно вербовавшего Рыбальченко, на квартире изъяты полученные от последнего для передачи полякам материалы с подробным описанием обороноспособности Дальнего Востока.

При передаче Мининым-Брилем сведений по Дальнему Востоку агенту польской разведки "Сове" последним были даны указания по дальнейшему собиранию сведений по оборонным мероприятиям по ДВ и, в частности, было сказано, что по договоренности Польши и Румынии с Японией первый удар должен быть произведен на Д. Востоке. Проводившаяся шпионская и диверсионная работа широко финансировалась разведорганами Польши».

На 23-е августа по делу контрреволюционной организации в Военной промышленности было арестовано 70 человек [\[164\]](#).



17 мая 1934 г. зампред ОГПУ Ягода проинформировал Сталина, что японский посол в Москве Ота телеграфно известил японского посла в Синьцзяне о вылете из Москвы в Биробиджан корреспондента польской газеты «Наш Пшег-лонд» (орган еврейской буржуазии сионистского направления, симпатизирующий Пилсудскому) — Бернарда Зингера.

Б телеграмме Ота указал, что Зингер едет с целью ознакомления с Советским Дальним Востоком и в частности с Биробиджаном. После чего он планирует выехать с этой же целью в Маньчжоу-Го.

Согласно этому сообщению Зингер был связан с японским корреспондентом в Москве газеты «Осака-Асахи», в силу чего Ота указывал на возможность получения от Зингера информации о военном положении Дальнего Востока и просил оказать ему полное содействие, связав его конфиденциально с представителем Маньчжоу-Го в Харбине.

Зингер был известен органам ОГПУ, как лицо, связанное со 2-м Отделом Польского главного штаба (персонально с шефом контрразведки полковником Мейером — руководителем работы по борьбе с компартией Польши). Внешне Зингер выдавал себя за симпатизирующего коммунизму, имел связи среди легальных коммунистов — еврейских литераторов. Наряду с этим было известно, что Зингер изредка давал ТАССу информацию о сеймовой работе. В СССР Зингер приезжал в 1927, 1930 и 1933 гг. В этот раз Зингер въехал по местной визе полпредства СССР в Варшаве без согласования с центром.

19-го мая ОГПУ было дано телеграфное указание ПП ОГПУ ДВК о тщательном наблюдении за Зингером, с целью выявления его связей и одновременно перед НКВД был поставлен вопрос о запрещении Зингеру в будущем въезда в СССР<sup>[165]</sup>.

Особый отдела ОГПУ информировал ПП ОГПУ в Хабаровске о том, что вылетевший 17 мая из Москвы в Хабаровск в целях ознакомления с Биробиджаном польский корреспондент Бернард Зингер получил от японской разведки в Москве ряд серьезных поручений. В Хабаровске Зингер должен был встретиться с представителями консульств Японии Маньчжоу-Го, после чего выехать в Харбин. Предлагалось принять меры тщательного наблюдения за ним на территории СССР и за рубежом<sup>[166]</sup>.

Из перехваченной телеграммы японского посла в Москве японскому послу в Синьцзяне следовало, что они ждали от Зингера определенной разведывательной информации. Посол писал: «Есть надежда на получение от него благодаря этой поездке информации в отношении военного положения советской стороны». Просил оказать Зингеру необходимое содействие<sup>[167]</sup>.

8 июля 1934 г. в Польшу с трехдневным визитом прибыл брат японского императора принц Коноэ, который привез Пилсудскому письмо от бывшего военного министра Японии генерала Араки, который активно выступал в 1932 г. за начало военных действий против СССР. Японский военный сообщал о намерении напасть на Советский Союз, используя в качестве повода КВЖД, но жаловался на слабость японской авиации, из-за чего войну приходилось отложить до марта-апреля 1935 года. Тем не менее несмотря на эти причины он заявил: «Если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации»<sup>[168]</sup>.

В сентябре 1934 г. Варшаву посетила японская военная миссия во главе с начальником авиационной школы в Аконо генералом Харута. К осени 1934 г. польско-японское военнотехническое сотрудничество шло полным ходом.

11 ноября 1934 г. советник полпредства в Варшаве Б. Г. Подольский сообщил зам. наркома Б. С. Стомонякову о том, что японский генштаб осуществляет наблюдение за СССР из Прибалтийских стран и из Польши, а «польская военная и металлургическая промышленность получила от Японии заказы. Она разместила в Польше двухгодичный заказ на изготовление 100 тыс. винтовочных стволов, а также приобрела у нее лицензию на истребитель П-7. Польские предприятия выполняли так же японские заказы на стальной прокат, бронеплиты, трубы и турбины»<sup>[169]</sup>.

Сразу после войны, органами НКГБ СССР в г. Бухаресте был задержан и в марте 1945 г. доставлен в Москву Ортвин-Ельяшевич Бронислав Станиславович, 1897 г. рождения, уроженец г. Варшавы, из дворян, по национальности поляк, подданный Польши, беспартийный, кадровый офицер польской армии, в момент задержания — без определенных занятий.

На следствии он показал, что ранее проживал в России, окончил Киевский кадетский корпус и в конце 1918 г. выехал в Польшу. С 1920 г. служил кадровым офицером польской армии в должности командира артиллерийской батареи, а с 1936 г. в качестве шифровальщика польских разведывательных органов в пограничных войсках. В 1939 г. Ортвин-Ельяшевич был отозван в распоряжение 2-го отдела польского генерального штаба и назначен начальником разведывательной школы в Варшаве по подготовке агентуры для заброски в Советский Союз.

Из его показаний следовало, что 2-й отдел польского генштаба свою работу против Советского Союза координировал с японской разведкой через японского военного атташе в Варшаве полковника Уэда. Польская разведка совместно с японцами занималась вербовкой агенты из числа участников «Национально-трудового союза нового поколения» (НТСНП), субсидировав названную организацию, которая, в свою очередь, поставляла агентов.

Существовавшая в Варшаве школа разведчиков была укомплектована из членов НТСНП, прибывших из Югославии и Франции. Срок обучения был рассчитан на 2 месяца по следующей программе: политическая и экономическая география СССР; история ВКП(б); устройство советского и партийного аппарата; экономическое положение СССР; структура и организация Красной армии; общественные организации; быт в СССР; советская терминология; состояние охраны границ СССР; фотодело; изготовление поддельных печатей; тайнопись и шифры. Большое внимание уделялось вопросам физической подготовки, стрельбе из револьвера и метанию гранат. Основными преподавателями школы являлись Воронец Николай, капитан артиллерии в отставке, и Перич Георгий Сергеевич, он же Муха Станислав, он же Околович Г. С., белоэмигрант, один из руководящих участников НТСНП<sup>[170]</sup>.

## Совершенствование специальных служб Японии

События 1938–1939 гг. не только показали военную слабость Японии, но и вскрыли серьезные недостатки в разведывательном обеспечении подготовки и хода боевых действий. Генерал Акикуса прямо указал: «... особенно ярко выразилась слабость Харбинской ЯВМ в части сбора информационно-разведывательных сведений о Советском Союзе»<sup>[171]</sup>.

Анализируя поражение своих войск, японские спецслужбы пришли к выводу о необходимости усиления, кроме военной и экономической разведки. Уделив внимание сбору информации о политико-моральном состоянии советского общества и личного состава Вооруженных Сил Советского Союза.

В связи с этим к 1940 г. появляется новый вид подрывной деятельности японцев против СССР — политическая разведка. Принимаются решительные меры по улучшению разведывательно-подрывной работы против нашего государства.

В августе 1940 г. все ЯВМ в Маньчжурии были реорганизованы, увеличено их общее количество. Они стали подчиняться не 2-му (разведывательному) отделу штаба Квантунской армии, а вновь созданному на базе Харбинской ЯВМ Он же курировал разведывательную деятельность против СССР 3-го отдела управления политической службы жандармерии и особых отделов пограничных полицейских отрядов. К 1941 г. в Маньчжоу-Го насчитывалось около тридцати подобных миссий, включая отделения на местах<sup>[172]</sup>.

Информационно-разведывательному управлению Квантунской армии, которое непосредственно замыкалось на командующего Квантунской армией, был

учрежден новый устав разведывательной службы, в котором подчеркивалось, что вся разведывательная работа против СССР сосредоточивается в руках ЯВМ. Этот документ запрещал в целях улучшения качества работы заброску агентуры на территорию Советского Союза органами жандармерии и полиции, которым предписывалось усилить контрразведывательную работу. Реорганизация была закончена к концу 1940 г., и Информационно-разведывательное управление приступило к практической подрывной деятельности против СССР.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз активизировалось участие японских спецслужб в подготовке непосредственного вторжения на территорию СССР. Генеральный штаб японской армии разработал в спешном порядке свой план агрессии на Советском Дальнем Востоке, получивший кодовое наименование «Кантокуэн», что в переводе на русский язык означало «особые маневры Квантунской армии». В июле 1941 г. план «Кантокуэн» начальник Генштаба Сугияма доложил военному министру Толли о, который утвердил его и передал командующему Квантунской армии для приведения в исполнение. По этому плану предусматривалось начать военные действия против СССР в тот период, когда Советский Союз в войне с Германией окажется в наиболее трудном положении, и будет вынужден перебрасывать воинские части с Дальнего Востока на Западный фронт. Не сможет, как предполагалось, оказать должного сопротивления.

Разведывательно-диверсионное обеспечение плана командующим Квантунской армией генералом Умедзой было возложено на начальника Информационно-разведывательного управления генерала Янагиту. Были разработаны конкретные мероприятия по разведывательному обеспечению подготовки

вооруженного вторжения на территорию СССР и организации акций непосредственного подрыва в период боевых действий. Так, на разведку возлагалась обязанность по сбору сведений об укреплениях в советской пограничной полосе и сосредоточении советских войск у озера Ханко, южнее Ворошилова, Нерчинска и Халхин-Гола.

«Диверсионно-террористические акции планировалось совершать в отношении железнодорожных и оборонных сооружений в Приморье, Забайкалье и Сибири, а также против командиров, политработников и представителей Советской власти в приграничных районах СССР.

Информационно-разведывательное управление Квантунской армии и отделения ЯВМ на местах в срочном порядке приступили к усиленной подготовке шпионов и диверсантов для предстоящей заброски в тыл советских войск. При ЯВМ в городах Харбине, Янцзы, Муданцзяне, Сахалине, Трехречье, Хайларе, Ванемяо стали укрупняться существовавшие ранее разведывательно-диверсионные отряды, насчитывавшие в середине 1941 г. более 2.000 человек. Отряды формировались из русских белоэмигрантов, китайцев, монголов, корейцев, японцев, а также представителей народностей, населяющих Советский Дальний Восток. Кроме того, штабом Квантунской армии были созданы еще четыре новых диверсионных отряда общей численностью до 500 человек»<sup>[173]</sup>.

Особое внимание спецслужбы Японии стали уделять вопросам проведения антисоветской агитации и пропаганды. Методам управления при захвате в ходе боевых действий советской территории, организации там административных органов управления.

Так в октябре-ноябре 1941 г. было усилено 11-е (пропагандистское) отделение 8-го отдела 2-го

(разведывательного) управления Генштаба японской армии, которому поручалось разработать планы проведения антисоветской пропаганды и агитации, и организации повстанческих отрядов в период нападения Японии на Советский Дальний Восток. Предполагалась засылка на территорию СССР агентов с целью проведения пораженческой агитации, распространения антисоветских листовок и разного рода провокационных слухов.

Было отпечатано большое количество антисоветских листовок, брошюр, фальшивых советских денежных знаков с антигосударственными надписями, всевозможные этикетки, почтовые марки, открытки и календари. Все эти материалы направлялись из Токио в Информационно-разведывательное управление Квантунской армии, которое рассылало их в отделения ЯВМ на местах. К изготовлению антисоветской литературы было привлечено пропагандистское отделение Информационно-разведывательного управления. В Харбине была сооружена мощная радиостанция, которая должна была во время боевых действий транслировать антисоветские передачи на захваченную территорию.

При планировавшейся оккупации советской территории японским командованием предусматривалось создание «поэтапных штабов» во главе с представителями ЯВМ, жандармерии и армии, которые должны были вести борьбу с партизанами, выявлять коммунистов и комсомольцев, сотрудников НКВД и контрразведывательных органов, осуществлять разведывательную и контрразведывательную работу.

На японские спецслужбы была возложена и задача по отработке других вариантов обоснования вторжения на территорию СССР, а также создания эффективно действующих органов управления оккупированных советских территорий.



Японские правящие круги, Генеральный штаб и руководство спецслужб решили подготовить запасной вариант действий на случай вооруженного вторжения на территорию СССР без участия белоэмигрантских войск. В такой ситуации предполагалось использовать опыт создания германскими войсками административных органов управления на оккупированных территориях. Для обобщения такого опыта в первой декаде июля 1941 г. генеральным штабом японской армии был командирован в Берлин японский разведчик Ш. Акикуса, работавший еще в 1919 г. в разведорганах японских оккупационных войск в Сибири.

Впоследствии арестованный генерал-майор Шуи Акикуса на следствии показал: «Японским генеральным штабом мне было поручено собрать материалы об организации административных органов на оккупированных территориях, предполагая использовать их в случае оккупации районов Советского Союза и других стран. С этой целью по заданию генерального штаба японской армии я под видом секретаря посольства Маньчжоу-Го в Германии под вымышленной фамилией Хосино ездил в Берлин, откуда затем выезжал в Италию, Венгрию и Румынию, собирая сведения о постановке и организации немецкой администрации в оккупированных Германией странах... когда я был в Берлине, японский военный атташе в Германии генерал-лейтенант Банзай проинформировал меня, что из японского генерального штаба им получено сообщение о том, что Квантунская армия находится в состоянии боевой готовности к выступлению против СССР.

Предположив, что японским войскам удастся оккупировать Советский Дальний Восток, я составил телеграмму, изложив в ней содержание собранных мною материалов по вопросу создания оккупационной

власти, и в зашифрованном виде через военного атташе отослал ее помощнику начальника генерального штаба генерал-лейтенанту Танабе.

После этого я отослал в генеральный штаб из Берлина еще две такого же характера шифротелеграммы...»[\[174\]](#)

«Проведя всестороннюю подготовку разведывательноподрывных акций против Советского Союза на случай войны и, осуществляя активное информационное обеспечение предстоящих боевых действий, разведывательные органы Японии приступили к реализации своих планов по провоцированию Советского Союза к нарушению заключенного с Японией пакта о нейтралитете. Осуществление одной из провокаций 2-й (разведывательный) отдел штаба Квантунской армии поручил Цзямусянской ЯВМ. Акция санкционировалась разведывательным управлением Генштаба японской армии. Для ее проведения был подобран и подготовлен опытный агент особого отделения Туньцзянского жандармского отдела китаец Яо Цзычжан, бывший командир полка одной из националистических военных группировок в Маньчжурии, завербованный японской контрразведкой еще в 1931 г.

13 июля 1941 г. в 6 часов утра на участке погранзаставы Брандвахта пограничный наряд задержал японского агента Яо Цзычжана при переходе государственной границы СССР. На допросах Яо Цзычжан показал, что по заданию японской разведки он должен был нелегально проникнуть на территорию СССР, сразу же пойти на задержание и, прикрываясь легендой о желании бороться с японскими захватчиками, добиться направления его в Москву для встречи с генеральным консулом Китая. Для закрепления легенды Яо Цзычжану предлагалось через

китайского консула просить у Советского правительства разрешения выступить по радио с воззванием к маньчжурскому и китайскому народам. Войдя в доверие к китайскому консулу, японский агент должен был просить его об оказании помощи в борьбе с японскими оккупантами на территории Маньчжурии. Через консула Яо Цзычжан должен был добиться у Советского правительства разрешения на формирования партизанских отрядов из китайцев, проживавших на территории СССР, для дальнейшей переброски в Маньчжурию. Сформированные отряды планировалось возглавить самому агенту, а во время переброски через границу Яо Цзычжану предписывалось открыть стрельбу по японцам, охранявшим границу, и местным жителям на маньчжурской территории. После чего вместе с отрядом сдаться в плен»<sup>[175]</sup>.

Планируя и претворяя в жизнь подобные провокации, японцы пытались получить факты, уличающие Советский Союз в нарушении положений пакта о нейтралитете, для того, чтобы иметь основания для осложнения дипломатических отношений с СССР или же прямого военного выступления.

Военный и военно-морской атташе в Москве приступили к анализу событий на советско-германском фронте и прогнозированию возможного срока падения советской столицы. С этой целью в военном атташате была составлена специальная инструкция, которая разграничивала обязанности каждого сотрудника по сбору разведывательных сведений и изучению хода боевых действий на советско-германском фронте.

Необходимо подчеркнуть, что японский военный атташе в Москве полковник Ямаока и военно-морской атташе капитан 1-го ранга Ямагучи расходились в оценке хода советско-германской войны. Ямаока верил

в возможность гитлеровского «блицкрига» против СССР. Выезжая вместе с дипкорпусом в октябре 1941 г. в Куйбышев, он даже оставил в Москве своего помощника Сасаки для того, чтобы проследить последнюю фазу боев под Москвой и вступления немцев в город. В инструкции, данной Сасаки, предусматривалось, что после того, как он окажется по ту сторону фронта, то должен будет перейти в подчинение к военному атташе Японии в Германии.

Другого мнения придерживался капитан 1-го ранга Ямагучи. 11 августа 1941 г. в письме, адресованном работнику военно-морского министерства Такате, он писал, что германская сторона начала войну с расчетом на захват Москвы через две недели и полный разгром Советского Союза через 2 месяца. По мнению Ямагучи, если война действительно начата на основе таких стратегических установок, то она, вне всякого сомнения, кончится провалом и в будущем можно ожидать чрезвычайно грозной ситуации.

В письме, военно-морскому атташе Ямагучи из Морского главного штаба от ответственного работника советского сектора Усуи (датированном 18 марта 1942 г.), сообщается о том, что в отношении СССР утвержден курс политики, предположенной высшим флотским командованием: «Наши отношения с Советским Союзом — вот проблема, которая в данный момент вызывает чрезвычайное напряжение нервов всего японского народа. Среди населения распространяются самые сенсационные, выдаваемые за правду слухи. Вопросы, с которыми обращаются к нам по поводу этих слухов, приводят нас в замешательство. В наших центральных инстанциях пришли к единодушному решению — все силы обратить на закрепление позиций на Юге, а в отношении Севера — выдерживать до конца пассивную линию. Эта

установка, по-видимому, уже дана Квантунской армии»<sup>[176]</sup>.

В результате серьезных ошибок, допущенных при оценке хода советско-германской войны, японский военный атташе в Москве Ямаока был досрочно отозван в Токио, а на его место в марте 1942 г. назначен опытный разведчик полковник Ябе Чу-та, который в 1935–1936 гг. руководил резидентурой консульства Маньчжоу-Го в Благовещенске под вымышленной фамилией Ямазаки Чу. Последующая деятельность военного атташата Японии в Москве свидетельствовала об объективной оценке положения на советско-германском фронте, военного потенциала и резерва страны, а также морально-политического состояния советского общества. Такая оценка разведывательным органом мощи Советского Союза оказывала непосредственное влияние на политику Японии в отношении СССР и вносила соответствующие коррективы в организацию подрывной деятельности на Дальнем Востоке.

В марте 1943 г. генерал Янагита на посту начальника Информационно-разведывательного управления Квантунской армии был заменен генералом Дои, тем самым, который в 1940 г. призывал реально оценить мощь СССР и проводить осторожную политику со своим северным соседом. Дои руководил основным разведывательным органом в Маньчжурии до апреля 1945 г. Этот период характерен переходом японской разведки к более осторожной тактике разведывательно-подрывной деятельности против Советского Союза. Основные усилия были переключены на организацию квалифицированной агентурной разведки на сопредельной советской территории и глубинных районах страны. В деятельности спецслужб максимально ограничивается применение острых форм

непосредственного подрыва (диверсии, террор, антисоветская агитация и пропаганда и т. п.). Однако новая тактика разведывательных органов не изменила агрессивной сущности японских милитаристов.

Л. П. Берия 5 июля 1945 г. информировал И. В. Сталина и В. М. Молотова о проведении японскими разведывательными органами в январе — июне в Маньчжурии активных мероприятий. Ими предпринимались попытки по сбору сведений о дислокации частей Красной армии, аэродромах, оборонительных сооружениях, железных и шоссейных дорогах, перевозках войск и техники. За это время было задержано 282 нарушителей границы и разоблачено 98 японских агентов.

В мае-июне японские разведывательные органы уделяли особое внимание Дальневосточной железнодорожной магистрали, пытаясь установить переброску частей Красной армии с запада на восток и характер военных перевозок. За это время ими было выброшено 18 агентов, прошедших специальную подготовку и практическое обучение по определению составов эшелонов, перебрасываемого вооружения, снаряжения и других военных грузов, а также по фотографированию железнодорожных объектов и эшелонов с вооружением.

«Проводится усиленная подготовка и выброска на нашу территорию вооруженной агентуры, снабженной фотоаппаратами, схемами и другими средствами разведки, прошедшей специальное обучение в разведывательных школах и на курсах при японских военных миссиях.

В настоящее время в разведывательных школах Харбинской японской миссии и разведывательных курсах при отделениях военных миссий проходят подготовку свыше 300 агентов.

Японская разведка усиливает свою работу среди кочевых народностей севера Советского Союза по созданию кадров агентуры для работы против СССР.

В феврале-марте Сахалинская военная миссия спровоцировала бегство в СССР двух групп орочан (54 человека), внедрив в состав этих групп свою подготовленную агентуру».

В целях задержания японской агентуры и недопущения их проникновения в тыловые районы в Забайкальском и Хабаровском округах были созданы нештатные пограничные посты.

По существу изложенного был проинформирован и начальник Генштаба Красной армии Антонов<sup>[177]</sup>

О вынашивании агрессивных намерений в отношении СССР вплоть до окончания войны с Германией свидетельствуют показания бывшего начальника 2-го разведывательного отдела штаба Квантунской армии Асада Сабуро и бывшего начальника Главного полицейского управления Маньчжоу-Го Хосико Тосио данные ими на следствии в 1946 г.

Во время допроса Асада Сабуро рассказал, что рассчитывая использовать в своих интересах богатства и стратегические ресурсы Маньчжурии, Япония в сентябре 1931 г., нарушив условия Портсмутского договора, вторглась со стороны Квантунского полуострова в Маньчжурию оккупировав ее территорию. Сам Асада в 1934 г., после окончания военной академии в гор. Токио, находясь на службе в должности командира роты 18 пехотного полка, участвовал в проведении мероприятий по установлению и поддержанию оккупационного режима в Маньчжурии. За что был награжден орденом «Восходящего солнца» 4-й степени.

С захватом Маньчжурии, Япония получила удобный военный плацдарм для осуществления своих

агрессивных планов в отношении СССР, поэтому с 1931 г. стали вестись мероприятия по строительству там военных сооружений, а также по созданию складов продовольствия и вооружения на случай войны.

Начиная с 1932 г. на территории Маньчжурии и Кореи был построен ряд новых стратегически важных железных и шоссейных дорог, складов, аэродромов и укреплений вдоль Маньчжуро-советской и монгольской границ. Так, вновь были построены железные дороги Сейсин-Харбин-Сахалян, Расин-Муданьцзян-Цзямусы, Чанчунь-Халун-Аршан, Цицикар-Сахалян, Хейдзо-Супин и Муданьцзян-Хутоу. Эти железные дороги строились с таким расчетом, чтобы они удовлетворяли требованиям быстрой переброски войск, вооружения и продовольствия в районы предполагавшегося нападения на Советский Союз. В городах Чанчунь, Харбин, Муданьцзян, Мукден, Цицикар, Янцзы и Хайлар были созданы крупные склады вооружения, боеприпасов и продовольствия. Для базирования японских авиационных соединений в Чанчуне, Харбине, Мукдене, Муданьцзяне и в ряде приграничных с СССР районов, были сооружены аэродромы или расширены ранее существовавшие.

Квантунская армия стала пополняться новыми частями и вести усиленную боевую подготовку.

В 1939 г. группой офицеров-топографов 5-го отдела японского генерального штаба была составлена специальная карта и путеводитель для пользования японскими войсками в период нападения на районы Советского Дальнего Востока.

В августе 1941 г., когда Асада работал помощником начальника японской военной миссии в Харбине, ему из бесед с начальником 2-го отдела штаба Квантунской армии полковником Нисимура ему стало известно, что Япония, в связи с нападением Германии на СССР, усилила свою подготовку к войне против СССР. С этой



целью японский генеральный штаб разработал свой план нападения на СССР, именовавшийся планом «Кан-току-эн». По этому плану предусматривалось начать военные действия против Советского Союза в тот период, когда СССР в войне с Германией окажется в наиболее трудном положении.

В сентябре 1941 г. начальник Харбинской военной миссии генерал-майор Янагита получил приказ, подписанный командующим Квантунской армии генералом Умедзу, в котором предлагалось в разрезе плана «Кан-току-эн» разработать мероприятия по разведывательно-диверсионной деятельности и организации террористических актов в тылу советских войск в период нападения Японии на Советский Союз.

Судя по известной Асаду части плана, военные операции должны были начаться в трех направлениях в целях захвата Советского Приморья, Забайкалья и Сибири. Основные удары намечалось нанести в пунктах южнее гор. Ворошилов, в районе гор. Иман и в районе южнее Хатхин-Гола, против МНР.

В Маньчжурию из Японии были введены 2-я и 20-я японские армии. Кроме того, значительно пополнены ранее существовавшие на территории Маньчжурии 3, 4, 5 и 6 армии. Количество японских войск к октябрю-ноябрю 1941 г. достигло 800 тысяч человек.

Разработанные мероприятия разведывательно-диверсионной деятельности включали в себя проведение диверсий и террористических актов в тылу Красной армии. Главным образом, подрыв железнодорожных и оборонительных сооружений Приморья, Забайкалья и Сибири, разведку укреплений советской пограничной полосы и сосредоточения советских войск в районах озера Ханко, южнее Ворошилова, Нерчинска и южнее Халхин-Гола, а также организацию повстанческих отрядов в тылу советских войск. После разработки указанных мероприятий

началась подготовка разведчиков и диверсантов для заброски в тыл советских войск.

При военных миссиях в городах: Харбине, Янцзы, Му-даньцзяне, Мишане, Цзямусы, Сахалине, Трехречье, Хайл аре и Ванемяо стали расширяться существовавшие ранее разведывательно-диверсионные отряды, которые к ноябрю 1941 г. насчитывали в себе около 1.500 человек. Кроме того, штабом Квантунской армии было создано 4 новых диверсионных отряда, общей численностью до 500 человек. Подготовленные разведывательно-диверсионные отряды должны были действовать в тылу советских войск по заданным им направлениям.

Диверсионный отряд в 150 человек, обучавшийся при Харбинской военной миссии и укомплектованный русскими белогвардейцами, предполагалось перебросить в район Амурской железной дороги на участок Амазар-Ушумун с задачей совершить подрыв железнодорожных сооружений и тем самым не дать возможности советскому командованию подбрасывать на Дальний Восток войска, вооружение и продовольствие. В задачу этого отряда входила организация повстанческих отрядов и совершение террористических актов против военнослужащих Красной армии. Второй отряд, численностью в 200 человек, сформированный в Ванемяо, предполагалось перебросить в район южнее Халхин-Гола, где он должен был действовать небольшими группами, нацеленными на подрыв определенных военных объектов.

Остальные разведывательно-диверсионные отряды должны были действовать в тылу Красной армии на тех участках, где была бы необходимость проведения подрывной деятельности, в соответствии с ходом выполнения плана «Кан-току-эн».

В ноябре 1941 г., как знающий хорошо Советский Союз, Асада был отозван во 2-е управление японского генерального штаба и назначен на должность начальника 11 отделения 8-го отдела, занимавшегося разработкой планов проведения антисоветской пропаганды и организации повстанческих отрядов в период нападения Японии на Советский Союз. Он с группой офицеров из 5 человек разработал план проведения антисоветской пропаганды и организации повстанческих групп, предполагалась засылка в тыл Краской Армии агентов с задачей проведения пораженческой агитации, распространения антисоветских листовок и провокационных слухов. Планировалась необходимость использования в этих целях радио и антисоветских листовок.

Одновременно работая преподавателем в школе генерального штаба японской армии Асада готовил кадры для организации «секретной войны» против Советского Союза, Америки, Англии и Китая. Он преподавал в школе организацию террористических актов и бактериологических диверсий на территории СССР, рекомендуя обучавшимся заражать в тылу советских войск питьевые источники и склады питания бактериями чумы, тифа и др. С ноября 1941 г. по август 1943 г. он подготовил около 120 японских офицеров, которые впоследствии были использованы на службе в штабе и военных миссиях по организации разведывательно-диверсионных отрядов.

В апреле 1945 г. Асада был назначен начальником разведывательного отдела штаба Квантунской армии, который возглавлял в Маньчжурии всю разведывательно-диверсионную деятельность против Советского Союза. После начала военных действий между СССР и Японией. По его словам, он «отдал распоряжение разведывательно-диверсионным отрядам начать диверсионную деятельность против советских

войск. Но в связи с быстрым продвижением частей Красной армии по территории Маньчжурии, проследить за выполнением этого распоряжения я не мог»<sup>[178]</sup>.

Согласно показаниям арестованного действительного советника II ранга Хосико Тосио — бывшего начальника Главного полицейского управления Маньчжоу-Го от 9 февраля 1946 г. после оккупации Маньчжурии Япония начала подготовку к развязыванию войны против СССР.

Политическая деятельность японцев в Маньчжурии, помимо прямого подавления демократического движения внутри страны, велась в направлении воспитания маньчжурского населения в духе враждебности к СССР. В этих целях на ее территории был создан ряд политических организаций. Особую роль среди них играла «Кио-Ва-Кай» — (содружество наций), которая ставила своей целью подчинить японскому влиянию политическую и экономическую жизнь Маньчжурии, организовать воспитание населения во враждебном духе по отношению к СССР, подготовить своих членов в военном отношении на случай войны Японии против СССР. Руководителем «Кио-Ва-Кай» был японец Миякэ — бывший начальник штаба Квантунской армии. Воспитательная работа членов организации направлялась японскими инструкторами путем распространения антисоветской литературы, издаваемой штабом Квантунской армии, через сеть кружков и увязывалась с военной подготовкой, которую члены «Кио-Ва-Кай» проходили под руководством японских офицеров. Члены «Кио-Ва-Кай» следили за своим окружением, помогали полиции и жандармерии выявлять лиц, недовольных японской политикой.

Демократическое движение в Маньчжурии было подавлено созданным японцами мощным полицейским аппаратом. Для этой цели в руках японцев находились

жандармерия, полиция, суды, тюрьмы и концентрационные лагеря.

Стремясь разведать силы Красной армии на Дальнем Востоке, японское военное командование провоцировало столкновения на советско-маньчжурской границе и на границе МНР, а в 1937 г. предприняло вылазки у озера Хасан и в 1939 г. на реке Халхин-Гол. Потерпев поражение, Япония не перестала строить агрессивных планов и ждала только удобного случая для нападения на Советский Союз. Хосико было известно, что уже к октябрю 1941 г. Япония была полностью подготовлена к осуществлению своих агрессивных планов в отношении СССР.

В первых числах июля 1941 г. начальником 4 отдела штаба Квантунской армии полковником Оби, осуществлявшим связь между штабом Квантунской армии и правительством Маньчжоу-Го, было созвано в кабинете заместителя премьер-министра Маньчжоу-Го Такебэ специальное совещание. На него были приглашены только японские чиновники, занимавшие руководящие должности в правительственном аппарате Маньчжоу-Го. Хосико, будучи в то время начальником отдела кадров при кабинете министров Маньчжоу-Го, также присутствовал там. Полковник Оби в своем выступлении объявил, что Германия, напав на Советский Союз, получила ряд преимуществ и должна выиграть войну. По мнению командования Квантунской армии, эта война вызовет внутри СССР выступление населения против правительства, что будет использовано Квантунской армией, которая вступит в войну на стороне Германии. В связи с этим Оби дал указание провести соответствующую подготовку по линии гражданской администрации, принять меры к созданию складов продовольствия, привести в готовность все виды транспорта, усилить антисоветскую пропаганду среди населения, принять

необходимые предупредительные меры на случай возможных восстаний в самой Маньчжурии. Указал, что все мероприятия должны быть закончены не позднее середины сентября 1941 г., дав этим понять, что в это время должно будет состояться вторжение японских войск на советскую территорию. Оби информировал участников совещания, что находящиеся в Маньчжурии японские войска подведены к границам Советского Союза.

Таким образом, в 1941 г. Япония провела в Маньчжурии все необходимые приготовления для нападения на Советский Союз. В феврале 1945 г. с задачей улучшить работу местного аппарата управления Хосико был направлен в провинцию Томан, граничащую с Советским Союзом, где провел подготовительную работу по мобилизации транспорта, мобилизации рабочей силы для строительства военных сооружений и укреплению административного аппарата.

В июне 1945 г., Хосико возвратившись в Чанчунь, получил назначение на должность начальника главного полицейского управления Маньчжоу-Го. По поводу этого назначения он имел беседу с Такебэ, который сообщил о заявлении советского правительства об отказе продлить срок действия договора о нейтралитете между СССР и Японией. В связи с этим предполагалось начало военных действий с Советским Союзом.

Хосико на новом посту принял все зависящие от него меры, чтобы активизировать деятельность полиции, увеличил численность полицейского аппарата, обратил внимание на усиление охраны военных объектов и изменил структуру полицейских органов, уделив особое внимание налаживанию эффективной разведывательной деятельности против СССР и репрессивных мероприятий против недовольных

элементов. С этой целью в состав полиции был включен, существовавший до этого самостоятельно, разведывательный орган «Хоанкеку» — бюро общественной безопасности, который был слит с особыми (политическими) отделами полиции. По его приказу были взяты на особый учет все лица, высказывавшие антияпонские настроения.

Руководителем разведки против СССР и МНР являлся японец Такамацу Сейдзи, под его руководством велась активная подготовка агентуры и ее нелегальная переброска через советскую границу. Разведывательная деятельность, проводимая полицией, контактировалась со штабом Квантунской армии, куда направлялись все шпионские сведения, поступавшие в полицию от ее агентуры.

Работой по пресечению антияпонской деятельности руководил специальный подотдел главного полицейского управления, начальником которого являлся японец Хираока. В целях подготовки опытных кадров для этой работы, в Чанчуне была создана специальная школа, начальником которой являлся японец Такамаца. В ней в 1945 г. обучалось около 35 японцев. Работа специального подотдела имела цель создать среди населения широкую сеть своих агентов. На местах этой работой занимались политические отделы провинциальных и уездных управлений полиции, которые имели, помимо штата гласных сотрудников, негласный аппарат, в основном занимавшийся агентурной работой.

Полиция широко использовала в своей работе членов «Кио-Ва-Кай» и кружки так называемой «соседской взаимопомощи» («Танари-гуми»), члены которых следили друг за другом. В Маньчжурию был перенесен опыт работы японской полиции по организации повседневного гласного надзора за всем населением. С этой целью населенные пункты на

территории Маньчжурии были разбиты на пятидворки и десятидворки, во главе которых стояли официально назначенные лица, открыто наблюдавшие за поведением жителей.

Несмотря на жесточайшую систему повседневного надзора, довольно часто население открыто проявляло свое недовольство японской политикой. Хосико дважды пришлось подавлять силой оружия выступления местного населения в провинциях Гирин и Тонхуа. За этот же период было арестовано около 500 человек из числа гражданского населения, заподозренных в нелояльном отношении к японцам.

Допросы арестованных производились в полиции, при этом арестованные избивались палками, подвешивались за руки и подвергались другим истязаниям. Как один из методов получения показаний от арестованных, полицией широко применялось насильственное вливание через нос разных жидкостей во внутрь допрашиваемых.

После начала военных действий между СССР и Японией, Хосико было дано указание арестовать всех лиц, ранее взятых на учет, однако, проверить, как было выполнено это указание на местах, он не успел, в связи с быстрым продвижением Красной армии по территории Маньчжурии. Однако Хосико удалось выполнить полученное приказание Такебэ уничтожить все архивы полиции, чтобы они не оказались достоянием командования Красной армии и не раскрыли тайну полицейской деятельности японцев в Маньчжурии [\[179\]](#).



## **Деятельность белоэмигрантских организаций**

После захвата Харбина, японцы стали активно использовать в шпионско-диверсионных целях белоэмигрантов. В это время они стали активно заниматься вербовкой данного контингента для массовой их переброски на территорию СССР с целью проведения ими подрывной деятельности против Советского Союза.

Органы ОГПУ успешно вели контрразведывательную работу по выявлению этих лиц на территории СССР. В результате напряженной деятельности Особого отдела ОКДВА, были ликвидированы шпионско-диверсионные организации, группы и отдельные лица, которые были переброшены на территорию СССР японской миссией в Харбине, ее филиалами и различными белофашистскими организациями под ее руководством.

По показаниям арестованных были установлены основные контингенты, используемые японской миссией в Харбине, цели, которые ставились японцами в своей работе на СССР и методы этой работы.

Так по делу «Автомобилисты» в частях ОКДВА, расположенных в городах: Благовещенске, Спасске, Никольск-Уссурийске и Владивостоке были вскрыты шпионско-диверсионные группы, состоящие из проживавших на КВЖД советских граждан (харбинцев), призванных в РККА. В большинстве своем эти лица в прошлом были членами белофашистских организаций.

По показаниям руководителей организации Гордеева и Калашникова в их задачу входило сбор сведений о дислокации и вооружении Красной армии, порча имущества и материальной части, ведение антисоветской агитации.

Членам организации, которые окончили курсы шоферов, предлагалось устроиться шоферами в воинские части, для того, чтобы во время предполагавшейся войны совершать террористические акты в отношении комсостава Красной армии.

Руководители организации имели непосредственную связь с японской разведкой. Так, Гордеев был связан с нелегальной военной миссией на Сахалине и использовал для связи агентов миссии в Благовещенске. По показаниям арестованной Марковой, она несколько раз получала инструктаж от японского агента, дипкурьера китайского консульства в Благовещенске.

По делу «Трактористы» на ст. Чита и на ремонтном заводе была вскрыта еще одна шпионско-диверсионная группа, состоявшая из харбинцев. Было установлено, что вербовка и предварительная подготовка этих лиц к шпионско-диверсионной работе приняла систематический и планомерный характер. Их вербовка проводилась организациями: «БРП» (Братство Русской Правды) и «СОР» (Союз Освобождения России) под руководством японских разведывательных органов в Харбине, Хайларе, Цицикаре и Манчжурии.

Значительная часть агентуры, перед отправкой в СССР, проходила специальные курсы по шпионажу и диверсии в специальных школах, которые функционировали под прикрытием курсов подготовки шоферов и трактористов. Были известны и названия этих курсов: «Интернационал», «Прага», «Славия», «ХСМЛ». Основная из них — международная компания жатвенных машин «Экспорт», под руководством белоэмигранта Ядловского, где преподавание велось работниками Главного полицейского управления в Харбине и белофашистами.

Деятельность членов организации была рассчитана в первую очередь на подрыв Красной армии и

транспорта, создания диверсионных ячеек на случай японской интервенции и максимальной помощи японцам.

Для связи организации с Харбином и ее финансирования, японцы использовали китайское консульство в Чите, во главе с консулом Ген-Ку-Ан.

По делу Благовещенской резидентуры, была ликвидирована японская организация, агентами которой являлись советские граждане и китайцы, занимавшиеся систематическим сбором шпионских сведений о Красной армии и переотправкой беглецов в Китай. Резидент этой организации Лордкипанидзе был связан с руководителем шпионско-диверсионной группы в Благовещенске Гордеевым. Для получения сведений и вербовки «нужных» лиц Лордкипанидзе устраивал «семейные» вечеринки, на которые приглашал военнослужащих. Полученные сведения через связников переправлялись за границу.

Одновременно ОО (Особый отдел) ОКДБА вскрыл работу польских шпионов, что лишний раз подчеркивало связь между японской и польской разведками. Об этом взаимодействии было известно и в центральном аппарате ОГПУ.

Помимо крупных организаций Особым отделом ОКДБА было вскрыто и арестовано большое количество отдельных шпионов, главным образом, корейцев.

Наряду с крупными группами из харбинцев, во внутренние округа просачивались отдельные японские шпионы, которые действовали не непосредственно от японцев, а от белогвардейских групп «Черное кольцо» и др.

Были сделаны выводы, что основными контингентами, откуда, японская разведка вербовала свою агентуру, являлись советские граждане, которые направлялись в СССР на службу в Красную армию, или

на транспорт, а также корейцы, направляемые на постоянное жительство в районы расположения ОКДБА.

Направляемым в Союз лицам давались задания проникать в технические части, собирать сведения о вооружении РККА и портить материальную часть.

Вербовку агентуры японская военная миссия в Харбине проводила, главным образом, через белогвардейские организации «БРП», «СОР», «Черное кольцо» и др., при этом рядовой состав агентуры часто не был осведомлен о том, что работа ведется по заданиям японцев.

В качестве пунктов связи и финансирования использовались китайские консульства.

Японская разведка подготавливала почву для провокационно-диверсионных комбинаций Внешней Монголии.

Помимо корейцев и советских граждан — харбинцев, составляющих главный контингент японской агентуры, военные миссии, в Манчжурии использовали и китайцев, как шпионов связников.

Так, в январе из Манчжурии выехало в СССР по транзитным визам трое китайцев с заданиями осесть в Чите, на Урале и в Москве. По прибытии в Читу они получили в Китайском посольстве новые паспорта, с которыми и направились в Москву и на Урал. В Москве Особым отделом ОГПУ был арестован китаец Ван-Фу-Ду агент сыскной полиции, пытавшийся проникнуть в партийные органы<sup>[180]</sup>.

Особым отделом Полномочного представительства ОГПУ ДВК констатировалось, что среди ряда белогвардейских контрреволюционных организаций в Маньчжурии, Братство русской правды (БРП)<sup>[181]</sup> являлась наиболее активной. По некоторым законченным на территории ДВК и ВСК уголовным делам была выявлена деятельность агентов БРП,

посылаемых из Маньчжурии в местные кулацко-белогвардейские и бандитско-повстанческие организации.

Братство русской правды осуществляло руководство этими организациями, снабжало литературой, давала задания. БРП в Маньчжурии устанавливала тесную связь с действовавшими в пограничной полосе бандами, в частности Назарова и Гордеева. Налеты этих банд на территорию СССР проводились по указаниям руководства БРП. Впоследствии обе эти банды были ликвидированы Полномочным представительством ОГПУ ДВК.

В июне 1931 г. были задержаны переброшенные на территорию Дальневосточного края два «братчика», снабженных револьверами, динамитом и бикфордовым шнуром для совершения диверсионно-террористических актов. Вслед за ними была задержана еще одна диверсионная группа БРП в составе четырех человек с оружием и литературой.

В том же месяце в гор. Спасске был арестован прибывший из Маньчжурии член БРП белоэмигрант Торопов. Ему, как и остальным, ставились задачи по организации повстанческих баз и организация террористических актов.

В январе месяце 1932 г. в гор. Никольск-Уссурийске был арестован эмиссар БРП бывший белый офицер И. А. Поляков, нелегально прибывший из Маньчжурии. Было установлено, что он в течение 1930-31 гг. несколько раз совершал нелегальные переходы границы из Маньчжурии на ДВК и обратно.

Так же в январе на территории Нежинско-Заводского района Восточносибирского края Особым отделом ПП ОГПУ ВСК была ликвидирована повстанческая группа БРП, охватившая своей деятельностью ряд приграничных пунктов. Эта группа

ставила своей задачей подготовку восстания к весне 1932 г.

В марте 1932 г. из Маньчжурии на территорию ВСК была переброшена группа «братчиков» в составе пяти человек. Один из участников группы был арестован.

ОГПУ были предприняты меры к выявлению и пресечению деятельности БРП. Усиливалась агентурная работа по освещению и агентурному внедрению агентуры в организации БРП, в том числе и в Маньчжурии. Преследовалась цель выявлять вражескую агентуру, переправы, явки. Осуществлялись меры, направленные к перехвату и ликвидации этой противоправной деятельности и др.

ОГПУ было арестовано 17 активных членов организации БРП. Установлено, что члены этой организации, прибывшие из Харбина, имели задание помимо г. Москвы организовать диверсионные ячейки в городах Владивостоке, Чите, Хабаровске, Никольско-Уссурийске и др.

Материалами следствия установлено, что харбинская организация БРП, широко субсидируемая японскими разведывательными органами, имела в Харбине специальные курсы, на которых готовились кадры террористов и диверсантов против СССР. Основная цель этой организации сводилась к провоцированию войны между Японией и СССР, в ходе которой планировалось отторжение от СССР территории Дальнего Востока и организации там буферного белогвардейского государства.

Харбинский филиал БРП развернул активную работу на территории СССР. Его деятельность в основном сводилась к организации террористических групп, перед которыми была поставлена задача совершения террористического акта в отношении Сталина. Также планировалось насаждение ячеек БРП на военных заводах и других предприятиях государственной

важности. Диверсионных ячеек на основных узловых пунктах железнодорожного транспорта для организации планомерного вредительства с целью выведения из строя подвижного состава железных дорог.

Планировалась организация разведки всех видов и, особенно военной.

Кадры разведчиков, террористов и диверсантов вербовались БРП главным образом среди советских граждан в Харбине и в аппарате КВЖД. Непосредственным руководителем организации БРП в Москве являлся бывший белый офицер И. Е. Половецкий, прибывший для этой цели из Харбина 10 сентября 1933 г. [\[182\]](#)

Органами ОГПУ было установлено, что в результате активной работы Братства русской правды в ряде стран были созданы «центры и автономные отделы БРП», которые проводили активную контрреволюционную работу за границей вплоть до попыток организации террористических актов против представителей СССР, а также и контрреволюционную работу на СССР. Центр БРП был организационно и оперативно связан со своими отделами в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. Однако необходимо отметить, что эти отделы в своей работе пользовались значительной независимостью.

БРП имело свои отделы в 22 странах. Особое значение по развертыванию на СССР активной повстанческой, диверсионной и террористической деятельности имели: Западный боевой центр БРП в Финляндии; Прибалтийский боевой центр БРП в Латвии; Автономный отдел БРП в Польше и Дальневосточный центр БРП, который охватывал Японию, Китай, Маньчжурию и Корею.

Маньчжурским отделением БРП руководил генерал В. Д. Косьмин, Харбинским генерал П. Г. Бурлин.

БРП пыталось использовать японскую агрессию на Дальнем Востоке (так же, как и конфликт на КВЖД) для получения средств и снаряжения, необходимых для создания диверсионных групп, имеющих своей целью разрушение дальневосточных коммуникаций, и организационноповстанческих действий в этих районах СССР.

Все эти данные о БРП подтверждались конкретными материалами агентурно-следственной работы ряда Особых отделов Полномочного представительства ОГПУ, а также и данными Иностранного отдела ОГПУ.

Имеющиеся в распоряжении Особого отдела ОГПУ данные свидетельствовали о непрерывно нарастающей активности зарубежных контрреволюционных организаций в Китае (Маньчжурия). В Циркуляре Особого отдела ОГПУ от 11 июля 1931 г. (№ 244/00) отмечалось, что ряд наиболее крупных контрреволюционных организаций вел усиленную работу по организации повстанчества, диверсии и террора при поддержке японцев, снабжающих организации оружием, деньгами и проч.

Эти организации имели сеть своих резидентур в непосредственной близости к границам ДВК и ВСК. Там шла подготовка кадров для нелегального формирования партизанских отрядов, баз, с целью создания террористических и диверсионных групп для активных действий на КВЖД и в СССР. Велась работа и по организации повстанчества на территории СССР.

Так, представителем генерала Хорвата и БРП полковником Рудых были переброшены три террориста — диверсанта. Наряду с этим, Рудых готовил переброску очередной группы диверсантов в составе пяти человек. Перебрасываемым на территорию ДВК агентам ставились задачи по диверсионно-террористической работе. [\[183\]](#)



Необходимо отметить, что кроме БРП были и другие белогвардейские организации активно работавшие против СССР. Они организовывались на базе двух казачьих объединений в Маньчжурии и одного Казачьего союза в Шанхае. Первым из маньчжурских объединений руководил генерал-лейтенант Г. М. Семенов. Начальником союза был утвержден генерал-лейтенант А. П. Бакшеев. Одним из активных членов союза был генерал И. Ф. Шильников.

Свою роль на ДВК играл и Русский Обще-Воинский Союз (РОВС)<sup>[184]</sup> Его Дальневосточный отдел возглавляли М. В. Ханжин и М. К. Дитерихс, активными членами были генералы А. Г. Сычев, И. Ф. Шильников, В. А. Кислицын, В. В. Рычков и др.

Активно действовала Российская фашистская партия — белоэмигрантская антисоветская организация, созданная в 1926 г. в Маньчжурии. За годы своего существования сменила несколько названий. Она именовалась: «Российская фашистская организация»; «Русская фашистская партия»; «Всероссийская фашистская партия»; «Российский фашистский Союз». Руководителем организации, ее генеральным секретарем, а затем — «главой» с начала 30-х годов по момент ее закрытия — 1943 г. — был К. В. Родзаевский.

Деятельность русских фашистов полностью контролировалась японскими военными властями. С 1936 г. РФС забрасывал в СССР не только агентов-одиночек, но и вооруженные группы террористов и диверсантов. Так, в 1936 г. под руководством японского офицера Судзуки был организован первый фашистский отряд спасения Родины, во главе которого стал бывший телохранитель Родзаевского М. П. Маслаков. Переброской отряда в СССР занимались японцы. Вскоре

отряд из 40 человек был уничтожен частями НКВД в районе станции Амазар.

В 1937 г. в Харбине была создана особая секретная «школа организаторов», готовившая руководителей подрывной работы на территории СССР. Начальником школы был Родзаевский, его помощником — Л. П. Охотин.

У Партии имелись печатные органы — журнал «Нация» и газеты «Наш Путь», «Нация».

В 1924 г. в Харбине была создана организация «Союз Мушкетеров» и многие другие антисоветские организации. В том числе и националистические организации: «Украинская просвита», грузинская «Саэрто», армянская «Миютюн». Основная их цель заключалась в свержении советского правительства. Причем если не на всей территории советской России, то хотя бы на ДВК. Это приветствовалось японцами, так как это было в их интересах.

С оккупацией Маньчжурии японской армией, деятельность эмигрантских организаций попала под контроль японских властей. Ими была создана всеманьчжурская ассоциация «Сахэхуэй», в задачи которой входило воспитание жителей Маньчжурии в духе верности Японии. Проводилась военная подготовка молодежи. Пропагандировалась разведывательная и контрразведывательная служба в интересах Японии.

В это время проявляется рост активности антисоветских организаций. Усиливается переброска на территорию СССР диверсионно-террористических групп и одиночек.

Анализ подрывной деятельности японской разведки в период 1934–1935 гг. позволяет сделать вывод о том, что именно в это время руководители спецслужб Японии, стремясь активизировать подрывную работу против СССР, пришли к выводу о необходимости

наделения ЯВМ в Маньчжурии функциями основного органа.

В указанный период 2-й (разведывательный) отдел штаба Квантунской армии был освобожден от ведения агентурной работы против Советского Союза и превратился в руководящий центр военной разведки, который ставил задачи перед другими разведывательными органами, анализировал и обобщал полученные материалы. Организация и проведение агентурной работы против СССР полностью передавались ЯВМ.

Осуществив частичную реорганизацию разведывательных органов, японцы стремились добиться более качественного уровня агентурной разведки против СССР.

С этой же целью в 1934-1935 гг. по инициативе бывшего начальника Харбинской ЯВМ полковника Андо и при непосредственном участии представителя 2-го (разведывательного) управления Генерального штаба Акикусы была осуществлена работа по объединению русской белоэмиграции в так называемое «Бюро по делам российских эмигрантов» (БРЭМ).

Такое объединение было необходимо в связи с тем, что в Маньчжурии находилось довольно значительное количество русских белоэмигрантов, которых японцы стремились использовать при активизации разведывательно-подрывных акций против СССР. Генерал Акикуса в собственноручных показаниях в 1945 г. оценил общее количество белоэмигрантов, находившихся в Маньчжурии в 70 тыс. человек.

Другой причиной, побудившей разведку Японии пойти на создание БРЭМ, было то обстоятельство, что среди русской эмиграции в Маньчжурии существовало около 200 различных политических организаций, часто враждовавших между собой и этим затруднявших работу спецслужб внутри белоэмигрантов. Кроме того,

японцы располагали сведениями, что английские и французские спецслужбы хотели также прибрать к своим рукам российских эмигрантов.

Деятельность БРЭМ была подчинена японской разведке не только организационно, но и полностью финансировалась ею вплоть до 1944 г., когда денежные расходы по содержанию этой организации были возложены на правительство Маньчжоу-Го.

Структурное построение БРЭМ указывало на то, что японские спецслужбы стремились максимально использовать русскую белоэмиграцию в проведении подрывной работы против СССР. Так, например, 1-й отдел (так называемый культурно-просветительный), которым руководил глава «Российского фашистского союза» Родзаевский, занимался антисоветской пропагандой и агитацией среди белоэмигрантов. Второй отдел (так называемый военновоспитательный) осуществлял военную подготовку белоэмигрантов на случай войны с СССР. Третий отдел (регистрационный) проводил учет эмигрантов (российских), проживавших в Маньчжурии. Этот отдел можно считать *основным*, так как через него ЯВМ в Маньчжурии организовывали подбор и изучение будущих кадров разведчиков и диверсантов против СССР, а также осуществляли контрразведывательную работу среди эмигрантов.

Японская разведка в период подготовки войны против Советского Союза активно использовала белоэмигрантов не только в качестве агентов, диверсантов и террористов, для подготовки которых были созданы специальные школы и курсы, но и как прямую вооруженную силу, объединив их в крупные воинские формирования.

Впоследствии бывший руководитель «Союза казаков на Дальнем Востоке» Бакшеев на допросе в 1945 г. показал: «В целях военной подготовки белоказачков к предстоящей вооруженной борьбе против Советского

Союза мною был издан приказ, согласно которому все члены "Союза казаков на Дальнем Востоке" способные носить оружие, зачислялись в сводные казачьи полки... ЯВМ всегда поддерживали мероприятия, связанные с военной подготовкой белоэмигрантов и принимали участие в создании белоказацких частей»<sup>[185]</sup>.

Большое значение придавалось воспитанию белоэмигрантской молодежи в антисоветском духе, которое проводилось по линии БРЭМ и в старших классах средней школы.

Японские специальные службы вплоть до 1936 г. стремились тщательно скрывать свое участие в подготовке войны против СССР. Особенно это касалось агентурной работы, которую разведка организовывала под вывесками различных белоэмигрантских организаций, в том числе «Российского фашистского союза», «Союза казаков на Дальнем Востоке», «Братства русской правды» и тому подобных, прикрываясь особым отделом маньчжурской полиции и широко используя конспиративные резидентуры на территории Маньчжоу-Го.

Фашизация Германии и ее захватнический курс в Европе нашли полное взаимопонимание и поддержку у японских милитаристов, так как это полностью отвечало интересам Японии, особенно на Дальнем Востоке. Намечавшееся тогда создание военно-экономической оси Берлин — Рим — Токио непосредственным образом оказало влияние на деятельность японских спецслужб, которые перешли к более решительным подрывным акциям против Советского Союза. Вся закордонная работа, в том числе и подрывная, антисоветских белоэмигрантских организаций, союзов в Маньчжурии переходила полностью под контроль разведывательных органов.

*Дело Кобылкина — Переладова.* 11 июля 1935 года заместитель НКВД СССР Прокофьев за № 56423 сообщил Сталину, что следствием по делу арестованных японских диверсантов И. В. Кобылкина и Е. Л. Переладова проведенном в Москве, установлено, что полковник Кобылкин и хорунжий Перепадов были нелегально переброшены на советскую территорию японской военной миссией в Харбине.

Кобылкин в момент переброски его на советскую территорию являлся официальным служащим япономаньчжурской полиции в качестве надзирателя на станции Чжалайнор КВЖД. Он рассказал, что вышел на советскую территорию по поручению секретаря японской военной миссии в Харбине — Суда, для связи с существующей на территории Забайкалья контрреволюционной организацией, которую японцы считали необходимым подключить к осуществлению террористических и диверсионных актов. С этой целью Кобылкин был снабжен оружием (2 больших маузера и 70 патронов к ним и 1 браунинг с 24 патронами) и 2-мя зажигательными снарядами «Термит» (при аресте изъято).

Для проведения пропаганды контрреволюционных идей на территории Восточной Сибири при Кобылкине были обнаружены 4.769 различных листовок, изданных террористической организацией «Братство Русской Правды».

Перепадов, прибывший нелегально на советскую территорию ранее Кобылкина, показал, что был завербован Кобылкиным. По его заданию вышел нелегально на советскую территорию для участия в террористических и диверсионных актах, которые должна была осуществлять существовавшая в Забайкалье антисоветская организация. При аресте у Переладова были обнаружены 2 браунинга с патронами и 8 зажигательных снарядов «Термит».

Он рассказал, что перед своим отъездом в СССР, будучи членом так называемого Красновского филиала БРП (Шанхайский отдел), посетил в Харбине представителя этого филиала Н. И. Курочкина, который поручил ему приступить к созданию небольших, но хорошо законспирированных и не связанных между собой ячеек БРП на советской территории.

Антисоветская организация, для связи с которой от японской разведки прибыли Кобылкин и Перепадов, представляла из себя небольшую группу лиц, подставленную органами безопасности для противодействия японской разведки в Забайкалье.

В связи с тем, что арест Переладова и Кобылкина был произведен секретно, японская разведка, полагая, что они находятся на свободе, перебросила в распоряжение Кобылкина в ночь на 28 мая 1935 г. в районе Даурского погранотряда (Восточно-Сибирский Край) группу вооруженных террористов (Кустова Владимира и братьев Олейниковых Михаила и Виктора).

Столкнувшись с резервным нарядом погранохраны в районе поселка Абагайтуй, террористы открыли стрельбу. В результате перестрелки ответным огнем пограничников Кустов и Олейников Михаил были убиты. Олейников Виктор скрылся во время перестрелки, однако утром был задержан по дороге в г. Читу. У убитых были обнаружены письма от японского агента Тимофеева и членов БРП в Харбине Курочкина и Петунова, адресованные Кобылкину и Переладову.

Задержанный Олейников Виктор сознался, что сотрудничает с японской разведкой в течение года и по ее заданиям неоднократно нелегально переходил границу. Последний переход был связан с заданием японской военной миссии в Харбине, поручившей передать письма Кобылкину и оказать ему содействие при осуществлении террористических актов. Шедшие с ним Кустов и Олейников М. были вооружены

браунингами с коробкой запасных патронов к каждому. После задержания Олейникова направили в Москву.

Учитывая, что Кобылкин и Перепадов являлись активными агентами японской разведки, и состояли при этом одновременно членами монархических белогвардейских организаций РОВС и БРП, а также и то, что Кобылкин до своего перехода на территорию СССР был официальным служащим маньчжурской полиции, органы государственной безопасности посчитали целесообразным передать это дело в Военную Коллегию Верховного Суда СССР для слушания в открытом порядке.

Предлагалось провести процесс под углом разоблачения деятельности японских разведывательных органов на территории Манчжоу-Го, питающих и широко использующих участников различных белогвардейских организаций, для осуществления на территории СССР террористических и диверсионных актов.

Народный Комиссариат по Иностранным Делах с открытой постановкой этого процесса был согласен, считая необходимым проведение его в Иркутске<sup>[186]</sup>.

Арестованный И. В. Кобылкин<sup>[187]</sup> на допросе 23 июня 1935 г. показал, что он был задержан 9 марта 1935 г. в 16 час. 35 мин. на ст. Иркутск с паспортом на имя Саловарова Михаила Константиновича. Паспорт ему был вручен 6 марта 1935 г. в поселке Абагайтуй, Борзинского района БСК фельдшером этого поселка по имени Василий Гаврилович, назвавшийся Ивановым. С Ивановым Кобылкин был знаком с декабря 1934 г. Иванов неоднократно нелегально переходил на Маньчжурскую сторону, называя себя представителем существующей на территории Забайкалья контрреволюционной организации, намеревающейся установить связь с белоэмигрантскими организациями.



Границу Кобылкин, по его словам, нелегально перешел в ночь с 5 на 6 марта 1935 г. в районе поселка Абагайтуй вблизи Абагайтуйской сопки, недалеко от советского наблюдательного пункта. Его проводником был советский гражданин Олейников Виктор. На самой границе он был встречен указанным выше Ивановым, который благополучно доставил его в поселок Абагайтуй.

Переход на советскую территорию необходим был для установления связи с существующей на территории Забайкалья контрреволюционной организацией. Планировалась передача этой организации боевого оружия — двух больших «Маузеров» и одного «Браунинга», с патронами к ним. Оружие было получено Кобылкиным от надзирателя департамента Маньчжурской полиции в Харбине — Тимофеева Дмитрия Ивановича, являвшегося одновременно секретным сотрудником японской военной миссии в Харбине. Это оружие посылалось японцами в распоряжение организации для совершения террористических актов на советской территории.

Кобылкин также планировал проведение ряда диверсионных актов на советской территории путем поджогов. Для этого он был снабжен десятью зажигательными снарядами, которые были вручены лично нелегальным резидентом японской военной миссии в Харбине японцем Осава. Он работал под прикрытием руководителя редакции японской газеты на русском языке, под названием «Харбинское время» (газета была зарегистрирована в японском генеральном консульстве в Харбине). Осава жил в помещении редакции. Кобылкиным были взяты только два снаряда, т. к. он сомневался в качестве их зажигательной способности. Остальные восемь остались в Чкалай-норе.

Срок пребывания Кобылкина на советской территории был ограничен 25 мартом 1935 г. лично

секретарем японской военной миссии в Харбине японцем Суда.

Для активизации пропагандистской деятельности контрреволюционной организации на советской территории он получил от Тимофеева перед выходом в СССР пакет с листовками и брошюрами, главным образом изданных БРП.

К работе против СССР японскими разведывательными органами Кобылкин был привлечен секретарем японской военной миссии в Харбине японцем Суда. Это произошло на квартире у генерала Шильникова, с которым Кобылкин был хорошо знаком (генерал Шильников возглавлял забайкальское казачество в Харбине и одновременно являлся помощником начальника Харбинского филиала РОВСа). Это знакомство произошло в сентябре месяце 1933 г.

Фактически же привлечение к политической работе против СССР началось после назначения Кобылкина надзирателем Маньчжурской полиции на ст. Чжалайнор (находящейся в шести километрах от советской границы) указанным выше японцем Суда, в 20-х числах мая 1934 г.

Кроме Суда Кобылкин по своей работе против СССР был связан с начальником японской военной миссии на ст. Манчжурия полковником Сакурай; с руководителем редакции газеты «Харбинское время» Осава; с начальником маньчжурского полицейского отряда Нахата и его приемником Нари-мацу; с начальником японского жандармского отделения на ст. Чжалайнор-копи Огура.

Перед переходом на территорию СССР, сам он состоял на должности полицейского надзирателя, поселковой полиции на ст. Чжалайнор, которая входила в систему Маньчжурской полиции с департаментом в г. Харбине. Начальником департамента являлся японец Яги Николай Николаевич.

О наличии контрреволюционной организации на территории Забайкалья, Кобылкин впервые узнал в 1933 г. от генерала Шильникова, к которому в то время явился курьер этой организации Виктор Олейников. Задачей организации являлось свержение советской власти при помощи вооруженного восстания. Организация возглавлялась старшим братом — Кобылкиным Алексеем Васильевичем, 52 лет, проживавшим в г. Иркутске, где он работал в качестве бухгалтера на одном из предприятий.

Из членов организации Кобылкину были известны в г. Чите — Гудков Борис Павлович, служащий Союззолото и Серебряков Василий Терентьевич, по профессии учитель. Курьерами этой организации по нелегальной связи с Харбином являлись: Виктор Олейников, безработный, больше находившийся на территории Манчжурии, нежели в СССР и Иванов Василий Гаврилович фельдшер поселка Абагай-туй<sup>[188]</sup>.

26 июня 1935 г. Кобылкин рассказал, что его задачами, как японского агента, являлись следующие:

«1. Систематическое осуществление антикоммунистической работы путем агентурного выявления, коммунистических элементов как среди советских граждан — служащих на КВЖД так и китайцев.

Участком моего обслуживания по линии антикоммунистической работы являлись следующие населенные пункты — разъезд на 19-м километре, Чжалайнор-копи, ст. Лжалайнор, разъезд Аргунь, ст. Даган, ст. Харханте и ст. Ван-Гунь.

В силу большого диапазона участка, где я должен был осуществлять антикоммунистическую работу, мне японцем Суда было указано на необходимость создания агентурной сети из числа коммунистических элементов, как русских, так и китайцев, которые могли бы

обеспечить внутреннее освещение деятельности коммунистов. В связи с тем, что мне Суда не отпустил необходимых средств для ведения подобной агентурной работы, я это указание не выполнил. Одновременно Суда меня предупредил, что все мои доклады о деятельности коммунистов я должен направлять в Харбин, а адрес начальника департамента полиции — японца Яги (по службе я был подчинен нач. полицейского участка г. Манчжурии), равно как и направление арестовываемых мною коммунистов также непосредственно в Харбин.

2. Наблюдение за настроениями эмигрантов, проживающих в поселках при указанных выше станциях и выявление среди них лиц, работающих в пользу СССР.

3. Ежедневное наблюдение за пассажирским движением, идущим через ст. Чжалайнор. Особое внимание мне предлагалось уделять пассажирам — советским гражданам, американцам и англичанам, которые делали остановку на ст. Чжалайнор. Такой интерес объясняется тем, что из Чжа-лайнора можно попасть во Внутреннюю Монголию, которую японцы тщательно оберегают от проникновения туда советского, американского и английского влияний.

О всех пассажирах-иностранцах, останавливающихся на ст. Чжалайнор я должен был ежедневно доносить в Харбин с указанием фамилии, подданства и пункта дальнейшего направления.

4. Вести систематическое агентурное наблюдение за служащими КВЖД, как советскими гражданами, так и китайцами, с целью выявления вредительских действий.

Исходя из этих задач, я и строил свою работу для японской военной миссии».

За время нахождения Кобылкина на ст. Чжалайнор японцами было выброшено на территорию СССР пять диверсионных разведывательных групп с задачей

проникнуть на территорию Забайкалья. Из этих групп, группа Якимова была переброшена помощником атамана Семенова генератом Бакшеевым, действовавшим по прямому поручению японской военной миссии в Харбине. Группы Свининникова и Лончакова были переброшены на советскую территорию нелегальным резидентом японской разведки пограничнополицейского отряда Чкалайнор-копи, хозяином ломбарда. Группы Декина и Топоркова непосредственно сформированные в г. Харбине генералом Бакшеевым по поручению японской военной миссии. За исключением разгромленных на советской территории групп Якимова и Декина, все остальные переброшенные группы благополучно вернулись на территорию Манчжоу-Го.

Прямого участия в формировании и выброске этих групп на советскую территорию Кобылкин не принимая. Его содействие этим группам выражалось в том, что он не препятствовал их проживанию в пограничной полосе без соответствующих документов, разрешал хранить оружие. Участники этих групп по прибытии в Чкалайнор ставили его в известность о том, что их появление с оружием санкционировано японскими властями.

Японская военная миссия в Харбине впервые о наличии контрреволюционной организации в Забайкалье была информирована генератом Шильниковым, который поддерживал связь с этой организацией до своей смерти (умер 20 мая 1934 г.). Дальнейшую информацию об этой организации докладывал Кобылкин.

Японская военная миссия в Харбине стремилась способствовать тому, чтобы эта организация не свертывала своей антисоветской работы, одновременно максимально укрепляла связь с японцами. Организация должна была осуществлять террористические и

диверсионные акты, для чего ей и были переданы зажигательные снаряды и боевое оружие. Она должна была вести специальную антисоветскую пропаганду, путем распространения различной контрреволюционной литературы.

Кобылкиным для связи с этой организацией в СССР был нелегально переброшен хорунжий Перепадов, которого он знал с 1925 г., верил ему и считал его надежным человеком. Перепадов обучался под руководством Кобылкина в инструкторской школе в Шандуне. Он был переброшен в январе 1935 г. совместно с Олейниковым Виктором.

Кобылкиным были даны Перепадову поручения по прибытию на советскую территорию в соответствии с указаниями руководителя организации проводить антисоветскую работу, заниматься сбором сведений по дислокации войск, расположенных в Забайкалье<sup>[189]</sup>.

В свою очередь Е. Л. Перепадов<sup>[190]</sup> 26 июня 1935 г. на допросе рассказал, что он 21 января 1935 г. в 17 час. 30 мин. был задержан на ст. Иннокентьевская с паспортом на имя Ращупкина Григория Степановича. Паспорт им был получен в ночь со 2-го на 3-е января 1935 г. после нелегального перехода на советскую территорию, по дороге в поселок Абагайтуй от члена контрреволюционной организации фельдшера Иванова Василия Егоровича, работающего на Абагайтуйских рудниках.

Границу Перепадов перешел в районе сопки Молоканки близ разветвления реки Аргуни на два рукава. Его проводником был Олейников Виктор.

При переходе на советскую территорию Перепадов должен был явиться в распоряжение руководителя контрреволюционной организации в Забайкалье, брата полковника Кобылкина — Кобылкина Алексея Васильевича, для принятия участия в антисоветской

деятельности по линии террористических и диверсионных актов.

В его задачу входило выяснение, после изучения обстановки, в присылке каких руководителей из-за границы организация нуждалась. Свое пребывание в СССР он должен был использовать для ознакомления с военной литературой, в том числе и с уставами, для того, чтобы в последующем суметь информировать японскую разведку о состоянии обучения Красной армии, в разрезе выяснения тактики действия отделения и взвода с применением огневых средств.

При обратном возвращении, за кордон он должен был получить в организации шпионские материалы о военном и экономическом положении Забайкалья.

Для работы в пользу японской разведки Перепадов был завербован летом 1934 г. Он выразил согласие, на основе полной добровольности, так как считал необходимым принимать активное участие в работе против СССР, то есть посвятить себя общерусскому делу. Он активно помогал Кобылкину в работе по связи с ходаками контрреволюционной организации, доставлявшей ему шпионские сведения для японской разведки и в выходе на советскую территорию фактически с согласия японцев и с их поручениями.

С февраля по октябрь 1934 г. Перепадов работал в полицейском пограничном маньчжурском отряде, расквартированном в г. Манчжурия в качестве рядового полицейского при паспортном пункте. Однако он был уволен с этой работы на основании клеветнического рапорта, поданного на него белогвардейцем Некипеловым (надзиратель поселковой полиции) якобы о том, что он пытался получить взятку от одного советского гражданина.

Подробно о задачах организации Перепадову было неизвестно. Из отдельных бесед с полковником Кобылкиным он знал, что эта организация вела работу

по подготовке свержения советской власти и выполняла задания японской разведки по обору шпионских материалов.

Из лиц причастных к ее деятельности ему были известны: Виктор Олейников, Иванов (фельдшер Абагайтуевского рудника), Серебряков Василий Терентьевич (учитель на Черемховских копях), Атавин Евлампий Дмитриевич (служащий Заготскота в г. Чите), Гудков Борис Павлович (проживал в г. Чите), Кобылкин Алексей Васильевич (счетовод, проживал в г. Иркутске), Тихонов (проживал на ст. Иннокентьев-ская).

Перепадов в Шанхае в 1933 г. вступил в Красновский отдел тайной организации «Братство Русской Правды». Перед своим уходом в СССР он поставить в известность представителя шанхайского отдела БРП в Харбине активного «братчи-ка» Курочкина Николая Ивановича, проживавшего в Харбине по адресу: Гондатьяевский пер., д. 13 о намерении уйти нелегально в СССР для активной работы против большевиков, что Курочкин одобрил. При беседе Переладова с Курочкиным присутствовал член БРП надзиратель уголовного розыска при департаменте маньчжурской полиции в Харбине Ренард Николай Адольфович.

Курочкин поручил после тщательного изучения обстановки приступить к насаждению на территории СССР небольших ячеек БРП. Кроме того, он вручил револьвер системы «Браунинг», калибр 7,65 и 6 штук патронов к нему, для самозащиты при переходе границы.

Кроме Курочкина и Ренарда о намерении нелегально выехать в СССР Перепадов никому больше не говорил за исключением учителя в Чжалайноре эмигранта Белокопытова Владимира Ивановича, который провожал его до границы. Перепадов знал, что его выход на советскую территорию был санкционирован начальником японской военной миссии



в Манчжурии японцем Сакураем и секретарем японской военной миссии в Харбине японцем Суда<sup>[191]</sup>.

1 июля 1935 г. арестованный Перепадов рассказал, что в тайную организацию БРП он впервые вступил летом 1930 г. в г. Мукдене (Манчжурия), куда вовлек его знакомый по шан-дуньской школе, бывший ее начальник, полковник Генерального штаба Михайлов Михаил Афанасьевич. Михайлов сообщил, что готовит специальный отряд во главе с забайкальским казаком Гордеевым, для выброски его на советскую территорию в целях совершения диверсионных и террористических актов. В него должны были войти только члены БРП. Перепадов дал согласие на вступление, заполнил клятвенное обещание и согласился принять участие в Гордеевском отряде. Однако никакого участия в деятельности этой организации он не принимал. Вторично в члены БРП он вступил летом 1933 г. в гор. Шанхае, где в то время проживал и работал. Вступление он оформил через руководителя Красновского отдела Ларина Георгия Павловича, который знал Перепадова, как активного члена молодежнофашистской организации «Национальный Союз Нового Поколения». При вступлении Ларин дал заполнить новое клятвенное обещание. Политическую программу во всех ее деталях Перепадов не знал. Из бесед с рядом «братчиков» он знал, что БРП имеет своей задачей борьбу с советской властью, как в СССР, так и за границей. Главным образом по линии террора против представителей советского правительства и организации восстаний на территории СССР.

Перепадов рассказал, что в начале 1933 г. после появления сообщения в шанхайской печати о предстоящем приезде в Шанхай полпреда СССР Богомолова, к нему на квартиру явился однокашник по шан-дуньской школе член БРП и НСНП Ушаков Геннадий,

проживающий по адресу: г. Шанхай, Ятес-род, дом № 184 или 181. Он спросил согласия Переладова принять участие в совершении террористического акта против Богомолова. Перепадов согласился. Через несколько дней на квартире Ушакова состоялось совещание, на котором присутствовали: Перепадов, Попов Хрисанер Васильевич (председатель Дальне-Восточного Отдела НСНП) и Ушаков Геннадий. На совещании Попов информировал о том, что теракт против Богомолова осуществляется по указанию руководителя Красновского отдела БРП Ларина, который обещал снабдить необходимым для этого акта оружием.

План убийства Богомолова был следующий: установив по газетам день прибытия парохода, с которым приедет Богомолов, Переладову и Ушакову предлагалось явиться на пристань. При спуске Богомолова с парохода произвести в него несколько выстрелов из револьвера. Стрелять должен был и Перепадов и Ушаков с тем, что если один пропустит или промахнется, другой исправит ошибку. Однако оружие Ларин не достал, из-за чего теракт не был осуществлен.

Через месяц после приезда Богомолова в Китай Ларин через Попова поручил Переладову и Ушакову бросить бомбу в помещение советского правительства в Шанхае. Перед тем как бросить бомбу, Перепадов и Ушаков на велосипедах, ездили к зданию посольства на предмет изучения возможности; осуществления этого акта. Спустя несколько дней Ушаков был вызван на квартиру к Ларину, где получил приготовленную бомбу, вложенную в китайскую фарфоровую чашку. Ларин дал Ушакову лист бумаги, где черной тушью большими буквами было написано БРП, указав, что эту бумагу нужно бросить за ограду полпредства перед бросанием снаряда.

На следующий день вечером Ушаков на велосипеде один выехал на улицу Синзерод, где помещалось полпредство СССР и, воспользовавшись удобным моментом, бросил в помещение полпредства бомбу, которая взорвалась. На следующий день в шанхайской газете «Копейка» появилось сообщение об имевшем место взрыве в здании советского полпредства, который администрацией полпредства объяснялся результатом игры с ракетой одного из детей служащих полпредства.

Перепадов рассказал, что он состоял членом следующих белогвардейских организаций: «Русский Общевоинский Союз», в который вступил в 1929 г.; «Восточный Казачий Союз» вступил в 1931 г.; «Национальный Союз Нового Поколения»<sup>[192]</sup> вступил в 1932 г.; «Общество Взаимопомощи Воспитанников Шандуньского Военного Училища» вступил в 1928 г.; «Союз Мушкетеров» вступил летом 1924 г. и выбыл в конце этого же года автоматически. В последнее время являлся председателем «Национального клуба эмигрантской молодежи» в г. Манчжурия, куда вступил в 1934 г.

Кроме участия в подготовке террористического акта против Богомолова и в получении заданий по линии БРП в связи с выходом на территорию СССР от Курочкина Перепадов по линии этой организации больше ничего не делал<sup>[193]</sup>.

15 июля 1935 г. Политбюро ЦК принимает решение о передачи дела, арестованных японских диверсантов И. В. Кобылкина и Е. Л. Переладова в Военную Коллегию Верховного суда СССР для слушания в открытом порядке в г. Иркутске<sup>[194]</sup>.

22 августа 1935 г. заместитель Прокурора СССР Г. К. Рогинский за № 308-лсс сообщил Кагановичу, что согласно постановлению Политбюро от 15 июля было

законченно расследование дела о группе японских агентов, переброшенных нелегально на территорию СССР. Дело передано для рассмотрения в открытом судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

Сообщалось, что дело в первых числах сентября будет заслушано выездной сессией Военной Коллегии в Иркутске, под председательством Зам. Председателя Военной Коллегии Никитченко. Государственным обвинителем по делу выступит военный прокурор Малкис<sup>[195]</sup>.

На следующий день, 23 августа 1935 г. членам и кандидатам в члены Политбюро: Андрееву, Ворошилову, Жданову, Кагановичу, Калинин, Микояну, Молотову, Орджоникидзе, Сталину, Чубарю, Ежову было послано на ознакомление обвинительное заключение по делу террористическо-диверсионной группы закордонных агентов, переброшенных нелегально на советскую территорию<sup>[196]</sup>.

Согласно обвинительного заключения по делу, Особым Отделом ГубОГБ УНКВД по Восточно-Сибирскому краю, в январе 1935 г. были получены сведения о нелегальном переходе из Харбина на советскую территорию белоэмигранта, члена зарубежных контрреволюционных организаций «Братства Русской Правды», «Русского Общевоинского союза» и члена Правления «Национального Союза Нового Поколения» Е. Л. Переладова. В результате розыска Перепалов, 21 января был задержан на ст. Иннокентьевская Восточносибирской железной дороги.

Из его показаний следовало, что вслед за ним на территорию СССР должен был нелегально прибыть полковник Кобылкин, со специальными заданиями разведки.

9 марта 1935 г. после шестидневного нелегального пребывания на советской территории полковник Кобылкин так же был арестован на ст. Иркутск с фиктивным паспортом. В своих показаниях Кобылкин сознался, что он и Перепадов перешли границу, чтобы наладить работу созданной в Забайкалье контрреволюционной группы, организовать разведывательную деятельность последней и подготовить ряд террористических и диверсионных актов.

При аресте Кобылкина были обнаружены принесенные им из-за границы два пистолета системы «Маузер» и 70 шт. патронов, 1 пистолет системы «Астра» с 24 патронами, 2 зажигательных снаряда, несколько пачек контрреволюционной, белогвардейской литературы, 8 писем в разные адреса и 60 американских долларов.

В обвинительном заключении констатировалось, что за последние несколько лет японская военная миссия в г. Харбине, усилила подготовку и переброску на советскую территорию специальной агентуры для шпионско-диверсионной и террористической деятельности. С этой целью она широко использовала кадры многочисленных белогвардейских организаций, существовавших в Харбине. Таких как: «Братство Русской Правды», «Русский Обще-Воинский Союз», «Национальный Союз Нового Поколения», «Русская фашистская партия» «Сибирский круг» и ряд других.

Документальным доказательством подготовки специальных кадров террористов, которые должны были быть брошены на территорию СССР в распоряжение полковника Кобылкина, являлись обнаруженные письма у убитых при нелегальном переходе границы 28 мая Кустова и Олейникова.

Письмо № 1.

«"Национальный Союз русской молодежи", 22. У-1935 г.

Нам нужна Великая Россия.

Дорогой Иннокентии Васильевич!

Наши идеи находят отклик в общественности, при умелой работе можно создать кадровую финансовую базу.

Есть люди, которые тянутся для действительной борьбы, но я их не рискую посылать без политической подготовки, эту подготовку я создаю. В настоящее время я посылаю Вам одного (Кустова) которого можно считать более или менее подготовленным для идеологической борьбы, для ударной же годен вполне.

К тому времени, как Вы вернетесь, у меня будут готовы комплекты курсов по национально-политической подготовке, и Вы сможете готовить для работы западный молодняк.

Михаил»<sup>[197]</sup>.

В 1941 г. отдел РФС в Маньчжурии вошел в «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (БРЭМ). В Шанхае и Европе РФС про-

Письмо № 2.

«24 мая 1935 г.

Здравствуй Митя!

О. до сих пор не возвратился, из-за чего пришлось негласно хлопотать, выкручиваться и кредитоваться.

От С. получил 100 (сто) за что он просил снабдить его всяческой литературой об экономическом и политическом положении Монголии (журналы, новейшие брошюры, газеты и т. п.). Петуна о своем решении просил написать непосредственно тебе, что он и сделал. Некоторые из твоих знакомых по Крестовскому (тот, о ком ты мне говорил и еще другой) на предложение ехать согласны, но связанность их службой и недостаток денег помешали претворить их

согласие в жизнь теперь, пришлось отложить до следующего раза.

Ведь время теперь такое, что с каждой неделей все ярче я ярче обозначаются контуры желаний, живущих теперь на земном шаре. Следует к началу осуществления этих желаний принять решение и начать подготовку. Работники найдутся, но и они без подготовки потянут "кто в лес, кто по дрова" отчего произойдет анархия на окраинах, что закончится захватом последних со всеми последствиями от этого, повторяю, что надо принять решения и приступить к подготовке работников, а по готовности последних интенсивно и гуще распределять их по окраинам, дав им перед тем соответствующие инструкции.

Твой Д. Т.»[\[198\]](#) [\[199\]](#)

Как было выше сказано при переходе границы, Олейников Михаил и Кустов были убиты. По донесению Особого отдела УГБ УНКВД по ВСК произошло это при следующих обстоятельствах: «В 3 часа утра местного времени 28.V на участке Даурского погранотряда в трех километрах северо-западнее поселка Абагайтуи был обстрелян неизвестными наш сторожевой наряд. Ответным огнем наряда неизвестные после продолжительной перестрелки были убиты, убитыми оказались перешедшие со стороны Манчжурии террористы-агенты некоей разведки: Кустов Владимир и Олейников Михаил. При них обнаружены: пистолеты системы Рояль № 39864 и системы Астра № 60373, патрон к ним 26, стреляных гильз — 8, коробка с ядом в порошке — атропин, пробирка со стрихнином в порошке, 2690 рублей советских, к/р. белогвардейские листовки, брошюры, газеты».

Подготовка на советской территории террористических и диверсионных актов подтверждалась показаниями обвиняемых и

перехваченными документами, направленными в адрес Кобылкина.

Всего для совершения террористических актов Кобылкиным было получено: 2 мексиканских винтовки; 4 пистолета системы «Маузер»; один револьвер системы «Наган» и 6 пистолетов системы «Браунинг». К оружию прилагались и боеприпасы. Все это оружие, за исключением одного пистолета «Маузер» и 2 мексиканских винтовок одновременно было переброшено в Забайкалье. Оружие перебрасывалось в Забайкалье в распоряжение людей, с которыми поддерживалась связь для организации террористических актов на территории Советского Союза.

Кобылкин наличие у него при задержании листовок «БРП» объяснил тем, что литература этой организации, издаваемая массовым тиражом, рассылалась всей агентуре на Восточной и Западной ветке КВЖД для пересылки на территорию СССР, в частности через руководителя газеты «Харбинское время» — японца Осава. О чем говорит и письмо Тимофеева к Кобылкину обнаруженное у убитого на границе террориста Кустова, следующего содержания:

«Прилагаемую литературу посылаю на Баше усмотрение. Мне кажется, что кое, что из нее — не подходящее — следует забраковать:

В сводке следует добавить, что целью некоего государства, опасяющегося коммунистических тенденций, которые будут полдерживаемы Америкой, является кроме Сахалина еще и Приморье. Приморье и хотя бы часть Камчатки (для полного контроля над охотским морем).

Подготовив предварительно народ, надо будет воспользоваться этим моментом. При успехе следует объявить всему миру о самоопределении народов Восточно-Сибирского края и немедленного ввода ее



войск предложить договор, дающий ей гарантию неприкосновенности ее границ и широкие экономические возможности и даже права.

За подготовку населения, мне кажется, пора приступить. Я думаю, что найдутся такие районы, где можно этим заняться, даже путем пропаганды литературой. Давайте указания о характере и даже редакции нужной литературы».

Разведывательная деятельность сводилась к получению сведений о дислокации частей Красной армии в районе от Читы до 86 разъезда; наличием в Чите и дальше на Восток авиационных и танковых частей; где, и какие укрепления строятся и уже построены на границе; обмундированием частей Красной армии; настроением гражданского населения; состоянием охраны границы.

Следствием по делу устанавливалась долголетняя принадлежность обвиняемых Кобылкина и Переладова к организациям РОВС и БРП, ведущих активную диверсионно-террористическую и разведывательную работу на советской территории.

О своем участии в работе белогвардейских организаций и о характеристике их деятельности обвиняемый Кобылкин показал:

«1) В октябре месяце 1922 г. я был Приморским правительством откомандирован с должности начальника войскового штаба Забайкальского казачьего войска из г. Никольск-Уссурийска в г. Манчжурию (Китай) в распоряжение ген. Золотухина, назначенного в то время начальником формирования бело-партизанского отряда для вооруженного выступления на сов. территорию. Лично я был назначен его помощником, но в связи с болезнью Золотухина, фактически замещал его и всю подготовительную работу вел самостоятельно. По линии этой работы я был подчинен ген. Шильникову на Западной линии КВЖД.

Наше выступление окончилось неудачей, так как Золотухин был убит, а Шильников выбросил самостоятельный отряд в направлении поселка Абагайтуй.

2) В 1923 или 1924 г. (точно не помню), после моего возвращения из Манчжурии в Харбин, где в то время сосредоточилась основная масса питомцев хабаровского кадетского корпуса, я как старший по выпуску из этого корпуса (1907 г.) был избран председателем вновь организовавшегося "Союза Хабаровских кадетов" и от имени последнего представлял в "Союзе офицеров", возглавлявшимся ген. Бордзиловским. Как "Союз кадетов", так и "Союз офицеров" носили ярко выраженный монархический характер.

3) В 1924 г., встречаясь в Харбине со своим сослуживцем по корпусу полк. Куклиным Михаилом Васильевичем, мне последним было предложено вступить в организацию легитимистов (кирилловцев), возглавляемую генералом Жадвоин. Не разделяя взглядов кирилловцев, я от этого предложения отказался.

Позже, в 1928 г., будучи в Мукдене, я получил подробное же предложение от самого ген. Жадвоин, с которым был знаком по Харбину через Куклеева. На это предложение, также, как и на последующее, поступившее ко мне в конце 1928 г. или в начале 1929 г. уже от полк. Николаева Николая Николаевича из Шанхая по почте, я ответил отказом.

4) С 1925 по 1928 г. я ни в каких белоэмигрантских организациях не состоял, работал в качестве инструктора (командир военно-инструкторской роты) в Шаньдунской военно-инструкторской школе, готовившей кадры командиров для армии Чжан-Дзу-Чана, дравшейся с южными китайскими войсками. Должен заявить, что на протяжении этих лет я

механически оставался членом "Союза Хабаровских кадетов".

5) Осенью 1928 г., после расформирования шаньдунской армии, находясь в Мукдене, вступил в члены "Русский Обще-Воинский Союз" (РОВС), в котором состоял до 1935 г. момента моего ареста здесь на сов. территории. С 1929 по 1930 г. я был членом правления мукденской организации РОВСа. В 1931 г. я переехал в Харбин, где был зачислен в Харбинский отдел РОВСа рядовым членом.

6) За время с 1931 по 1933 гг., состоя членом РОВСа, я одновременно состоял членом "Забайкальского Землячества", возглавляемого ген. Шильниковым Иваном Федоровичем, был инструктором скаутской организации по военной подготовке и в этот же период времени вербовался в члены "Высшего Монархического Союза", возглавляемого в Харбине присяжно-поверенным Ивановым Василием Федоровичем и в члены организации "Братства Русской Правды". И в первом и во втором случае меня вербовал бывш. белый летчик наблюдатель Ващило Иван Ареньевич, в настоящее время служащий полиции. Согласие на эти вербовки я дал.

7) С 1933 по 1935 гг. я проживал на ст. Чжалайнор, где служил в должности надзирателя поселковой полиции, оставаясь членом РОВСа. По прибытии в Чжалайнор я должен был, как член РОВСа, стать на учет в "Офицерский Союз" на ст. Манчжурия, возглавляемый войсковым старшиной полк. Новиковым Архипом Сидоровичем, являющимся одновременно представителем атамана Семенова. На учет в эту организацию я принят не был, так как не являюсь сторонником семеновской ориентации»...

«Кратко деятельность и политическое лицо РОВСа я могу охарактеризовать так:

1) РОВС — организация монархическая.

2) РОВС — является объединяющим центром всех находящихся за рубежом воинских (белых) кадров, которые концентрируются в это объединение с целью возможного наиболее полного их использования, при возможном вооруженном выступлении против советской власти.

3) РОВС — ставит своей задачей сохранение старых и выращивание новых боевых кадров для антисоветской деятельности. В этих целях ведется переподготовка старого командного состава и подготовка молодняка, путем создания специальных военных школ.

4) РОВС — ведет активную вербовку антисоветской молодежи в свои ряды, особенно из числа учащейся (студенческой) молодежи, подготавливая ее для последующих боевых выступлений против сов. власти.

5) РОВС в целом и его представители на местах ведут разведывательную деятельность на территории СССР.

6) РОВС — ведет активную идейную обработку эмигрантской массы через свой орган в Харбине — газету "Русское Слово".

Дальневосточный отдел РОВСа в Харбине во всей своей деятельности непосредственно связан с разведкой, в лице военной миссии. С разрешения последней РОВС объединяет в себе основной костяк боеспособных офицеров, развертывает военные школы, ведет открытую вербовку сторонников в свои ряды, занимается разведкой на сов. территории и издает свою газету. На протяжении многих лет вплоть до мая 1933 г. — момента смерти ген. Шпильникова — являлся агентом *японской* (вписано мной — О. А4.) военной миссии и по заданиям последней вел активную разведывательную работу на сов. территории, привлекая к этому отдельных членов РОВСа, в частности и лично меня»...

Обвиняемый Перепадов о своей принадлежности к ряду белогвардейских организаций за рубежом показал:

«К моменту моего приезда в Шанхай, там существовало общество офицеров, окончивших Шаньдунскую школу 1-го и 2-го выпусков. Руководил этим обществом шаньдунед Калатилин Алексей Николаевич, имевший чин подпоручика. Общество это преследовало цели взаимопомощи, в нем я все время и находился. Членов этого общества собирали, обсуждали вопросы общества, взносы составляли один процент с жалованья. В середине 1929 г. по предложению генерала Дитерихса все члены Шаньдунского общества организовали ячейку РОВС, куда попал и я. Приблизительно помню из шаньдунцев моих знакомых, вступивших в РОВС:

- 1/ Быков Александр Артамонович,
- 2/ Калатилин Алексей Николаевич,
- 3/ Калатилин Борис Николаевич,
- 4/ Попов Брисанет Васильевич,
- 5/ Овсянников Виктор Васильевич,
- 6/ Союшкин Константин,
- 7/ Союшкин Петр.

Руководителем РОВСа ДВ считается Дитерихс. Он одновременно руководит шанхайской организацией. В мое пребывание в Шанхае руководство организацией РОВСа заключалось в созыве общих собраний, постановки докладов членов РОВСа на военные и политические темы»[\[200\]](#).

Согласно обвинительному заключению И. В. Кобылкин, Е. Л. Перепадов и В. В. Олейников были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 58-4-6-8-9 и 10 и 58-1-а УК РСФСР. Их дело было направлено в Военную Коллегию Верховного Суда СССР[\[201\]](#).

1 сентября 1935 г. Военная коллегия Верховного суда СССР сообщила Секретарю ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановичу, что выездной сессией ВК ВС СССР в г. Иркутске, под председательством Никитченко, с участием обвинения и защиты, было рассмотрено дело о белогвардейцах: Кобылкине, Пере-ладове и Олейникове, проникших по заданиям японских разведывательных органов, через Манчжоу-Го, в СССР с целью шпионажа и совершения диверсионных и террористических актов.

На судебном следствии Кобылкин, Перепадов и Олейников свою виновность во вмененных им преступлениях полностью признали. 1 сентября приговором выездной сессии Военной Коллегии Верхсуда Союза ССР они были осуждены к высшей мере наказания расстрелу.

Сообщая об изложенном, председатель ВК ВС СССР В. Ульрих уточнял у членов Политбюро: «следует ли передать разрешение вопроса об окончательном утверждении приговора в судебную комиссию под председательством М. И. Калинина, или в данном случае необходимо ждать каких-либо особых указаний»<sup>[202]</sup>.

Опросом членов Политбюро от 3 сентября 1935 г. приговор выездной сессии Военной Коллегии Верхсуда СССР в отношении белогвардейцев Кобылкина, Переладова и Олейникова был утвержден<sup>[203]</sup>.

5 сентября В. Ульрих сообщил Кагановичу, что приговор о расстреле Кобылкина И. В., Переладова Е. Л. и Олейникова В. В. приведен в исполнение четвертого сентября в 22 часа по Иркутскому времени<sup>[204]</sup>.

13 декабря 1937 г. Н. И. Ежов сообщил И. В. Сталину телеграмму начальника УНКВД по Новосибирской области Г. Ф. Горбача от 9.12.1937 г. о раскрытии «заговора» РОВСа.

Арестованный в Воронеже колчаковский генерал Пепеляев Анатолий Николаевич, 1891 г. рождения, рассказал о своей контрреволюционной деятельности. Он показал, что после разгрома колчаковцев проживая в 1920 году в Харбине, получил 10.000 иен от представителя военных кругов Японии полковника Иокагама на организацию среди бежавших в Харбин офицеров «Воинского союза».

В 1921 г. установил связь с руководителями харбинской эсеровской организации «Сибирский комитет» Сазоновым, Головачинским, Грачевым, ставивших своей задачей, создание сибирской автономной республики.

В 1922 г. принял предложение «Сибирского комитета» организовать и возглавить движение против советской власти в Сибири. С этой целью, получил у японцев в Харбине оружие и боеприпасы, организовал в Приморье «Сибирскую добровольческую дружину». Дружина под Якутском была в июне 1923 г. была разбита Красой Армией. Пепеляев взят в плен. Решением трибунала 5-й армии в 1923 г. он был осужден к ВМН, с заменой — заключением в тюрьму на 10 лет.

Отбывая наказание в Ярославском изоляторе в 1927 г. установил письменную связь с активным участником РОВСа генералом Вишневским, проживавшим в Харбине, который ранее он был командиром корпуса Пепеляевской армии. Вишневский информировал о достигнутой в Харбине договоренности между РОВСом и японскими военными кругами, сибирскими областниками, о создании на территории Сибири ДВК «буферного государства» под лозунгом «через свободную Сибирь к возрождению России».

Свержение Советской власти намечалось путем организации восстания в момент военного нападения Японии на СССР. После свержения Советской власти,

Японии было обещано предоставление сибирского рынка, концессий леса и угля. В 1935 г. Пепеляев принял предложение японских разведывательных кругов и харбинского руководства РОВСа — организовать в СССР организацию и возглавить вооруженное свержение Советской власти в Сибири в момент войны Японии против СССР.

Будучи допрошен о причинах обусловивших предоставление льгот в Ярославском политизоляторе, Пепеляев рассказал, что в январе 1936 г. он был вызван из политизолятора в Москву, где был принят начальником Особого отдела ГУГБ Гаем. Гай в беседе дал понять, что знает о контрреволюционной деятельности Пепеляева, и обещал ему поддержку в этой работе.

В июле 1936 г. Пепеляев вторично был вызван в Москву, где Гаем было объявлено постановление об его освобождении, сделано предупреждение об осторожности в контрреволюционной работе и оказана материальная помощь. В личном деле-формуляре Пепеляева имелось специальное указание Гая Управлению НКВД Воронежской области об оказании ему особого содействия.

Пепеляев установил организационную связь с известными ему белогвардейскими офицерами и поручил им проведение вербовки повстанческих кадров и создания террористических и диверсионных групп.

Из доклада Эскина Пепеляев знал о наличии в Западносибирском крае повстанческой организации, насчитывающей несколько тысяч членов.

Органами НКВД организация РОВСа была частично ликвидирована. Было арестовано и осуждено руководство краевого повстанческого штаба в составе бывших генератов: Эскина, Михайлова, Шереметьева, Ефанова; князей: Гагарина, Долгорукова, непосредственно руководившими формированиями



повстанческого подполья и диверсионно-террористических групп.

Всего по делу Западно-Сибирской организации РОВС было арестовано и осуждено 15.203 человека. В ноябре месяце в Новосибирске был вскрыт и ликвидирован запасный повстанческий штаб повстанческой организации, созданный Эскиным, в состав которого входили бывшие полковники армии Колчака А. А. Нуднер, Н. Л. Попов, Н. М. Тюменев, Г. С. Пологинов.

Одновременно в системе Сиблага была вскрыта широко разветвленная повстанческая организация РОВСа, охватывающая 17 лагерных пунктов.

Восстание намечалось вместе с РОВСовской организацией Западной Сибири в момент начала войны с Японией. Организация создавалась по признакам войскового подразделения. В первую очередь подбирались командный состав из числа отбывавших наказание офицеров.

Позже было арестовано еще 357 человек, из них бывших генералов 1, бывших полковников 7, бывших подполковников 4, других офицеров 140, полицейских жандармов 20, митрополитов-епископов 6, попов 69, кулаков, карателей 139. Призналось в участии в организации 345.

Резолюция Сталина на этом документе гласила: «Ежову. Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять»<sup>[205]</sup>.

Согласно справки УНКВД по Новосибирской области от 13 декабря 1937 г. о составе арестованных по делу офицерской организации РОВСа проходило:

- «1. Князей — 2
2. Контр-адмиралов — 1
3. Генералов — 8
4. Полковников — 42
5. Капитанов и штабс-капитанов — 43

6. Поручиков, подпоручиков и прапорщиков — 102
7. Царских чинов — 61
8. Чинов полиции и жандармерии — 69
9. Дворян — 27
10. Фабрикантов и помещиков — 35
11. Попов — 9»

Резолюция Сталина: «Расстрелять всех». Его помощником Поскребышевым подписано: «Исполнено. Послана телеграмма 16.XII.37 г.»<sup>[206]</sup>.

Раскрытие такой крупной организации, существовавшей в течении нескольких лет, вызывает большие сомнения. Скорее всего, большая часть лип была арестована и осуждена безосновательно. Их уничтожение было связано с ликвидацией в стране т. н. «пятой колонны».

Японцы активизировали свою подрывную деятельность против Советского союза и в Европе. Так «Национально трудовой союз нового поколения», после установления связи с японской разведкой, активизировал свою террористическую деятельность.

В 1936 г. на одном из заседаний Исполнительного бюро НТСНП, было решено подготовить и осуществить убийство в первую очередь Сталина, во вторую Молотова или Кагановича. С этой целью в 1937 г. в СССР были переброшены два террориста — Околович Георгий Сергеевич и Колков Александр Георгиевич. Они должны были попасть в Москву к майскому параду 1937 г. Им необходимо было с демонстрантами пройти на Красную площадь и бросить бомбу в правительственную трибуну. В начале 1938 г. Околович и Колков возвратились в Варшаву, они не смогли попасть на Красную площадь в период проведения майского парада.

Отсутствие результатов работы со стороны членов НТСНП, переброшенных в Советский Союз, вызвало

недовольство у японцев, и они начали оказывать давление. Японский военный атташе в Берлине генерал Кавабэ предложил поторопиться с подбором новых людей для переброски в СССР. Было решено усилить переброску террористов в СССР.

В 1938 г. Исполнительным бюро НТСНП был получен от Вюрглера новый, более подробный план Москвы, который ему удалось добыть от польской разведки, с которой так же активно взаимодействовали японцы. Кроме того, в 1939 г. Исполнительному бюро удалось получить эскизный план Кремля, на котором указывались помещения, занимаемые Сталиным, Молотовым, Берия, Ворошиловым и Ждановым.

В августе 1939 г. с территории Польши в СССР было направлено три группы террористов. В конце этого же года в связи с оккупацией Польши германскими войсками курсы по подготовке террористов в Варшаве были ликвидированы, а Околович переехал в Румынию. Приехав в Белград, Околович сообщил, что японцы настаивают на заброске агентуры НТСНП в Советский Союз с территории Румынии. Спустя некоторое время Байдалаков подобрал группу членов НТСНП и направил их в Бухарест, где Околович с помощью приехавших туда японцев Усуи и Монаки организовал их подготовку для заброски в СССР<sup>[207]</sup>.

Агентурно-следственными материалами органов НКВД было установлено, что заграничная белоэмигрантская организация РФС объединяла наиболее активные, боевые, террористически настроенные круги белой эмиграции. В 1938-1939 гг. наблюдалась особая активность в работе РФС.

Б своих программных установках РФС выдвигал и пропагандировал следующие основные положения:

«1. РФС стремится создать мощный кулак из наиболее антисоветской части эмиграции. В основу

комплектования РФС положен принцип отбора.

2. Всю работу против Советского Союза РФС согласует с фашистскими государствами, готовясь к вооруженному выступлению вместе с этими государствами против Советского Союза.

3. Создание фашистских ячеек на территории Советского Союза. Применение против Советской власти методов террора, диверсии и шпионажа».

Эти положения подтвердил состоявшийся в Харбине 21-25 января 1939 г. IV съезд РФС, который выразил готовность поддержать Японию и любую другую страну в войне против СССР и подтвердил необходимость посылки на нашу территорию террористов, шпионов и диверсантов. Особого внимания заслуживали решения съезда об усилении работы среди молодежи, распространении антисоветских листовок на территории СССР и вербовке в свои ряды советских граждан. РФС был тесно связан с иностранными разведками и генеральными штабами Японии, Германии и Польши, которыми финансировался для ведения подрывной работы против Советского Союза.

Отмечалось, что среди фашистской белой эмиграции и фашистских разведок ряда стран наблюдалось стремление к организованному объединению белой эмиграции в целях активизации и согласования их действий, направленных против Советского Союза. В этом направлении РФС вел большую работу, стремясь объединить основные белоэмигрантские организации (НТСНП, РОВС и др.). Намечалось проведение съезда представителей этих организаций для создания, так называемого «Российского национального фронта», который руководил бы подрывной деятельностью белой эмиграции против Советского Союза.

Основной центр РФС находился в Харбине и возглавлялся агентом японской разведки Родзаевским

Константином Владимировичем. Центр РФС имел ряд отделов. РФС имел свои филиалы в Румынии (руководитель Михайлов), в Польше (руководитель Шелехов), в Германии (Аверкиев), во Франции (полковник Кистяковский) и в ряде других стран. В феврале 1939 г. была создана организация РФС в Чехословакии, центр которой находился в г. Братиславе, руководителем этой организации был Л. А. Костенко.

На 4-м съезде был избран также верховный совет РФС<sup>[208]</sup>. Кроме «верховного совета» были избраны «центральная контрольная комиссия» и «центральная ревизионная комиссия».

Первичные организации РФС делились на районы, группы и очаги. Район объединял три или четыре группы и возглавлялся начальником района, у которого имелся штаб. В штаб входили: начальник штаба района, начальник агитационной части, начальник общей части и начальник военной части. Члены штаба во главе с начальником района образовывали «совет района». Группа объединяла от 5 до 7 «очагов», в каждом очаге имелось около 5 членов. Районы были подчинены главе РФС или так называемому резиденту главы.

РФС насаждал свою шпионско-диверсионную, террористическую агентуру на территории Советского Союза. Так, например, в Ленинграде, Мурманске и в районах Ленинградской области была вскрыта и ликвидирована военноофицерская организация, созданная эмиссарами центров РФС и РОНД («Российское объединение националистов-демократов»), Во главе организации стоял штаб, возглавлявшийся Г. Н. Лисаневичем, в прошлом капитаном 2-го ранга, В. П. Костиным, бывшим штабс-капитаном, и Кенингшацем, бывшим казачьим офицером. При обыске у них были изъяты документы,

полученные ими через эмиссара РФС Савельева, изданные в Берлине и Харбине. Среди документов были изъяты устав РФС и контрреволюционные листовки.

НКВД БССР предложило через агентуру установить родственные и иные связи руководящего состава РФС на территории СССР, приступив к их активной разработке. Выявить связи агентуры НКВД среди участников РФС для проведения агентурных комбинаций. Необходимо было усилить агентурное обслуживание молодежи, особенно выходцев из буржуазной, дворянской, офицерской и помещичье-кулацкой среды, лиц, имеющих связи с белоэмигрантскими элементами, и членов семей репрессированных, имея в виду, что РФС и НТСНП делали ставку на такую молодежь как активную контрреволюционную базу. А также активизировать агентурные мероприятия по выявлению деятельности агентов РФС на территории СССР<sup>[209]</sup>.

В конце июня 1941 г. начавшаяся война Германии против СССР воодушевила К. В. Родзаевского. Он полагал, что эмигранты поддержат ее. На следующий день он с группой российских фашистов посетил немецкого консула в Харбине, передав ему приветствие в адрес Гитлера и заявив, что Российский фашистский союз рассматривает эту войну не как войну с русским народом, а как войну за уничтожение коммунизма. Однако в Маньчжурию начали приходить вести о том, что немцы на оккупированных территориях не создают ни «Русского национального правительства», ни «Русской Армии, национальных советов и русской национальной партии», как предполагалось.

Получалось так, что война велась на уничтожение русского народа. Среди российских эмигрантов стали усиливаться антинемецкие настроения. Постепенно

Фашистский союз стал терять своих членов, деятельность его почти прекращается.

В 1941 г. отдел РФС в Маньчжурии вошел в состав «Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии» (БРЭМ). В Шанхае и Европе РФС продолжал действовать как самостоятельная организация.

1 июля 1943 г. японская администрация без объяснения причин запретила РФС. Организации союза были закрыты в Маньчжурии, в оккупированной части Китая, Японии. С конца 1943 г. деятельность русской фашистской организации, не получая поддержки японских властей полностью прекратила свою деятельность.

Родзаевский добровольно сдался советским властям, переехав из Тяньцзиня в Пекин. Откуда его перевезли в Чанчунь, где и арестовали.

13 апреля 1946 г. Абакумов направил Сталину протоколы допросов арестованных: атамана Семенова Г. М. — главы антисоветских формирований на Дальнем Востоке и Родзаев-ского К. В. — руководителя Русского фашистского союза, которые показали, что возглавлявшиеся ими антисоветские организации «направлялись» японцами и они лично были связаны с рядом видных японских государственных и политических деятелей, как-то бароном Танака, графом Мацу-дайра, Араки, Тояма, Кайсо, Канаи, генералами Окамура, Уэда, Хата, Дои и др.

От этих лиц Семенов и Родзаевский знали, что японское правительство и генеральный штаб на протяжении многих лет ведет активную подготовку к нападению на СССР с целью отторжения советского Приморья и территории до Байкала включительно, планируя создать на этой территории буферное государство во главе с Семеновым.

В этих целях, японцы, захватив Манчжурию, превратили ее в плацдарм для нападения на СССР и

проводя идеологическую и военную подготовку населения Маньчжурии, в том числе и белогвардейцев, для использования их на стороне японцев в войне против Советского Союза. Особенно активно японское правительство и японский генеральный штаб вели подготовку вторжения на советскую территорию после нападения Германии на СССР, планируя свое выступление к моменту захвата немцами Москвы <sup>[210]</sup>.

В своих показаниях от 11 апреля 1946 г. Семенов Григорий Михайлович, 1890 г. рождения, уроженец Забайкальской области, русский, вне подданства, бывший главнокомандующий вооруженными силами Российской восточной окраины, генерал-лейтенант белой армии рассказал, что в период гражданской войны в России и в последующие годы пребывания за границей он вел активную борьбу против Советской власти. В 1918-20 гг. финансировал эту деятельность премьер-министр Японии граф Тераучи и военный министр барон Танака. Сам Семенов непосредственно был связан с генеральным консулом Японии в Харбине Сато, начальником Харбинской военной миссии полковником Курасаи и представителем японского генерального штаба майором Куроки.

Семенов был информирован о японских планах, предусматривавших захват территории Советского Дальнего Востока. В 1918 г. 12 японских дивизий вторглись на русскую территорию и полностью оккупировали Приморье и восточную часть Амурской области. Одновременно японцы начали переговоры с Колчаком и Семеновым, обещая поддержать их силой своей экспедиционной армии. Все сводилось к тому, чтобы добиться отторжения от России территории Приморья и присоединить ее к Японии.

Осенью 1919 г. в г. Чите Семенов имел встречу с особоуполномоченным японского правительства,



впоследствии вице-министром иностранных дел Японии Като, который заявил Семенову, что японское правительство хочет договориться с Колчаком о том, чтобы он предоставит Японии возможность оккупировать территорию Сибири вплоть до Урала. Этим самым тыл колчаковской армии будет охраняться японцами, взамен Колчак должен был дать согласие на признание за Японией права колонизации Приморья.

20 ноября 1920 г., когда Семенов со своим штабом находился на станции Маньчжурия, к нему из Владивостока прибыл представитель японского генерального штаба полковник Йосоме, который сообщил, что японское правительство намерено создать на территории Приморья самостоятельное правительство и готово поддержать его кандидатуру на пост руководителя того правительства. Семенов в конце ноября 1920 г. приехал во Владивосток, где встретился с начальником штаба японских экспедиционных войск в Сибири генерал-майором Такаэ Наги, который от имени японского правительства заверил его в том, что Йосоме правильно изложил японскую точку зрения на будущую судьбу Приморья. Семенов дал согласие стать главой будущего правительства в Приморье.

Окончательные условия японского правительства по приморскому вопросу Семенову сообщил глава японской дипломатической миссии на Дальнем Востоке граф Мацуда-ра, который до капитуляции Японии был министром императорского двора. Условия были следующие: Япония обязывалась предоставить необходимый денежный заем, нужное количество оружия и амуниции. Семенов должен был после того, как станет главой Дальневосточного правительства, согласиться на присоединение Приморья к Японии и решать все вопросы, связанные с возможным территориальным расширением власти Приморского

правительства только совместно с представителем Японии. Обязан был заявить о своей согласии, предоставить Японии полную свободу переселения японцев и корейцев на территорию Приморья и Советского Сахалина. Из этих условий было совершенно ясно, что комбинация, затеянная Японией с образованием, якобы, самостоятельного правительства в Приморье, было ничто иное, как ловкий ход японской дипломатии, рассчитанный на полный захват Приморья и Северного Сахалина.

Однако захват Северного Сахалина и Советского Приморья представлял собой только часть японских планов, предусматривавших более широкие территориальные приобретения за счет России, так как Япония рассчитывала захватить всю территорию Восточной России вплоть до Байкала. По этому вопросу в 1920 г. Семенов имел переговоры с генералом Точибана, ставшим в то время командующим японскими оккупационными войсками на Дальнем Востоке и полковником У Эда — впоследствии ставшим полным генералом и командовавшим Квантунской армией.

Они сообщили, что японское командование подготавливает наступление в глубь русской территории из района Хабаровска и по направлению КВЖД. В результате этого наступления японские войска осуществят полную оккупацию Советской территории вплоть до Байкала. Сообщили также о том, что японское правительство намерено создать на территории Забайкалья самостоятельное правительство под руководством Семенова и полностью аннексировать Приморье.

Семенов отметил, что на всем протяжении японской оккупации на Дальнем Востоке японские войска относились бесчеловечно к местному населению. Установленный ими режим в Приморье и в Сибири представлял из себя сочетание грабежа, насилия и

бессмысленных зверств. Так, вступление японских войск в г. Хабаровск ознаменовалось тем, что они устроили погромам грабеж жителей города. Японцы врывались в дома, забирали ценные вещи, насиловали женщин и были случаи, когда у русских женщин вырывались серьги из ушей. По личному приказу японского генерала Сой, в районе гор. Имана у населения были отобраны все лошади и коровы. В Японию было вывезено большое количество железнодорожного оборудования, захваченного на складах Уссурийской железной дороги. Одновременно на территории Приморья японцы, под угрозой репрессивных мер, отнимали у местного населения их земельные участки и поселяли на них колонистов из Кореи и Японии. В результате японской политики колонизации, русское население Приморья и Восточной Сибири было поставлено в чрезвычайно тяжелые условия.

После окончания японской интервенции на Дальнем Востоке в Японии была начата разработка новых агрессивных планов. В 1927 г. в международной прессе появился, так называемый, «меморандум Танака», подлинность которого японцы через свою печать пытались отрицать, однако Семенову было достоверно известно лично от самого барона Танака, что такой план действительно существовал.

Семенов рассказал, что в 1926 г. против барона Танака было выдвинуто обвинение в том, что он, будучи военным министром в период японской интервенции на Дальнем Востоке, израсходовал ассигнованные парламентом 20 миллионов иен не на финансирование военных операций, а, якобы, купил себе на эти деньги лидерство в партии «Сейюкай». Этот вопрос разбирался главным прокурором Токийской префектуры, который в декабре 1926 г. вызвал Семенова в качестве свидетеля по этому делу. Перед встречей с прокурором Танака

рассказал Семенову сущность выдвинутых против него обвинений и попросил его дать прокурору благоприятное для него освещение событий 1918-1922 гг. Порекомендовал обосновать расход 20 миллионов иен тем, что военное министерство финансировало не только Семенова, но и белых генералов Хорвата, Колмыкова и Кузнецова. В разговоре Танака подтвердил сообщение о том, что «Совет Генро» принял решение поручить ему формирование нового японского кабинета. Он планировал направить деятельность японского правительства на осуществление давно намеченного им плана отторжения Восточной Сибири от СССР и создания на этой территории буферного государств. Пообещал Семенову пост руководителя будущего Дальневосточного правительства. Разработанный им план выглядел следующим образом: вначале Япония захватит Маньчжурию, объявит о создании на ее территории самостоятельного правительства, а затем нападет на СССР и захватит Восточную Сибирь вплоть до Байкала. На захваченной Советской территории он предполагал создать угодное японцам правительство и объявить о самостоятельности Дальнего Востока от СССР.

На другой день Семенов посетив генерального прокурора, дал ему объяснения, соответствовавшие желанию Танака, заявив, что 20 миллионов иен были израсходованы на военные нужды.

После посещения прокурора Семенов вновь был приглашен к Танака на обед, на котором присутствовали еще генерал Яманаси и переводчик Шоодзи. Во время обеда Танака заявил, что создание в Маньчжурии самостоятельного государства будет представлять собой только первый этап, за которым немедленно последует второй, существо которого будет сводиться к полному присоединению Маньчжурии

к Японии и ее подчинению интересам Японии. Если не удастся осуществить план нападения на СССР через Маньчжурию, тогда территория Кореи будет использована в качестве военного плацдарма для нападения на Советское Приморье.

Танака порекомендовал Семенову активизировать подготовку белоэмигрантов к войне против СССР с таким расчетом, чтобы они могли сыграть в ней свою роль.

В конце беседы было условлено, что Семенов будет поддерживать тесную связь с Яманаси и одним из руководящих членов организации «Черный дракон».

Семенов в ходе допроса подтвердил, что он лично принимал активное участие в подготовке оккупации Маньчжурии. В 1928 г. он установил связь лично с Пу-И, который посвятил его, что между Пу-И и японцами начаты переговоры о восстановлении прав Пу-И на императорский престол в Пекине. Семенов оказал Пу-И поддержку.

Вскоре японцами было инсценировано выступление против них китайского генерала Вана, под предлогом чего начались военные действия, закончившиеся оккупацией Маньчжурии японцами. Вскоре было создано угодное японцам правительство, в Чанчуне во главе него был поставлен пу-и.

В качестве предлога для нападения на Маньчжурию японцами был спровоцирован известный «Мукденский инцидент», подготовка которого велась еще с июля 1931 г. Семенов в то время находился в Мукдене, встречался с Итагаке, Доихара, Симамото и Хасимото и был в курсе подготовлявшейся им провокации. Лично от Симамото ему заранее был известен план японцев, в котором были намечены объекты, подлежащие захвату в первую очередь. В Мукден небольшими группами была введена дополнительно дивизия японских войск, которая затем участвовала в разоружении китайского

гарнизона. 17 сентября 1931 г., под руководством Симамото и Доихара, японцами был взорван не имевший важного значения железнодорожный мост вблизи Мукдена. Японская печать опубликовала сообщение о том, что взрыв произведен, якобы, китайскими солдатами и вслед за этим японцы открыли военные действия, приведшие японцев к их цели — захвату Маньчжурии.

Завершив эту часть своей агрессии, Япония начала деятельную подготовку маньчжурского военного плацдарма к нападению на СССР. В этой подготовке японцы уделяли большое внимание роли русских белоэмигрантов. Семенов был вызван к начальнику 2 отдела штаба Квантунской армии полковнику Исимура, который заявил, что японское правительство в силу своего хорошего отношения к белоэмиграции, хочет помочь осуществить их давнишнюю мечту вернуться на Родину. Рассказал, что японский генеральный штаб разрабатывает план вторжения японской армии на территорию Советского Союза и отводит в этой операции большую роль белоэмигрантам. Предложил готовить вооружение силы белогвардейцев и доложить в ближайшее время свои мероприятия.

При следующей встрече Семенов доложил Исимура свои предложения о необходимости объединить эмиграцию, находящуюся в Китае, Японии и Маньчжурии, в единую организацию назвав ее управлением по делам российских эмигрантов при министерстве внутренних дел Маньчжоу-Го. Исимура согласился, ответив, что Семенов должен возглавить только ту часть русских эмигрантов, которая проживает на территории Маньчжоу-Го, а что касается других эмигрантских колоний, то ими будут заниматься те штабы японской армии, в районе которых они проживают.

В 1934 г., в результате переговоров между Семеновым и начальником японской военной миссии генерал-майором Андо, вопрос относительно создания в Маньчжурии эмигрантской организации был решен окончательно. В том же году, организация русской эмиграции в Маньчжурии была создана и по предложению штаба Квантунской армии названа «Бюро по делам российских эмигрантов», сокращенно «БРЭМ».

По словам Семенова, создание «Бюро по делам российских эмигрантов» никак нельзя рассматривать, как какую-то заботу японцев о русских эмигрантах. Если японцы нуждались в эмигрантах, как базе для ведения враждебной Советскому Союзу работы, то они нисколько не заботились о предоставлении русским каких-либо прав. Наоборот, японцы поощряли всякое проявление недоброжелательности к русским, как к белой расе».

Идеологом политики расовой дискриминации, а также религиозных гонений, являлся генерал Койсо, занимавший в период 1933-36 гг. должность начальника штаба Квантунской армии, а впоследствии премьер-министр Японии. По его настоянию в японских школах нашла себе применение инструкция японского министерства просвещения, предписавшая учителям обязательное воспитание у детей-японцев ненависти к русским, американцам и англичанам и прививался взгляд о том, что японцы являются высшей расой по сравнению с другими национальностями. Койсо являлся также инициатором издания в Маньчжурии в 1940 г. манифеста ПУ-И, которым было предписано, чтобы все население Маньчжурии, независимо от религиозных убеждений тех или иных национальных групп, поклонялось японской богине Аматерасо. Особенно усилилось преследование русских после начала японской войны против США и Великобритании, когда

можно было наблюдать беспричинное избиение русских японцами прямо на улицах Харбина и Дайрена.

Эти факты говорили, что «БРЭМ» был нужен только в интересах войны против СССР. Созданием «БРЭМ» в Маньчжурии преследовалась цель укрепить антисоветскую идеологию эмигрантов и обеспечить подготовку их к войне с Советским Союзом на стороне Японии.

В соответствии с этими задачами строилась работа «БРЭМ». В Харбине находилось Главное бюро по делам российских эмигрантов, руководителем которого первое время являлся генерал Рычков. Представителем Семенова при Главном «БРЭМ» был генерал-майор Власьевский, впоследствии назначенный японцами начальником «БРЭМ».

В составе Главного «БРЭМ» было создано пять отделов: 1-й — пропаганды, 2-й — военной подготовки эмигрантов, 3-й — разведки и контрразведки, 4-й — экономический и 5-й — благотворительный. Кроме этого при «БРЭМ» был организован совет национальностей. В него входили председатели национальных общин: от еврейской — доктор Кауфман, от украинской — профессор Кулянко-Корецкий и также представители тюркско-татарской и армянской колоний.

Среди эмигрантов была организована широкая антисоветская пропаганда. Руководителем отдела пропаганда был назначен бежавший в 1925 г. из Советского Союза Родзаевский, который развернул активную антисоветскую деятельность.

По инициативе помощника начальника японской военной миссии Акикуса, в Харбине в 1934 г. была оборудована типография, где под руководством Родзаевского стали выходить газета «Наш путь» и журнал «Нация». Тогда же было организовано издание брошюр, прокламаций, которые широко распространялись в Маньчжурии. Часть из них



изготавливалась на тонкой бумаге для удобства доставки и распространения в СССР.

В 1941 году, после заключения пакта между СССР и Японией, штаб Квантунской армии отдал распоряжение переменить тон в отношении СССР. При этом было указано, что антисоветскую пропаганду вовсе не прекращать, а вести ее путем издания памфлетов и брошюр, которые распространять среди эмигрантов. Редакция газеты «Наш путь» была перенесена в Шанхай, а на журнале «Нация», который продолжал выходить в Харбине, появилась отметка о том, что он якобы, также издается в Шанхае.

Наряду с этим японцы предложили усилить устную пропаганду, путем организации разного рода литературных и исторических кружков, преследовавших одну цель — проведение антисоветской пропаганды.

Тогда же эмигрантская молодежь стала привлекаться в созданную японцами организацию «Кио-Ба-Кай» (содружество наций), где они должны были усвоить японскую политику. Она была создана японцами в 1932 г. после опубликования специального манифеста императора ПУ-И и представляла собой широко разветвленную среди всех слоев маньчжурского населения, в том числе и белоэмигрантов, организацию, рассчитанную на то, чтобы привить населению нужную для японцев точку зрения, оправдывающую агрессивные намерения Японии, и проповедовала идею господства Японии над другими народами Восточной Азии. Ее деятельностью руководит штаб Квантунской армии, директивы которого носили обязательный характер для руководства организации. Президентом ее являлся премьер-министр Маньчжоу-Го Чжан-Чжин-Куй, а фактическими руководителями были японцы — Такеба и бывший начальник штаба Квантунской армии Мияки. Центр «Кио-Ба-Кай» находился в Чанчуне, в других

городах имелись местные отделы организации, осуществлявшие руководство сетью ячеек среди населения.

«Бюро по делам российских эмигрантов» организовывало военную подготовку в эмигрантских школах, а с 1938 г. были созданы специальные военизированные отряды. Один из таких отрядов численностью в 500 человек находился в Хань-даохэцза и второй численностью в 800 человек на ст. Сунгари-2. За время существования этих отрядов через них прошло 4.600 эмигрантов, которые впоследствии ежегодно призывались для переподготовки на летние сборы. В Захан-ганьи, где эмигранты в основном занимались сельским хозяйством, и отрывать их от работ японцам было невыгодно. Подготовка эмигрантской молодежи осуществлялась путем ежегодных трехнедельных военных сборов. В Хайларе находился отряд полковника Портнягина, на ст. Якиши отряд есаула Пешкова. Отряды насчитывали по 1.200 человек каждый. Периодически отряды использовались японцами для действий против китайских партизан. Все эти военизированные отряды готовились для использования в вооруженной борьбе против СССР на стороне японцев.

В 1936 г. Семенов был вызван руководителем японской разведки в Маньчжурии генерал-майором Андо, который заявил, что японское правительство наметило в ближайшее время осуществить вторжение японских войск в Советское Приморье, где будет создано буферное государство типа Маньчжоу-Го, где в правительстве Семенову будет отведена руководящая роль. План вторжения предусматривал присоединить Уссурийский край к Маньчжоу-Го и создать там буферное государство от Байкала на Восток.

В 1938 году японский генеральный штаб решил провести разведку боем сил Красной армии на Дальнем Востоке и начал военные действия в районе озера

Хасан. Из Токио к Семенову в Дайрен специально прибыл офицер генерального штаба майор Ямоока для информации и подготовки его к происходящим событиям. Он предупредил, чтобы Семенов был готов действовать с частями белоэмиграции, так как в случае успешного развития операций в районе озера Хасан, в Советское Приморье будут введены крупные сипы японской армии, а белоэмигрантские части будут использованы для закрепления оккупированной территории.

После того как Красная Армия ликвидировала прорыв японцев на Советскую территорию, и начались мирные переговоры, японское командование стало готовить новую диверсию в сторону МНР и Советского Забайкалья. В этой операции Семенов должен был принять участие и в случае удачного прорыва начать движение с частями белоэмигрантов по Внутренней Монголии через МНР в Советский Союз. Со стороны японцев было указано, что главным стратегическим направлением японского удара является Забайкалье, представлявшее, по мнению японцев, горло, питавшее Советский Дальний Восток. Беседовавший с Семеновым генерал-майор Андо говорил, что если удастся перехватить коммуникации Красной армии у Байкала, то Дальний Восток будет отторгнут от Советского Союза.

Семеновым в конце 1941 г. по поручению начальника Дайренской военной миссии полковника Укай был разработан план монгольских формирований с учетом современной техники и особенностей монгольских вооруженных сил. Японцы, предполагая использовать в войне против СССР и МНР монгол, решали вопрос о том, какой характер формирований для них подходит. Составленный проект Семенов передал полковнику Укай в ноябре 1941 г., когда бои между немецкими войсками и Красной армией шли на

подступах к Москве. Укай заявил, что приближается срок вступления Японии в войну против СССР. На мирный договор между Японией и СССР, пояснил Укай, в генеральном штабе смотрят так: «если для японцев его выгодно соблюдать, то это надо делать, а если есть возможность получить выигрыш путем нарушения договора, то его надо непременно нарушить».

Несмотря на большие военные затруднения, испытывавшиеся Японией в 1944–1945 гг., военные круги Японии не оставляли своих замыслов о нападении на СССР. В 1944 г. Семенова вызвал начальник Харбинской военной миссии генерал-майор Акикуса и объявил, что, возможно, японские части скоро отойдут со своих позиций в Китае и генеральный штаб в этом случае не исключает возможность войны Японии против СССР, поэтому следует укрепить плацдарм Внутренней Монголии путем формирования новых воинских частей из монголов. Возглавить эти формирования японский генеральный штаб поручил Семенову.

В связи с этим решением из Хайлара в Хинган был переброшен сформированный японцами маньчжурский отряд генерал-лейтенанта Гармаева-Уржина, состоявший из шести кавалерийских полков и дивизиона артиллерии, как костяк, вокруг которого должна была формироваться монгольская армия.

В июне 1945 г. Семенов имел встречу с начальником японской военной миссии в Мукдене генерал-майором Кубо. Он сказал, что если Японии удастся договориться с Китаем о заключении мира, то она получит возможность перебросить в Маньчжурию занятые в настоящее время в Китае японские войска и тогда можно будет начать войну против Советского Союза. При этом он сослался на якобы имевшееся по этому вопросу решение японского правительства<sup>[211]</sup>.

11 апреля 1946 г. арестованный Родзаевский Константин Владимирович, 1907 г рождения, уроженец гор. Благовещенска, русский, с высшим юридическим образованием. Бывший руководитель белогвардейской организации в Маньчжурии «Российский фашистский союз» на допросе показал, что бежав в 1926 г. из Советского Союза в Маньчжурию, создал там белогвардейскую организацию «Российский фашистский Союз» («РФС»).

Ставя своей целью свержение Советской власти в СССР, рассчитывал на Японию, которая готовила военное нападение на Советский Союз. Он и другие руководители «РФС» были тесно связаны с рядом японских военных и государственных деятелей, а также с японской разведкой в Маньчжурии, под руководством которой и проводилась активная подрывная работа против СССР. По заданию японской разведки готовилась из числа русских белоэмигрантов агентура, которая забрасывалась в Советский Союз для ведения разведывательной деятельности, создания фашистского подполья, подготовки вооруженного восстания и организации террористических актов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства. Наряду с этим «РФС» проводил широкую антисоветскую пропаганду среди белоэмиграции, а также издавал антисоветскую литературу для распространения на территории СССР.

Родзаевский рассказал, что связь с японской разведкой в целях совместной борьбы против СССР, он установил в 1931 г. через японского разведчика Осава, издававшего в гор. Харбине газету на русском языке «Харбинское время».

После захвата Японией Маньчжурии, Родзаевский в 1932 г. связался с главной японской военной миссией в Харбине, которая до 1945 г. направляла и контролировала всю деятельность «РФС» так же, как и

других антисоветских белоэмигрантских организаций, существовавших в Маньчжурии.

Подчинив себе всю маньчжурскую белоэмиграцию, японская разведка в лице главной японской военной миссии в Харбине, и ее филиалов в других городах Маньчжурии, делала все для того, чтобы использовать белоэмигрантов в антисоветских целях и, в первую очередь, подготовить из них кадры для военного нападения на Советский Союз.

О готовившейся Японией войне против Советского Союза и целях, которые она ставила перед собой в этой войне, Рад-заевскому было известно из личных бесед с представителями японских военных кругов. Так, начальник японской военной миссии в Харбине генерал Хигучи говорил, что Япония стремится к превращению советского Дальнего Востока в буферное государство между Японией и СССР. Это государство он назвал Дальневосточной Россией и требовал, чтобы «РФС» считал единственной своей целью борьбу за создание такого государства под руководством японцев. Примерно в сентябре 1939 г. в своей инструктивной речи, обращенной к служащим созданного японцами «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи», Хата говорил, что Квантунская армия поможет белоэмигрантам осуществить их антисоветские чаяния. Аналогичные заявления в своих инструктивных речах, обращенных к служащим «Бюро по делам российских эмигрантов» делали и последующие начальники японской военной миссии в Харбине: генерал Яна-гита в 1940-42 гг. и генерал Дой — в 1943 г.

Некоторые руководители японской военщины планировали создание силами своей армии единой «национальной России», которая находилась бы под влиянием Японии. Вдохновителем таких планов являлся бывший военный министр Японии — генерал Араки.

Об агрессивных планах Японии в отношении СССР говорил также японский министр колоний генерал Койсо, который в период 1933-35 гг. являлся начальником штаба Квантунской армии.

С началом войны Германии против СССР, японцы стали говорить не только о планах нападения на СССР, но и о сроках своего выступления. Так, начальник 3 отдела японской военной миссии в Харбине подполковник Ниумура в октябре 1941 г. в беседе по поводу сделанного предложения шире развернуть антисоветскую пропаганду по линии «РФС» заявил, что Япония имеет свои планы и наша несвоевременная активность может лишь выдать эти планы. Япония, сказал Ниумура, вступит войной против Советского Союза после того, как германские войска возьмут Москву. Тогда же он пояснил, что целью Японии является отторжение от Советского Союза Дальнего Востока и создание на его территории нового государства под протекторатом Японии.

Отложила Япония свое военное выступление против СССР исключительно из-за того, что Красная Армия разгромила германские войска под Москвой и Сталинградом. Однако, от своих прежних планов территориального приобретения за счет СССР, Япония, по словам Родзаевского, не отказывалась до последнего времени.

Проживая в Харбине, Родзаевский неоднократно встречался с японцем Нагаока, являвшимся личным другом и советником бывшего начальника штаба Квантунской армии генерала Итагаки. Зимой 1938 г. при очередном посещении Харбина, Нагаока по поручению генерала Итагаки, поинтересовался соображениями о предстоящей реорганизации «Бюро по делам российских эмигрантов». Он заявил, что в подготовке и осуществлении оккупации Маньчжурии японскими

войсками, большую роль сыграл существовавший в Японии «Союз молодых офицеров».

В начале 1932 г. вышеназванный Осава говорил, что он является членом японской фашистской организации «Союз молодых офицеров», по инициативе которой было организовано вторжение Квантунской армии в Маньчжурию и, что о плане этого вторжения хорошо было известно военному министру Японии, генералу Минами. Он рассказал, что руководитель этой организации полковник Хасимото принимал личное участие в спровоцированном им столкновении японцев с китайскими войсками в районе Мукдена. Ими был спровоцирован и захват города Харбина, который до февраля 1932 г. оставался в руках китайских войск.

Поскольку в Харбине находились многие иностранные консульства и колонии, то японцам важно было создать формальный повод для оккупации города. С этой целью Осава связался с Родзаевским, как руководителем «Российского фашистского союза», и белогвардейским генералом Косминым, являвшимся руководителем одного из отделов антисоветской террористической организации «Братство русской правды» и дал задание создать в Харбине видимость беспорядков.

Косьмин по поручению Осава в октябре 1931 г. через членов организации «Братство русской правды» подложил несколько гранат в помещения: японской военной миссии, японского консульства, японского гражданского общества и еще в одно из японских учреждений в Харбине. Когда эти гранаты были обнаружены, то японцы опубликовали в газетах и заявили дипломатическим путем — протест против, якобы, имевших место попыток со стороны китайцев взорвать японские учреждения.

В декабре того же года Косьмин по поручению Осава организовал с помощью членов «РФС»



беспорядочную стрельбу на центральных улицах Харбина в ночное время. После осуществления этой провокации, японские газеты сообщили, что в Харбине царит полная анархия, китайские полицейские безнаказанно стреляют на улицах и грабят гражданское население. По этому поводу японским консульством в Харбине был заявлен протест китайским властям.

В первых числах января 1932 г., в одном из китайских магазинов города Харбина, произошла драка между русским покупателем и китайскими продавцами. Для того, чтобы раздуть этот инцидент, Косьмин, по заданию Осава, направил в указанный магазин несколько членов организации «Братство русской правды», которые учинили там погром, результатом чего явилось массовое столкновение между русскими и китайцами. В итоге этой провокации несколько человек было убито.

Для того, чтобы еще больше усугубить этот инцидент, Осава поручил Родзаевскому и японскому журналисту Накамура отправиться на автомашине с японским флагом к месту происшествия. При этом он предупреди, что машина будет обстреляна. Близ места происшедшего столкновения, машину действительно обстреляли неизвестные, после чего японцами снова был заявлен протест китайским властям и корпусу иностранных консулов по поводу того, что китайские полицейские будто бы обстреливают машины с японским флагом и, в частности, совершили покушение на Родзаевского и Накамура.

После этих провокаций части Квантунской армии 5 февраля 1932 г. захватили Харбин и начали оккупацию Северной Маньчжурии.

Как только была завершена оккупация всей Маньчжурии, японцы приступили непосредственно к подготовке нападения на Советский Союз. К маньчжуро-советской границе была стянута большая

часть Квантунской армии. В частности, в районе Хайлара была расположена целая японская дивизия. Другая дивизия находилась в городе Цицикаре. Командование и штабы частей, расположенные вдоль границы, были укомплектованы, как правило, бывшими участниками японской интервенции в Сибири в 1918–1922 гг., хорошо говорившими на русском.

Для ведения разведывательной работы против СССР и заброски агентуры на советскую территорию, в большинстве приграничных городов Маньчжурии были уже в 1933 г. созданы японские военные миссии, также укомплектованные, главным образом, участниками японской интервенции в Сибири.

Одновременно, вдоль границы с Советским Союзом, началось усиленное строительство военных укреплений и аэродромов. Мощные укрепления были сооружены в районе города Хайлара, ст. Хинган и ст. Пограничная. В эти районы доступ населения был строго запрещен.

В приграничных городах Маньчжурии — Хайларе, Сахалине, Цзямусы, Лахасусу, Пограничная, Муданьцзян были построены военные аэродромы.

Наряду с этим, начиная с 1932 г., на территории Маньчжурии началось интенсивное строительство новых железных дорог, имевших стратегическое значение. К числу таких дорог относятся: Лафа-Гиринская, дававшая возможность японцам перебрасывать свои войска из Южной Маньчжурии и Кореи в Северную Маньчжурию к границам с СССР; дорога Харбин-Сахалин, ведущая к Благовещенску; железнодорожная линия Цицикар-Пейань, позволявшая перебрасывать войска из Цицикара в направлении Сахатяна; так называемая особо секретная железная дорога от гор. Таонань до Халун-Аршана, дававшая возможность перебрасывать войска из Южной Маньчжурии к границам с МНР. Была также создана сеть

новых железных дорог, ведущих из Южной Маньчжурии к советскому Приморью.

Строительство различного рода военных сооружений и железных дорог, имевших военно-стратегическое значение, продолжалось в течение всего периода после создания Маньчжоу-Го и, особенно усилилось в период войны Германии против Советского Союза. Так, даже в 1945 году шло усиленное строительство железнодорожной линии от ст. Нанса (Харбин-Цзямусииской ж. д.) на север к Амуру.

В этот же последний период времени значительно были усилены гарнизоны в районах, граничащих с Советским Союзом. Подготовка к войне против СССР шла и по линии идеологической обработки населения Маньчжурии. Кроме организации «Кио-Ва-Кай» антисоветскую пропаганду проводили через свою агентуру японские военные миссии в городах Маньчжурии.

На русских белоэмигрантов, проживавших в Маньчжурии, японцы возлагали большие надежды в деле подготовки нападения на СССР и поэтому старались активизировать их антисоветскую деятельность. Руководство антисоветской деятельностью белоэмигрантских организаций непосредственно осуществлялось японскими военными миссиями, которыми, в свою очередь, руководила главная японская военная миссия в Харбине. Белоэмигрантские организации пользовались поддержкой и из самой Японии. Так «РФС» поддерживала японская организация «Черный дракон», руководившаяся Мицуру Тоойяма. В 1935 году в Харбин приезжал представитель организации японец Томила, который привез в подарок самурайский меч и заявил, что Тоойяма желает успехов в борьбе с СССР.

Начальник Харбинской военной миссии генерал Дой, в декабре 1943 г., говорил, что созданное японцами

«Бюро по делам российских эмигрантов» должно считать себя будущим русским правительством. Японская военная миссия в Харбине взяла под контроль все действовавшие антисоветские белоэмигрантские организации. На первое время к каждой белоэмигрантской организации были приставлены советники из числа сотрудников японской военной миссии. При «Российском фашистском союзе» роль такого советника выполнял майор Акикуса.

Под руководством японской военной миссии белоэмигрантские организации: «Российский фашистский союз», «Монархическое объединение», «Легитимисты», «Дальневосточный союз военных» и «Союз казаков» проводили в эмиграции широкую антисоветскую пропаганду и забрасывали свою агентуру в Советский Союз с заданиями по разведке и созданию антисоветского подполья.

В 1936 г., по инициативе сотрудника Харбинской военной миссии, японского разведчика Судзуки, из числа членов «Российского фашистского союза» был создан специальный отряд под руководством адъютанта Родзаевского — белоэмигранта Маслакова Матвея Платоновича. Этот отряд, снабженный японцами оружием и снаряжением, осенью того же года был переброшен через Амур на территорию Советского Союза для разведывательной и террористической деятельности, а также для создания фашистского подполья. Переброска была осуществлена Судзуки и членом японской военной миссии в Харбине Енозука. В последующие годы было переброшено большое количество других агентов, подготовленных японскими военными миссиями.

В 1937 г. при «РФС» и «Монархическом объединении», по распоряжению начальника 3 отдела японской военной миссии в Харбине, майора Оноучи, были организованы так называемые секретные школы,

готовившие организаторов подрывной работы в тылу СССР. Директором секретной школы при «Российском фашистском союзе» был назначен Родзаевский, а его помощником — Судзуки. Лица, окончившие эту школу, направлялись на службу в японские военные миссии.

В 1938 г. вместо секретных школ Харбинской военной миссией была организована специальная школа при самой миссии, подготавливавшая агентов для разведывательной работы против СССР. В этой же школе подготавливались организаторы антисоветской пропаганды, которые затем работали в приграничных японских миссиях.

Комплектовалась школа белоэмигрантской молодежью и просуществовала до момента капитуляции Японии, причем особенно расширила свою работу с началом войны Германии против СССР.

В 1943 году из этой школы были выделены отряды специального назначения, которые засылали в СССР агентуру для сбора разведывательных данных. Эти отряды находились на станции Шитоухедзи, станции Имяньпо и в районе Хайлара.

Наряду с заброской агентуры в Советский Союз, японская военная миссия проводила большую работу по подготовке вооруженных отрядов из числа белоэмигрантов для войны против СССР. Создание белогвардейских вооруженных отрядов было начато японцами с 1932 г. Начальник японской военной миссии в Харбине, генерал Комацубара поручил белогвардейскому генералу Косьмену приступить к формированию из числа белогвардейцев вооруженных отрядов, которые должны были явиться началом создания в Маньчжурии белой армии.

Начиная с 1933 г. японцы приступили к формированию русских полицейских охранных отрядов, которые вели борьбу с маньчжурскими партизанами. Такие отряды последовательно были созданы близ

станции Хайлин на Мулин-ских угольных копях, на ст. Ханьдаохецзы, близ ст. Яблоня и в других пунктах Восточной Маньчжурии.

В 1937 г. начальником 3-го отдела Японской военной миссии в Харбине майором Онучи было централизовано руководство всеми ранее созданными белогвардейским отрядами путем их подчинения отделению Харбинской военной миссии на станции Ханьдаохецзы. При этом отделении миссии было открыто полицейское училище, в котором участники отрядов получали военную подготовку и обрабатывались в антисоветском духе.

В 1938 г. Харбинская военная миссия создала на ст. Сун-гара секретный «русский отряд Асано», в котором белоэмигрантская молодежь подготавливалась для войны с СССР. Этот отряд рассматривался японцами, как основа всех антисоветских формирований. Начальник японской военной миссии в Харбине генерал Хата в 1939 г., при инспектировании этого отряда, заявил его участникам, что они составляют костяк будущей русской армии. В 1939 г. несколько бойцов отряда приняли участие в провокации японцев под Халхин-Голом. В 1943 г. «отряд Асано» был развернут в «Российские воинские отряды Маньчжурских армян». В связи с этим было создано три отряда: кавалерийский — на ст. Сунгари, пехотный — на ст. Ханьдаохецзы и казачий — в гор. Хайларе. Численность всех этих отрядов составляла, примерно 1.500 человек.

В целях охвата военным обучением всей белоэмигрантской молодежи в 1942 г., по распоряжению начальника 3-го отдела Харбинской военной миссии подполковника Ниумура, было введено обязательное военное обучение во всех средних и высших учебных заведениях для русских.

Для усиления антисоветской работы в 1941 г. в составе Харбинской военной миссии был создан

специальный отдел пропаганды, укомплектованный журналистами из числа белоэмигрантов. Этот отдел, помимо руководства антисоветской пропагандой среди маньчжурского населения, с 1941 г. приступил к заготовке антисоветских листовок и брошюр, которые должны были распространяться после нападения Японии на Советский Союз. Родзаевский лично по указанию японцев занимался составлением такого рода листовок.

Таким образом, по словам Родзаевского на протяжении ряда лет и до последних дней, японское правительство и генеральный штаб, осуществляя свои агрессивные планы захвата советской территории, превратили Маньчжурию в плацдарм для нападения на СССР. Построили там укрепления, сеть железных и шоссейных дорог, увеличили численность Квантунской армии и готовили население Маньчжурии, в том числе и белогвардейцев, к войне. Однако, быстрое продвижение Красной армии не дало возможности японцам осуществить свои планы [\[212\]](#).

26 августа 1946 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР в г. Москве начала слушание дело руководителей антисоветских белогвардейских организаций атамана Семенова, Родзаевского и других. Дело слушалось в открытом заседании, под председательством — Председатель Военной Коллегии Верховного Суда СССР генерал-полковник юстиции В. В. Ульриха. В зале присутствовали представители советской и иностранной прессы.

Все подсудимые признали себя виновными в совершенных преступлениях.

Отвечая на вопросы прокурора и председательствующего, а также на вопросы защиты, Семенов подробно рассказал о своей антисоветской деятельности. Он показал, что его активная

деятельность против советской власти началась в 1917 году, когда в Петрограде были организованы Советы рабочих и солдатских депутатов. Находясь в то время в Петрограде, и учитывая создавшуюся обстановку, Семенов намеревался с помощью двух военных училищ организовать переворот, занять здание Таврического дворца, арестовать Ленина и членов Петроградского Совета и немедленно их расстрелять с тем, чтобы обезглавить большевистское движение и поставить революционный гарнизон Петрограда перед уже совершившимся фактом.

В 1918 г. Семенов бежал на Дальний Восток и совместно с Бакшеевым и Власьевским установил связь с японцами и под их руководством, и на их средства создал из офицеров белоказаков и других враждебных советской власти элементов белую армию. Части ее вели активную вооруженную борьбу против Красной армии и партизанских отрядов, организовывали карательные экспедиции, сжигали села и деревни, учиняли массовые расстрелы, грабежи и издевательства над местным населением, поддерживавшим советскую власть.

Семенов, Бакшеев и Власьевский были признаны ответственными за злодейское убийство героя гражданской войны, руководителя партизанского движения на Дальнем Востоке — Сергея Лазо, который был заживо сожжен в топке паровоза японцами и белогвардейцами.

Семенов и Бакшеев в 1919 г. создали в г. Чите правительство, установили на территории Забайкалья военную диктатуру, жестоко подавляли всякие революционные выступления, производили насильственную мобилизацию населения на службу в белую армию, организовывали реквизицию продовольствия, фуража и конского поголовья.



В 1920 г. Семенов, по указанию Колчака принял на себя командование всеми вооруженными силами Российской восточной окраины и договорился с японскими захватчиками об отторжении от России Советского Приморья и передаче его японцам, за что получал от них все необходимые средства, в том числе оружие и боеприпасы.

После разгрома белой армии, в 1922 г. Семенов, Бакшеев и Власьевский бежали в Маньчжурию, где по заданию японской разведки создали антисоветские белогвардейские организации: «Бюро по делам российских эмигрантов» и «Союз казаков на Дальнем Востоке».

После захвата в 1931 г. японцами территории Маньчжурии и превращения ее в плацдарм против СССР японский генеральный штаб начал форсировать подготовку войны против Советского Союза. Семенов лично участвовал в подготовке захвата японцами Маньчжурии и превращении захваченной территории в плацдарм для нападения на СССР. Он засылал в СССР шпионов и диверсантов, которым поручал организовывать повстанческие группы и совершать диверсионные акты. Стал готовить вооруженные силы белогвардейцев для вторжения на советскую территорию и оказания помощи японцам в укреплении оккупационного режима.

Семенов, будучи руководителем белогвардейских формирований, участвовал в разработке плана вооруженного нападения на Советский Союз и предназначался японцами в качестве главы так называемого «буферного государства» после отторжения территории советского Дальнего Востока.

После нападения Германии на Советский Союз японский генеральный штаб по сговору с германским командованием в 1941 г. разработал план военного нападения на Советский Союз, где значительная роль

отводилась белогвардейцам, проживавшим на Дальнем Востоке.

В отношении Родзаевского было установлено, что он по заданию японской разведки в 1931 г. организовал и принял личное участие в провокационных инцидентах, которые устраивались японцами как предлог для введения войск в Маньчжурию.

Родзаевский являлся агентом японской разведки с 1931 г. Руководя «Российским фашистским союзом» систематически забрасывал свою агентуру на территорию Советского Союза.

По указанию японцев Родзаевский в 1937 г. создал в гор. Харбине особую секретную школу, в которую отбирались наиболее озлобленные против советской власти участники «Российского фашистского союза» где обучались методам шпионажа, диверсии и террора. Участники «РФС» перебрасывались в Советский Союз с заданиями совершения террористических актов.

Семенов и Родзаевский показали, что японцы финансировали белогвардейские организации, содержали на свои средства их прессу, создавали и полностью обеспечивали белогвардейские военные формирования. По прямому поручению японского командования в Маньчжурии была создана антисоветская белогвардейская организация «БРЭМ» основная задача, которой являлась подготовка белогвардейцев к вооруженной борьбе против СССР на стороне Японии. Особенно активизировалась деятельность контрреволюционеров накануне Отечественной войны.

В последнем слове Семенов говорил о тяжести совершенных преступлений и, ссылаясь на свои откровенные признания, просил суд о смягчении приговора. Подсудимый Родзаевский в последнем слове признал крах захватнических планов Японии.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР в открытом судебном заседании 26–30 августа 1946 г., рассмотрев дело в отношении Семенова, Родзаевского, Бакшеева, Власьевского, Щепунова, Охотина и др. признала, что будучи врагами советской власти, на протяжении многих лет под руководством японцев подсудимые вели активную борьбу против Союза Советских Социалистических Республик, ставив задачу свержения в России советского строя и восстановление капитализма. Учитывая эти обстоятельства суд приговорил Г. М. Семенова, как злейшего врага советского народа и активнейшего пособника японских агрессоров, по вине которого были истреблены десятки тысяч советских людей, к смертной казни через повешение с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. К. В. Родзаевского и др. к расстрелу с конфискацией всего принадлежащего имущества.

31 августа 1946 г. газета «Правда» сообщила, что приговор Военной Коллегии верховного Суда СССР в отношении руководителей антисоветских белогвардейских организаций на Дальнем Востоке и агентов японской разведки: Г. М. Семенова, К. В. Родзаевского, А. К. Бакшеева, Л. Ф. Власьевского, Б. Н. Щепунова и И. А. Михайлова приведен в исполнение [\[213\]](#).

После Великой Отечественной войны из Китая, в основном из Маньчжурии, Франции и других стран в СССР прибыло значительное количество реэмигрантов, которые были расселены в заранее определенные для них республики и области Советского Союза. Было установлено, что иностранные разведки и в первую очередь американская, английская и французская использовали возвращение в СССР эмигрантов для засылки своей старой и вновь завербованной агентуры. В целях пресечения вражеской деятельности агентуры иностранных разведок и активных участников

антисоветских, белогвардейских и нацистских организаций из числа реэмигрантов предлагалось усилить наблюдение за всеми реэмигрантами, прибывшими в Советский Союз, для выявления диверсантов и террористов.<sup>[214]</sup>

4-м управлением МГБ СССР разыскивался Игнатенко Борис Федорович, 1918 г. рождения, уроженец Маньчжурии, сын белоэмигранта, журналист, проживал в городах Харбине, Тяньцзине, Пекине и Шанхае. С 1935 г. он являлся активным участником «РФС». В 1936 г. работал начальником агитационной части штаба харбинского отдела «РФС», одновременно сотрудничая с 3 отделом «Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии» (БРЭМ). С 1937 по 1945 г. активно работал в различных японских разведорганах. В 1938 г., находясь в г. Тяньцзине, служил в японской военной миссии, затем в г. Пекине следователем особого Отдела железнодорожной полиции. В 1940 г. работал в созданном японцами в г. Шанхае «Российском эмигрантском комитете». По заданию японской разведки Игнатенко создал террористическую группу, занимался выявлением советских разведчиков, имел на связи агентуру и содержал ряд конспиративных квартир.

В 1941 г. был откомандирован в г. Шанхай на службу в японскую военную миссию. Впоследствии являлся секретарем центрального управления «РФС», одновременно сотрудничал в редакции антисоветской газеты «Наш путь». В 1942 г. под прикрытием репортера газеты «Дальневосточное время» собирал сведения о деятельности советских учреждений, занимался вербовкой агентуры из числа советских граждан.

После капитуляции Японии Игнатенко несколько месяцев проживал нелегально, затем был арестован

американцами и освобожден после вербовки для работы в пользу американской разведки. Входил в группу американского разведчика лейтенанта Хеннинга, выполняя функции связника между японской и американской разведками.

С 1946 г. после ареста главы «Русского фашистского союза» К. В. Родзаевского, Игнатенко, возглавлял остатки бывшей организации «РФС» в Китае. Проживал в г. Шанхае, где являлся редактором антисоветской белоэмигрантской «Китайско-русской газеты». Под различными псевдонимами писал статьи и выступал по радио с антисоветскими докладами. В результате организованного розыска Игнатенко был установлен на территории Китая, арестован вместе с другими агентами американской разведки и доставлен в УМГБ по Хабаровскому краю.

18 августа 1951 г. осужден Особым совещанием при МГБ СССР по ст. ст. 58-4, 58-6 ч. 1, 58-10 ч. 2, 58-11 УК РСФСР к 25 годам лишения свободы. Умер в местах лишения свободы 14 марта 1954 г. [\[215\]](#)

Так же, после окончания второй мировой войны был арестован бывший член БРП Пурин. На следствии он показал, что в 1922 г. он эмигрировал в Японию, где установил связь с японской разведкой и по ее заданию был направлен в г. Циндао (Китай) для антисоветской работы среди белоэмигрантов. Он являлся руководителем антисоветской террористической организации «Братство русской правды», занимался заброской агентуры «БРП» на территорию СССР. Проживая в последующие годы в Шанхае, занимался шпионажем, работая на японскую, американскую и гоминдановскую разведки. Им были названы 19 известных ему агентов иностранных разведок, проживавших в Шанхае. Находясь под следствием,

Пурин 10 августа 1952 года умер от двухсторонней гнойной бронхопневмонии<sup>[216]</sup>.

Учитывая эти обстоятельства, органами МГБ было дано распоряжение всех установленных в числе реэмигрантов официальных сотрудников и агентов иностранных разведок, активных участников террористической белоэмигрантской организации «Братство русской правды», а также лиц, принимающих практические меры к нелегальному переходу за границу арестовывать<sup>[217]</sup>.

# **Глава III**

## **Противодействие органов ОГПУ-НКГБ подрывной деятельности спецслужб Японии**

После вывода японских войск с территории Южного Сахалина начинается планомерная деятельность органов государственной безопасности на Дальнем Востоке Советской России, которая активизируется после оккупации японскими войсками Манчжурии. В это время японское правительство начинает вести подготовку войск к войне с СССР, что естественно вело к усилению деятельности и японских спецслужб.

В связи с активизацией работы японских специальных служб органы ОГПУ разрабатывают тактические установки по противодействию этой деятельности. При этом считая необходимым во главу угла всей работы по борьбе с японской разведкой поставить максимальную активизацию разработок по этому направлению, а также созданию условий по легендированию японцев по линиям шпионажа, диверсиям и национальной контрреволюции.

При создании легенд предлагалось учесть, что японский Генштаб в первую очередь стремился организовать резидентуры на Урале и Волге и то, что японцы проявляли усиленный интерес к авиации и танковым частям. А также и то, что на транспорте, в особенности на Сибирской магистрали и Турксибе, японские спецслужбы стремились создать диверсионные ячейки.

Учитывая эти планировавшиеся направления деятельности японских спецслужб, предлагалось организовать систематический учет и взять в глубокую агентурную разработку старые японские связи. Находящихся в Советском Союзе советских граждан, работавших на КВЖД (харбинцев) и лиц, работавших на японских концессионных предприятиях (рыболовецких, угольных и нефтяных концессиях), а также лиц, имеющих подозрительные связи на Дальнем Востоке и в Манчжурии.

В тщательную разработку бралось окружение японских дипломатических представительств с целью выявления источников, передающих различные разведывательные сведения в японские посольство и консульства.

При этом разрабатывались отдельные японцы, проживавшие в СССР (политэмигранты, артисты цирка и т. д.).

Особое внимание обращалось на разработку связей других иностранных миссий и отдельных иностранцев, снабжавших японцев различными сведениями.

Органами ОГПу было принято решение приступить к глубокой разработке китайских консульств в ДВК и ВСК на предмет выявления среди их состава японской агентуры.

Обращалось внимание на наблюдавшиеся систематические передвижения корейцев из ДВК в Среднюю Азию и Казахстан. Необходимо было выявить среди них лиц, связанных с японской разведкой.

Учитывая активность буддийского духовенства (ламства) развертывалась агентурная работа среди них, на предмет выявления их связей с границей и японскими специальными службами.

По линии сибирской магистрали усиливалось наблюдение за транзитниками и японскими туристами, в среде которых органами ОГПу выявлялись лица,



интересующиеся передвижением воинских эшелонов, пропускной способностью железной дороги и др.

При ликвидации различных шпионских групп из числа харбинцев, корейцев и др. связанных с японской разведкой, предлагалось при необходимости использовать следствие для соответствующего легендирования, что способствовало бы отвлечению деятельности японских спецслужб на «негодный объект»<sup>[218]</sup>.

16 февраля 1933 г. Сталину была доложена шифртеле-грамма из Хабаровска, в которой сообщалось, что 19 января на Камчатке в здании Устьболыперецкой авиационной базы гражданского воздушного флота возник пожар, быстро ликвидированный силами местного морского КПП. При осмотре здания обнаружено, что пожар возник вследствие поджога специально облитой керосином части стены нежилой кухни. Установлено участие в поджоге здания милиционеров Ирофимова, Прыгунова и кладовщика местного совхоза Селиванова. Поджог авиационной базы был совершен по заданию японца Кайзава. Впоследствии арестованный Кайзава показал, что такое задание он получил от японского консула на Камчатке Шимада.

Сталин предложил Молотову опубликовать факт поджога авиационной базы в печати.<sup>[219]</sup> 10 апреля 1934 г. Политбюро ЦК решило дело о поджоге аэродрома на Камчатке передать на рассмотрение закрытого заседания военного трибунала, осудив виновных на 5–8 лет<sup>[220]</sup>.

15 июня 1933 г. заместитель председателя ОГПУ Я. С. Агранов сообщил Сталину о том, что 14 июня, в 20.00 около проволоочной изгороди аэродрома завода № 22 дозорный караула первого дивизиона 56-го полка войск ОГПУ МО красноармеец Копытов задержал военного

атташе японского посольства Кавабэ Торашилло. Японец стремился осмотреть объект с находившимися там самолетами ТБ-3. Он в течение трех-пяти минут через щель в заборе вел наблюдение за территорией аэродрома.

За проявленную бдительность Сталин предложил за надлежащее исполнение своих обязанностей выдать красноармейцу Копытову 50 рублей наградных, выразить ему благодарность и объявить об этом в части [\[221\]](#).

## **Борьба со шпионско-диверсионными организациями на железнодорожном транспорте**

26 ноября 1932 г. заместитель председателя ОГПу Прокофьев и начальник ЭКУ Миронов сообщили Сталину, что в результате продолжительной агентурной разработки Экономическим управлением ОГПу раскрыта крупная шпионско-диверсионная организация японского Генерального штаба, являющаяся центральным нелегальным аппаратом японцев на территории Союза. Было арестовано 25 человек — членов организации, которой непосредственно руководили японские консулы во Владивостоке (вначале консул Ватанабе, а затем Ямагуцци), военный агент в г. Сахалине — Кумазава и начальник 2-го отдела японского Генштаба полковник Кондо-Мосатане.

Работа организации представляла важнейшую составную часть японских планов по подготовке интервенции против СССР и должна была непосредственно обеспечить осуществление при открытии военных действий стратегического плана нападения войск на Советский Дальний Восток со стороны 3-х районов: Южный Сахалин, Северную Корею и Северную Маньчжурию.

В планы организации входило разрушение железнодорожных путей и мостов, в частности мостов крупнейшего стратегического значения: Амурского, Зейского, Уссурийского, Бурейского, а также мостов через реку Левуха и Раковку. Были намечены к разрушению тоннели в районе Владивостока, Дальзавод

с доками, портовые сооружения, аэродром, электростанции Владивостока, радиостанции.

При открытии военных действий диверсанты имели прямые поручения прервать любую связь Владивостока с Хабаровском и другими пунктами.

Членами организации было осуществлено два диверсионных акта: поджог в 1929 г. складов Госрыбтреста во Владивостоке и поджог в 1930 г. большого склада машинных частей Госпароходства в г. Благовещенске, причинивших миллионные убытки.

По заданиям японского Генштаба члены организации проводили интенсивный военный, политический и экономический шпионаж, связанный с подготовкой военных действий против СССР. Они добывали и передавали японцам секретные географические карты приграничных районов, производили топографические съемки важнейших стратегических пунктов, составляли карты наиболее крупных промышленных пунктов с расположенными вблизи заводов, доками, портами.

Произведенная Штабом РККА экспертиза сведений, переданных японцам, установила, что это причинило большой ущерб обороне ДВК. Отмечалось, что: План шпионско-диверсионной организации по ДВК был разработан с таким расчетом, что приведение его в исполнение ставило край, благодаря его географическим особенностям, в большей части — в положение военной добычи японцам <sup>[222]</sup>.

*Дело Ким-Заена.* 15 марта 1934 г. ОГПУ сообщило секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину, что агентурой ОГПУ был установлен проживающий в г. Москве кореец Ким-Заен студент паровозного факультета Института Инженеров Транспорта, который разрабатывался по подозрению в шпионаже в пользу Японии.

Было установлено, что в марте 1924 г. на разъезде № 86 на границе СССР с Манчжурией Ким-Заен нелегально перешел государственную границу. Он был задержан. Представился — корейцем, революционером.

После освобождения Кима, Забайкальским Отделом ОГПУ, были получены сведения, что некий Канеко Ризиро в 1922 и 1923 гг. дважды приезжал в существовавшую тогда Дальневосточную республику в г. Читу из Харбина. В полученных сведениях указывалось, что Канеко, прибыв в Читу, сразу же являлся к коммерсанту Онда и доктору Нарита — японцам, являвшимся резидентами японской разведки в Чите. За период своего пребывания в Чите в течение нескольких месяцев, Канеко постоянно находился в кругу Нарита и Онда. Он занимался собиранием шпионских сведений через русских и японских граждан, снабжал своих агентов портативными фотоаппаратами для секретного фотографирования.

Проверка установила, что Канеко и Ким-Заен — одно и то же лицо. В связи с этими обстоятельствами. Ким был вновь в конце 1924 г. арестован в г. Чите. Однако, просидев несколько месяцев, Кима категорически отрицавшего свою вину освободили. При этом в виде клятвы о своей невиновности, он, сидя в тюрьме, «отломал» первый фаланг левого мизинца и кровью написал заявление о своей невиновности <sup>[223]</sup>.

В 1927 г. Ким прибыл в Москву. В следующем году поступил на службу переводчиком Института Востоковедения. Будучи уволен за темное политическое прошлое из Института Востоковедения и 1-го МГУ, куда он поступил учиться, Ким осенью 1929 г. получил работу японского переводчика в НКПС. В 1931 г. он поступил на учебу в Институт инженеров Транспорта, а в 1932 г. его объявили в институте лучшим ударником. В газете института поместили статью с фотографией

Кима. Его принимают в ВКП(б), но чистка задерживает его оформление в партию.

В связи с поступившими сведениями о возможной причастности Кима к шпионской деятельности, ОГПУ организовало за ним в декабре 1933 г. наружное наблюдение. Было установлено, что Ким посещает на службе начальника Казанского вокзала, некоего Е. С. Боровского с кем вел какие-то беседы. В течение дня Ким, имея свободный доступ в НКПС, постоянно посещал его отделы, обходя многочисленных своих знакомых специалистов.

Особо отмечалась его манера держаться на улице — постоянное движение бегом, исключительно частые проверки о выявлении наблюдения за собой. Долгие разъезды в трамвае в различных направлениях до посещения того или иного адреса выдавали в Киме опытного разведчика.

23-го января Ким-Заен был арестован. Вследствие прямых изобличавших его улик, Ким сознался в шпионской работе в пользу японской тайной полиции с 1922 года. Он рассказал, что будучи разоблачен в Харбине в 1922 г. как кореец, скрывающийся под видом японца, он под страхом ссылки, был завербован агентом японской тайной полиции Мацусима для провокационной работы среди корейских националистов и коммунистов. Изучив русский язык в специальной разведывательной школе японской разведки, Ким, под фамилией Канеко Эйзиро, дважды приезжал в Читу для выполнения специально разведывательных поручений. Эти поручения сводились к установлению центров и участников корейского коммунистического и партизанского движения в СССР и проведения военного шпионажа.

В 1924 г. Ким, по заданию японского генерального штаба, был нелегально переброшен в СССР для военноразведывательной работы. По указанию агентов

японского посольства в Москве, Ким перешел в советское гражданство, женился на русской, принял меры к вступлению в ВКП(б). Японская разведка намечала полную натурализацию Кима, окончание им железнодорожного института и получение ответственной работы на железных дорогах в ДВК.

По прямому заданию секретаря Японского посольства в Москве — Амо, Ким до осени 1931 г. занимался шпионажем на транспорте и собирал подробные сведения о состоянии железных дорог, их подвижном составе, стратегических дорогах, строительстве новых линий, выполнения плана первой пятилетки. Ким фактически выполнял работу помощника японского разведчика — Като. Усилиями Кима и Като было завербовано в управлениях дорог, в НКПС, на ремонтных заводах и в депо 18 агентов.

В связи с отъездом Като в Японию, Ким в течение 1932 и 1933 гг. по день ареста выполнял обязанности резидента японской разведки.

Весной 1932 г. Ким получил от сменившего Амо Сима-ды — секретаря Японского посольства в Москве, директивы о всемерном форсировании военно-разведывательной работы на транспорте и ее активизации.

Перед ним были поставлены задачи по получению оперативных сводок о передвижении частей Красной армии на Восток. Сбор сведений о состоянии транспорта и ремонтных заводов на Сибирской и Дальневосточной магистралях, строительстве Байкало-Амурской магистрали. Кроме того, организация диверсионной работы на основных железнодорожных артериях, соединяющих Москву с Дальним Востоком.

В свою очередь Ким поручил сбор сведений о движении войск на Восток Е. С. Боровскому. Сведений об отправке военных материалов и грузов заместителю начальника первого района Казанской дороги

Сретенскому. Проведение диверсионной работы инженеру В. В. Козлову и машинисту Н. А. Мишину.

Мишину и Козлову поручалось организовывать крушение поездов (особенно военных), а также выведения из строя действующий парк паровозов и вагонов. Планировалось выведение из строя депо и ремонтных мастерских, путем порчи и взрыва поворотных кругов, взрыва компрессорных установок для выработки сжатого воздуха и нефтяных баков крупнейших депо. В нужный момент должен был быть уничтожен паровозный парк, стоящий в резерве на случай мобилизации.

Козлов, организовав диверсионную сеть, должен был по указанию Кима провести намеченные диверсионные акты. Взрывчатые вещества планировалось получить при помощи Японского посольства.

Козловым и Мишиным в течение 1932-33 гг. было организовано крушение товарного поезда осенью 1932 г., шедшего из Москвы в Голутвино. Весной 1933 г. ими организовано крушение маршрутного поезда на станции Люберцы. Неоднократно устраивались обрывы поездов в пути. Организовывались разбивки вагонов на сортировочных горках на товарной станции Перово. Производился вывод паровозов из строя различными способами.

Инженерами Сретенским и Боровским неоднократно передавались Киму секретные сводки о перевозке войск и военных грузов на Восток, которые затем передавались Симаде для Японского посольства в Москве.

За период резидентства Кима на транспорте, им было выплачено агентуре около 40.000 рублей из средств, полученных от Японского посольства в Москве. Наибольшую сумму получили за свою работу Козлов и Мишин в общей сложности до 7.000 рублей. Основные



агенты пол учил и от 2.000 до 4.000 рублей; остальные значительно меньше. Ким в свою очередь получал от Посольства постоянное жалование в размере 500 рублей в месяц <sup>[224]</sup>.

На допросе второго марта 1934 года Ким-Заен на предъявленных ему фотографиях опознал советников Японского посольстве в Москве Амо и Си мал а, а также японского разведчика Онда с которым был связан по шпионской работе с 1922 г. по 1923 гг. <sup>[225]</sup>

На допросе 10-го марта 1934 г. он рассказал, что по указанию Мацусимы был направлен в специальную секретную школу японских разведчиков в Харбине. Школа эта негласно помещалась в представительстве Южно-Маньчжурской железной дороги в Харбине в Новом городе. Начальником этой школы был представитель Южно-Маньчжурской дороги Фу-рузава — офицер японской армии. Преподавателями школы являлись офицеры из японской военной миссии и некоторые сотрудники представительства Южно-Маньчжурской железной дороги. Все они являлись участниками японской интервенции в Сибири в 1919–1922 гг., людьми, хорошо знавшими русские условия. Училось на этих курсах около 20 человек, которые готовились для разведывательной работы в России. В школе, в течение 8 месяцев изучалось военное дело, построение и жизнь Красной армии, техника шпионской работы, русский язык, бытовые и общественные условия России.

Ким-Заен сообщил, что по заданию отдела «Химицу-Кейсац» (тайная полиция) при Корейском генерал-губернаторстве в Сеуле в марте 1924 г. он нелегально перешел государственную границу СССР с Манчжурией.

Проживая с 1924 г. по 1927 г. в гор. Чите он передавал шпионские материалы и переписку агенту японской разведки Чану — секретарю китайского

консульства в Чите. В Москве с 1927 г. поддерживал связь последовательно с советниками японского посольства в г. Москве — Амо и Симода.

За полтора года своей деятельности на Казанской железной дороге и во Всесоюзном Объединении Ремонтных заводов НКПС совместно с Като через завербованных железнодорожников им были получены и переданы японской разведке сведения о количестве паровозов и вагонов в СССР. Сведения о наличии вагонов специального назначения для военных целей. Установлена пропускная способность всех железнодорожных ремонтных заводов и др.

Ким-Заен перечислил 18 агентов. Лучшими его осведомителями, постоянно снабжавшими ценной информацией, были: Сластенин, Козлов, Дубровицкий, Александровский, Роднев, Наумов, Путимов, Шерман, и Мишин. Далее он сообщил, что у него на связи был начальник Казанского вокзала в Москве — Е. С. Боровский.

Все сводки, не перепечатывая и не переписывая, он передавал лично Симаде при свиданиях с ним. Как правило, от агентуры он их получал за один — два, максимум три дня до встречи с Симадой, чтобы оградить себя от возможного провала.

Встречался с Симадой один раз в месяц, иногда один раз в 2 месяца. Встречаться чаще считалось неконспиративным. В срочных случаях, созвонившись по телефону, мог встретиться с Симадой в любое время <sup>[226]</sup>.

На допросе 11 марта 1934 г. Ким-Заен сообщил, что он получал от японской разведки задания по проведению диверсионных актов на железнодорожном транспорте.

Симада выдвинул ему требование о вербовке агентов на всех депо Московского узла, Казанской и

Северной дорог для проведения диверсионных актов. Проводить диверсии планировалось в железнодорожных тоннелях у Байкальского озера на Забайкальской железной дороге, на мосту через реку Амур на Дальнем Востоке, в отношении отдельных депо, маршрутных составов, особенно военных и др.

Задания по диверсионной работе Ким-Заеном давались непосредственно Козлову. Они заключались в том, что группа диверсантов должна была выводить из строя паровозы и вагоны [\[227\]](#).

Из показаний Сластенина Александра Андреевича от 16 марта 1934 г. следовало, что после отъезда осенью 1931 г. Като с японскими специалистами в Японию, он продолжал связь с Кимом, на которого Ямасито в Токио, а Като по приезде в Москву, указывали, как на представителя японской разведки в Москве.

Сластениным были переданы Киму схемы генпланов и паровозных комбинатов Верхне-Удинского и Омского заводов, с основными размерами их, зарисованными из проектов реконструкции этих заводов и перечнями намечаемого оборудования сборно-механических цехов этих заводов; основные задания по выпуску продукции из реконструируемых заводов: Верхне-Удинского, Омского, Красноярского, Уфимского, Пролетарского, Можережа и других.

Кроме того, по заданию разведки, интересовавшейся деталями новых мощных паровозов, им в момент обыска снимались на восковку, для передачи разведке, чертежи деталей паровоза ФД из не подлежащего выдаче альбома к проекту Орского завода, полученного вместе с другими материалами по сборно-механическому цеху этого завода Сластениным для экспертизы из Гипромаша. Альбом и восковки были отобраны при обыске у него на квартире.

Также по заданию разведки, интересовавшейся результатами диверсионной работы, им были переданы выписки о росте порчи паровозов в пути и происшествии с поездами за последние десять лет по годам и по месяцам за 1933 г. Выписки были взяты из неподлежащих оглашению отчетов. Черновики их частично были найдены у него так же при обыске.

Сластенин после отъезда Като и Кима получал за свою работу от 5.000 — 6.000 рублей. Обычно, как деньги, так и задания разведки, если они были в письменной форме, передавались в конвертах, вложенных в японские книги, которые передавались Кимом, якобы для переводов. Сластенин вкладывал в них ответы и сводки для передачи японской разведке. Таким же порядком Ким обычно поддерживал связь и с другими инженерами — Александровским, Родновым, Кутузовым и т. д. Один раз Ким приходил за материалами к Сластенину на квартиру, под предлогом утверждения счета на перевод, так как в это время последний был болен. Сластенин передал ему сведения в коридоре, выпуская его из квартиры <sup>[228]</sup>.

20 марта 1934 г. начальник локомотивной части паровозной службы Московской Казанской железной дороги Козлов Василий Васильевич на допросе рассказал, что в шпионскую работу он был вовлечен японцем Баба, который являлся руководителем японской группы инженеров Московской Казанской железной дороги.

«Сблизившись со мной на работе, японский инженер Баба, переводчик Ким постепенно стали меня обрабатывать как в служебной, так и внеслужебной обстановке.

Убедившись в моих антисоветских взглядах, Баба и Ким стали со мной более откровенными и через некоторое время в служебном кабинете у Баба

последний в присутствии Кима предложил мне достать кое-какие сведения по М. Казане, ж. д., при этом указал, что это должно остаться тайной между нами и что за оказанную ему услугу я буду соответствующим образом вознагражден».

Козлов передал Баба сведения о предстоящей работе дороги в период осенне-зимних перевозок. В свою очередь Баба, зная обстановку на М. Казанской ж. д. дал Козлову, указания по подготовке и проведению актов, направленных к уничтожению подвижного состава на основных участках дороги и депо. Он предложил привлечь для проведения этой работы нужных лиц.

Для этой цели Козлов привлек Гулинова и Сидорова, работавших в депо Сортировочная. В последующем Н. А. Мишина — заместителя начальника депо Сортировочное. Они в свою очередь завербовали машинистов: Хитрин-ского, Константинова, Каменского, Ерохина и Цветкова.

По указанию Баба был составлен конкретный план по проведению диверсионных актов с разделением на два периода: на период подготовки к осенне-зимним перевозкам и на период хода перевозок.

В первый период намечалось приведение в негодное состояние паровозного парка, срыва подготовительных работ и ремонта силовых установок в депо и на узле, выведение из строя компрессора депо, разрушения котлов паровозов с целью полного вывода их из строя и т. п.

Во второй период предполагалось: вывести из строя поворотный круг, разбить мощный углеподъемный кран на путях угольного склада, вывести из строя котлы парового отопления депо и оборудование вспомогательного поезда, организовать крушение товаро-военных поездов.

Этот намеченный план диверсионной работы был полностью выполнен.

За время с июля по октябрь 1930 г. были проведены следующие акты:

В результате умышленного снижения объема ремонта паровозов в мастерских обточка, паровозный парк депо Москва Сортировочная был приведен в негодное для работы состояние, примерно, на 40 %. Указанным «ремонтом» в этот период пропускались, главным образом, подъездные паровозы;

Паровозы, поступившие в промывочный ремонт, охлаждались без пара и воды. Во время переброски паровозов из стойл горячих промывок в ремонтные стойла, котлы оставались без пара и воды и с открытыми топками для охлаждения, в результате чего скрепления котлов и топок паровоза разрушались. Таким образом вышло из строя пять паровозов на длительный период;

В целях срыва ремонта котлов в конце сентября 1930 г. был выведен из строя компрессор, находящийся в депо Сортировочное. Этот акт был совершен путем выключения воды от компрессора, от чего получился взрыв цилиндра, чем окончательно была сорвана работа по ремонту котлов;

Был приведен в негодность при производстве ремонта главный двигатель водокачки ст. Симоново, чем была сорвана нормальная ее работа;

Выведен из строя поворотный круг в депо Москва Сортировочная;

На станции Рыбная проведено крушение товароинского поезда. В результате чего был уничтожен воинский состав из 60-ти вагонов и разрушено около 30-ти вагонов с военным снаряжением и топливом, стоявшим на путях ст. Рыбное;

Проведено крушение на станции Шатура с целью уничтожения товаро-воинского поезда, следовавшего

на Дальний Восток. В результате 65 вагонов были разбиты и военный груз целиком уничтожен. Кроме того, было разбито 25 вагонов с углем и торфом предназначенных для Электростанции;

В депо Сортировочное были выведены из строя котлы парового сцепления с целью прекращения производства промазок котлов паровозов, и срыва ремонтных работ;

На станции Сортировочная выведен из строя вспомогательный поезд;

В апреле 1931 г. на ст. Шатура проведено крушение состава с воинским грузом и оборудованием для Шатурской электростанции. Вследствие чего 50 вагонов было разбито.

После отъезда Баба, Козловым и Мишиным был проведен целый ряд диверсионных актов, задания по которым исходили от Кима. Это крушение товаро-воинского поезда на станции Черная и на станции Перово. Столкновение двух паровозов на фракционных путях депо станции Сортировочной. На станции Сортировочная проведено крушение составов на подгорочных путях, а также крушение товаро-воинского поезда на станции Люберцы.

В период пребывания в Москве Баба, Козлов лично получил от него 400 рублей американских долларов и от Кима около 6.000 рублей в совзнаках. Эта сумма распределялась между всеми участниками диверсионных актов <sup>[229]</sup>.

24 марта 1934 г. арестованный Сретенский Николай Алексеевич рассказал, что он был вовлечен в шпионскую работу японским переводчиком Ким-Заеном. Им были передано Киму: выкопировка на фракционные и экипировочные пути из плана ст. Сортировочная и схема станции; сведения о пропускной способности горок, узла и участка Сортировочная-Черусти; сведения

о наличии и потребности маневровых и подъездных паровозов по депо Сортировочная, а также сведения о количестве воинских поездов, отправленных на восток, по участку Сортировочная-Черусти за первую половину августа 1933 г. и за сентябрь 1932 г. [\[230\]](#)

Машинист Мишин Николай Артемьевич 25 марта 1934 г. признал себя виновными в шпионаже в пользу Японии. Он сообщил, что неоднократно встречался с начальником депо Сортировочная В. В. Козловым, с которым находился в дружеских отношениях по совместной работе. Примерно в конце лета, возвращаясь с работы домой, он встретил Козлова, который его проводил. По дороге разговорились на политические темы, Козлов не стесняясь, стал явно выражать свое недовольство по отношению к советской власти. Мишин антисоветские настроения Козлов знал, поэтому считал его «своим» человеком. Закончив общую беседу, Козлов сообщил, что имеет возможность вверх жалованья, заработать до 2-3 тыс. рублей в месяц. Он предложил достать кое-какие сведения для японского переводчика Кима, а последний отблагодарит. Мишин своего согласия не дал.

Вторично с Козловым он встретился через несколько дней. Во время этой беседы Козлов еще раз сообщил Мишину о своей связи с Кимом и то, что для проведения диверсионной работы ему поручено собрать надежную группу людей, которая сумела бы выполнять поручения Кима. Соблазнившись предложением Козлова, Мишин дал согласие на сотрудничество. Задания он лично получал от Козлова. При его участии было организовано крушение поездов на платформе Удельная и на платформе Панки. Организовано столкновение двух паровозов на фракционных путях депо-Сортировочная. Выведен из строя поворотный круг депо-Сортировочная.



Мишин передал Киму сведения о количестве проследовавших по Казанской железной дороге воинских поездов, которые он в свою очередь получал от дежурного по депо Сортировочная Догадина. Всего Мишиным было получено от Кима и Козлова около 4.000 рублей<sup>[231]</sup>.

1 апреля 1934 г. ОГПУ сообщило Сталину, что разведывательная и диверсанта́нская сеть японской разведки была выявлена не только на Московско-Казанской железной дороге, но также на Северной и Октябрьской.

По данным ОГПУ насаждение японской агентуры началось в 1930 г. после пребывания на железных дорогах группы японских инженеров во главе с японцем Като. Было установлено, что японская разведка, через завербованную ею агентуру получала сведения по транспорту. Эти материалы, имели оборонное значение. Часть этих документов, подготовленных для передачи японской разведке, через Ким-Заена, была обнаружена при обыске у арестованных: старшего инженера Паровозного Управления НКПС Сластенина и старшего инженера Отдела Тяги Московской Казанской железной дороги — Козлова.

Одновременно с разведывательной работой этой группой проводилась и диверсионная работа на транспорте.

По делу были арестованы: Ким-Заен студент Паровозного факультета Электромеханического Института инженеров транспорта; Сретенский — Начальник 1-ой дистанции пути Московско-Казанской железной дороги; Сластенин — старший инженер Паровозного Управления НКПС; Роднов — старший инженер Паровозного Управления НКПС; Дубровицкий — инженер Локомотивной группы Управления Московской Казанской железной дороги;

Александровский — старший инженер Паровозного Управления сектора заводов НКПС; Конушкин — старший инженер по ремонту вагонов Вагонного Управления НКПС; Добронравов — заведующий кабинетом ремонтных заводов МЭ МНИТ; Путимов — старший инженер Паровозного Управления НКПС, Боровский — Начальник Казанского вокзала в гор. Москве; Козлов — старший инженер Отдела Тяги Московской Казанской железной дороги; Мишин — старший дежурный Депо Москва-Сортировочная.

Были даны задания об аресте на периферии: В. В. Колчева, С. А. Тонконогова, — инженеров Пролетарского Паровозного завода в Ленинграде; К. М. Каминского — инженера Омского завода; Ф. Ф. Ченстоховского и И. В. Охримовского — инженеров Ярославского завода; С. И. Чуба — инженера Управления Северо-Кавказской железной дороги; В. В. Уварова — инженера Тамбовского завода и М. И. Антипова — инженера Отрожского завода.

Одновременно с этим арестовывались непосредственные исполнители крушений поездов и других диверсионных актов, машинисты Ерохин, Догадин, Кобзарев<sup>[232]</sup>.

Политбюро ЦК 10 апреля 1934 г. решило дело Ким-Заена передать на рассмотрение в закрытом заседании военной коллегии Верховного Суда Союза<sup>[233]</sup>.

В этот же день Верховный суд СССР сообщил в Центральный комитет ВКП(б) Сталину, что согласно постановления Политбюро в Военную Коллегию Верховного Суда Союза ССР было передано для заслушания в закрытом заседании дело Ким-Заена и других агентов японской разведки.

По делу привлечено 23 обвиняемых — все граждане СССР, в том числе кореец Ким-Заен (в советское гражданство перешел в 1929 г.), старшие инженеры

Паровозного Управления НКПС Сластенин и Роднов, начальник вокзала Москва-пассажирская Московско-Казанской железной дороги Боровский и другие.

Все привлеченные виновными себя полностью признали. Вследствие того, что значительная часть материалов дела носила совершенно-секретный характер, судебный процесс планировалось провести при закрытых дверях без участия сторон, при ограниченном доступе в зал заседания. Представители прессы допущены не были. Сообщалось, что процесс начнется 15 июля, под председательством — председателя Военной Коллегии В. В. Ульриха, и членов Военной Коллегии П. А. Камерона и Н. М. Рычкова. [\[234\]](#)

На судебном заседании было установлено, что с весны 1930 г. на железнодорожном транспорте существовала японская шпионско-диверсионная организация, имевшая основные задачи: собирание сведений о состоянии железнодорожного транспорта и о пропускной способности, мобилизационной готовности железных дорог, соединяющих Москву с Дальним Востоком и военных перевозках на дальний Восток; проведение диверсионной работы, особенно, на железных дорогах, ведущих на Дальний Восток, одновременно подготавливая организацию крупных диверсии в военное время.

Обвиняемым удалось передать большое количество совершенно-секретных сведений и нанести огромный материальный вред как путем систематического вредительства, так и путем организации ряда железнодорожных крушений.

Еще в 1930 г. японским инженером Като и его помощниками были завербованы несколько ответственных работников в центральном аппарате НКПС, в депо Москва-Сортировочная, Муромском паровозоремонтном заводе, которые в течение ряда лет

передавали секретные и совершенно-секретные сведения, получая за это денежные вознаграждения. Основными осведомителями были: старшие инженеры Паровозного Управления НКПС Сластенин, Род-нов, Александровский, бывший заместитель начальника Управления тяги НКПС — Наумов, начальник вокзала Москва-Пассажирская М. Каз. ж. д., Боровский, бывший начальник депо Москва-Сортировочная Каз. ж. д., Козлов и другие.

Непосредственным организатором диверсий в депо Москва-пассажирская и Москва-сортировочная был начальник депо Москва-Сортировочная — инженер Козлов, получивший в 1930 г. от японского инженера Баба указание о необходимости усилить диверсионную деятельность с целью тормозить работу Московского узла, выводить из строя паровозы и вагоны. Особое внимание обращали на необходимость организации крушений воинских поездов. В течение 1930-1932 гг. Козлов завербовал для непосредственной организации диверсий несколько железнодорожных служащих, которым платил вознаграждения из сумм, получаемых от Ким-Заена.

Придавая большое значение Муромскому паровозоремонтному заводу, агенты японской разведки с 1930 г. приступили к организации систематического вредительства на этом заводе. Непосредственным организатором этих актов был главный инженер Александровский, который завербовал для этой цели начальника технического отдела завода Свиридова. Непосредственными же исполнителями были: начальник группы оборудования Алексеев, инспектор по определению объема ремонта Леофинский, начальник ремонтного цеха Богданов<sup>[235]</sup>.

На судебном заседании все подсудимые подтвердили данные ими на предварительном

следствии показания, полностью признав свою вину.

19 июля 1934 г. Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР вынесла приговор. Восемь человек было осуждено к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, 14 чел. — к лишению свободы на 10 лет каждый, 1 чел. — к лишению свободы на 5 лет.

В числе приговоренных к расстрелу был Ким-Заен, который на протяжении 10 лет являлся активным шпионом, возглавлявшим японскую разведывательно-диверсионную организацию на железнодорожном транспорте и его ближайшие помощники — советские государственные служащие: Сластенищ Александровский, Козлов, Свиридов, Боровский и Мишин — непосредственно организовавшие и проводившие на протяжении ряда лет шпионско-диверсионную работу, а также член ВКП(б) — машинист Музанов, организовавший крушение двух поездов по заданию Козлова<sup>[236]</sup>.

23 июля 1934 г. со Сталиным был согласован проект сообщения о результатах суда над шпионско-диверсионной организацией. Сталин внес свои коррективы в тексте сообщения. 24 июля оно было опубликовано<sup>[237]</sup> под заголовком «Суд над шпионско-диверсионной организацией на железнодорожном транспорте» следующего содержания:

«На днях Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР под предательством В. В. Ульриха рассмотрено деле о шпионско-диверсионной шайке, действовавшей на некоторых участках нашего железнодорожного транспорта.

Шайка имела две основные задачи:

1. Собираение сведений о пропускной способности ж мобилизационной готовности железных дорог, в частности дорог, соединяющих центр страны с дальним Востоком, о состоянии паровозоремонтного дела в СССР

вообще и особенно на магистралях, идущих на Дальний Восток и

2. проведение диверсионных актов на железных дорогах, паровозоремонтных заводах, подготовку крупных диверсий на случай наступления военного времени.

В состав этой организации входили предавшие интересы своей родины отдельные советские государственные служащие, как из Центрального аппарата НКПС, так и его местных органов (станции Москва-Сортировочная и Москва-Пассажирская Московско-Казанской жел. дороги, Муромский паровозоремонтный завод и т. д.).

Возглавлялась организация прибывшим из Манчжурии шпионом-диверсантом корейцем, агентом иностранной разведки Ким-Заеном. За получаемые от него вознаграждения, изменники — родине — агенты разведки развернули широкую шпионскую деятельность по собиранию секретных материалов, совершили ряд диверсионных актов на железнодорожном транспорте как путем организации крушений, так и выводом из строя оборудования депо ж. паровозоремонтных заводов.

Так, например, по своим тяжелым последствиям следует отметить следующие крушения на Моск. Казанск. ж. д.:

А) Крушение на станции Черная с большим числом человеческих жертв, в результате этого крушения были выведены из строя два паровоза и разбито 15 вагонов, с прекращением движения по главному пути;

Б) Столкновение на ст. Панки двух товарных поездов.

В) Крушение пригородного пассажирского поезда на ст. Удельная и ряд других.

Все эти крушения организовывались диверсантами — Козловым и Мишиным (начальником депо Москва-

Сортировочная, М. Каз. ж. д. и его заместителем).

На Муромском заводе систематически выводились из строя станки, машины (по заданиям Александровского и Свиридова).

Своей шпионско-диверсанта́нской работой изменники родине успели нанести нашему ж. д. транспорту крупный ущерб.

Суду было предано 23 человека.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР, приняв во внимание, что эти агенты шпионско-диверсионной организации занимались разрушительной работой на одном из важнейших участков государственного хозяйства — ж. д. транспорте, что все агенты являлись советскими государственными служащими, совершившими своими преступлениями прямой акт измены родине и что в отношении руководителей организаторов шпионажа и диверсий и наиболее активных шпионов должна быть применена высшая мера уголовной репрессии — приговорить руководителя организации Ким-Заена, его ближайших помощников инженеров Паровозного Управления НКПС Сластенина А. А. и Александровского С. В., начальника депо ст. Москва-Сортировочная М. Каз. ж. д. Козлова В. В., его заместителя Мишина П. А., начальника технического отдела Муромского паровозоремонтного завода Свиридова Д. Т., начальника вокзала ст. Москва-Пассажирская М. Каз. ж. д. Боровского Е. С. и машиниста. Музанова А. В., как организаторов шпионской и разрушительной работы и наиболее активных шпионов и диверсантов, к высшей мере уголовного наказания — РАССТРЕЛУ.

Остальные подсудимые — старший инженер Паровозного. Управления НКПС Роднов М. М., начальник 1 дистанции пути М. Каз. ж. д. Сретенский Н. А. и

другие приговорены к лишению свободы на 10 лет и меньше». [\[238\]](#)

31 июля 1934 г. Верховный суд СССР обратился к председателю политкомиссии по судебным делам Калинин у санкционировать применение высшей меры уголовного наказания — расстрела ко всем восьми осужденным [\[239\]](#).

Народный Комиссариат по Иностранным ДелаМ проинформировал Сталина, что советник Японского Посольства Сако потребовал срочного свидания с врид. зав. 2-м Восточным Отделом НКВД и от имени Оты заявил следующее: «В газетах опубликовано сообщение о вынесении приговора Военной Коллегией Верховного Суда СССР в отношении корейца Ким-Заен, прибывшего, как сказано в сообщении, из Манчжурии, Если Ким-Заен действительно прибыл из Манчжурии, то он, как кореец, является японским гражданином. В этом случае Посольство просит свидания с названным корейцем до приведения приговора в исполнение, а также желает ознакомиться с документами по делу».

Вместе с тем посольство не заявляло протеста, а просило обсудить указанное выше заявление. Японцы считали, что это дело произведет весьма плохое впечатление на общественное мнение [\[240\]](#).

Японцам не удалось переговорить с Ким-Заеном. Газеты опубликовали сообщение о том, что приговор Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР в отношении осужденных к высшей мере уголовного наказания РАССТРЕЛУ за шпионско-диверсионную деятельность на железнодорожном транспорте:

1. Ким-Заена,
2. Козлова Василия Васильевича,
3. Сластенина Александра Андреевича,
4. Боровского Евгения Семеновича,
5. Александровского Степана Васильевича,



6. Мишина Николая Артемьевича,  
7. Музанова Андрея Васильевича и  
8. Свиридова Леонида Тихоновича приведен в  
исполнение<sup>[241]</sup>.

*Дело Авербаха.* 10 апреля 1937 г. Ежов сообщил Сталину, что на Амурской и Дальневосточной железных дорогах вскрыта японская диверсионно-шпионская организация, которая возглавлялась резидентом японской разведки Авербахом (бывший начальник плановой группы паровозной службы Амурской железной дороги, беспартийный) и Ле-шедко (бывший начальник Куйбышевского паровозного отделения Амурской железной дороги, беспартийный).

Организация была создана японской разведкой в 1926 г. и поддерживала в то время связь с членами Дальневосточного филиала «Промпартии», ликвидированного УНКВД по ДВК в 1931 году. До этого некоторые из активных ее участников (Авербах, Рыльцев и др.) поддерживали связь с зарубежной белогвардейской организацией «Союз возрождения России», так же действовавшей по заданию японской разведки.

Оставшиеся не разоблаченными члены этой организации продолжали вести шпионскую и диверсионную работу. Организация дислоцировалась на Амурской и Дальневосточной железных дорогах. Она провела большую подрывную работу в области разрушения паровозного и вагонного парка и срыва нормальной работы этих дорог. Искусственно создавала пробки на магистралях, совершала крушения поездов и передавала японской разведке сведения о состоянии и работе железных дорог ДВК.

Был зафиксирован ряд крупных диверсионных актов, совершенных организацией по прямому заданию японской разведки, выполнявшей план подготовки

Японии к войне с СССР. Так в 1930 г. участниками организации Шишмаревым и Лазаревым был совершен поджог мастерских «Дальлеса»; в 1931 г. тот же Шишмарев и его соучастник Никольский подожгли здание управления Уссурийской железной дороги. В 1932 г. члены организации Криссенель, Авербах и Бердибери подожгли два дома на строительстве авторемонтного завода в гор. Хабаровске. В 1933 г. Криссенель и его соучастник, германский подданный, Егерь подожгли лесозавод на Уссури. В 1934 г. Криссенель и Чистяков подожгли авторемонтный завод в гор. Хабаровске. В том же 1934 г. Авербах организовал поджог сборного цеха паровозоремонтного завода в гор. Никольске-Уссурийске.

Авербах также показал, что он лично организовал совместно с Криссенелем в 1931 г. крушение пассажирского поезда № 2 на ст. Ин, повлекшее за собой 16 человеческих жертв.

Организация впервые стала получать от японцев прямые директивы о совершении диверсионных актов на железнодорожном транспорте и в промышленности в 1931 г. Так, Авербах лично дважды получал эти директивы от японцев в 1932 г. при посещении им японского консульства в Хабаровске.

На протяжении 4–5 лет организация получила от японцев свыше 100.000 рублей как вознаграждение за свою шпионско-диверсионную работу. Из этих сумм сам Авербах получил около 15.000 рублей.

Следствие по группе основных участников ликвидированной японской шпионско-диверсионной организации было закончено. Предлагалось дело рассмотреть в закрытом заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР<sup>[242]</sup>.

18 апреля 1937 г. Политбюро поддержало это предложение. Дело было направлено в суд, для

рассмотрения дела в закрытом заседании военной коллегии Верховного Суда СССР. Предлагалось всех расстрелять, а исполнение приговора опубликовать в хронике местной печати<sup>[243]</sup>. Данное решение было исполнено, все участники этой организации были расстреляны.

Проводились организационные мероприятия и по линии НКПС, к которым были подключены органы госбезопасности. Так, приказом наркома НКПС от 15 августа 1937 г. о проверке мобилизационной готовности дальневосточной дороги предписывалось провести проверку кадров дороги и очистке ее от враждебных элементов. До 1 октября необходимо было закончить проверку личного состава руководящих кадров дороги, в первую очередь работников связанных с движением поездов на больших узлах, а к 1 сентября закончить проверку сотрудников мобилизационного отдела. Уточнить потребность в кадрах на военное время и немедленно организовать подготовку работников ведущих профессий. По укреплению железнодорожных узлов в городах: Хабаровске, Ворошилов-Уссурийске, Владивостоке, Угольная, Волочаевке усиливалась охрана, противовоздушная и противохимическая оборона и др.

Предлагалось предоставить к 1 октября план замены паровозов, обеспечить накопление угля на дорогах в пределах установленных фондов.

Нарком НКПС Каганович напомнил руководящим работникам дальневосточной дороги «об их важнейшей ответственности перед родиной за мобилизационную подготовку дороги и предупреждает их, что разгильдяйство, пренебрежение делом мобилизации транспорта будет рассматриваться как тяжелое преступление перед родиной»<sup>[244]</sup>.

## **Борьба со шпионско-диверсионной деятельностью на объектах народного хозяйства СССР**

*Дело Союзшелка.* 15 марта 1934 г. ОГПУ сообщило И. В. Сталину об использовании японской разведкой для своих целей отдельных работников Союзшелка. Была арестована группа лиц. В числе арестованных был заместитель председателя Всесоюзного объединения Союзшелк М. Л. Шпигель, член ВКП(б) с 1919 года<sup>[245]</sup>.

По сообщению агентуры он поддерживал близкие отношения с неким Кавасаки — японцем, прибывшим в 1931 г. в СССР из Японии, который был устроен Шпигелем на службу в органы шелководства в Средней Азии. Одновременно было установлено, что Шпигель был тесно связан и с японским разведчиком Ким-Заеном.

Впоследствии арестованный Шпигель рассказал, что, находясь в служебной командировке в Японии в январе — июле 1930 г. был завербован в Токио агентом японской тайной полиции Судзуки для шпионской работы в СССР. Ему поручалось создание на территории СССР агентурной сети для собирания сведений военно-разведывательного и экономического характера и создание условий для работы в СССР агентов японской разведки, присыпаемых в Союз для выполнения разведывательных задач.

Шпигель привлек к шпионажу своих старых сослуживцев и друзей: Платова Константина Дмитриевича и Покровского Гавриила Андреевича. Затем лично и с помощью этих «друзей» создал информационную сеть на периферии. В течение 1931-

33 гг. ими были завербованы семь человек из различных шелководческих учреждений.

Агентурой Шпигеля в течение этих лет систематически собирались и передавались японской разведке секретные данные о военных гарнизонах в пограничных городах Средней Азии: Ашхабаде, Сталинабаде, Оше. О родах войск, их численности, вооружении, количестве пулеметов, укреплениях, о воинских частях, военных складах и их запасах. О численности гарнизонов в городах: Армавире, Туапсе, Георгиевске. Посадочных авиационных площадках, о воздушных линиях и аэродромах Северного Кавказа. О гарнизоне гор. Винницы, количественном составе и видах оружия, дислокации воинских частей, о ведущихся работах по укреплениям границы. О Тифлисском и Кутаисском воинских гарнизонах.

Собирались сведения о состоянии ирригационных систем в Средней Азии, хлопководстве, шелководстве, о басмаческом движении. О состоянии нефтепровода Грозный — Туапсе и ходе строительства нефтепровода Грозный — Украина. О выпуске бензина на Грозненских промыслах. О Минераловодском железнодорожном узле, его пропускной способности. О состоянии сельского хозяйства, ходе коллективизации и настроениях крестьянства. О Харьковском тракторном заводе и др.

Шпигель показал, что по условленным явкам им была установлена связь с тремя переброшенными японской разведкой в СССР агентами.

Первый — японец Кавасаки, солдат японской армии, прибыл под видом политэмигранта в начале 1931 г. из Владивостока в Ташкент и был устроен Шпигелем в качестве переводчика в Средне-Азиатский Шелковый Институт. По показаниям Шпигеля, Кавасаки являлся резидентом японской разведки в Средней Азии, через

него производилась передача сведений и получение денег от японской разведки.

Второй — белогвардеец А. Я. Гаврик, с 1920 по 1933 гг. проживал в Манчжурии, принимал участие в 1924 и 1928 гг. в налетах на советскую территорию. С 1932 г. дважды перебрасывался в СССР для диверсионно-разведывательной работы по заданию японской разведки. Перед приездом в СССР в 1932 г. получил подготовку в специальной школе диверсантов в Харбине. Будучи направлен в СССР, Гаврик по явке данной ему агентами японской военной миссии в Харбине установил в июне 1932 г. связь со Шпигелем, который принял его и передал ему ряд военных секретных сведений, снабдил необходимыми документами и создал условия для его разъезда по СССР и развертывания его шпионской работы.

Для постоянной связи с Японским посольством в Москве Шпигель установил тесные отношения с прибывшим к нему по явке третьим разведчиком — корейцем Ким-Заеном, через которого передавался материал в Японское посольство в Москве [\[246\]](#).

10 марта 1934 г. Шпигель Мориц Львович на допросе более подробно рассказал о том, как был завербован японцами. При вербовке (в начале августа 1930 г.) он с Судзуки договорился об оплате за свою шпионскую работу. Данная договоренность японцами выполнялась. После приезда к Шпигелю агентов японской разведки (начало 1931 г.) он начал получать деньги на свои личные нужды, а также для расплаты с членами шпионской организации. За время сотрудничества с японцами им было получено около 20.000 рублей. Из этой суммы он лично получил около 2.500 руб. [\[247\]](#)

26 марта 1934 г. Ягода сообщил Сталину о значительном усилении диверсионной и шпионской

работы, проводимой как аппаратом японских дипломатических представительств в СССР, так и путем переброски непосредственно из-за кордона завербованных для этой цели шпионов и диверсантов. Было установлено, что на территории Манчжоу-Го в первой половине 1933 г. был организован ряд новых разведывательных пунктов, ведущих работу на СССР и Внешнюю Монголию.

Военная миссия в Харбине, возглавляемая бывшим японским военным атташе в Москве полковником Комацубара, подчинялась штабу Квантунской армии (гор. Синь-Цзин). Она являлась центром всей диверсионно-шпионской работы. Эта миссия имела в своем подчинении военные миссии в Хайдаре (граница с Внешней Монголией), на ст. Манчжурия, в Цицикаре, в Сахалыне, в Фукдине и на ст. Пограничная.

В районах, прилегающих непосредственно к границе селах Санчагоу, Жаохэ, Хунчунь, Лунцин и в ряде других, были организованы разведывательные посты, через которые шла нелегальная переброска в СССР агентуры.

Новая организация японской разведки соответствовала структуре разведывательного и диверсионного аппарата 2-го Отдела польского Главного штаба, у которого японские офицеры-разведчики в Польше и в Прибалтике заимствовали методику организации шпионажа и диверсии против СССР.

Отмечалось, что японская разведка перебрасывала свою агентуру в большом количестве группами или в одиночном порядке с расчетом распространения их по территории СССР, с общей задачей проникновения на объекты оборонного значения. Агенты вербовались в основном из числа советских граждан, преимущественно молодежи, проживающих в Харбине и

в полосе КВЖД, а также лиц, могущих получить право на жительство в СССР.

Базой, используемой для своих целей японской разведкой, являлось около 40 тысяч белогвардейцев и значительное количество антисоветски настроенных лиц из числа 15-тысячной колонии советских граждан на КВЖД. Только за период с 1933-1934 гг. на территорию СССР прибыло 1.400 советских граждан.

ОГПУ был дан обзор наиболее характерных дел.

Так в сентябре 1933 г. в числе прибывших из Харбина в 1931-1932 гг. в Москву для отбывания воинской повинности в РККА был А. П. Пазин. Его поведение было подозрительно. Одного из агентов ОГПУ, сблизившегося с ним, Пазин начал уговаривать к нелегальному уходу в Манчжурию. В конце октября 1933 г. Пазин, находясь под наружным наблюдением, выехал на Дальний Восток, в г. Свободный, где связался с некими Краснощековым, Яновским и другими лицами, работавшими на строительстве БАМа. Было установлено, что кроме Пазина еще пять человек прибыли в СССР для ведения шпионско-диверсионной работы.

Пазина арестовали, на следствии он показал, что входит в состав резидентуры Хайларской военной миссии, имеющей агентурную сеть на военных заводах и в частях РККА. Руководителями этой резидентуры были Фик и Пукас<sup>[248]</sup>, которые были завербованы для шпионской работы на военных заводах и в частях РККА в течение 1933 г. четырех человек. Эти лица сообщали им сведения по месту своей службы. Сам Фик ездил нелегально из Москвы в Хайлар в мае 1933 г., где получил специальный инструктаж о дальнейшей своей работе от майора Инокучи и деньги в сумме 2.000 рублей. Задание японской разведки состояло в том,



чтобы приступить через завербованных им лиц к организации диверсий на военных заводах.

В январе 1934 г. было установлено, что прибывший в Москву из Харбина в июне 1933 г. как перебежчик и находящийся под агентурным наблюдением П. Д. Барсуков, нигде не работая, располагал значительными суммами денег, в том числе и иностранной валютой. Было установлено, что он сгруппировал вокруг себя ряд харбинцев, работающих в Центральном Институте авиамоторостроение (ЦИАМе), на предприятиях «Метростроя», железнодорожных служащих, на авиазаводах № 20, № 22 и др. Все они занимались сбором шпионских сведений, обсуждали устройство диверсионных актов по месту своей работы.

Установлено, что работавшая в Московском Управлении «Союзверфи» в качестве секретной машинистки А. Л. Бублик, носила к себе домой копии печатаемых ею секретных материалов. На ее квартире был произведен обыск, во время которого был обнаружен ряд документов, касающихся постройки и отправки на ДВК судов и катеров.

На следствии арестованные сознались в том, что все они были завербованы разведкой японской военной миссии в Харбине и переброшены в СССР с диверсионными и шпионскими заданиями. Они показали, что их в Харбине инструктировал для диверсионной работы в СССР капитан Харбинской военной миссии Уеда. Ряд арестованных по этому делу сознались в том, что подготавливали диверсионные акты на заводах и военных предприятиях, где они работали.

Показаниями арестованных подтверждалось, что японской военной миссией в Харбине были организованы специальные автотракторные курсы «Интернационал», руководимые белогвардейцем Ядловским, являющиеся прикрытием и школой по

подготовке квалифицированных диверсантов и разведчиков, посылаемых в СССР в течение нескольких лет. Выпуская шоферов, механиков, токарей и слесарей, эти курсы обеспечивали для японской разведки возможность проникновения их агентуры из числа окончивших их на промышленные предприятия в СССР в качестве технического состава, что облегчало диверсионную работу.

Коллегией ОГПУ все 14 участников ликвидированной диверсионной организации были приговорены к высшей мере наказания.

Агентурным наблюдением за группой перебежчиков из Китая, устроившихся в гор. Барнауле на строительстве мел-тогжевого комбината было установлено, что к одному из них Ненашеву, работающему бухгалтером на строительстве, прибыла в 1933 г. перебежчица, из Манчжурии Сергиенко, которая, завербовав Ненашева для шпионско-диверсионной работы, совместно с ним подобрала и устроила на комбинате группу харбинцев в количестве семи человек.

В конце декабря 1933 г. Ненашев одного из участников этой группы, Столярчука направил нелегально через границу в Манчжурию, который по дороге был арестован. При нем обнаружили доклад Ненашева в харбинскую разведку, содержащий сведения о дислокации частей Красной армии.

Ненашев и члены его группы были арестованы. Они сознались в том, что собирали военные сведения, а также вели подготовку к совершению диверсионных актов. Для устройства диверсий Ненашев нелегально приобрел от неизвестных 30 килограмм аммонала и 5.5 метров бикфордового шнура, обнаруженных у него при аресте.

Полномочным представительством ОГПУ ДВК были арестованы два красноармейца Благовещенского

гарнизона ОКДВА: Новиков и Назаров, которые были переброшены японцами в конце декабря 1933 г. на территорию СССР. На следствии они сознались в том, что сообщили японцам подробные данные о составе и состоянии частей, в которых они служили, после чего были завербованы японской военной миссией и переброшены обратно на советскую территорию под видом их выдачи властям СССР. Красноармейцу Новикову было дано поручение по прибытии в Благовещенск установить связь с секретарем японского консульства в Благовещенске Имаи Дзюро для дальнейшей шпионской работы. В качестве вознаграждения за будущую работу красноармейцу Назарову офицером японской разведки были выданы золотые часы, которые были при нем обнаружены.

Проводился шпионаж и с позиций японских дипломатических миссий в СССР.

Так в результате наблюдения за деятельностью сотрудников японского консульства в Благовещенске была ликвидирована шпионская сеть, созданная секретарем Благовещенского японского консульства Имаи Дзюро. В качестве посредника при вербовке агентов и получении от них секретных военных сведений Имаи использовал свою сожительницу — уборщицу консульства, советскую гражданку Сухоносову Евгению — в прошлом дочь бывшего крупного лесопромышленника.

Практикант японского Министерства иностранных дел японец Исида, находящийся в Ленинграде, завербовал врача Черепанову. Она нигде не работала, состояла на полном иждивении японцев. Через нее Исида получал подробные данные о положении в Таджикистане. Нужную информацию Черепанова черпала в кругу своих связей, установленных ею во время поездки с научной экспедицией в Среднюю Азию.

В процессе наблюдения за деятельностью японского военного атташе в Москве подполковника Кавабе было установлено, что его конспиративно посещает неизвестное лицо. Оно было установлено. Им оказался Семен Бирюков, 27 лет, редактор газеты Красковского силикатного завода под Москвой. В 1928 г. он был исключен из комсомола за троцкизм. После агентурной проработки, в отношении него были добыты документальные материалы, подтверждающие факт его сотрудничества с японским военным атташе.

В ходе следствия Бирюков сознался в том, что в декабре 1933 г. был завербован японским военным атташе в Москве подполковником Кавабэ, после того, как по своей инициативе предложил ему работать в пользу Японии. Бирюков передал Кавабэ информацию о заводах оборонного значения на Дальнем Востоке, данные о политическом и экономическом положении в ДВК, в частности в Уссурийском районе, а также сообщение о националистических настроениях среди населения Украины, куда Бирюков специально выезжал в январе 1934 г. За свою работу Бирюков получал от Кавабэ вознаграждение<sup>[249]</sup>.

4 апреля 1934 г. ОГПУ сообщило заместителю народного комиссара по иностранным делам Сокольникову, что 22 декабря 1933 г. на льду реки Амур напротив поселка Инокен-тьевка (210 км восточнее Благовещенска), в 200 метрах от берега сторожевым нарядом пограничников был обнаружен неизвестный, производивший фотосъемку. Заметив приближение наряда, неизвестный бросил фотоаппарат и скрылся с территории СССР в сторону Манчжоу-Го. Фотоаппарат, несмотря на то, что он был глубоко занесен снегом, был найден. Установлено, что неизвестный производивший фотосъемку и бросивший фотоаппарат был японец Исигуро.

Японцы через своего консула в Благовещенске попросили вернуть фотоаппарат. О том, что он находится у пограничников, японцы знать не могли. Поэтому в этой просьбе японцам отказали. Сталин, прочитавший данное сообщение, посчитал это решение пограничников правильным<sup>[250]</sup>.

В этот же день, 4 апреля 1934 г. заместитель председателя ОГПУ Прокофьев сообщил Сталину о ликвидации на Камчатке диверсионно-повстанческой и шпионской организации. Были арестованы 9 японцев, проживавших постоянно на Камчатке. Из них двое японцев — советские граждане<sup>[251]</sup>. Почти все сознались в активной диверсионно-шпионской деятельности. Преступная деятельность обвиняемых была доказана не только показаниями самих обвиняемых, но и вещественными доказательствами. ОГПУ просило указаний передать дело для рассмотрения в суд или заслушать его во внесудебном порядке<sup>[252]</sup>.

*Дело Лукашевкера.* 16 апреля 1934 г. ОГПУ сообщило Сталину, что по агентурным данным заместитель начальника управления Всесоюзного объединения Текстильного машиностроения — Лукашевкер Леонид Давыдович, ранее работавший помощником начальника отдела кадров Наркомтяжпрома СССР, работает на японскую разведку<sup>[253]</sup>.

28 февраля 1934 г. он был арестован. На допросе показал, что проживая в гор. Харбине был завербован для проведения военного шпионажа японским офицером Исига-Сан — резидентом японской разведки, работавшим под видом заместителя директора «Чосенбанка» в Харбине.

Перед отъездом в СССР Лукашевкер получил от него подробные указания и инструкции о технике и направлении его разведывательной работы, которая в

основной сводилась к развертыванию военного шпионажа на территории Советского Союза в пользу Японии. Ему поручалось собирать сведения о вооружении и новейших достижениях в области технической оснащенности Красной армии, о работе военных заводов и заводов, выполняющих военные заказы.

В течение 1932-33 гг. Лукашевкер создал агентурную сеть, от агентуры получал списки военных заводов, выполнявших военные заказы, с описанием цехов, а также секретные материалы о состоянии моторизации и механизации частей Красной армии, расположенных на Дальнем Востоке. Полученные сведения передавал резиденту японской разведки Накояма. За свои услуги Лукашевкер получил в разное время 130.000 рублей из них 100.000 руб. были отданы завербованным им лицам и около 30.000 рублей оставил себе.

Лукашевкер занимался и политическим шпионажем. Он организовал получение секретных политических документов НКВД, через специально прибывшую для этих целей в 1933 г. в Москву из Харбина артистку оперетты Грановскую Инну Васильевну. За эти материалы он уплатил ей в разное время — 12.000 рублей.

По этому делу были арестованы: В. П. Саввин — преподаватель тактики Орловской бронетанковой школы, исключен из ВКП(б); Я. С. Ядров-Ходоровский — заместитель начальника Главного Управления Авиационной промышленности; исключен из ВКП(б); П. Д. Разгильдеев — инспектор Внешторгбанка в Москве и К. В. Грановская — артистка оперетты <sup>[254]</sup>.

Лукашевкер рассказал, что первая встреча и знакомство с Сан-Исига прошла в его служебном кабинете в Управлении КВЖД. Вначале разговор шел в

отношении сделанного Сан-Исига предложения касающегося аренды земельного участка, но затем перешли к вопросам о Советском Союзе, о конфликте с китайцами, о хорошем вооружении Красной армии. При этом Сан-Исига высказывал хорошие знания советской экономики. Он хотел установить более тесное знакомство с Лукашевкер и пригласил его заехать к себе на квартиру. Лукашевкер принял это приглашение.

Следующая встреча состоялась через три-четыре дня, во время которой разговор касался исключительно Советского Союза и его обороноспособности.

Третья встреча произошла у Сан-Исига на квартире, которая размещалась в здании «Чосенбанка», находящегося в японском квартале ст. Харбина. Во время этой встречи Сан-Исига расспросил Лукашевкер о связях с военными лицами в Советском Союзе, а также с лицами, работающими в различных отраслях промышленности. Он предложил Лукашевкеру работать с японской разведкой, представителем которой он Сан-Исига являлся. Японец хотел, чтобы Лукашевкер завербовал в СССР группу лиц, через которых можно было бы производить сбор секретных сведений об авиации, химической и военной промышленности, подводного флота и др. В разговоре Сан-Исига сказал, что это дело законспирировано и бояться ничего не надо. От этого взаимодействия получится взаимная польза. Лукашевкер дал согласие на сотрудничество.

Исига предупредил, что по приезду в Москву к Лукашевкеру явится находящийся в Москве японец Накаяма, с которым ему придется иметь дело в дальнейшем.

В конце ноября или начале декабря 1931 г. Лукашевкеру позвонили на службу. Он сначала услышал один голос, затем телефонная трубка была передана другому человеку. Говоривший с японским акцентом по телефону себя не назвал, но просил

увидеться. Лукашевкер назначил встречу у первого спуска с улицы Варварки — Зарядье, сказав приблизительно, в какой он будет одежде.

В назначенное время Лукашевкер встретился с японцем, который представился Накаямой. Он стал подробно инструктировать Лукашевкера, что в первую очередь надо вербовать военных работающих в Штабе РККА, которые могли дать ценные материалы об отправке вооружения, дислокации войск на ДВК. А также солидных людей, связанных с военной промышленностью, с институтами, занимающимися проектированием в области химии, авиации, судостроения и др. отраслях военной промышленности. Лукашевкер должен был развернуть работу таким образом, чтобы обеспечить получение военных секретных материалов.

В ходе дальнейшей работы на японскую разведку Лукашевкером были завербованы: Разгильдеев — из Внешторгбанка; Цигельник — из Уполнаркомтяжпрома Московской области; Кац — коммерческий директор завода Карла Маркса в Ленинграде; Куцкий — технический директор Пресненского машиностроительного завода в Москве; Бейер — куратор завода № 1 Союзтекстильмашина в Ленинграде; Винницкий — заведующий монтажным бюро Союзтак-стильмашины; Струве — коммерческий директор завода № 7 «Арсенал» в Ленинграде; Саввин — преподаватель тактики Орловской бронетанковой школы; Виллер — инженер Ижорского завода; Ядров — бывший заместитель начальника Глававиапрома.

Через завербованную сеть Лукашевкер получил, а затем передал резиденту японской разведки Накаяма чертежи нового самолета-истребителя; чертежи сконструированного ЦАГИ гидросамолета; чертежи новой быстроходной подводной лодки; чертежи новых минных аппаратов; списки ряда заводов с описанием



спецпехов, их устройства, оборудования и пр.; чертежи новой конструкции танкетки выпускаемой заводом Союзторфмашина в Калинин.

В декабре 1933 г., будучи в Орле у Савина получил от него материалы о состоянии моторизации частей Красной армии, перечень всех видов танков и танкеток с чертежами. Савиным была дана характеристика механизации частей Красной армии на Дальнем Востоке.

За это время к Лукашевкеру из Харбина приезжали двое: дочь лесоведа-ученого и Грановская — знакомые его жены.

В ходе следствия Лукашевкер рассказал о вербовке Савина. По приезде в СССР из Харбина в 1931 г. Лукашевкер встретил Савина в Ленинграде, который в то время работал РККА. В разговоре с ним Лукашевкер узнал, что в ЦКК ВКП(б) разбирается его дело. Савина обвиняли в связи с белоэмигрантской организацией в Нью-Йорке, а также в связи с братом, бывшим белым офицером, находящимся в эмиграции в Париже. Настроение Савина в связи с этим резко менялось, происходила перемена в его взглядах. Исключение из партии Савина явилось устранением той преграды, которая для него существовала при высказывании своих взглядов. С этого момента отношения между Лукашевкером и Савиным стали носить открытый характер.

Во время одного из разговоров Савин высказал желание уехать на Дальний Восток с тем, чтобы оттуда перейти за границу. Такому настроению способствовало еще и то, что он плохо жил с женой. Единственно, что смущало Савина — это то, что за границей его знали, как коммуниста и могли не поверить в его желание участвовать в работе белоэмигрантских организаций и вести борьбу против Советского Союза.

Указав Савину на бессмысленность его желания бежать за границу в то время, как он с успехом может найти применение своих сил для борьбы против советской власти в Советском Союзе Лукашевкер рассказал ему о своей связи с японской разведкой и предложил Савину включиться в проведение шпионской работы. Саввин без колебаний согласился. Условились, что конкретно вопрос о его деятельности решится после того, как он окончательно узнает в Реввоенсовете РККА, где будет работать. В сентябре 1933 г. Саввин был направлен на работу преподавателем бронетанковой школы в г. Орел. Лукашевкер поручил ему собрать данные о технической оснащённости частей Красной армии, расположенных на Дальнем Востоке. Во время разговора он передал Савину 3.000 рублей.[\[255\]](#)

В апреле 1934 г. к жене Лукашевкера приехала Грановская. Она рассказала ему, что уже давно связана с японской разведкой. Перед ее отъездом из Харбина в Москву японец по фамилии Сан-Исига, с которым она была связана по разведывательной деятельности в Харбине, предложит ей по приезду в Москву связаться с ним и поступить в его распоряжение. Сообщила также, что имеет специальное задание взять в свое обслуживание Наркоминдел, где у нее есть хорошие связи.

В первой же встрече с Накаямой было оговорено, что по линии МИДа его главным образом могут интересовать инструкции и указания, посылаемые советскому полпредству в Токио, в консульство в Харбин и уполномоченному в Хабаровск. Также вопросы о поддержке советским правительством партизанского движения в Манчжурии особенно на Восточной линии, о связях с Чжан-Су Ляном и бывшим Ци-цикарским правительством, по вопросам Токийской конференции;

в частности, об установленных суммах по выкупу дороги, об отношении к Правительству Пу-И, о рыбалках и вообще все материалы, характеризующие линию поведения советского правительства на Дальнем Востоке. Полученные задания от Накояма Лукашевкер передал Грановской, не упоминая при этом фамилии последнего, так же как не был сказан Накаеме и факт приезда Грановской.

После того как Грановская переехала с квартиры Лукашевкера найдя себе комнату, он встречался с ней четыре раза, во время этих встреч получал от нее материалы, давал задания и передавал деньги. Все встречи с Грановской, происходили у него на квартире наедине.

В начале сентября 1933 г. он получил от Грановской пакет среднего формата, в который были вложены инструкция Советскому Полпредству в Токио по линии поведения и об условиях возобновления дальнейших переговоров о КВЖД, где давался перечень требований правительства СССР. В середине октября 1933 г. получил материалы о перезаключении договора на рыбалки, инструкцию Полпреду в Токио и уполномоченному НКВД в Хабаровске, а также указания Полпреду в Токио об условиях охраны Камчатских берегов.

Во второй половине декабря 1933 г. Грановская передала пакет с материалами о поддержке партизанского движения на Восточной линии КВЖД, указание Генеральному консулу в Харбине, инструкцию по переговорам с командованием Квантунской армии по оплате КВЖД за военные перевозки, о линии поведения в связи с арестом советских граждан в Харбине.

Кроме перечисленных материалов была получена инструкция Советскому Полпреду в Токио о поведении последнего при переговорах с японцами в связи с

опубликованными советско-японскими документами по вопросу о КВЖД.

Лукашевкер передал несколько раз Грановской деньги разными частями за выполняемую ею работу, всего около 12.000 рублей<sup>[256]</sup>

25 апреля 1934 г. Сталину было сообщено об аресте Саввина<sup>[257]</sup>, который сознался в шпионской работе, которую вел, состоя помощником начальника Автобронетанковых войск Ленинградского военного округа с 1931 г. и руководителем тактики Орловской Бронетанковой школы РККА с 1933 г. Его показаниями устанавливалась шпионская работа бывшего вице-консула в Харбине и консула в Хайларе Н. Е. Орлова заместителя начальника Политотдела 4-го района Закавказских железных дорог. ОГПУ считало необходимым его арест и запросило на это согласие Сталина, которое он дал<sup>[258]</sup>.

Саввин на допросе признал себя виновным в том, что занимался военно-шпионской работой в пользу Японии с февраля 1929 г. по день ареста. По его словам, окончив в 1928 г. в Москве восточный факультет военной академии РККА, он устроился работать в органах Госторга в Харбине, желая изучить в совершенстве китайский язык потому, что получить работу по военной специальности не представлялось возможным, так как штаб РККА не давал назначения. Прибыв в октябре месяце 1928 г. в Харбин и, работая в отделении Даль-госторга в качестве члена дирекции, Саввин познакомился с работавшим там Лукашевкером.

Он встретил в лице Лукашевкера отзывчивого человека, который помог организовать лечение психически заболевшей жены. Часто бывая друг у друга, Саввин узнал, что у Лукашевкера в Харбине живет отец и целый ряд родственников. Это давало возможность Лукашевкеру ориентировать Саввина об

условиях Харбинской жизни и иногда помогать ему материально. Задолжав к началу 1929 г. Лукашевкеру 200 иен и не имея возможности их быстро вернуть, Саввин попросил подождать с возвращением долга. Лукашевкер согласился, заявив, что он может даже не требовать возвращения этого долга при условии выполнения одной просьбы, которая заключалась в сообщении ему некоторых сведений о построении и состоянии Красной армии в СССР. Лукашевкер добавил, что он сможет систематически оказывать ему денежную помощь при получении от Саввина интересующих его сведений. Человеком, которому передавались эти сведения, Лукашевкер назвал некоего советского гражданина, который постоянно жил в Харбине. Впоследствии выяснилось, что этот человек, его отец.

Переживая материальные затруднения, Саввин дал согласие. Впоследствии, выполняя поручения Лукашевкера, он узнал, что сведения эти идут японской разведке через японца Исига (помощник директора «Чосен банк» в Харбине)<sup>[259]</sup>.

С конца января по июль 1929 г. Саввин передал: схему построения Красной армии, начиная от дивизии до стрелкового отделения; схему построения штаба РККА с его управлениями, указав известных ему начальников управлений; несколько схем и сведений о количестве бойцов в подразделениях полка, батальона, наличии огневых средств. Сведения о военной академии им. Фрунзе, о командном, преподавательском и переменном составе. Подробно был освещен восточный факультет академии, который готовил людей для назначения в дивизии и корпуса для разведывательной работы, а также для нелегальной разведывательной работы за кордоном. Сведения о разведывательном отряде, где он служил начальником

технической части в Москве во Всехсвятском. Рассказал о предназначении этого отряда военной авиации, о наличии 5-6 самолетов «Юнкерса Ю-13» и о замене этих самолетов новыми советского производства «Р-5».

Исчерпав известные темы военного характера, он стал сообщать другие сведения: о проводившейся оперативной работе конторы Госторга в той части, которая не была известна Лукашевкеру; коммерческих тайнах конторы Госторга; оперативных калькуляциях; закупке хлеба для нужд Дальневосточного Края и др.

Саввин сообщил Лукашевкеру, что секретарь консульства СССР в Харбине Михайлов в действительности Вайнберг, военный работник, окончивший восточный факультет военной академии им. Фрунзе.

Сведения передавались Лукашевкеру в его номере в гостинице «Новый Мир». Материалы представляли собой исписанные листки или начерченные схемы. Были случаи, когда Лукашевкер возвращал Саввину нарисованные схемы с какими-то пометками, сделанными чужой рукой. Иногда Лукашевкер записывал сам сообщавшиеся ему сведения.

За свою работу Саввин получил около 1.900 иен и 600 даянов.

В конце октября 1929 г., получив назначение от Нарком-внешторга в Америку на работу в Амторг, Саввин выехал за границу. После возвращения и перехода на службу в Красную армию на должность помощника начальника Автобронетанковых войск Ленинградского военного округа возобновил контакты с Лукашевкером и Орловым <sup>[260]</sup>.

Лукашевкер, осенью 1931 г. приехал в Ленинград и посетил Саввина на квартире по адресу: Надеждинская 10, кв. 6. Расспросил о месте службы, о должности, занимаемом положении, характере работы указав на

необходимость дальнейшего его участия в сборе и передаче ему сведений о Красной армии. Саввин рассказал о некоторых частях Красной армии. Договорившись о дальнейшей работе, Лукашевкер уехал в Москву.

Второй приезд Лукашевкера в Ленинград состоялся зимой 1931 г. Тогда Саввин передал сведения о 2-м танковом полке, указав количество танков, его расположение, вооруженность танка. Лукашевкер передал денежное вознаграждение и дал задание собирать материалы, относящиеся к механизации и моторизации частей Красной армии Ленинградского округа.

Примерно в это время, Саввин познакомился на службе с неким Орловым — председателем ленинградского областного совета Автодора. Общая работа, воспоминания о Харбине, где, как оказалось, Орлов был на консульской работе, сблизили их. Они подружились. Орлов узнав о материальных затруднениях, не раз оказывал Саввину безвозвратную денежную помощь.

В одной из бесед, происходивших на квартире у Орлова (ул. Чайковская, д. 10, кв. 43) в июле 1932 г., Орлов, сославшись на Лукашевкера, предложил продолжать работу в пользу японцев, передавая материалы через него. Доверяя Орлову, Саввин дал согласие. Так, не имея возможности регулярно общаться с Лукашевкером, Саввин стал постоянным информатором Орлова вплоть до своего отъезда из Ленинграда в сентябре 1933 г.

Орлов интересовался, главным образом, наличием, состоянием и вооружением бронетанковых частей, расположенных на территории Ленинградского округа. В течение 1932-1933 гг. Саввин сообщил о расположении в Стрельне 2-го танкового полка, данные о формирувавшемся авиамо-томеханизированном

десантном отряде, предназначавшемся для переброски по воздуху, схему механизировавшейся 11 дивизии, о наличии в Ленинграде отдельного автобатальона, о типах танков, находившихся на вооружении в частях Ленинградского округа и т. д.

Эти данные Саввин получал от инженера завода им. Ворошилова Шмырова, члена ВКП(б), проживавшего в Ленинграде, ул. Можайская, д. 18, кв. 10, с которым он был связан по работе на курсах при заводе. Для чего предназначались эти сведения, Шмыров не знал. В качестве вознаграждения он получил 400 руб.

Полученные сведения Саввин сообщал Орлову устно или передавал ему в виде записей и схем на бумаге, а Орлов записывал их в свою записную книжку. Встречи происходили с Орловым у него в кабинете на работе, на квартире и на даче в Сиверской.

От Орлова Саввин получил в виде вознаграждения около 4.600 рублей.

В конце 1932 г. Саввин был освобожден от работы в качестве помощника начальника автобронетанковых войск ЛВО. До получения нового назначения жил в Ленинграде и Поро-хове. В августе 1933 г. получил назначение на должность старшего командира руководителя тактики Орловской бронетанковой школы. При отъезде Саввина из Ленинграда Орлов сказал, что все дальнейшие указания он будет получать от Лукашевкера. Тщательно проинструктировал Саввина о мерах конспирации, при этом дал ему пилюлю, предложив зашить ее в одежду и в случае ареста проглотить. Эту пилюлю с хлебом Саввин в тот же день дал собаке возле своего дома в Ленинграде. Проглотив этот отравленный хлеб, собака тут же сдохла.

Встреча с Лукашевкером у Саввина состоялась в Орле, в январе 1934 г. В разговоре Лукашевкер указал на необходимость продолжать работу по сбору



сведений. Интересовался наличием частей, расположенных в Орле, их состоянием, деятельностью Орловской бронетанковой школы, механизацией частей Красной армии. За время пребывания в Орле Саввин передавал Лукашевкеру собранные им секретные сведения, получив за это около 3.400 рублей<sup>[261]</sup>.

Арестованные бывший зам. управляющего Объединения текстильного машиностроения Л. Д. Лукашевкер, и бывший преподаватель Орловской Бронетанковой школы В. П. Саввин на следствии признались в передаче японцам военных сведений. Саввин показал, что с середины 1932 г., будучи в Ленинграде на военной работе, он систематически передавал очень ценные секретные военные сведения Орлову Николаю Евгеньевичу. Сам Орлов на следствии категорически отрицал свое участие в шпионской работе. По делу были проведены все возможные следственные действия, допросы обвиняемых, свидетелей, развернутые очные ставки между Саввиным и Лукашевкером, Орловым и Лукашевкером, Орловым и Саввиным и т. п. Однако они никаких дополнительных улик не дали.

Принимая во внимание, что дальнейшее ведение следствия новых изобличающих доказательств дать не могло, а по неполным материалам не было достаточных оснований считать виновность Орлова доказанной, — НКВД предложило Орлова из-под стражи освободить. Каганович согласился с этим предложением.<sup>[262]</sup>

В отношении В. П. Савина<sup>[263]</sup> также было не все ясно. 1 декабря 1934 г. НКВД направило Сталину заявление арестованного по подозрению в шпионаже, который признал себя виновным, показав, что передавал Лукашевкеру шпионские сведения, за что получал от последнего деньги. НКВД сообщалось, что между Саввиным и Лукашевкером была произведена

очная ставка, на которой оба дали показания о своей шпионской работе. Однако на передопросе у прокурора Саввин и Лукашевкер отказались от своих прежних показаний.

Дело было заслушано на Особом Совещании 23 ноября 1934 г., по постановлению которого Саввин высылался в г. Оренбург на три года [\[264\]](#).

Находясь под следствием, Саввин написал очень эмоциональное заявление на имя Сталина, Калинина, Акулова и Ягоды:

«Вторичное мое заявление к Вам — я вынужден написать в силу следующих серьезных обстоятельств:

Я арестован 7 апреля с. г. Сижу под арестом 237 суток. Кто я таков? Я сын рабочего-ремесленника. С раннего детства, бросив учиться, вынужден был уйти добывать кусок хлеба и себе и семье, которая жила, перебиваясь со дня на день. Начиная с ученика до специальности слесаря, я прошел всю суровую школу при царском режиме и все его "прелести"; я до 1917 г. на собственной шкуре знал уже, что такое рабочий и царская власть. Моя среда — среда революционных рабочих, рабочих, которые показывали не раз мне и на заводе и на фронте, куда нужно гнуть, чтобы плетка кубанских казаков и нагайка городских не свистела на спинах рабочих и, в частности, на моей, потому что везде я попадал в опалу этой сволочи и бегал с места на место как подстреленный заяц, спасаясь либо от арестов, либо от неизбежных мордобитий, которые для меня были везде неизбежными, ввиду моей глубокой непримиримости с тем произволом, который творился до 1917 года, до октября.

Октябрьскую революцию я встретил как свое кровное дело, как дело, к которому готовился — варясь в среде питерских рабочих (з. «Арсенат»), Я уже в 1916 году знал, что мой путь — путь с большевиками, ибо не

только уже по убеждению, но и по своему характеру — я мог быть только с большевиками.

Первая моя революционная работа — эта работа вполне сознательного рабочего, потерпевшего не раз от царского произвола: мое участие в революционных событиях Ленинграда происходило в рядах товарищей-большевиков, боевиков, с которыми я вместе взял оружие, чтобы крошить на своем пути всю ту мерзость, которая душила рабочий класс.

Я не случайный человек в рабочей среде Питера, я с фронта убегая от ареста — уехал в Питер, чтобы совместно с рабочими излить ту злость, которая копилась годами.

Ни рабочему классу, ни революции — я не был чужим человеком. Я был классово спаян с рабочим классом с детства. Свято веря в дело партии большевиков — я с 1917 г. вошел в ее ряды — чтобы еще более увеличить ее ряды и отдать себя в ее распоряжение. Я и поныне горжусь тем, что партия посылала меня очень часто на опасные участки работы, я очень часто сам объявлялся добровольцем идти туда, где решается дело оружием — и я этим горжусь. Горжусь я и тем, что у партии я пользовался большим доверием, Успехи Октябрьской революции не охладили меня — в следующие трудные минуты после речи т. Ленина — я ушел добровольно с оружием в руках с первым отрядом Красной гвардии на фронт в тот момент, когда Октябрьской революции немцы стали грозить.

Я горжусь тем, что партия дала мне оружие и сказала: «Идти: Защищать революцию! Она в опасности!»

Тогда я рад был отдать свою жизнь за дело Октябрьской революции и скажу прямо, что слушая Ильича не раз в Питере — я не мог не пойти на фронт в

опасное место, на этом опасном участке революций — я прошел весь путь борьбы за Октябрьские завоевания.

Я остался в Красной армии, — в которой честно и преданно служил до дня ареста. Я был не в "обозе" — я три раза ранен и дважды награждался к ордену Красного знамени — мою грудь украшает орден Красного знамени.

Я горжусь тем, что я не из последних защитников Советской родины, а родина это моя, за нее я дрался, я снимал головы тем, кто пер на нее с целью задушить. Все это как доказательство того, что я не враг, а защитник и не рядовой, а орденосец за свои заслуги — боевые заслуги перед Советской родиной, которую защищал и защищаю с оружием в руках.

А разве не великое счастье все это пройти, пережить и остаться живым (хотя и искалеченным) — этим я тоже горжусь. Для того, чтобы насладиться теми великими результатами — для достижения которых я принимал немалое участие. Разве я не имел право на заслуженное, хорошее отношение к себе — в результате своей преданности, не раз доказавшую своей кровью в труднейшие моменты и разве я не доказывал не раз, что я твердо веду линию ЦК Партии и никакие фракции и оппозиции не признаю? Я никогда не был ни в одной оппозиционной группировке, с одной стороны, с большей, — потому что сам понимал ясно, что Ленинизм — есть Ленинизм, а не шатание, а во-вторых — когда сам не разбирался в некоторых вопросах, то шел к Ленинпам и спрашивал, как быть. Я горжусь тем, что я и в партии был бойцом за Ленинизм. Рабочие Питера — меня подготовили. Красс, армия меня закалила, Партия обучила и поставила меня и умственно и физически на ноги.

Но? — Здесь! — на 17 г. революции — я был наказан, наказан жестоко и за дело. Я говорю об исключении себя Партией за преступление же совершенное мною.

Никакие доводы в свое оправдание я не хочу приводить — ибо преступление есть преступление и за него я несу наказание, которое я все равно искуплю своей работой, во что бы ни стало. Ответ за это я буду держать перед Партией. Я добьюсь прощения, добьюсь прощения, потому что я виновен и должен искупить свою вину перед Партией. Насколько это мне тяжело — я думаю, доказывать не следует. Я должен искупить вину!!! Партия умеет жестоко наказывать — умеет и прощать — в этом ее сила.

Теперь о деле, деле предательства (!?) Советской родины. Я не стану здесь описывать весь ужас, как меня произвели в ранг предателя. Мои многочисленные материалы, поданные на Ваше имя и при Главной Прокуратуре — дают возможность с хронометрической точностью установить, что здесь что угодно можно заподозрить за мной, например; — ненужное знакомство с Л... (но ведь члены ЦК с ним дружны), что я доверчив, что я груб, что вспыльчив, и т. д., но утверждать, что я предатель нет никаких оснований, потому, что кроме указанных и актов о себе и других, которые можно проверить — есть еще большевистская логика, что так просто защитники революции в предатели не превращаются, а если такой и возможен, то это уже является предметом рассмотрения и изучения, как несчастного случая — врачом-психиатром. Ни к первой, ни ко второй группе я не принадлежу, ибо я, хотя и ранен тяжело в голову — но пока еще не кретин и в своем уме.

Ведь 8 месяцев — не человеческого психического и физического страдания приходится переносить совершенно ни за что.

Я не нахожу прямо слов для того, чтобы пояснить (невинность доказывают материалы и факты) Вам все то безвыходное положение — когда, я попав в тюрьму — больше ничего и не слышал как — "предатель", "враг",

"шпик" и т. д. Ведь не было никаких возможностей, что-либо говорить в свое оправдание, а насколько это кошмарно тяжело, обидно, невыносимо, что даже твердо решаешь один вопрос, только один: уничтожить себя каким-нибудь способом и если Советское Правительство в лице ГуГБ не применит ко мне высшей меры наказания, я вынужден буду сам это сделать, ибо ходить по Советской земле, пачкать ее, искупать то чего не совершал, быть в шеренге б. врагов, которых сам уничтожал, превратиться из защитника во врага, без малейшего повода к этому, переносить весь ужас этого позора, пачкать свою Красную армию, быть за бортом, быть в обозе — говорить вечно — "Да, был виноват" — когда не виновен — просто не выносимо.

Я все-таки всегда думал, что я заслужил того, чтобы ко мне, к избитому командиру, заслуженному командиру — отнеслись бы более сердечнее и человечнее, чем так, как ко мне в действительности подошли. Неужели требуется еще слова доказывать, что более ужасного, обидного, жестокого отношения я не заслужил, за что же меня постигла такая участь.

Оказывается — хороший я командир был, если достаточно было оговора, чтобы меня держать, как "предателя" 8 м-цев. Я себя просто ненавижу, что я попал в плеяду этих грязных людей, которые будучи моими знакомыми, занимались, мерзавцы, предательством. Я думаю, что у ГуГБ имеется очень много способов и методов узнать правду. Я же со своей стороны заявляю, что ни в чем не виновен, но меня арестовали и держат 8 м-цев, вероятно потому, что кому-то нужно было почему-то сделать из меня преступника.

Отпустите меня на свободу: Я невиновен: Я хочу и должен жить, ибо я невиновен:

Я не хочу жить без вины виноватым. Помогите!!!

За что я должен нести наказание, если мне его дадут? За что??

Саввин»[\[265\]](#).

Расследование данного дела вызывает определенные сомнения в его объективности, т. к. был освобожден Орлов, к очень мягкому наказанию был приговорен Саввин. Это не характерно для дел, связанных со шпионажем. Складывается впечатление, что шла заведомая его фальсификация.

*Дело Морозова.* 26 апреля 1934 г. ОГПУ сообщило Сталину, что, по полученным сведениям, японский разведчик Ма-санори Сато завербовал для разведывательной работы в Советском Союзе сотрудников института Сои Н. И. Морозова[\[266\]](#) и Н. К. Лабазникова[\[267\]](#).

Впоследствии арестованный Морозов на допросе подтвердил это сообщив, что в 1927 г. он был завербован для разведывательной работы агентом японской разведки японцем Сато, который связал его с Мори Микаге — резидентом в Харбине работавшим директором Харбинского японского торгового музея. В свою очередь Морозов завербовал ряд служащих на КВЖД, в частности Лабазникова.

Морозову поручалось: вести сбор сведений о химической промышленности и работе военно-химических заводов; организацию диверсий на предприятиях химической промышленности и организацию массовых отравлений на предприятиях пищевой промышленности, обслуживающих крупные промышленные предприятия и военные заводы.

В Москве Морозов связался с Лабазниковым и по условленному паролю, с резидентом японской разведки корейцем Н. В. Паком, работавшим в Институте Востоковедения. Последний был изобличен в шпионаже по делу Ким-Заена.

Морозов, располагая крупными денежными суммами, завербовал ряд специалистов из Института Сои. Собрал и передал японской разведке ряд секретных материалов.

Показаниями арестованных Морозова и Лабазникова устанавливалось, что ими по заданиям японской разведки подготавливались массовые отравления на фабриках-кухнях и в столовых, обслуживающих крупные предприятия и военные заводы с целью нарушения нормальной работы в предмобилизационный период.

По данному делу кроме Морозова и Лобазникова было арестовано еще 10 человек. ОГПУ считало необходимым также арест директора института Сои А. Г. Брагина и заведующего физико-химической лаборатории военnoxимического Управления РККА Н. А. Трифонова.<sup>[268]</sup>

9 апреля 1934 г. Морозов на допросе рассказал, что он принимал участие в белоэмигрантской организации в Харбине, известной под названием «Союз спасения России». Его участие в организации выразилось в посещении собраний, где обсуждались возможные пути борьбы с Советским Союзом, через установление связи с японцами для оказания им помощи в случае осложнений с СССР.

Он рассказал, что первое близкое знакомство с японцами у него было в 1926 г., с Накамура и Миаке, работавшими на КВЖД от ЮМЖД. Встречи на деловой почве послужили поводом для установления более близких отношений. В процессе этих разговоров началось нащупывание ими политических настроений Морозова. Разговоры вел главным образом японец Накамура. Он предложил Морозову вести разведывательную работу для Японии. После получения согласия, Накамура сказал, что следует обратиться к



заведующему Технологическим отделом центра лаборатории ЮМЖД в Дайрене — к Масанори-Сато от которого Морозов должен был получать указания по всем вопросам.

В 1927 г. возник вопрос о постройке нового здания лаборатории КВЖД. Перед составлением плана было необходимо посмотреть аналогичную, уже действующую лабораторию. Такой лабораторией являлась лаборатория ЮМЖД, в которой работал Сато. В мае 1927 г. Морозова направили в Дайрен, где он познакомился с Сато, который предложил ему по приезду в Харбин связаться с директором японского торгового музея — Мори, от которого он должен был получать задания. Для того, чтобы Мори его опознал, Сато просил в начале разговора с Мори сказать: «привет от Сато», после чего Мори должен был ответить: «благодарю».

По возвращении в Харбин Морозов некоторое время не осуществлял предложения, сделанного Сато по установлению связи с Мори, так как был занят работой. Немного позже к нему явился японец Кураянаги — представитель японской фирмы «Пугай», который сказал, что с Морозовым хочет поговорить Мори. В назначенное время состоялась встреча. Вначале разговор носил общий деловой характер. После того как Морозов сказал: «привет от Сато», а Мори ответил: «благодарю», они перешли на конкретные темы. Мори поставил задачу по сбору сведений о мероприятиях советского правления КВЖД, благоприятствующих движению грузов на Владивосток. Ему поручалось собирать сведения о выполнении пятилетнего плана. В области химической промышленности на него возлагалось: сбор сведений о предприятиях химической промышленности, характере производства этих предприятий, размерах производства, степень готовности к переходу на производство, связанное с

военными нуждами, сведения о расширении химической промышленности и т. д.

Мори дал задания о проведении диверсионной работы в области химической промышленности и в области общественного питания, путем массовых отравлений.

В это время Морозов установил контакт с бывшим заведующим земельным отделом КВЖД — Гордеевым<sup>[269]</sup>, который ездил в Советский Союз и попросил его связать с той или иной контрреволюционной группой. Гордеев указал ему на определенную группу, с которой Морозов мог связаться.

В конце 1931 г. Морозов заявил своему начальству о своем желании переехать на работу в Советский Союз и получил на это принципиальное согласие. Он послал письмо в Пищевой Институт Наркомснаба и получил приглашение на работу из института Сои.

Мори выразил удовлетворение по этому поводу, предупредив Морозова, что к нему в СССР явится специальный связник, который должен был сказать: «Вы из Харбина?» Ответ Морозова: «Да»; вторичный вопрос: «Вы знаете Николая Михайловича», на что он должен был ответить: «очень хорошо». В конце октября 1933 г. Морозову для связи был направлен переводчик японского языка.

Морозов привлек к разведывательной работе других лиц. Так от Гуревича он получает сведения о технологических процессах получения отравляющих веществ иприта, хлорпикрина и льюизита; от Трифонова материалы о результатах его научно-исследовательской работы по мышьяковистым отравляющим веществам; от Яковлева сведения, касающиеся новых работ по получению отравляющих карбонильных соединений металлов. От Демина получил сведения: о научноисследовательских работах,

касающихся некоторых питательных белковых препаратов; сведения по получению особых концентрированных суповых таблеток; сведения о приготовлении питательных дрожжевых препаратов, которые имели значение для питания в походной обстановке. От Голанта сведения о новом способе получения казеинового клея из растительных веществ; от Холина результаты работы по получению особого вида препарата растительного белка и результаты работы по упаковке суповых таблеток, мало проницаемой для влаги и отравляющих веществ. От Лабазникова сведения, касающиеся новой работы по приготовлению особых концентратов приправ из растительных продуктов, которые содержали в себе не только питательные вещества, но и стимулирующие вещества, которые имели важное значение в военной обстановке.

Приступив к работе, Морозов начал получать от своей агентуры материал. Хранить его у себя он считал невозможным. Поэтому он решил обратиться к Брагину, так как имел сведения о его работе на японскую разведку. С этой целью он попросил Лабазникова их связать.

Во время состоявшейся встречи Брагин сказал, что ждал этого разговора и предложил продолжать работу в направлении подбора людей, собирания сведений. Брагин указал, что все собранные сведения Морозов должен доставлять ему и то, что финансирование будет идти через него. Если же с Морозовым будет возобновлена непосредственная связь со стороны японской разведки, то отношения установятся в зависимости от тех заданий, которые будут ему даны. Они могут остаться в таком же виде, а могут вылиться в другую форму.

Морозовым были намечены диверсии на предприятиях важнейших отраслей химической

промышленности, на предприятиях пищевой промышленности и на предприятиях общественного питания, фабриках-кухнях и столовых больших предприятий гор. Москвы.

Были проведены два пробных, но безрезультатных отравления. На Ленинградском маргариновом заводе были введены в партию маргарина кишечные палочки, но эта партия не была выпущена к потреблению. На соевом заводе была выпущена партия соевого варенца со слизистыми бактериями, однако это настолько отразилось на внешнем виде продукта, что потребители отказывались употреблять его в пищу<sup>[270]</sup>.

8 апреля 1934 г. арестованный Лабазников Николай Кузмич сообщил, что был завербован в начале 1930 г. для разведывательной работы в пользу японцев Н. И. Морозовым. Выполнял его задания по сбору различных сведений о крупных предприятиях пищевой промышленности, о предприятиях общественного питания, обслуживающих крупные промышленные предприятия и в частности военные заводы. Устанавливал связи с людьми, работающими на этих предприятиях, с целью изучения их и вербовки. Поручил изучать условия хранения на предприятиях общественного питания пищевых продуктов, чтобы выработать способ образования в этих продуктах отравляющих веществ естественным путем. Позже предложил изыскивать и накапливать на лабораторных складах фабрик-кухонь отравляющие вещества для ввода их в нужный момент в пищу для вызова массовых отравлений.

Для проведения отравлений были выбраны Сталинская фабрика-кухня № 1, Пролетарская фабрика-кухня № 1, Краснопресненская фабрика-кухня № 1, Замоскворецкая фабрика-кухня № 2 и столовая-кухня завода «АМО».

Лабазниковым были завербованы: на Краснопресненской фабрике-кухне Ананьев, кулинар-технолог, который позже перешел работать на Пролетарскую фабрику-кухню; на той же фабрике-кухне был завербован Дмитриев, кулинар-технолог. Позже Селисский, работавший в Институте Сои консультантом по внедрению соевых пищевых продуктов в общественное питание.

В части создания запаса отравляющих веществ на Краснопресненской фабрике-кухне № 1, среди реактивов лаборатории Лабазников нашел мышьяковую кислоту и сулему. Эти отравляющие вещества он прятал в шкафу в нижней его части, с тем, чтобы в нужный момент их использовать [\[271\]](#).

Ананьевым и Дмитриевым велась подготовительная работа по отравлениям, осуществить которые они не успели.

Лабазниковым от Морозова было получено около 10.000 руб. Около 4.000 руб. он передал Селисскому, 3.000 руб. дал Гуровичу Григорию Ефимовичу [\[272\]](#) за получение сведений о работах по концентратам пищевых веществ для нужд военного ведомства и сведения о плане использования работников общественного питания в военное время. Ананьеву дал 1.000 руб., Дмитриеву — 200 руб., остальные оставил себе [\[273\]](#).

4 августа 1934 г. за № 30196. НКВД СССР сообщило секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу, что арестованные Морозов Николай Иванович и Лабазников Николай Кузьмич, переброшенные японскими разведывательными органами из Харбина в СССР в 1931-1932 гг., в своих показаниях сообщили, что совместно с ними проводил шпионскую работу Брагин Абрам Григорьевич — директор института Сои [\[274\]](#)

На основании показаний Морозова и Лобазникова, 26 апреля 1934 г. Брагин был арестован. В процессе следствия никаких дополнительных материалов ни допросы, ни очные ставки не дали. Брагин вину свою категорически отрицал.

17 июля 1934 г. НКВД направило в Центральный комитет ВКП(б) Сталину копии 2-х заявлений на имя Ворошилова и Ягоды от заключенного Брагина привлеченного к ответственности по обвинению в шпионаже в пользу Японии<sup>[275]</sup>.

Он писал, что со второй половины апреля 1934 г. обращался с проектом мероприятий, связанных с организацией военно-продовольственной базы обороны ДВК к Ворошилову. По отдельным вопросам проекта он еще в 1933 г. говорил с Блюхером и Крутовым, однако дело с места не двигалось, хотя после первого, значительного урожая сои в 1931 г. японцы с большой тревогой *указывали*, что появление экспорта русской сои из южных портов может быть большим ударом для народного хозяйства Манчжурии.

Брагин писал: «еще несколько усилий и я смогу оправдать большое доверие, оказанное мне партией и ее подмогу, исполнить свой долг по укреплению обороны страны на случай войны с Японией, борьбой и работой которым сам вождь Красной армии дал столь высокую, столь лестную для меня оценку.

Но вернувшись домой после доклада в МК 26-го апреля, я застал там представителей ОГПУ, которые отвезли меня во Внутреннюю тюрьму ОГПУ.

Здесь я, ушам своим не веря, узнал, что арестован по обвинению в военном шпионаже для Японии.

Как это не тяжело для меня, я считаю невозможным в докладной записке, посвященной государственному делу, касаться существа вопросов, относящихся лично ко мне.

Я надеюсь ОГПУ установит, что я никогда не имел ни малейшего отношения ни к одному факту, ни к одному слову шпионажа. И я был полностью прав, заявив шпионам на очной ставке, что их показания о моем соучастии в их преступлении есть не только наглая ложь, от начала до конца, но и бессмыслица.

Но пока идет уже третий месяц со дня моего ареста. Я не знаю, чем кончились вопросы первой части моего проекта о стимулировании экспортном фонде. И для них потеря времени может оказаться большой потерей. Год в наше время много значит / я показывай Вам данные европейских газет, что Германия уже посылала по вопросу о маньчжурской сои своих специальных представителей еще к Араки/»[\[276\]](#).

Брагин коснулся вопросов организации военноподобольственной базы на ДВК за счет разработок по соевым продуктам. Он писал, что в одиночной камере внутренней тюрьмы трудно решить насколько это окажется сложным реализация этой программы. Однако видя, как каждую сельскохозяйственную кампанию стоит техника из-за перебоев с горючим, даже в тех районах, откуда видны неф-тевышки и где дороги как мостовые, он предполагал, что на окраине СССР, при тягчайшем бездорожье, в дни, когда будут «петь пули», в условиях растущей моторизации и механизации армии будет еще сложнее. В такой ситуации перебои с горючим могут решить не только темпы, но и судьбу боевых операций. У японцев есть патент получения горючего из сои. По мнению Брагина, необходимо этот патент раскрыть во что бы то ни стало.

Брагин просил Ворошилова вызвать его к себе и дать возможность сделать сообщение о сделанных практических мероприятиях.

«Вы и тов. Ягода не раз использовали знания и опыт даже врагов для укрепления обороны СССР. Еще тов. Ленин, приглашая Люберсака, считал это необходимым. Я прошу Бас дать мне возможность закончить начатое мною дело не на основе этой формулы. Со времени письма обо мне тов. Ленина к тов. Яковенко /тогда Наркомзему/ партия вот уже 13 лет ставит меня на такие ответственные, трудные / большей частью новые для СССР/ работы, на которые посылают только проверенных большевиков. Я не только гордился этим. Со всей ответственностью заявляю: по своим убеждениям, по своей работе, в своей личной жизни я был достоин такого доверия. Это ведь легко проверить.

Вот почему я прошу Вас не отнимать у меня вашего доверия. В нем мое сильнейшее оружие не для самозащиты, а для борьбы за то дело, о котором я Вам настоящим докладываю. Это ведь не только моя оценка, что это дело имеет огромное народно-хозяйственное и исключительное оборонное значение»<sup>[277]</sup>.

Во втором своем заявлении Ягоде Брагин писал, что занимается делом, имеющим огромное народнохозяйственное и исключительное оборонное значение. Просил принять его. По его совам он не просил об этом раньше, так как, со дня на день, ожидал, что ОГПу его освободит и даст возможность закончить работу, хотя бы в отношении ДВК.

«Но, к сожалению, несмотря на то, что я ни в чем не виноват, что шпионы в своих показаниях по моему адресу не только нагло лгут, но и путаю — я еще в тюрьме»...

«Вы поймете тов. Ягода какую большую и важную разведку я проделал, но не для, а против японцев, но для дела не это важно — важно, что материалы этой разведки, продвинутые или использованные ОГПу,



должны уже в 1935 г. крепить на ДВК силы красноармейцев, их коней, а может быть (если тов. Кропотов прав, а это кажется так) и танков»<sup>[278]</sup>.

Сталин после прочтения этих заявлений не стал принимать решения, отписав его секретарю ЦК ВКП(б) Кагановичу.

4 августа заместитель наркома внутренних дел Прокофьев направил Кагановичу письмо. Он писал, что для судебного разбирательства кроме указанных показаний, изобличающих японских разведчиков, других данных, уличающих Брагина в конкретной шпионской деятельности, нет. Следствие было лишено возможности добыть дополнительные материалы, уличающие его в шпионаже. В связи с этим НКВД считало целесообразным заслушать это дело на Особом совещании при НКВД СССР, так как заслушивание этого дела в обычном судебном порядке могло встретить серьезные затруднения. Каганович вначале решил направить это дело на рассмотрение прокурора, затем зачеркнул свою первую резолюцию, написав новую: «Согласен на освобождение Брагина»<sup>[279]</sup>. Решение, по-видимому, продиктовано большими сомнениями в виновности Брагина и желанием использовать его опыт при проведении научных разработок по соевым продуктам.

Заместитель наркома Внутренних дел СССР Агранов 9 сентября 1935 г. сообщил председателю народных комиссаров СССР Молотову о том, что Управлением НКВД по Красноярскому краю арестован Ляхович Викентий Иосифович, 1913 г. рождения, служащий краевого ветеринарного управления, прибывший в СССР в 1930 г. из Манчжурии.

С целью заражения людей и скота, из склада биопрепаратов Ветеринарного управления им была похищена и выброшена на улицу сибиреязвенная

вакцина. Флакон этой вакцины в количестве 120 грамм был обнаружен на улице Баграда.

В ходе следствия Ляхович сознался в том, что проживая в Манчжурии, в г. Хайдаре в 1930 г. был завербован бывшими белыми офицерами Черных и Шемякиным. В СССР был переброшен с целью совершения диверсионных актов и сбора сведений о численности и вооружении Красной армии. По этой работе он был связан с ранее переброшенными на территорию СССР из Манчжурии Темных и Сударковым.

Для контрреволюционной работы и организации крушений транзитных и маневровых поездов, а также для сбора сведений о прохождении воинских эшелонов и грузов на Дальний Восток Ляхович завербовал таксировщика конторы Лестехснаба Рупасова и служащего краевого ветеринарного склада Базуева.

Из г. Хабаровска к Ляхович для связи приезжали Петров Иван Федорович и Федоров Александр Иванович. Связь с границей, по показаниям Ляховича осуществлялась через китайцев Ван-Тина и Чуф-Це<sup>[280]</sup>.

11 сентября 1934 г. заместитель наркома внутренних дел Прокофьев направил секретарю ЦК Л. М. Кагановичу письмо, в котором сообщал, что осенью 1933 г. в Маньчжурию дезертировали военнослужащие — Трифонов Александр Александрович, механик катера, и мотористы Еськов Виталий и Мороз Георгий. Там их японцы арестовали и после допроса, на котором они дали подробные показания об оборонном строительстве участка № 103, освободили и послали на работу в механические мастерские военно-морского штаба Манчжоу-Го.

После некоторой обработки Трифонов был завербован японцем Судой для шпионско-диверсионной деятельности на территории СССР. 10 июля 1934 г. он был переброшен нелегально на территорию советского

Дальнего Востока с заданием проехать по маршруту Советская гавань — бухта ДеКастри — по реке Амуру до Николаевска и Комсомольска-на-Амуре. В этих пунктах необходимо было узнать номера и собрать данные о численности воинских частей и их местонахождении, заснять оборонные точки укреплений в бухте Де-Кастри и Советской гавани, раздобыть и привезти в Харбин образцы строительного материала строящихся оборонных объектов.

На расходы Суда выдал Трифонову 80 иен, снабдил маленьким фотоаппаратом с четырьмя пленками. Для беспрепятственного прохождения границы при возвращении в Харбин Суда вручил Трифонову свою визитную карточку с условностями, которую тот вшил в подкладку пиджака. По прибытии на советскую территорию Трифонова, как вызвавшего подозрения, арестовали. При личном обыске обнаружили визитную карточку Суда, которая являлась своеобразным документом для японской разведки.

20 сентября 1934 г. Политбюро рассматривает дело Трифонова на своем заседании и принимает предложение НКВД о направлении в Военный трибунал дела Трифонова Еськова и Морова<sup>[281]</sup>, решением Военного трибунала Трифонов был осужден<sup>[282]</sup>.

*Дело Сталинского завода.* 19 августа 1934 г. Прокофьев сообщил Сталину, что, по агентурным сведениям, ряд работников Сталинского металлургического завода ведут шпионаж в пользу Японии. Выполняя задания японской разведки, они образовали в середине 1933 г. инициативную группу по созданию так называемой «Российской партии национального возрождения» (РПНВ). Было установлено, что под этим прикрытием скрывается фактически японская резидентура. При обыске были изъяты программа и устав РПНВ, закопанные в землю

две бомбы и один револьвер с патронами и типографские шрифты для подпольной типографии.

Установлено, что эта организация передала японской разведке материалы о военном производстве на Мотовилихинском заводе, выпуске холодного оружия и снарядов на Златоустовских заводах. По Обуховскому заводу — данные о производстве орудий и снарядов, выпуске брони по маркам и об обеспеченности завода сырьем и полуфабрикатами. По Мариупольскому заводу — данные о мощности брони и листопрокатных станков № 2, 3 и 4, объемах выпуска двухслойной брони. По Кунцевскому военному заводу № 95, выпускающему прокат для авиапромышленности и корпуса для авиабомб, — сведения о выпуске проката военных профилей для авиационных и танковых заводов и т. п. За шпионскую деятельность сотрудники этой организации получали денежное вознаграждение в иностранной и советской валюте.

Арестованный инженер Н. В. Латкин<sup>[283]</sup> рассказал, что будучи не согласен с рядом мероприятий Советской власти, вел работу по созданию контрреволюционной организации под названием РПНВ, ставившей конечной целью свержение советской власти и замены ее другим политическим строем. Эта организация возникла по его инициативе.

Первоначально в руководящее ядро РПНВ входили: Н. В. Латкин, Г. С. Давыдов, Л. Н. Дампель. Позже в организацию были вовлечены инженер строительного цеха КМК — В. С. Успенский и инженер доменного цеха Н. Г. Кротенко.

Проводилась подготовительная работа по созданию типографии. В Москве было приобретено два комплекта образцов шрифтов.

Для осуществления своих задач РПНВ ориентировалась на интервенцию со стороны Японии. С

объявлением войны ставилась цель дезорганизация тыла и оказания помощи интервентами, организации повстанчества, проведение диверсионных актов, как на транспорте, так и на промышленных предприятиях.

Членами организации было проведено 5 подпольных совещаний, проведенных у Латкина на квартире.

Единственным источником средств для существования РПНВ должны были служить членские взносы, размер которых был установлен десятью процентами от зарплаты. Впоследствии, по предложению Давыдова, взносы предполагалось снизить, т. к. они считались слишком высокими.

За время существования РПНВ было внесено членских взносов Латкиным — 130 руб. (за два м-ца), Дампелем около 180 руб. (за 3 м-ца) и Успенским около 300 руб. (за 3 м-ца). Давыдовым членские взносы не были внесены и за ним числилась задолженность [\[284\]](#).

У Г. С. Давыдова [\[285\]](#), при обыске были изъяты документы, указывающие на то, что он являлся одним из организаторов контрреволюционной организации РПНВ. В ходе допроса он сообщил, что после нескольких встреч с Латкиным он высказал свои соображения на счет создания партии. Благодаря их усилиям было создано руководящее ядро, которое служило основанием создаваемой РПНВ.

Главной политической задачей партии ставилась свержение Советской власти и замене ее политическим строем по типу фашизма. Экономическая программа заключалась в следующем: ликвидация колхозов и совхозов и замена их частным фермерским хозяйством. В области промышленности, крупная промышленность, транспорт, металлургия, уголь и др. должны были остаться в руках будущего государства в виде государственного капитализма, а средняя и мелкая промышленность передавалась в частную

собственность. Политически партия ориентировалась на Японию, т. е. на войну Японии против СССР.

Методы борьбы с Советской властью определялись созданием разветвленной сети ячеек РПНВ в крупных городах и промышленных районах Союза. Организация повстанческих групп действий в тылу во время войны. Проведение диверсионных актов на промышленных предприятиях и транспорте, дезорганизация тыла. Организация террористических актов против руководителей партии и Советской власти.

На поступившие средства от членских взносов для печатания листовок и других материалов РПНВ были закуплены два алфавита гуттаперчевых шрифтов и, как образцы, отправлены в гор. Кузнецк к Латкину. Также было заказано восемь алфавитов таких же шрифтов в штемпельной мастерской по Театральному проезду, которые выкупить не успели<sup>[286]</sup>.

Другой член этой организации — Г. С. Давыдов<sup>[287]</sup> рассказал о существовании ячеек РПНВ в Москве, Ленинграде и Кузнецке. С его переездом в Москву создавалась ячейка РПНВ в Москве, а с переездом Дампеля в Ленинград создавалась ячейка РПНВ в Ленинграде. В Москве в ячейку РПНВ им вербовался инженер Николай Михайлович Надеждин, работающий на 95 заводе, с которым он по этому поводу встречался два раза, один раз у него на квартире и другой раз у себя дома на станции Лось, Сев. ж. д.

Связь между руководителями РПНВ Москвы, Ленинграда и Кузнецка осуществлялась условным шифром. Главная связь намечалась через курьера и «оказиями». Латкиным прорабатывался вопрос о способах переписки химическим путем.

Давыдов на допросе в ответ на просьбу расшифровать изъятое при обыске письмо Латкина сообщил, что слово «семейной» означал политический,

«дочка» означала ячейка РПНВ, «игрушки» означали шрифты «живопись» означала печатание листовок и т. д. В изъятом письме сообщалось, что Латкин 75 % своего времени уделял вопросам РПНВ и др.<sup>[288]</sup>

Давыдов подтвердил, что главной задачей организации было свержение Советской власти и установление политического строя по типу фашизма, наиболее вероятной перспективой выполнения этого плана была война Японии с СССР. Вопрос об установлении связи с Японией был поставлен по инициативе Латкина.

Кроме того, намечалось установление связи с Западом и в частности через Ленинград с Финляндией, в этих связях они искали возможности связаться с западными странами, чтобы получить от них помощь. Однако практических шагов к осуществлению связи с западом предпринято не было.<sup>[289]</sup>

Л. Н. Дампель<sup>[290]</sup> рассказал о том, как его привлек в организацию Латкин. Он подтвердил предыдущие показания и рассказал, что на одном из совещаний, примерно в январе 1934 г., ставился вопрос о приобретении оружия для членов партий.

Его участие в проработке программно-политических вопросов партии заключалось в том, что ему была поручена, помимо общей подготовки в области политико-экономических вопросов, проработка раздела программы в части промышленности. Общие вехи этого вопроса были им письменно изложены, обсуждены совместно с Латкиным и оставлены у него.

Устав был написан Латкиным и обсужден на двух совещаниях он подлежал дальнейшей проработке. Наброски его хранились у Латкина. По уставу полагался прием в члены РПНВ всех вне зависимости от классового происхождения при предварительном



выяснении его антисоветских убеждений. Евреи в партию не принимались.

Каждому члену РПНВ давались псевдонимы-клички, например: у Дампеля кличка была «Николаев», Латкина — «Васильев» и т. д. <sup>[291]</sup>

На допросе инженер Д. И. Саров <sup>[292]</sup> рассказал, что в 1919 г., работая начальником доменного цеха Надеждинского металлургического завода на Урале, при отступлении белых с Урала он был эвакуирован в г. Томск, где был рассчитан и выехал по территории занятой белыми в Манчжурию во Владивосток. Там работал несколько месяцев на Усть-Суйфунских коях, затем техническим директором Уссурийского стекольного завода. В 1921 г. совместно с инженерами Петровым и Садовниковым открыл химическую лабораторию по производству всякого рода анализов и исследований.

В 1923 г. японцы, представители фирмы «Таката-Шоней» Нода и Миакозава заинтересовались этой работой в части перегонки угля и получении полукоксов и искусственной нефти из углей. Нода и Миакозава командировали Сарова в Японию в г. Цуруга для проектирования и руководства строительством опытного завода по полукоксованию, где он пробыл 7–8 месяцев, после чего вернулся обратно во Владивосток. До этого на опытный завод в Цуруге приезжал японец Эджиро Ра из <sup>[293]</sup>, с которым Сарова познакомил Миакозава, при этом он говорил, что дела фирмы «Таката-Шоней» плохи и рекомендовал иметь знакомство с таким солидным лицом, как Эджиро Ранзо. Последний интересовался опытным заводом и расспрашивал о делах в России. С Эджиро Ранзо в Японии Саров встречался два раза.

С его слов, его вербовка для ведения шпионской работы в пользу Японии была осуществлена следующим



образом. После возвращения из г. Цуруга, во Владивосток, к Сарову явился знакомый по делам фирмы «Таката-Шоней», Алексеев Александр Самойлович и сообщил, что с ним хочет увидиться приехавший из Японии Эджиро Ранзо. В назначенное время в помещение химической лаборатории, размещавшейся в конце Светлановской улицы гор. Владивостока, явился Эджиро Ранзо. Поговорив с Саровым по вопросу перегонки углей и получения нефти, он рассказал, что связан с японскими правительственными кругами. Поговорив на общие политические темы, он сказал, что его интересует состояние металлургических заводов Востока России, главным образом, в разрезе работы военных цехов, как основы военной промышленности. За эти сведения он предлагал оплату.

Указанное предложение Саров принял, так как считал, что советская власть не удержится долго и, кроме того, нужда в деньгах обострилась в связи с тем, что его по приезде из Японии во Владивосток обокрали. В процессе двух-трех встреч Эджиро Ранзо, окончательно завербовал Сарова для разведывательной работы.

Для того, чтобы отвлечь подозрение о своей близости с японцами, он должен был найти повод поссориться с фирмой «Таката-Шокай», устроив громкий процесс против нее. Во исполнение этого указания Эджиро Ранзо Саров подал в Трудовую сессию суда жалобу на руководителя фирмы «Таката-Шоней» Нода, с которым судится. Саров получил от последнего по решению суда 1.200 иен. Таким образом многим стало известно, что он с японцами порвал.

Для выполнения поставленной перед ним задачи Эджиро Ранзо предложил Сарову выехать из Владивостока и постараться устроиться на один из крупных заводов Востока. В частности, на

Надеждинский завод, на котором раньше Саров работал в течение 3-х лет начальником доменного цеха, а затем перейти на крупную новостройку на Востоке, если таковая будет.

Для поддержания связи и передачи сведений Эджиро Ранзо предупредил, что от него будут заходить люди, которые представятся от его имени. Им Саров должен будет передавать собранные сведения и получать от них деньги и инструкции.

Саровым были собраны и переданы следующие сведения: «1. Список уцелевших станков снарядного цеха и их состояние.

2. Процент порчи станков после пожара.

3. План восстановления снарядного цеха и план покупки новых станков,

4. Пусковые данные о работе снарядного цеха.

5. Данные о производстве снарядов и овладение производством

6. Материалы о состоянии мартеновских и прокатных цехов завода, в особенности в части снарядной заготовки,

7. Сведения о развитии Богословских угольных копях, обеспеченность экскаваторами и механизмами, программы добычи, вскрытых работ, запаса и перспективный план развития копей».

По Ашинскому металлургическому заводу, поскольку Саров был главным инженером, для сбора сведений ему никто не понадобился.

По Надеждинскому металлургическому заводу, несмотря на возможность как главного инженера завода собрать требуемые сведения лично он, однако, в целях конспирации завербовал знакомого техника — строителя снарядного цеха Излера, от которого получил в письменном виде вышеперечисленные сведения по снарядному цеху. За что уплатил ему в два приема 375 американских долларов.

Также был завербован горный техник горного отдела Надеждинского комбината Поляков, от которого были получены сведения по Богославским топям. Полякову было уплачено 50 американских долларов<sup>[294]</sup>.

Задания по военному шпионажу в период работы Сарова на Кузнецкстрое он получал от Латкина, которого интересовали сведения по Кемеровскому военному строительству, Сибкомбайну, Мариупольскому заводу, Обуховскому заводу, Кунцевскому заводу, заводу «Баррикады», Ульяновскому заводу взрывчатых веществ, Иркутскому прокатному заводу и Нижнеудинским паровозовагоноремонтным мастерским.

За период 1930–1933 гг. были собраны и переданы японской разведке через Латкина сведения по военной промышленности Западной Сибири, а также сведения по кузнецкому металлургическому заводу, имеющему оборонный характер<sup>[295]</sup>.

Впоследствии арестованный Н. А. Издер<sup>[296]</sup> сообщил, что вовлечение его Саровым для шпионской работы обстояло следующим образом. Саров просил Издера передать ему секретные сведения по капитальному строительству и мобилизационному плану. После того, как он передал эти сведения, Саров дал ему деньги в сумме 300–400 руб., сказав при этом, что эти сведения ему нужны для передачи их заинтересованной шпионской организации. После чего Издер стал сознательно передавать секретные сведения по Надеждинскому металлургическому заводу и снаряжным цехам этого завода. Данные сведения являлись сведениями государственной важности, так как они определяли мощность Надеждинского завода и его снарядного производства и подготовку завода к оборонному производству<sup>[297]</sup>.

На заседании Политбюро 3 сентября 1934 г. рассматривался вопрос о деле группы работников

Сталинского металлургического завода. Было решено поручить Вышинскому, Прокофьеву и Ульриху направить в Новосибирск выездную сессию венной коллегии Верхсуда. При этом предлагалось всех, уличенных в шпионаже в пользу Японии, расстрелять [\[298\]](#).

16 сентября 1934 г. зам. Прокурора Союза ССР Вышинский во исполнение решения Политбюро сообщил, что по делу работников Сталинградского Металлургического завода (Западная Сибирь) [\[299\]](#) 15-го сентября Выездной Сессии Военной Коллегии Верхсуда СССР были приговорены: Саров, Латкин, Давыдов — к расстрелу; Дампель, Излер — к 10 годам лишения свободы и Регуш — к 2 годам лишения свободы; Черепанов был оправдан [\[300\]](#).

10 ноября 1934 г. заместитель наркома НКВД СССР Прокофьев сообщил Сталину, что в конце 1932 г. органами безопасности был привлечен для зарубежной работы Вайзер, направленный резидентом в гор. Харбин. Для связи с Хабаровском ему были переброшены два сотрудника и радиостанция, которая была установлена у него в квартире. Впоследствии живя в Харбине, Вайзер женился на литовке Бройде, имевшей большие связи в белоэмигрантских и японских кругах. С этого времени он прекратил радиосвязь с Хабаровском.

Особому Отделу УНКВД ДВК удалось выяснить, что Вайзер часто посещает квартиру секретаря японской военной миссии Суда. Выяснилось, что он завербован японцами и работает на них под псевдонимом «Орлов». Радиостанцию Вайзер продал японцам, сообщил им сведения о личном составе сотрудников органов безопасности и передал имевшийся у него шифр.

Вайзер был вызван на территорию СССР и 1 ноября арестован в Хабаровске. На допросе он рассказал, что в

апреле 1934 г. был завербован секретарем военной миссии в Харбине Суда, которому выдал все известные ему сведения, систематически информировал его о получаемых заданиях из Хабаровска, о продаже японцам радиостанции. Во исполнение заданий Суда Вайзер передавал органам безопасности СССР дезинформационные материалы.

Сталин на данном документе написал: «Кагановичу, Ежову (по контролю) Просьба проверить, как вербуют резидентов и кому даны права вербовать. Значит не все благополучно. Важно это выяснить — кто вербовал Вайзера и отвечает ли вербовщик за свою рекомендацию»<sup>[301]</sup>.

14 марта 1937 г. Ежов сообщил Сталину о том, что Управление НКВД по Дальневосточному краю вело следствие по делу сотрудников Владивостокской конторы японской транспортной фирмы «Сьосэн-Гуми», которые на протяжении ряда лет занимались на территории СССР шпионажем и нелегальными валютными операциями. Наиболее активную нелегальную шпионскую работу проводил заместитель заведующего этой конторы Такахаси (японский подданный).

Выяснить всю преступную деятельности этой конторы не представлялось возможным, так как Такахаси находился на свободе и перед каждым вызовом на допрос в УНКВД получал соответствующий инструктаж в японском консульстве гор. Владивостока. Так, с целью скрыть от следствия факты нелегальных валютных операций, Такахаси специально составил новые кассовые книги конторы за 1936 г. и представил их следствию как оправдательные документы. Между тем было точно установлено, что контора «Сьосэн-Гуми» организована на территории СССР для шпионской и незаконной валютной деятельности в пользу Японии.

4-го января 1937 г. Такахаси был задержан в момент получения шпионских материалов от завербованного им лица. При обыске этот материал был у него обнаружен, а сам он арестован. Однако на следующий день по настоянию НКВД он был освобожден. В интересах прекращения этой деятельности Ежов просил разрешить арестовать Такахаси. Сталин не возражал против этого предложения<sup>[302]</sup>.

5 мая 1937 г. Ежов сообщил Председателю Совета народных комиссаров СССР Молотову о том, что следствие по делу ликвидированных в течение 1933–1936 гг. на Сахалине шпионско-повстанческих организаций установило, что десятник японской угольной концессии на Сахалине, японско-подданный Каваси и управляющий Александровской конторой той же концессии японский подданный Баба Федесуки, являясь резидентами японской разведки вели активную деятельность по подготовке шпионской и диверсионной агентуры.

Арестованные в 1933 г. японские агенты Е. С. Федоров и И. М. Головин, показали, что они были завербованы Баба-Федесуки, причем Головин получил от последнего задание выехать в Ижевск для организации там шпионско-диверсионных и повстанческих ячеек. Участники ликвидированной в 1934 г. в Александровском районе Сахалинской области шпионско-повстанческой организации в процессе следствия показали, что вся их работа по подготовке повстанческих кадров и шпионажу проводилась под руководством Каваси.

В 1936 г. в том же районе была ликвидирована шпионско-повстанческая группа, участники которой показали, что Каваси обещал им, в случае вооруженного выступления против Советской власти, снабдить их оружием, которое должно прибыть с донской угольной

концессии в Дуэ. Собранные сведения о воинских частях и промышленных предприятиях участники этой группы передавали лично Каваси.

На основе этих материалов, Ежов просил разрешение на арест японских подданных Каваси и Баба-Федесуки. При этом он сообщал, что народный Комиссар по иностранным делам Литвинов согласия на арест этих лиц не дал и просил данный вопрос поставить в ЦК ВКП(б). Несмотря на возражение Литвинова, Сталин и Молотов поддержали предложение Ежова<sup>[303]</sup>.

20 сентября 1937 г. Ежов доложил Сталину телеграмму начальника УНКВД по ДВК Люшкова, согласно которой, осужденный в 1935 г. по приговору Верховного суда Рундан Климентий Петрович подал из лагеря заявление, в котором сообщал о преступлениях, совершенных сотрудниками Особого Отдела центра: Южного, Ризберга и Вильямса.

Рундан был доставлен с Колымы в Хабаровск и допрошен. В своих показаниях он сообщил, что с 1930–1934 гг. являлся закордонным агентом особотдела, постоянно проживал в Риге. Четыре раза переходил границу и встречался с Южным и Ризбергом.

Осенью 1931 г. и весной 1933 г. жена Южного в присутствии Ризберга и мужа передала Рундану письмо для майора польской армии Богажельского, проживавшего в Варшаве, Уязская аллея, 19. Рундан лично передавал ему два письма. В конце 1933 г. от закордонного агента Петерсона, сидевшего вместе с Рундан в Рижской тюрьме узнал, что Богажельский сотрудник польской разведки. Ссыпаясь на разговоры с Петерсоном, Рундан рассказал о связях Южного с двоюродным братом Малиновского, неким Краковым, который в 1930–1933 гг. официально приезжал в Москву.

Рундан считал виновными в провале агентуры в Европе, кроме Южного и Ризберга, также сотрудников НКВД Мазе-пус и Берлинскую. Находясь в Риге, он получал из Денцига от Кокса пакеты для переправки Южному и Ризбергу. Кокс по словам Петерсона немецкий агент.

Люшков считал, что Рундан польско-немецкий шпион, т. к. дважды арестовывался латвийскими властями за нелегальную связь с СССР и дважды освобождался, просил указаний о необходимости выслать арестованного в Москву<sup>[304]</sup>.

26 сентября 1937 г. Ежов доложил Сталину еще одну телеграмму начальника УНКВД по ДВК Люшкова. Он сообщал, что в результате проверки ряда ранее прекращенных следственных дел и учетных материалов было установлено, что арестованным участникам заговора в НКВД Западным, Шиловым, бывшим работником УНКВД по ДВК Торопкиным были прекращены следственные дела на Михайлова, Архангельского, Науменко, а также агентурная разработка «Зажи-гатели» по делу контрреволюционной организации в Удельском районе, вскрывающие троцкистскую шпионскую организацию в системе Примзолото.

Установлено, что Западный, Шилов, Торопкин и Грузда были тесно связаны с участником организации Гуслицером (управляющим трестом Примзолото) и прекращали дела по его указанию. Арестованные сотрудники Примзолото А. Н. Забелин и И. М. Михайлов называли участников организации: А. И. Гуслицера (Рез. Статина: арестовать), С. А. Кузьмицкого (Рез. Статина: арестовать), Г. П. Лыкова, Г. В. Армашева и Н. И. Усова.

В целях вскрытия всех связей организации также с участниками заговора в НКВД, Люшков просит санкцию на арест выше перечисленных лиц. А также арестовать



и направить в его распоряжение Гуслипера. (Рез. Статина: правитьно)<sup>[305]</sup>.

11 апреля 1938 г. А. Я. Вышинский сообщит И. В. Сталину и В. М. Молотову, что 7-го февраля 1938 г. пограничной охраной на Сахалине задержан японский подданный Кисима Исабуро<sup>[306]</sup>. На предварительном следствии он показал, что 1-го февраля был завербован для шпионско-диверсионной работы начальником полицейского поста Асасы и направлен на территорию СССР. При обыске у него обнаружена банка со стрихнином, который был предназначен для отравления воинской части РККА.

Вышинский просил разрешения следственное дело о Ки-сима передать в Военный Трибунал ОКДВА для судебного рассмотрения с применением к нему высшей меры наказания — расстрела. Сталин решил по-другому, он предложил «выслать мерзавца Кисима из пределов территории СССР с запрещением въезда в пределы СССР»<sup>[307]</sup>. Однако Политбюро ЦК ВКП(б) не согласилось с предложением Сталина. 26 сентября 1938 г. было принято решение предать японца Кисима Исабуро суду за шпионаж и опубликовать об этом сообщение в печати<sup>[308]</sup>.

21 августа 1938 г. Вышинский сообщил Сталину и Молотову, что 8-го июня 1938 г. из Маньчжоу-Го в СССР в районе Благовещенска японцами была переброшена вооруженная группа лиц. Приставшие к Советскому берегу р. Амур группа была врасплох захвачена погранотрядом, не успев оказать сопротивления.

Эта группа, созданная по заданию японской разведки в составе 16 человек (11 маньчжур и 5 корейцев), в ночь на 8 июня была погружена на шаланду, которую нанял начальник снабжения Сахалинского военного гарнизона японец Сязай. Хозяин шаланды Чан-Бао-Бан и 12 человек команды

согласились на их переброску, полагая получить обещанное высокое вознаграждение.

9-го июня на лодке через реку Амур переправился еще один участник этой группы Чен-Чжин-Шан, получивший от японской разведки задание поддержать версию, озвученную задержанными о переходе на территорию СССР с целью якобы скрыться от преследования за убийство японца.

Все задержанные сознались в переходе на территорию СССР с целью диверсий и шпионажа.

Вышинский считал целесообразным рассмотреть дело в открытом судебном заседании с применением к 17-ти бандитам и владельцу шаланды Чан-Бао-Нан высшей меры наказания — расстрела, а к команде шаланды — длительных сроков тюремного заключения<sup>[309]</sup>. Политбюро ЦК ВКП(б) 25 августа 1938 г. согласилось с этим предложением<sup>[310]</sup>.

3 января 1939 г. Вышинский сообщил Сталину, что 21 октября 1938 г. на участке Кумарского погранотряда в 10 км от ближайшего населенного пункта села Сухотина, в таежной местности пограничным нарядом были задержаны 15 нарушителей границы, переправившихся на шаланде через реку Амур из Манчжурии. В числе задержанных — 5 человек полицейских из маньчжурского поселка Хунхутун и одна женщина. Остальные 9 человек составляли команду шаланды. У нарушителей было 5 лошадей с седлами, 5 боевых винтовок «Росса», 2 берданы Ижевского завода, 245 винтовочных патронов, 39 берданочных патронов, компас, бинокль и др.

Установлено, что пятеро полицейских: У-Чун-Юн, Вы-Юин-Хэ, Вы-Сун-Ня, Вы-Гуй-Чен, Вы-Топу-Лин и женщина Ман-Зе были специально подготовлены японской разведкой для сбора шпионских сведений на территории СССР. В частности, им предлагалось собрать

сведения о расположенных на этом участке воинских частях, о населенных пунктах, о топографии местности.

Остальные 9 нарушителей во главе с владельцем шаланды Ен-Чин-Хуа выполняли роль переправщиков.

Предлагалось данное дело рассмотреть в закрытом заседании Военного Трибунала и приговорить: 6 человек: У-Чун-Юн, Вы-Юин-Хэ, Вы-Сун-Ня, Вы-Гуй-Чен, Вы-Тону-Лин, Ман-Зе и владельца шаланды Ен-Чин-Хуа — к расстрелу, команду шаланды — на длительные сроки лишения свободы. Шаланду конфисковать. Приговор опубликовать в местной печати<sup>[311]</sup>.

В дополнение к предыдущему письму 24 января 1939 г. Вышинский сообщил, что по его поручению военной прокуратурой 2-й отдельной Краснознаменной Армии была проведена специальная проверка всех следственных материалов этого дела. Первоначальные данные о принадлежности нарушивших границу полицейских к японской разведке, перебросившей эту группу на советскую территорию с заданиями шпионского характера, подтвердились. Осведомленность владельца шаланды и команды о намерениях переправленной группы следствием не доказана.

В связи с этим Вышинский полагал целесообразным разрешить вопрос о мерах наказания лишь в отношении задержанных шпионов, а определение мер наказания обвиняемым по этому делу — владельцу и команде шаланды предоставить на усмотрение суда<sup>[312]</sup>.

22 августа 1939 г. начальник УНКВД по Хабаровскому краю комиссар госбезопасности 3-го ранга И. Ф. Никишов сообщил в НКВД СССР о том, что в июле в районе 63-го погранотряда при нелегальном переходе границы были задержаны японские агенты: Трофимов Василий Андреевич, 1912 г. рождения, уроженец Еврейской автономной области, бежал в

Маньчжурию в 1933 г.; Рогач Иван Ефимович, 1914 г. рождения, уроженец Харбина и Хижин Леонид Алексеевич, 1916 г. рождения, уроженец Благовещенска, родители которого в 1919 г. эмигрировали в Харбин, где Хижин и воспитывался.

Все сознались, что в апреле этого года были завербованы представителями японской военной миссии в Харбине. В составе диверсионно-террористической группы, переброшены на территорию СССР с заданиями: совершить теракт против командарма Штерна, организовывать крушения воинских поездов и т. д. У одного из террористов при задержании изъято оружие — револьвер-наган с боевыми патронами, 2 винтовки со 120 боевыми патронами. Руководителю группы Трофимову были даны три явки на нашей территории.

13 февраля 1940 года военным трибуналом 2-й Отдельной Краснознамённой армии Трофимов, Рогач и Хижин были приговорены к расстрелу. 12 июля 1940 года Военная коллегия Верховного суда СССР заменила Рогачу и Хижину высшую меру наказания 10 годами лишения свободы<sup>[313]</sup>.

Во время Великой Отечественной войны Дальневосточная резидентура НГКБ СССР докладывала полученную информацию советскому руководству, которая имела большое значение, так как давала возможность с учетом ситуации на Западном фронте своевременно предпринимать соответствующие контрмеры в Дальневосточном регионе Советского Союза. Так, УНКГБ по Хабаровскому краю сообщало о фактах проведения боевой подготовки и разведывательной работы со стороны администрации и рабочих японских рыболовных участков, расположенных на территории края. На рыбозаводах японцы систематически проводили строевую

подготовку личного состава рабочих. В нее входили: перебежка, самоокапывание, прикладная гимнастика, сбор по тревоге и отработка приемов штыкового боя с использованием бутафорского оружия.

По сообщению Нижнеамурского областного управления НКГБ, японцы проявляли усиленный интерес к подразделениям пограничных войск, расположенным в районе арендуемых ими рыболовных участков на Охотском побережье. Расспрашивали о количестве бойцов, условиях жизни, связи между постами.

В годы войны была разоблачена группа лиц, подозреваемых в сотрудничестве с японскими спецслужбами. Особый интерес Управления контрразведки «Смерш» Забайкальского фронта вызвал старший переводчик разведотдела лейтенант Ли Гуй Лен, в силу своего положения хорошо знавший зафронтовую агентуру. В поведении и действиях переводчика не было ничего подозрительного. Однако изучив его биографию, контрразведчики обратили внимание на то, что участвовавшие провалы зафронтовой агентуры разведотдела штаба фронта совпадали с зачислением Ли Гуй Лена на службу в разведку. Еще больше укрепили подозрения советской контрразведки показания нескольких агентов-двойников, разоблаченных весной 1943 г., которые на допросах сообщили, что задержавшие их японские спецслужбы были поразительно хорошо информированы о содержании заданий, полученных ими в разведотделе.

В это время был арестован резидент японской разведки Де До Сунн, который 20 июня 1943 г. на допросе в УКР «Смерш» Забайкальского фронта показал, что сведения на 19 агентов советской военной разведки были получены им от Ли Гуй Лена, которого под псевдонимом «Лин» завербовал в 1932 г. 26

августа, после короткой оперативной игры, контрразведчики «Смерш» арестовали переводчика, который признался в своей шпионской деятельности.

Добытые в ходе оперативно-следственной разработки Де До Суна и Ли Гуй Лена материалы позволили раскрыть целую сеть шпионов, внедрённых японскими спецслужбами в зафронтовой агентурный аппарат разведывательных органов Забайкальского фронта. Ее масштабы поразили. Оказалось, что более половины всей зафронтовой агентуры разведотдела было перевербовано японцами.

Не лучше обстояли дела с негласными источниками, находившимися на связи у сотрудников разведывательных подразделений Дальневосточного фронта. Только за первое полугодие 1943 г. органами «Смерш» было разоблачено и арестовано 38 вражеских агентов. В их числе оказалось 28 закордонных источников разведотдела фронта, перевербованных японцами в период ходок в Маньчжурию.

Всего в 1942 г. и за первое полугодие 1943 г. военными контрразведчиками управлений «Смерш» Дальневосточного и Забайкальского фронтов было выявлено и разоблачено 66 шпионов, проникших в негласный аппарат разведывательных отделов этих фронтов. Кроме того, они установили, что еще 166 агентов, получив задание, ушли на территорию Маньчжурии и обратно не вернулись [\[314\]](#).

После разгрома Японии советскими органами госбезопасности был арестован бывший начальник японской военно-морской миссии в городе Сейсине капитан 1-го ранга Минодзума Дзюндзи. В ходе следствия были получены неопровержимые доказательства разведывательной деятельности Минодзумы против СССР. От него удалось получить сведения о структуре, формах и методах деятельности

японской разведки в целом и военно-морской в частности, личном составе и агентуре противника.

Выяснилось, что сбором разведданных о советских военно-морских силах на Дальнем Востоке он занимался еще в далекие 1920-е годы: «...начиная с 1922 г. я три года находился во Владивостоке для ведения разведывательной работы и практики русского языка. Для реализации этих задач мне удалось в качестве квартиранта войти в семью начальника штаба русского Тихоокеанского флота капитана 1-го ранга Насимова... Для того, чтобы войти в эту семью и вообще для того, чтобы иметь возможности для ведения разведывательной работы, мне пришлось перейти на положение гражданского лица, проживающего во Владивостоке в целях изучения русского языка. У меня была специальная разведывательная миссия. И я перешел на нелегальное положение, хотя я и оставался под фамилией Минодзума, выдавал себя за лицо гражданское, имея при этом на руках соответствующие, подтверждающие это документы. По инструкции я должен был собирать разведывательные данные о боевом составе Тихоокеанского флота и тактико-технических характеристиках кораблей, их дислокации, личном составе флота, учреждениях и учебных заведениях ВМФ, характере возводимых укреплений в порту и крепости Владивостока, дислокации частей Красной армии в Приморье, политико-экономическом положении СССР»<sup>[315]</sup>.

Во Владивостоке ему удалось завербовать большое количество людей из числа служащих различных учреждений, с помощью которых собирал ценные сведения военного, политического и экономического характера.

В 1925 г. он был арестован органами ОГПУ, но на следствии в принадлежности к японской военно-

морской разведке не признался. После освобождения из тюрьмы выехал в Токио. Через год он был назначен начальником русского отделения 3-го отдела ГМШ (главного морского штаба) и прослужил в этой должности пять лет. В 1935 г. его назначили на должность начальника сейсинской военно-морской миссии, где служил до разгрома Японии в 1945 г.

15 февраля 1947 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР Минодзума был приговорен к высшей мере наказания. 7 марта приговор был приведен в исполнение [\[316\]](#).



## **Выселение иностранных граждан с территории ДВК**

15 февраля 1937 г. народный комиссар внутренних дел Союза ССР Ежов за № 55820 сообщает в Политбюро, что Управлением НКВД по Западно-Сибирскому краю за последний год вскрыто ряд диверсионных шпионских и террористических организаций, созданных японской, германской и польской разведками на предприятиях Кузбасса, Томской железной дороге и прилегающих районах.

Так, в частности, по линии японской разведки на Осиновском руднике треста «Кузбассуголь» была ликвидирована организация в составе 25-ти человек, именовавшая себя «Народной партией» подготавливавшая осуществление диверсионных актов в момент начала войны. Один из руководителей организации — бывший офицер-колчаковец Грунько непосредственно был связан с японской разведкой и действовал по ее заданиям.

Бывшим белым офицером Ридзель была организована диверсионная группа в количестве 16-ти человек для проведения диверсионных актов на главных магистралях Сибирской железной дороги и Турксиб в момент начала военных действий.

В Управлении Томской железной дороги была ликвидирована шпионско-диверсионная организация, действовавшая по заданию японской и польской разведок.

Эти факты свидетельствовали о том, что японские разведывательные органы вели активную работу на территории Западно-Сибирского края, широко используя для шпионской и диверсионной деятельности иностранцев, которые, помимо подрывной работы на

предприятиях края, вели и контрреволюционную пропаганду среди рабочих и окружающего населения.

Практической ценности для народного хозяйства осевшие в крае иностранцы не представляли. В связи с этим Ежов предлагал выслать их из пределов СССР, а изобличенных в шпионской и диверсионной деятельности арестовать и предать суду [\[317\]](#).

13 марта 1937 г. Политбюро соглашается с этим предложением. При этом принимает решение отказать проживающим в Западно-Сибирском крае иностранцам (при продлении вида на жительство) в праве дальнейшего проживания в Западно-Сибирском крае.

В первую очередь предлагалось провести это мероприятие по отношению к германским, японским и польским подданным.

Иностранных подданных, изобличенных в шпионской и диверсионной деятельности, разрешалось арестовать и предавать суду.

Вопрос о проживании в Западной Сибири иностранцев, членов компартии и политических эмигрантов, имеющих национальные паспорта, предлагалось рассматривать индивидуально комиссией в составе: Стасовой, Агранова и Москвина (ИККИ) [\[318\]](#).

*Депортация корейцев* была одной из первых спланированных, организованных и тщательно контролируемых широкомасштабных акций.

До принятия постановления № 1428-326сс СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г., в Дальневосточном крае прошли несколько волн партийных чисток и репрессий, охвативший все эшелоны власти, включая партийный аппарат, армию, карательные и силовые органы, интеллигенцию и десятки тысяч простых трудящихся, а в ЦК поступали сведения о неблагополучном положении в корейских партийных организациях [\[319\]](#).

Провел операцию по депортации начальник Дальневосточного управления НКВД Г. С. Люшков, который перед этим назначением получил от И. В. Сталина инструктаж о депортации корейцев.

Следуя этим указаниям, в НКВД был сфабрикован краевой корейский повстанческий центр, который якобы готовил вооруженное восстание с целью отторжения ДВК от СССР. В целях оправдания незаконной акции депортации корейцев в ДВК незадолго до ее начала на полную мощь заработала пропагандистская машина, нагнетавшая атмосферу шпиономании. Старт ей дали две статьи, опубликованные в газете «Правда» от 16 и 23 апреля о японском шпионаже на советском Дальнем Востоке. В них подчеркивалось, что японские шпионы орудуют в Корее, Китае, Маньчжурии и Советском Союзе и что для шпионажа используются китайцы и корейцы, маскирующиеся под местных жителей.

Г. Н. Ким, исследуя процесс депортации корейцев в своих работах, отмечал, что Меморандум № 516 от 24 августа 1937 г. за подписью Ежова, адресованный Люшкову, — первый документ, раскрывающий действия НКВД по реализации директивы Сталина-Молотова. Директива в адрес Хабаровского и Приморского обкомов ВКП(б), облисполкомов и УНКВД, подписанная секретарем крайкома Варейкисом и начальником УНКВД по ДВК Люшковым в основном продублировала содержание меморандума, однако содержало ряд дополнений по организации выселения корейцев. Это касалось сроков исполнения, в меморандуме сказано к выселению приступить немедленно и закончить к 1 января 1938 года, а в директиве переселение начать с 25 октября и окончить 15 октября. Во-вторых, руководство по выселению корейского населения в районах возлагалось на тройку в составе: уполномоченного Далькрайкома ВКП(б),

уполномоченного Крайисполкома и уполномоченного УНКВД. В-третьих, конкретизировался порядок оценки оставляемого корейцами имущества и расчетов с ними. И, в-четвертых, предписывалось все сведения о ходе выселения доносить крайкому и крайисполкому каждую пятидневку.

По образцу областных троек по переселению корейского населения были образованы районные тройки и кустовые тройки по месту проживания корейцев. Низовые тройки несли всю тяжесть исполнения операции, районные и областные регулярно проводили расширенные заседания, на которые приглашались руководители всех ведомств: армии, транспорта, сельского хозяйства, финансов, телеграфнопочтовой связи, общественного питания, здравоохранения, культуры, образования и т. д., однако среди них не было ни одного приглашенного представителя корейской национальности.

По плану депортации корейцев из ДВК устанавливались «три очереди», причем первая очередь указывалась уже в сталинско-молотовском постановлении от 21 августа 1937 г.: «Выселение начать с Посьетского района и прилегающих к Гродеково районов». Вторую и третью очередь краевое руководство определило после принятия в начале сентября ряда постановлений СНК СССР о «переселении корейцев» без упоминания о пограничных районах, руководствуясь при этом критерием удаленности районов выселения от внешних границ и хронологией исполнения.

Соответственно установленным очередям выселения краевая и областные тройки на своих расширенных заседаниях разработали план-график погрузки эшелонов и их отправки, утвердили пункты сбора выселяемых и ожидания эшелонов, железнодорожные станции и разъезды отправления.

Основная работа в исполнении операции осуществлялась на районном уровне и проводилась по следующим направлениям:

1. учет корейского населения и составление списков;
2. разработка и исполнение плана-графика выселения;
3. составление и обеспечение плана-графика мобилизации автомобильного и гужевого транспорта для подвозки в пункты сбора и отправки;
4. организация учета и оценки оставляемого имущества и подготовка документов для расчетов с корейскими колхозниками и единоличниками и т. д.

Каждому эшелону присваивался литерный номер, указывалось место погрузки и время отправки. Эшелоном руководил его начальник, которому подчинялись старшие по вагонам из числа проверенных корейцев. Анализ архивных документов дает следующие обобщенные сведения относительно технической стороны осуществления перевозки: Эшелон состоял в среднем из 50 людских вагонов, одного «классного» (пассажирского), одного санитарного, одного кухни-вагона, 5-6 крытых грузовых и 2-х открытых платформ. Товарные вагоны для перевозки груза и скота наспех оборудовались двухъярусными нарами и печкой-буржуйкой. В одном вагоне перевозились 5-6 семей (25-30 человек). Время следования в пути из ДВК до станций разгрузки в Казахстане и Узбекистане занимало 30-40 дней.

Подготовка и проведение депортации включали в себя строжайший, постоянный, всеохватывающий контроль как по вертикали партийных, карательных и других государственных органов, так и по территориальной горизонтали всего края.

При учете корейского населения отнимали паспорта, конфисковали охотничье и другое

огнестрельное оружие.

Слежка и надзор в ходе выселения устанавливались не только за корейцами, но и за всем населением ДВК, невзирая на национальную, партийную и социальную принадлежность.

В ходе выселения корейского населения с формулировками «мягкотелость, халатность, недисциплинированность, нераспорядительность, политическая близорукость, за срыв..., проявленные ошибки» и пр. сотни коммунистов лишились партбилетов, номенклатурные чиновники своих должностей, из которых многие были арестованы и отправлены в ГУЛАГ. Вышеупомянутый Ким Г. Н. приводит пример решения бюро Далькрайкома от 10 сентября 1937 г. «за срыв сроков первой очереди погрузки корейцев в эшелоны был снят с работы и предан суду первый секретарь Посъет-ского райкома партии Сенько, объявлены строгие выговоры ряду краевых и областных руководителей, предупреждены областные и районные тройки по выселению, что в случае невыполнения в срок решений Цека о выселении корейцев и несвоевременной подготовки к переселению будут приняты суровые меры».

10 сентября 1937 г. из Хабаровска от Варейкиса на имя Сталина и Молотова была отправлена шифртелеграмма в которой сообщался расчет необходимых средств для переселения 11.800 семей колхозников и единоличников корейцев из ДВК. Всего для их переселения требовалось 42.150.000 руб. [\[320\]](#)

На следующий день, 11 сентября 1937 г. Сталин в своей шифртелеграмме на имя Варейкиса, Блюхера и Люшкова пишет, «что выселение корейцев — дело вполне назревшее. Возможно, что мы несколько опоздали с этим делом. Но если это верно, тем быстрее надо провести выселение, особенно, с южных районов

Посьета. Предлагаем принять каждому из Вас по своей области строгие и срочные меры по точному исполнению календарного плана выселения. Людей, саботирующих дело, кто бы они не были, арестовывать немедленно и наказывать примерно. Арестуйте не только Вольского, но и десятки Вольских. Передайте Друскису, что над ним будет учинена примерная расправа, если он не проявит должной исполнительности и дисциплинированности»[\[321\]](#).

Выселение Корейского населения проводилось с целью пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК.

Выселяемым разрешалось брать с собой имущество, хозяйственный инвентарь и живность. Им возмещалась стоимость оставляемого ими движимого и недвижимого имущества и посевов. При желании выехать за границу корейцам не чинились препятствия, допускался упрощенный порядок перехода границы.

В Казахской ССР и Узбекской ССР планировались мероприятия, обеспечивающие оказание необходимого содействия переселяемым.

Ход выселения корейцев брался под контроль партийных органов.

Планировалось после выселения корейцев увеличения пограничных войск на три тысячи человек для уплотнения охраны границы в районах, из которых переселялись корейцы. При этом разрешалось размещать пограничников в помещениях, оставляемых корейцами[\[322\]](#).

Ценой горя целого народа, невероятных людских усилий, тяжелых для государства затрат; под страхом быть наказанным за нерасторопность и отсутствие рвения; при страстном желании партийно-бюрократических и карательных органов отрапортовать вождю о досрочном исполнении его указания

совершилось насильственное, тотальное и форсированное выселение корейцев из Дальневосточного края.

Нач. ПОДОР Дальневосточной железной дороги Кудрявцев 18 октября 1937 г. направил шифртелеграмму в Москву И. В. Сталину, наркому НКВД Н. И. Ежову и наркому НКПС А. В. Бакулину с сообщением, что перевозка корейцев в основном выполнена. Осталось отправить последние пять эшелонов.

Сообщалось об успехах НКПС в проведении работы по перевозке корейцев и о неправильном поведении отдельных работников НКВД по Приморью. Указывалось, что сотрудники НКВД Савцов и Гриднев в недопустимой форме обращались с рабочими и командирами, всячески их ругали. Кудрявцев просил заменить этих работников, один из которых даже на собрании обозвал хорошего работника всякого рода эпитетами.

Одновременно сообщалось, что с Дальнего Востока в Москву идут поезда с рыбой, которые ведут стахановцы. Их прибытие планируется ко дню Октябрьской революции.

Пользуясь случаем Кудрявцев просил Сталина помочь в неотложном деле. В связи с тем, что на дороге около 200 вагонов в одну обшивку занято под жилье он просил разрешить занять часть жилья выселенных корейцев, хотя бы переселить из вагончиков семейных людей с детьми. Крайком ему в этой просьбе отказал.

Сталин разрешил «железнодорожникам Дальвостжелдороги занять часть фана-домиков, освобожденных корейцами. Работников НКВД Савцова и Гриднева арестовать»<sup>[323]</sup>.

25 октября 1937 г. Нарком внутренних дел СССР Ежов докладывал в Кремль, что выселение корейцев из



ДВК закончено 36 442 семьи, насчитывающие 171 781 человек, в рекордные сроки вывезены в Казахстан и Узбекистан. Остальное корейское население с Камчатки и других отдаленных районов, находящееся в рыболовецкой путине, командировках и т. д., предполагалось вывести сборным эшелоном до 1 ноября 1937 г.

Партийно-правительственное постановление от 21 августа 1937 г. о переселении корейцев обязывало Совнаркомы Казахской ССР и Узбекской ССР немедленно определить районы и пункты вселения и наметить мероприятия, обеспечивающие хозяйственное освоение на новых местах, оказав им нужное содействие. Высшее руководство республик было поставлено в известность о принятой крупномасштабной операции без какого-либо предварительного обсуждения. 23 августа секретарь ЦК КПК(б) Л. Мирзоян впервые ознакомил членов бюро с содержанием сталинско-молотовского постановления, и было принято решение о создании специальной комиссии по приему и размещению корейских переселенцев во главе с председателем СНК Казахстана У. Исаевым. Такая же комиссия была создана в Узбекистане, ее возглавил председатель СНК республики Д. Курбанов.

Однако фактическое оперативное руководство было возложено на органы НКВД в лице Гильмана в Казахстане и Апресяна в Узбекистане, наделенных мандатом уполномоченных СНК по расселению и устройству корейцев. Все распоряжения уполномоченных были обязательными для всех наркоматов и ведомств, и специально созданных областных комиссий по приему и размещению переселенцев.

Первые эшелоны из Дальневосточного края стали прибывать в Казахстан в конце сентября, а в Узбекистан чуть позднее. Ни в Казахстане, ни в Узбекистане

принять и устроить такое большое количество людей не были готовы. По ходу депортации число корейских хозяйств, подлежащих приему и размещению, выросло на 30-40 процентов по сравнению с первоначально указанной цифрой, менялись регионы, области и районы вселения и количественное распределение переселенцев, что создавало дополнительные трудности в их обустройстве.

Представляет интерес меморандум № 28519 от 26 августа 1937 г. начальника Хабаровского УНКВД Люшкова наркому НКВД СССР Ежову, в котором он докладывает, что имеющимися местными силами осуществлять охрану, конвоирование и сопровождение эшелонов с корейцами не может. Поэтому просит разрешить призвать на 3-месячную подготовку 100 человек из запаса УГБ и войск НКВД и 300 человек приписного состава милиции.

19 сентября 1937 г. Н. И. Ежов направил И. В. Сталину копию телеграммы Г. С. Люшкова об операции по выселению корейцев из Дальневосточного края, в которой он докладывал о крушении эшелона. В результате следствия по делу крушения эшелона корейцев был арестован машинист поезда Барахтин и главный кондуктор Романов, которые сознались в совершении ими крушения. Романов показал, что в 1934 г., работая на Сахалине на нефтяных концессионных промыслах, был завербован для работы в пользу японцев геологом Лаутенштрегер. В 1935 г. по его заданию перешел на работу на железную дорогу с целью шпионажа и выяснения возможных точек диверсионной работы. Был связан с начальником станции Дормидонтовка Колодцуком, который, привлёк его к троцкистской организации и дал задание произвести крушение поезда с выселяемыми корейцами. Затем оттягивать вывоз, ссылаясь на дезорганизацию движения.

В процессе следствия была выявлена целая организация японских шпионов. Один из японских шпионов Вольский показал, что будучи на ответственном руководящем посту в крае, он всеми мерами содействовал заселению Приморья корейцами и полному экономическому захвату этого региона. Подбирал для этого соответствующие кадры националистически настроенных корейцев на ответственные посты. Обсуждался вопрос о выделении корейских районов в автономную область.

Выяснилось, что очень большую роль играл приезд Рыкова на Дальний Восток в 1936 году. Вольский назвал это генеральной инспекционной поездкой представителя объединенного центра в Москве перед осуществлением планов заговора в союзе с японцами.

Несмотря на свое исключение из партии за связь с врагами народа, Вольский встречаясь с хорошим отношением к себе в Крайкоме ВКП(б), продолжает оставаться на посту исполняющего должность Председателя Крайкома.

Люшков писал, что еще летом, когда Вольский вернулся с Камчатки, он в связи с арестами Крутова и других, поставит перед Варейкисом вопрос о неудобстве оставления его на посту зам. Председателя Крайисполкома, но, мотивируя своей близостью с арестованными, Варейкис ответит: «Сидите и работайте, мы Вам доверяем». Вольский был удивлен такой неожиданной поддержкой, так как не только не думал о сохранении поста, но и побаивался разоблачения и ареста.

Люшкова не удовлетворяла деятельность партийных органов. Так он поставил вопрос на открытом заседании бюро крайкома ВКП(б) о саботаже переселения и неудовлетворительном руководстве Варейкиса этой важной операцией. По его настоянию был исключен из партии секретарь Посьетского

райкома ВКП(б) за саботаж, объявлен строгий выговор за бездействие и срыв погрузки секретарю Приморского обкома ВКП(б) и председателю облисполкома и выговор Друскису.

При этом Варейкис долго возражал против этих мероприятий, но вынужден был согласиться. Люшков считал необходимым подробно остановиться на этих обстоятельствах<sup>[324]</sup>.

25 октября 1937 г. Н. И. Ежов докладывал Сталину, что ответственное задание партии и правительства успешно выполнено, выселение советских корейцев из ДВК закончено досрочно. 19 декабря 1937 г. согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) за образцовое и четкое выполнение ответственного задания Правительства по перевозкам была объявлена благодарность начальнику УНКВД Дальневосточного края т. Люшкову Г. С., всему коллективу сотрудников УНКВД Дальне-Восточного края и всем работникам Дальне-Восточной железной дороги, участвовавшим в выполнении этого задания<sup>[325]</sup>.

1 февраля 1938 г. в целях усиления охраны государственной границы СССР с Японией, Кореей, Манчжурией и Монгольской Народной Республикой, а также установления особого режима на территории СССР, прилегающей к указанной границе, ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили:

«Поручить НКВД СССР иностранцев, не имеющих ни советских, ни иностранных паспортов, из пределов Дальневосточного края, Читинской области и Бурято-Монгольской АССР выселить, а всех подозреваемых в шпионской, диверсионной или другой антисоветской деятельности арестовать и дела их рассмотреть в существующем внесудебном порядке на тройках, независимо от заявленного репрессированными подданства»<sup>[326]</sup>.

*Выселение китайцев.* 5 марта 1938 г. Политбюро принимает решение по предложению китайского посольства о переселении китайского населения с Дальнего Востока в Синьцзян, Казахстан и некоторые районы Западной Сибири. Осуществление этого решения поручалось НКВД по согласованию с НКВД (для возможного учета пожеланий китайского правительства и придания этому переселению добровольного характера)<sup>[327]</sup>.

Нарком НКВД Литвинов 27 февраля 1938 г. сообщит Сталину, что китайский поверенный Юй-Мин занимая дружественную позицию к СССР, обратился с просьбой принять меры к урегулированию вопроса о положении китайских граждан на ДВК, в связи с массовыми их арестами. Он допускал, что по мере укрепления своего влияния на Дальнем Востоке СССР заинтересован в выселении китайских граждан, находящихся там. Юй-Мин предлагал переселить китайцев в другие районы СССР, где бы они могли заниматься сельским хозяйством. При этом предлагал переселять китайцев не на север где холодно, а по возможности в Западную Сибирь.

НКВД считал, что такому переселению могли подлежать только те китайцы, в отношении которых не имелись данные об их шпионской или другой преступной деятельности. Предлагалось так же продумать о выселении некоторой части китайцев, которые этого захотят в Синьцзян<sup>[328]</sup>.

10 ноября Политбюро принимает решение выселение китайцев прекратить, допуская переселение в Синьцзян только тех китайцев, которые изъявят добровольное желание. При этом предлагалось оказывать им полное содействие в реализации ими своего имущества, оформлении документов, доставке

на станцию железной дороги, в исключительных случаях оказание материальной помощи.

Китайцев, проживавших на территориях запретных пограничных зон и укрепрайонов, в том случае если они не изъявляют желание выехать в Синьцзян расселить за пределами этих районов на территории края. Арестованных китайцев, исключая осужденных и обвиняемых в шпионаже, активной диверсии и терроре из-под стражи предлагалось освободить и выселить в Синьцзян, вместе с их семьями и имуществом.

В дальнейшем массовые аресты китайцев прекратить. Аресты производить только при наличии достаточных данных, изобличающих их в контрреволюционных или уголовных преступлениях. Эти дела должны были направляться в судебные органы. [\[329\]](#)

4 ноября Ежов сообщил Сталину о том, что китайское посольство в Москве поставило перед НКВД вопрос о досрочном освобождении из мест заключения китайских подданных, осужденных на разные сроки, состав преступления которых не содержит тяжких нарушений законов СССР. По данным посольства таких заключенных в различных городах СССР имелось около 400 человек.

Ежов считал целесообразным дать согласие китайскому посольству на выдворение из пределов Советского Союза в Синьцзян через особое совещание при НКВД СССР китайских подданных, осужденных за спекуляцию, мелкую контрабанду, валютные операции, содержание опиокурилен и продажу наркотиков, бытовые преступления (там, где санкция не свыше пяти лет), антисоветскую агитацию. Всех этих лиц после решения Особого Совещания можно было направить в Синьцзян с упрощенным оформлением выезда [\[330\]](#).

10 ноября Политбюро дает свое согласие на это предложение [\[331\]](#).

## **Проведение операции в отношении харбинцев**

19 сентября 1937 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) был утвержден проект закрытого письма НКВД СССР и приказ о мероприятиях в связи с террористической диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из так называемых харбинцев (бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов из Маньчжоу-Го). Они еще не были своими, но уже и не были и иностранцами.

Согласно оперативному приказу НКВД СССР № 00593 органами безопасности было учтено до 25.000 харбинцев, осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза.

Агентурно-оперативные материалы показывали, что выехавшие в СССР харбинцы в подавляющем большинстве состояли из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т. п.

В подавляющем большинстве они являлись агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности.

Ежов приказал с 1 октября 1937 г. приступить к операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности.

«2. Аресту подлежат все харбинцы:

а) изобличенные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности;



б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнослужащие разных белых формирований;

в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.);

г) участники троцкистских и правых формирований, а также все харбинцы, связанные с деятельностью этих антисоветских формирований;

д) участники разных эмигрантских фашистских организаций ("Российский общевойсковой союз", "Союз казачьих станиц", "Союз мушкетеров", "Желтый Союз", "Черное кольцо", "Христианский союз молодых людей", "Русское студенческое общество", "Братство русской правды", "Трудовая крестьянская партия" и т. д.);

е) служившие в китайской полиции и войсках как до захвата Манчжурии японцами, так и после образования Манчжоу-Го;

ж) служившие в иностранных фирмах, прежде всего японских, а также белогвардейских (фирма Чурина и друг.);

з) окончившие в Харбине известные курсы "Интернационал", "Славия", "Прага";

и) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.);

к) нелегально въехавшие в СССР без установленных по закону советских документов;

л) принимавшие китайское подданство, а затем переходившие в советское гражданство;

м) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием и т. п.;

н) участники контрреволюционных сектантских группировок.

3. Аресты произвести в две очереди:

а) в первую очередь арестовать всех харбинцев, работающих в НКВД, служащих в Красной армии, на

железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности;

б) во вторую очередь — всех остальных харбинцев, работающих в советских учреждениях, совхозах, колхозах и проч.

4. Харбинцев, не подпавших под перечисленные в пункте второй категории, независимо от наличия компрометирующих данных, немедленно удалить из железнодорожного, водного и воздушного транспорта, а также из промышленных предприятий, приняв одновременно меры к недопущению впредь на эти объекты.

5. Следствие по делам арестованных харбинцев развернуть с таким расчетом, чтобы в кратчайший срок полностью разоблачить всех участников диверсионно-шпионских и террористических организаций и групп.

Выявляемую в процессе следствия харбинцев новую сеть шпионов, вредителей и диверсантов — немедленно арестовать.

6. Всех арестованных харбинцев разбить на две категории:

а) к первой категории отнести всех харбинцев, изобличенных в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежат расстрелу;

б) ко второй категории — всех остальных, менее активных харбинцев, подлежащих заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 8 до 10 лет.

7. На харбинцев, отнесенных в процессе следствия к первой и ко второй категории, — ежедекадно составлять альбом (отдельная справка на каждого арестованного) с конкретным изложением

следственных и агентурных материалов, определяющих степень виновности арестованных.

Альбом направлять в НКВД СССР на утверждение.

Отнесение арестованных харбинцев к 1-й и 2-й категориям производится на основании агентурных и следственных данных — Народным Комиссаром Внутренних дел республики — начальником УНКВД, области или края, начальником ДТО УГБ НКВД, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги.

8. После утверждения списков НКВД СССР и прокурором Союза приговор приводить в исполнение — немедленно.

9. Освобождение из тюрем и лагерей ранее осужденных харбинцев, отбывающих наказание за шпионаж, диверсию и вредительство, — прекратить.

На этих лиц представить материалы для рассмотрения на Особом совещании НКВД СССР.

10. Операцию по харбинцам использовать для приобретения квалифицированной агентуры, приняв меры к недопущению в секретный аппарат двойников.

11. Операцию закончить к 25 декабря 1937 года.

12. В отношении семей репрессированных харбинцев руководствоваться моим приказом 00486 от 15 августа 1937 года».

О ходе операции Ежов приказал докладывать ему по телеграфу каждые пять дней (5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца)<sup>[332]</sup>.

По отчетным данным, на 10 сентября 1938 г. было рассмотрено дел на 30.938 харбинцев. Из них было осуждено к расстрелу 19.312, к другим мерам наказания 10.669, передано в суды 251 чел.; возвращено на доследование на 796 чел.

## Разоблачение японской агентуры в органах НКВД

Особо ценным всегда считалось проникновение агентуры в разведывательные и контрразведывательные органы противника с тем, чтобы выявлять формы и методы деятельности противника, направления работы, выявление объектов заинтересованности. Особенно важно это было в преддверии военных действий для того, чтобы вскрывать истинное положение дел, особенно в части военных приготовлений и для снабжения противника дезинформацией.

Преследуя цели создания разведывательных позиций на территории советского Дальнего Востока, японцы смогли внедриться в спецслужбы СССР.

*Дело Кима.* 21 мая 1937 г. НКВД СССР сообщило Сталину об аресте Кима Романа Николаевича. В ходе следствия было установлено, что в 1922 году Ким был завербован японским генеральным консулом во Владивостоке — резидентом японского генерального штаба Ватанабе, по заданию которого он поступил на службу в органы ОГПУ-НКВД с разведывательными целями. Ким на протяжении последних двенадцати лет поддерживал в Москве связь с японскими разведчиками (военные атташе, работники посольства), которым систематически передавал шпионские материалы по вопросам, связанным с контрразведывательной работой ОГПУ-НКВД против японцев.

Было установлено, что Ким, участвуя с 1932 г. в технических операциях по выемкам документов, из сейфов японского военного атташата в Москве, проводил их по предварительной договоренности с японцами и таким образом снабжал органы ОГПУ-НКВД

дезинформационными материалами. Ким по национальности японец, был сыном бывшего японского посла в царской России. Он скрывал это, выдавая себя за корейца [\[333\]](#).

19 мая 1937 г. арестованный Ким Роман Николаевич, 1899 г. рождения, уроженец гор. Владивостока, гр. СССР, беспартийный, старший лейтенант государственной безопасности подтвердил факт своего внедрения в органы ОГПУ-НКВД японским Генеральным штабом для ведения разведывательной работы.

Будучи агентом негласного представителя японского Генерального штаба Ватанабе, осуществлявшего функции японского генерального консула в гор. Владивостоке, Ким внедрился вначале в негласный, а впоследствии в 1932 г. и в гласный аппарат ОГПУ-НКВД. Таким образом, находясь на руководящей оперативной работе, он занимался разведывательной работой в пользу Японии вплоть до своего ареста.

Настоящая фамилия Кима была Мотоно Кинго. Ким был внебрачным сыном японского дипломата Мотоно-Ичиро, бывшим послом в России в годы империалистической войны и впоследствии министра иностранных дел при кабинете Ямомото. Мотоно-Ичиро умер в 1928 г.

Образование Ким получил в японском императорском лицее, который закончил в 1917 г. В этот лицей принимались только привилегированные лица (самураи и дети дворян). Благодаря влиянию своего отца — Мотоно, Киму удалось туда поступить. В лицее он официально значился как «Саори-Кинго», так как под фамилией Мотоно ему неудобно было фигурировать. Саори — это имя жены Мотоно. В 1917 г. по окончании лицея Ким по традиции семьи Мотоно должен был держать экзамен на дипломата, тем более,

что окончившие лицей могли держать экзамен с сокращенными требованиями. По окончании лицея Ким выехал в Россию, где получил высшее образование.

В гор. Владивосток он приехал в 1917 г., поступил в Восточный институт, впоследствии реорганизованный в университет, который закончил в 1923 г. Ватанабе, знавший Кима с детства, привлек его к разведывательной работе. Таким образом, желание специализироваться по филологии не осуществилось, Ким стал японским разведчиком.

При помощи японского консульства он освободился от военной службы у белых. Генконсул Ватанабе в одной из бесед сказал, что Ким теперь у него в долгу. В декабре 1922 г. Ватанабе встретился с Кимом и заявил, что он должен свои знания япониста использовать в целях внедрения в аппарат Приморского ГПУ тем самым, принеся пользу Японии, и отплатив ему долг. Ватанабе в свою очередь обещал Киму свою помощь по части карьеры. Это предложение Ватанабе — негласного резидента Японского генерального штаба Ким принял.

В целях выполнения поручения генконсула Ватанабе, Ким примерно в середине марта 1923 г. встретился с Богдановым — своим товарищем по университету, работавшим в Приморском ГПУ и попросил его устроить на работу в органы государственной безопасности. Богданов предложил Киму взять на себя функции секретного агента Приморского ГПУ и заниматься освещением японской колонии во Владивостоке. Ким согласился. После переговоров на квартире у Богданова было оформлено его секретное сотрудничество соответствующей подпиской.

После своей вербовки Ким встретился с Ватанабе и доложил о состоявшейся договоренности с Богдановым. Ватанабе это сообщение принял с удовлетворением. Он

заявил, что до закрепления отношений с Приморским ГПу Ким не должен совершать таких шагов, которые нарушили бы создавшиеся перспективы внедрения в аппарат ОГПу. Ватанабе вскоре после этого уехал, и Ким его больше не встречал.

Работа в Приморском ГПу длилась не долго, так как в апреле 1923 г. намечалась его поездка в Москву в качестве секретаря Отаке. Отаке являлся негласным резидентом Японского генерального штаба. Его разведывательная деятельность проводилась под прикрытием японского телеграфного агентства «Тохо», представителем которого он являлся.

В апреле 1923 г. к Киму по поручению Отаке явился японец Хироока, с которым он ранее работал в японском телеграфном агентстве «Тохо» и предложил ехать в Москву в качестве секретаря Отаке. Сообщив об этом предложении представителю Приморского ГПу — Богданову и получив санкцию на отъезд в Москву, Ким заявил Хироока, что согласен принять это предложение. После чего Хироока вручил ему 2.000 рублей золотом на расходы по поездке. Накануне отъезда Ким посетил японское генеральное консульство, где получил охранную грамоту.

Кима приняло доверенное лицо Ватанабе Вакаса — секретарь консульства (во время интервенции ходил в офицерской форме). Вакаса заявил, что Ватанабе в вопросе внедрения в органы ОГПу возлагает на Кима большие надежды.

До Читы Ким ехал самостоятельно, а в Чите встретился с Отаке, который ехал через Манчжурию. Далее до Москвы они следовали вместе.

Остановились в Москве вначале в помещении гостиницы «Княжий двор». Затем по поручению Отаке Ким купил квартиру на Трифоновской улице (возле Лазаревского кладбища), где и стал проживать.

При отъезде еще во Владивостоке Богданов в беседе с Кимом заявил, что в Москве с ним будет установлена связь представителями ОГПУ. Действительно после своего прибытия в Москву, из ОГПУ ему позвонили по телефону и предложили явиться к Большому театру. В назначенное время состоялась встреча, на которой Ким восстановил связь с 5 контрразведывательным отделением ОГПУ. Представитель ОГПУ, с которым он начал работать являлся оперативным работником Шпигельглазом.

Работая в качестве секретаря Отаке, Ким одновременно поддерживал негласную связь с ОГПУ. В целях завоевания авторитета и доверия перед последними по предварительной договоренности с Отаке, он представлял в ОГПУ освещение его деятельности.

Преследуя цель внедрения в органы ОГПУ, он с согласия Отаке выдал ряд его связей: Попова М. Г., впоследствии расстрелянного за шпионаж; Шенберга бывшего секретного сотрудника КРО, двойственную роль которого Ким «разоблачил» перед органами ОГПУ; японского коммуниста Ко-дама, бежавшего в Японию через финляндскую границу и пр. Все это предпринималось по согласованию с Отаке для того, чтобы создать благоприятные условия и предпосылки внедрения Кима в аппарат ОГПУ.

Впервые с Кимом, как с агентом японской разведки была установлена связь в 1925 г. полковником Сасаки Сейго, прибывшим в Москву после возобновления дипломатических отношений Японии с СССР. Он в то время являлся 2-м секретарем Японского посольства. С ним Ким впервые встретился и впоследствии систематически виделся на квартире Отаке. Сасаки первое время особенно интересовался вопросом отношений Кима с ОГПУ и подробно расспрашивал о том, как идет его продвижение.



В одной из бесед Сасаке передал Киму привет от Ватанабе, предложил аккуратно доносить в ОГПу по всем тем вопросам, какие его интересуют, всемирно добиваясь доверия. Вместе с тем он рекомендовал действовать с чрезвычайной осторожностью и не предпринимать что-либо, что могло нарушить и свести на нет намеченный план внедрения в органы ОГПу, так как Японский генеральный штаб на Кима возлагал большие надежды. Сасаке преподал линию поведения, сводящуюся к тому, чтобы Ким с максимальной осторожностью закреплял свое положение в ОГПу.

Ким в свою очередь информировал Сасаки о характере отношений с ОГПу и той работе, которую он вел по заданию ОГПу, сказав, что ему удалось создать благоприятные условия для выполнения задач, поставленных перед ним Генеральным штабом. Ким был связан с полковником Сасаки с 1925 по 1927 гг.

Установки, которые были даны резидентами японского генерального штаба Отаке и Сасаки, в интересах внедрения Кима в контрразведывательный аппарат ОГПу в значительной мере облегчили выполнение поставленной перед ним задачи. Его деятельность, как секретного сотрудника КРО ОГПу, внешне казавшейся безупречной, «инициатива», проявленная в деле освещения Отаке и т. ц., безусловно, способствовали укреплению его доверия у оперативных работников ОГПу, с которыми он поддерживал связь. В результате Ким постепенно стал продвигаться. Ему стали поручать ответственную и строго секретную работу. Так, в 1927 г. он был привлечен Спецотделом для работы над шифрами, а в 1928 г. стал штатным переводчиком ОГПу, так как к этому времени началась систематическая перлюстрация японской дипломатической почты. В этом же году он стал принимать участие в особо секретных операциях по японской линии. И, наконец, в 1932 г. его

перевели в гласный аппарат ОГПУ на руководящую контрразведывательную работу по японской линии. В результате основная задача, поставленная перед Кимом японским Генштабом, была достигнута.

Впервые с японским военным атташом он установил организационную связь в 1927-1928 гг. Она была установлена с военным атташе Комацубаро на даче у Юхаси. Этому предшествовал телефонный звонок от Юхаси, который пригласил его к себе на дачу на ст. Удельная (Юхаси работал в Японском посольстве секретарем-переводчиком).

С Комацубаро у Кима было всего две встречи. Во время бесед он сообщил ему о своем положении в ОГПУ, чем тот был вполне удовлетворен. Ему же была предоставлена информация о характере работы в ОГПУ, за исключением факта перлюстрации дипломатической почты. В этот период времени Киму еще не было известно, что органами ОГПУ производятся технические выемки из сейфов Японского военного атташата.

Комацубаро предложил Киму соблюдать крайнюю осторожность, добиваясь своего внедрения в контрразведывательную часть ОГПУ, непосредственно занимающуюся делами по японцам.

В 1930-1931 гг., после отъезда Комацубаро, Ким установил связь с его преемником Касахара, которого информировал о дальнейших перспективах своего продвижения в ОГПУ.

Дальнейшая активная разведывательная работа в пользу Японии началась с лета 1932 г., когда Ким был выдвинут в ОГПУ на руководящую оперативную работу. С этого времени, установилась связь с помощником Японского военного атташе Ямаока и поддерживалась в течение 1932 и 1933 гг. Встречи с ним, как и с его предшественниками, происходили редко (их было всего три). Объясняется это тем, что он максимально хотел сохранить Кима от угрозы провала, которая могла

последовать в результате частых явок. Ким и Ямаока встречались у здания «Межрабпомфильм», около Петровского парка. При появлении Кима на месте встречи Ямаока, видя его, шел вперед в лес и там ожидал.

Организовывались встречи следующим образом. В день встречи, Киму на службу звонила женщина, что-то говорила, затем трубка вешалась и спустя некоторое время снова звонок. Мужской голос говорил по-английски — «Пять часов» или «Шесть часов» и т. д., а потом: «Это что, больница? Ах, нет, извините». По предварительной договоренности с Ямаока надо было считать всегда на 3 часа позже времени, назначенного по телефону.

Ямаока просил Кима представить дислокацию войск ГупВС, сообщать о предстоящих агентурных комбинациях против японцев, вести в контрразведывательной работе по японцам такую линию, чтобы отвлечь внимание от японцев, занимающихся разведывательной работой. В дальнейших встречах с преемниками Ямаока эти указания пополнялись и уточнялись.

Ким припомнил 3 факта, которые особенно занимали Ямаока: это какие комбинации намечались против японцев в Манчжурии; за кем из японцев и русских, связанных с ними (т. е. агентурные разработки), велось наблюдение, где находился арестованный Иван Перекрест и кто по его делу был еще арестован.

В состоявшихся беседах Ямаока говорил Киму о том, что японцы хотят, чтобы он сделал большую карьеру по линии ГПУ и предлагал в этом содействие. В интересах этого Ямаока обещал не чинить препятствий к производству дальнейших технических выемок из сейфов Японского военного атташата. Киму было обещано оказать полное содействие в осуществлении

вербовок любого из японцев, кандидатуры которых он должен был предварительно согласовывать. Ему так же предоставлялась возможность организации комбинации с дипкурьером для «перлюстрации» данных им для провоза документов. По линии ОГПУ Киму предлагалось завести дезинформационные комбинации на японского военного атташе и всемерно развивать их.

В ходе встреч Ким передал помощнику японского военного атташе Ямаока список агентуры по японской линии; данные о структуре органов ОГПУ, о системе и методике работы контрразведывательного аппарата ОГПУ; об объектах, какие находились под наблюдением ОГПУ; содержание разработок по корейской линии.

Ким информировал Ямаока о разработках по периферии, которые знал, передал содержание ряда ориентировок по японским и корейским делам, ряд секретных приказов ОГПУ, отрывочные дислокационные данные по РККА, о характере ряда ликвидированных дел, а также характер агентурных данных, представлявших негласной сетью по японской линии и т. д.

В одной из очередных встреч Ямаока заявил о том, что ему известно, что ОГПУ производит выемки из сейфов Японского военного атташата. Такие же выемки, по его словам, производились у немцев и поляков. Таким образом получалось, что «добывавшийся документальный» материал являлся дезинформационным, так как он давался с согласия и ведома японцев.

В 1933 г. после отъезда Ямаока Ким последовательно поддерживал связь с 1933 по 1934 гг. с японским военным атташе Кавабе. С 1935 по 1936 гг. с военным атташе Хата, а с начала 1937 г. с Кавамото — японским военным атташе.

Из полученных указаний от представителей Японского генерального штаба Киму было известно, что

он предназначался для особой работы на военное время. Как говорил Кавабе, в период военного времени Ким должен был руководить большим по размаху участком работы и завербованной на этот случай агентурой. Помимо этого, в его задачу также входила парализация контрразведывательной работы НКВД против японцев с тем, чтобы облегчить деятельность разведывательного аппарата японского Генерального штаба<sup>[334]</sup>.

А. Е. Куланов — российский востоковед, писатель, исследователь жизни и деятельности Кима, считает, что судьба этого человека содержит много загадок. С этим сложно не согласиться. Во время войны Ким работал переводчиком в спецпропагандистской организации НКВД в Куйбышеве, оставаясь заключенным. В конце 1945 г. его дело было пересмотрено, срок наказания сокращен до уже отбытого. 29 декабря он был освобожден.

Кроме того, в феврале 1959 г. он был реабилитирован. Необходимо отметить, что проходившая в это время реабилитация была не пустой формальностью, как в 1990-х годах, а детальным изучением всех обстоятельств дела.

*Дело Мельникова.* В начале 1937 г. был разоблачен еще один резидент японской разведки. 28 апреля Н. И. Ежов сообщил И. В. Сталину о полученных им материалах в отношении заведующего службой связи ИККИ Б. Н. Мельникова, члена ВКП(б) с 1916 г., которые указывали на его причастность к шпионской деятельности в пользу Японии и приверженности к троцкизму. Он просил разрешение на арест Мельникова. Сталин санкционировал эту просьбу, написав резолюцию: «Мельникова и "окружение" надо арестовать»<sup>[335]</sup>.

2 июня 1937 г. Сталину из НКВД СССР был направлен протокол допроса Бориса Николаевича Мельникова бывшего заведующего Отделом Службы Связи Коминтерна. По его показаниям он был завербован японцами в 1918 г. и с 1924 г. вел активную шпионскую работу в пользу японской разведки. Будучи руководящим работником НКВД, Мельников снабжал японскую разведку шифрованными телеграммами, секретными материалами по рыболовной конвенции и японским концессиям.

За время своей работы в качестве заместителя начальника Разведупра штаба РККА, Мельников выдал японской разведке агентуру Разведупра по Манчжурии, Китаю, Германии, Чехословакии и Ирану<sup>[336]</sup>.

По показаниям Б. Н. Мельникова от 16–17 мая 1937 г. проходили шесть человек<sup>[337]</sup>. После перепроверки его показаний ставился вопрос об аресте этих лиц<sup>[338]</sup>.

Мельников<sup>[339]</sup> показал, что в плен к японцам он попал в октябре месяце 1918 г. Его взяли в тайге, примерно в 200 километрах от города Зеи Амурской области, куда отступали части Красной армии. В то время он служил в качестве старшего адъютанта Сибирского верховного командования. Вместе с ним попали в плен: Вележев Сергей Григорьевич; Кларк Павел Иванович и его сын Павел; Фрид (зять Кларка); два брата Матвеевы Николай и Евгений; трое рабочих фамилии, которых он не помнит и его брат Владимир Мельников.

В плену они были два с половиной месяца — с конца октября 1918 г. по начало января 1919 г. После взятия в плен всех их повезли в гор. Зея и некоторое время содержали при штабе полка. Затем отправили в гор. Хабаровск, в штаб дивизии, где всех их японцы завербовали. О процессе вербовки они все делились

между собой и решили для того, чтобы освободиться из плена, надо дать согласие на сотрудничество с японской разведкой.

Вербовал всех адъютант штаба дивизии Ямазаки. Он отобрал подписки, которые были написаны по-японски. Устно она была переведена на русский язык. Смысл ее сводился к тому, что вербуемый обязался работать в пользу японцев. Подписывались все своей настоящей фамилией. Ямазаки дал задание Мельникову поехать во Владивосток, связаться с местной нелегальной партийной организацией и освещать ее. Это задание он дал потому, что он знал, что Мельников коммунист. Ямазаки предложил не говорить никому о его пребывании в японском плену, а после установления связи с Владивостокской партийной организацией явиться к японскому консулу во Владивостоке и сообщить ему, что пришел от адъютанта штаба дивизии Ямазаки за получением указаний.

Мельникову было выдано удостоверение от штаба дивизии, в котором было указано, что все его документы отобраны штабом дивизии. На самом деле никаких документов у него при взятии в плен не было и это удостоверение по существу являлось фиктивным. Денег Ямазаки не дал, у Мельникова были свои, которые не были отобраны.

Во Владивостоке Мельников пробыл 6-10 дней. Все это время он жил на вокзале, иногда в ночлежке. Никакой связи с парторганизацией не устанавливал, потому что хотел выехать в Китай, куда вскоре и уехал. В Китай Мельников выехал нелегально на пароходе «Тверь» при помощи матросов. Был в Чифу и Циндао, где пробыл недолго, оттуда поехал в Ханькоу к своему дяде Мельникову Дмитрию Михайловичу, управляющему торгового дома Литвинов и К°.

После того, как дядя устроил Мельникова в гостинице, на другой день они решили пойти вместе к

русскому консулу. Мельников должен был раскаяться во всех своих «грехах» (имелась в виду его советская работа) и на этом основании просить оставить его в Ханькоу и не направлять на территорию занятую войсками атамана Семенова. После предварительного разговора дяди с консулом, они пошли к нему. Консулу Мельников дал подробное показание о своей Советской деятельности и изложил ему свою просьбу. Через два дня он написал прошение, где указал, что был советским деятелем, что он заблуждался. Простение кончалось просьбой об оставлении в Ханькоу.

Дядя, которому Мельников передал прошение, обещал собрать о нем хорошие отзывы, а также написать их и от своего имени. Со слов дяди было известно, что в Ханькоу жила семья Наквасиных, которая положительно отзывалась о Мельникове. С Наквасиным Мельников учился в реальном училище в Троицко-Савске. В бытность его председателем Троицко-Савского Совета семья Наквасиных обратилась к нему с просьбой выдать этой семье разрешение на выезд в Китай, что он и сделал.

Примерно в 20-х числах марта дядя сообщил, что посол отказал в прошении. Было решено отправить Мельникова под конвоем во Владивостокскую тюрьму. На следующий день за ним пришел русский полицейский, который доставил его в Шанхай, там он был заключен в тюрьму. Из Шанхая через несколько дней был доставлен во Владивостокскую тюрьму, где просидел 10 месяцев — с 1 апреля 1919 г. по 31 января 1920 г.

Как и все другие политические заключенные, Мельников не допрашивался. Никакого следствия и суда по его делу не было. Он должен был сидеть до «созыва» учредительного собрания. Мельников был освобожден после свержения Колчака 31 января 1920 г. После освобождения был назначен членом военного



совета Приморья и Дальнего Востока. В этой должности в первый период работал под фамилией Брагин. Членом военного совета он был до японского выступления 4–5 апреля 1920 г. В это время он в числе 60 человек был вновь арестован японцами. Из членов военного совета с ним сидели Лазо и Луцкий. Все сидели под чужими фамилиями. Мельников под фамилией Перевалов, Лазо под фамилией Козленко, а Луцкий под фамилией Луков. Кроме них сидели: секретарь областного комитета партии Сибирцев, командир бронемашины Петров, начальник военного контроля Ангарский, председатель следственной комиссии Похвалинский, Зон, Сугак и другие.

При заключении под стражу японцы переписали их фамилии и в дальнейшем ежедневно производили переклички. 8 апреля утром Лазо, Сибирцев, Петров и Луцкий были вызваны по их вымышленным фамилиям и отправлены неизвестно куда. Как впоследствии стало известно, все они были казнены. Всю остальную часть, в том числе и Мельникова, отправили в казармы, где они просидели до 11 апреля, после чего были освобождены.

Лазо, Сибирцев, Петров и Луцкий были казнены, потому что при опросе японцев выступили вперед, как командиры и очевидно были доставлены в японский штаб. По-видимому, они были опознаны и казнены. Мельников вместе с ними вперед не выступят, остался в толпе бойцов и не был опознан.

После освобождения Мельников был отправлен Приморским областным комитетом на Амур, где был назначен комиссаром штаба Амурского фронта, позже комиссаром 2-й амурской армии и членом Реввоенсовета восточного фронта. В феврале 1922 г. откомандирован в Разведуправление Сибири, где начальником в то время был Вележев, бывший с ним в 1918 г. в плену у японцев.

Попал он в Разведупр Сибири с приездом Блюхера. В это время Реввоенсовет восточного фронта был расформирован, Мельников был сначала откомандирован в Читу, откуда по просьбе Вележева был назначен к нему заместителем. На работе в Разведупре в Сибири он пробыл около двух месяцев. После реорганизации Разведупра был направлен в Москву, где работал начальником восточного сектора Разведупра штаба РККА (с июня 1922 г. по май 1923 г.).

В это время Мельников никакой работы для японской разведки не вел. С 1918 г. он потерял связь с японцами и сам ее восстанавливать не собирался.

В июне 1923 г. Мельников был назначен резидентом разведупра в Харбине, где формально являлся секретарем Советского консульства. В мае 1924 г. он неожиданно встретил в Харбине на улице Ямазаки, который вербовал его в 1918 г. в Хабаровске. Они узнали друг друга. Ямазаки предложил Мельникову пойти в ресторан и там напомнил о подписке и предложил работать для японской разведки. Мельников согласился. Ямазаки в то время работал в качестве руководителя японской разведки в Харбине и служил в японской военной миссии.

Он интересовался работой Мельникова за шесть лет, истекшие с момента его вербовки в гор. Хабаровске. Упрекал его в том, что он не поддерживал связи с японской разведкой. Ямазаки потребовал сведений о личном составе консульства с характеристиками сотрудников, интересовался тем, кто являлся резидентом ГПУ и Разведупра. Просил добыть шифры консульства, шифрованную и секретную переписку, сведения о политике СССР на КВЖД, и списки лиц, уезжающих в Советскую Россию.

Шифры консульства Мельников достать не мог, так как они хранились у шифровальщика. Он к ним доступа не имел. Ямазаки были переданы около двадцати

шифрованных телеграмм преимущественно директивного характера, которые Мельников крал у шифровальщика, переписывал их, затем перепечатывал на машинке и в таком виде передавал Ямазаки. Он передал также копии секретной переписки, проходившей через него, как секретаря консульства. Список личного состава консульства с характеристиками и списки лиц, уезжающих в Советскую Россию. Указал резидента ГПУ — Ангарского и представителя Разведупра Салнина. Сообщил, что вторым резидентом Разведупра является Заславский, скрыв, что Заславский год тому назад уехал из Харбина. Передал сведения, связанные с вопросом о подготовке Пекинского соглашения о КВЖД.

Связь с Ямазаки Мельников поддерживал только лично. Встречались они в отдельном кабинете в ресторанчике, по второй линии около Диагональной улицы в доме Бента. Каждый раз они уславливались о следующей встрече. Всего встреч за этот период было 7 или 8. Мельников работал под кличкой «Алексей». Никакого вознаграждения не получал.

По приезду в Москву в июне 1924 г. Мельников был назначен заведующим отделом Дальнего Востока НКВД. При первой же встрече с японским поверенным в делах Сато, тот сказал, что у него имеются сведения о работе Мельникова на японскую разведку и просил продолжать эту работу в Москве.

Первый раз Мельников встретился с Сато в японском посольстве, при официальном визите. Сато никаких конкретных заданий не давал. На второй день после первой встречи Сато явился к Мельникову в НКВД с ответным визитом. Там он сказал, что связь с ним нужно поддерживать через Янковскую Марию Михайловну, являвшуюся референтом отдела Дальнего востока НКВД по Японии. Мельников условился с Сато, что всю информацию он будет передавать через Янковскую в

устной форме. При этой встрече Сато предложил давать информацию, касающуюся вопросов заключения рыболовной конвенции, получения японцами концессий на Дальнем Востоке и по текущим вопросам дипломатического характера.

Вскоре после этой встречи с Сато к Мельникову зашла Янковская и сказала, что она будет являться связью. Дальнейшие встречи с Янковской, происходили в служебном кабинете Мельникова.

За время пребывания Сато в Москве в течение года Мельников встречался с ним примерно 10 раз. При встречах он информировал его по интересующим вопросам и получал от него задания. Встречи происходили главным образом, в служебном кабинете Мельникова, а иногда в посольстве при официальных посещениях.

Мельниковым были переданы сведения: о пределе уступок Советской стороны по рыболовной конвенции, то же самое в отношении японской концессии на Сахалине и содержание большого количества зашифрованных телеграмм по вопросам текущей дипломатической работы. По заданиям Сато, Мельников, пользуясь тем, что его привлекали для консультации по вопросам рыболовной конвенции и японских концессий пытался проводить точки зрения и позиции выгодные японцам.

При личных встречах Сато передавалась только устная информация. Через Янковскую сведения передавались следующим образом: Мельников делал записи по интересовавшим японцев материалам, передавал их Янковской, а она либо информировала по этим записям устно, либо давала их прочитывать и возвращала их Мельникову. В одном случае она передала материал, написанный рукой Мельникова, в связи с этим он высказал ей недовольство. Со слов Янковской было известно, что получаемые сведения она

передавала не только Сато, но и Миазаки (секретарю японского посольства). С Миазаки Янковская встречалась у себя в служебном кабинете и в японском посольстве.

Через Янковскую Мельников поддерживал связь с японской разведкой примерно до 1926 г. К этому времени в Москву приехал японский посол Танака, который заменил Сато. При одной из встреч с Танака Мельников информировал его, что ГПУ подозревает Янковскую в связи с японцами. На этом основании условились, что Янковская будет заменена. О подозрениях ГПУ в отношении Янковской Мельникову стало известно из разговора с Тубало (начальник отделения КРО ОГПУ), который сказал, что Янковская вызывает подозрения, так как получает подарки от секретаря японского посольства Миазаки.

Янковская была заменена Асковым, работавшим тогда референтом отдела Дальнего Востока по Японии. Через Аскова передавались сведения по тем же вопросам, что и через Янковскую. Кроме того, в этот период передавались сведения по Китаю. В частности, Мельников давал сведения о том, кто из командиров Красной армии и под какой фамилией работал в качестве советника в китайской армии. Передавались сведения о политике Советского правительства в Китае.

В октябре 1928 г Мельников был назначен генеральным консулом в Харбин. При первой же встрече с харбинским (японским) консулом, тот просил продолжить разведывательную работу. В качестве связиста рекомендовал переводчика консульства Яковлева. Через него Мельников передал содержание большинства основных зашифрованных телеграмм, как идущих из Москвы, так и отправляемых туда. Значительное количество их касалось политики СССР на КВЖД, и было связано с нарастающим конфликтом с китайцами.

Во время конфликта на КВЖД Мельников уехал вместе со всем составом консульства в СССР. Первоначально задержался месяца на полтора в Чите, затем выехал в Москву и на юг в отпуск, после чего по ликвидации конфликта выехал в Харбин. Связь уже поддерживал не через Яковлева, а через вице-консула Орлова Николая, рекомендованного японским консулом. Яковлев был заменен Орловым потому, что он часто пил и по несколько дней пропадал из дома.

В июне 1931 г. Мельников выехал в Токио заместить полпреда Трояновского, который уезжал в отпуск, где пробыл шесть месяцев. В Токио, министр иностранных дел в качестве связиста рекомендовал переводчика полпредства Клетного, через которого были переданы секретные сведения дипломатического характера.

После возвращения Трояновского Мельников уехал в Москву, где был назначен заместителем начальника Разведупра Штаба РККА. Примерно через месяц или полтора после его вступления в эту должность к нему явился Асков, который сообщил, что он будет осуществлять связь между Мельниковым и японской разведкой. Кроме того, он сказал, что будет вести самостоятельную разведывательную работу в пользу Японии, и просил устроить его в Разведупр, в восточный сектор. По предложению Мельникова он был назначен начальником Восточного сектора Разведупра.

Мельниковым через Аскова были переданы: данные об агентуре по Манчжурии, Китаю, Ирану, Германии, Чехословакии и Америке. В них были указаны: клички агентов, пароли, время и место встреч, место работы и характеристики агентов. По согласованию с Мельниковым Асков сообщил японской разведке о резиденте Разведупра Шанхая «Рамзай»<sup>[340]</sup>, который впоследствии был назначен резидентом в Японии. О переезде его в Японию Асков своевременно сообщал

японской разведке. Ввиду отсутствия агентуры по Японии в тот период, другие сведения по Японии не передавались.

Таким образом, как это не прискорбно утверждать, но уже в середине тридцатых годов японская разведка знала о резиденте Разведупра Рихарде Зорге («Рамзае»), Вне всякого сомнения, у японцев должно было быть определенное недоверие к полученной информации. Зорге был немец, имел обширные связи, и влияние в посольстве Германии. Похоже, разрабатывать Зорге в это время японцы не рискнули, иначе его группа была бы арестована раньше.

Во время перехода китайских частей на территорию СССР в 1932 г. была передана информация об этих частях и о местах их интернирования. Осенью 1932 г., когда Мельников замещал начальника Разведупра Берзина, он передал японской разведке ряд приказов штаба РККА по личному составу штаба, и сведения о личном составе центрального аппарата Разведупра.

Непосредственную связь с японской разведкой поддерживал Асков. Он производил записи всех сведений и сообщал их устно японцам. Асков заверил, что конспирация обеспечена полностью и можно было не беспокоиться. Зная Аскова, как опытного разведчика Мельников ему в этом отношении верил<sup>[341]</sup>.

25 ноября 1937 г. Мельникова приговорили к высшей мере наказания. 28 июля 1938 г. он был расстрелян. Так же, как и Ким, один из руководителей Разведупра — Б. Н. Мельников 10 марта 1956 г. был реабилитирован.

## **Деятельность резидента Советской разведки в Японии Рихарда Зорге**

Нельзя не упомянуть деятельность бывшего резидента нелегальных резидентур разведывательного управления РККА в Шанхае и Токио Рихарда Зорге (1930-1941 гг.)

Рихард Зорге (он же Ика Рихардович Зорге, Рихард Зонтер) родился 4 октября 1895 г. в гор. Баку, где его отец работал спец, техником на немецких концессионных нефтяных промыслах. Отец был по национальности — немец, мать — русская.

Рихард Зорге внук соратника К. Маркса и Ф. Энгельса — Фридриха Альберта Зорге, секретаря Генерального совета первого интернационала.

В 1898 г. отец Зорге с семьей переехал в Германию. В 1914-1916 гг. Рихард служил в немецкой армии, участвовал в боях на фронтах империалистической войны. В 1919 г. он окончил Гамбургский университет, защитил диссертацию на степень доктора социологии.

С 1917 по 1919 гг. Рихард Зорге состоял членом независимой социалистической партии Германии, работал агитатором в Киле и Гамбурге, принимал активное участие в революционном движении.

В 1919 г. он вступил в члены коммунистической партии Германии. В 1920-1924 гг. на партийной работе. Активно участвовал в подавлении Капповского путча, затем работал преподавателем партийных курсов в Вуппертале, редактором партийной газеты в Золингене и пропагандистом во Франкфурте-на-Майне.

В 1925 г. по приглашению Пятницкого и Мануильского переехал в Москву, где работал в аппарате Коминтерна. В 1925 г. вступил в ВКП(б).



«В 1929 г. бывшим начальником Разведывательного управления Красной армии Берзиным П. И., по договоренности с тов. Мануильским Д. З., Рихард Зорге был взят на работу в военную разведку.

После некоторой подготовки в Центре Зорге под псевдонимом "Инсон" и "Рамзай" в 1929 г. был направлен на нелегальную работу по линии военной разведки в Шанхай, где находился по 1933 г.

За это время Зорге создал в Китае, главным образом в Шанхае, широко разветвленную нелегальную агентурную сеть, которая позволила ему вскрыть группировки и передвижение японских войск в Северном Китае, освящать внутривосточное положение в Китае и другие вопросы»<sup>[342]</sup>.

От Зорге было получено около 600 срочных сообщения по радио, из которых 235 были доложены непосредственно руководству РККА и правительственным инстанциям.

В январе 1933 г. Разведывательное управление РККА отзывает Рихарда в Советский Союз. Это было связано с повышенным вниманием шанхайской полиции к его деятельности.

В этом же году Зорге женился на гражданке СССР — Максимовой Екатерине Александровне, работавшей бригадиром на заводе «Точизмеритель». Отмечалось, что она была ударницей и хорошо характеризовалась.

«В мае 1933 г. Центр перебрасывает Зорге в Токио для создания в Японии нелегальной резидентуры с задачами ведения разведки японских вооруженных сил, военнополитической обстановки и планов руководящих японских военных кругов в отношении СССР. В 1935 г. во время пребывания Зорге в Москве эти задачи были расширены лично б. начальником Ру РККА Урицким С. П. по линии проникновения Зорге в круги германского посольства в Токио с целью вскрытия планов

фашистской Германии в отношении СССР и ее взаимоотношения с Японией»<sup>[343]</sup>.

Зорге переезжает в Германию, налаживает связи с военной разведкой и гестапо, вступает в НСДАП. Работая журналистом, направляется в Токио в качестве корреспондента нескольких газет.

В Японии Зорге легализовался в качестве немецкого журналиста. Благодаря своим личным качествам, он сумел создать сильную нелегальную резидентуру и установить самостоятельную радиосвязь с Москвой, работая в исключительно тяжелых условиях.

В работе Зорге умело использовал в разведывательных целях немецких послов в Японии Дирксона и Отта, представителя гестапо в посольстве Германии в Японии Мейснера, а также военно-морского атташе Венекера, с которым поддър-живал дружественные отношения и получал ценную информацию о Японии и Германии.

В середине 1938 г. Зорге удается подобраться и к главе японского правительства принцу Коноэ. Его секретарем становится Одзаки, бывший одноклассник принца и лучший агент Зорге.

Накануне войны Зорге стал пресс-атташе германского посольства в Токио. Завел широкие связи, был вхож в высшие круги нацистского посольства. Он считался одним из лучших политических аналитиков той эпохи, активно сотрудничал с германской прессой.

Его статьи печатают самые солидные издания Германии — «Франкфуртер Цайтунг» и «Зейтшрифт фюр Геополитик», где Зорге пишет о японской армии и ее политической роли, о психологии сражавшейся и тянувшейся к «обновлению» японской нации, о Маньчжурском «эксперименте» и др.<sup>[344]</sup>

Будучи очень влиятельным в Японии журналистом и политологом, а также функционером местной

нацистской организации, Зорге был вхож в самые высокие правительственные круги этой страны, был в курсе самых сокровенных тайн японского государства. Использование большого количества конфиденциальной информации из дипломатических, военных и политических кругов отличало его работы не только мастерством и глубиной анализа, но и исключительной осведомленностью.

«От резидентуры Зорге были получены следующие весьма ценные документальные материалы:

- о подготовке к заключению между Японией и Германией антикоминтерновского пакта;

- об отмотилизовании и развертывании Японской армии и ее группировки в Китае и по фронтам (к 1939 г.);

- о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Польшу с указанием сроков нападения (1 сентября 1939 г.);

- о начале наступления немецко-фашистских войск на Францию и основное направление главного стратегического удара;

- о характере договора, заключенного японцами с "правительством" Ван Цзинь-вэя в Китае;

- сведения о ходе переговоров между США и Японией со своим выводом, что в случае безрезультатности Япония выступит против США»[\[345\]](#).

Именно благодаря сообщениям Рихарда Зорге о военной провокации в районе Халхин-Гола, войска Красной армии смогли вовремя подготовиться и оказать быструю и эффективную помощь монгольской армии, разгромив япономаньчжурские войска. При этом подтвердились выводы Зорге, что Япония не готова к развязыванию большой войны против Советского Союза.

«Кроме того, Зорге неоднократно давал ценные сведения о внешней политике Германии в отношении

Японию и Японии в отношении Германии, а также всей дальневосточной политики в целом.

С весны 1941 г. от Зорге поступили наиболее ценные материалы:

- о состоянии всей японской авиапромышленности и танкостроения;

- о полной дислокации японской армии;

- о сосредоточении у границ Советского Союза 9 германских армий (150 дивизий) с общей схемой плана военных действий немецко-фашистских войск против СССР и направлениях основных ударов.

В феврале-июне 1941 г. Зорге неоднократно доносил точные сроки нападения фашистской Германии на Советский Союз»[\[346\]](#).

Однако ему не поверили. Осенью того же года Зорге сообщил, что Япония не вступит в войну против СССР, а будет воевать на Тихом океане против США. Эта информация позволила СССР перебросить войска на запад, что помогло выиграть битву за Москву.

Всего за период с января 1936 по октябрь 1941 гг. Зорге передал более 800 срочных информационных сообщений, из которых почти половина была доложена правительственным инстанциям.

Последующие материалы Зорге освещали предстоящее выступление Японии на стороне Германии в случае поражения Красной армии, захват Японией южной части Индокитая, ход мобилизации Японии, группировку японских войск у границы Советского Союза. Поступавшая от Зорге информация признавалась Центром достоверной и весьма пенной по содержанию.

В октябре 1941 г. Зорге и весь состав его резидентуры были арестованы японской жандармерией. Его арест вызывал переполох в германском посольстве. Отту приходится уйти в отставку.

В тюрьме Зорге и другие разведчики подвергались нечеловеческим пыткам. В 1942 г. в Токио состоялся закрытый судебный процесс над группой Зорге по обвинению ее в шпионской деятельности.

Зорге и его ближайший помощник Одзаки Ходзуми были приговорены к смертной казни, остальные участники группы к различным срокам тюремного заключения. Некоторые из них в результате пыток умерли в тюрьме.

По официальным японским сообщениям Зорге и Одзаки были казнены в Токио 7 ноября 1944 г. В последний момент перед казнью Зорге воскликнул: «Да здравствует Коммунистическая партия, Советский союз, Красная Армия!».

Существует версия, что Зорге был агентом двойником. По-видимому, это связано с тем, что на одном из его спецдо-несений конца 1936 г. есть резолюция Сталина: «Прошу мне больше немецкую дезинформацию не присылать». Вне всякого сомнения, такая резолюция наложила свой отпечаток на дальнейшее руководство работой Зорге и отношение к нему. Бездоказательное зачисление Зорге в категорию агентов двойников привело к тому, что часть его весьма важных сообщений руководством Разведывательного управления РККА было отнесено к разряду сомнительных и дезинформационных.

Кстати, сообщения Зорге после этой резолюции больше не докладывались Сталину. О возможном нападении Германии на Советский Союз он знал из других источников.

Позже были установлены основные причины провала резидентуры Зорге.

Как уже было сказано выше, Зорге как резидент Советского Союза был известен японской разведке. Однако близость к послу Германии в Японии до поры до времени спасало его. Японским спецслужбам нужны

были очень веские доказательства о причастности Рихарда к разведке СССР. Они их добыли. Но прежде чем арестовывать Советского резидента, хотелось подкрепить свои доводы показаниями арестованных агентов Зорге. Ошибок быть не должно, слишком велики были ставки. Именно в связи с этим вначале последовали аресты японских граждан, а после получения в ходе их ареста и допроса дополнительных доказательств последовал арест и граждан Германии. Последним был арестован Зорге.

Необходимо отметить, что в аресте Рихарда Зорге были виновны также и сотрудники разведывательного управления РККА. С 1938 г. у руководства разведуправления РККА постепенно создавалось политическое недоверие к Зорге и его работе, в силу чего информация, исходящая от него, бралась под сомнение. Необходимо подчеркнуть, что все они знали резолюцию Сталина. Героев, способных поставить под сомнение эту резолюцию, не нашлось. Вопрос щекотливый. А вдруг Сталин окажется прав. Что тогда?

Проще было пустить все на самотек. В 1940-1941 гг. руководство ГРУ РККА прямо объявило Зорге двойником, фашистом и т. п. В связи с таким отношением к нему, по существу руководство работой резидентуры Зорге серьезно не осуществлялось.

Зорге после этого «клише» перестал быть интересен, беречь его от провала не имело смысла, если, как уверяло руководство, он агент двойник.

В связи с этим умышленно или по неосторожности руководство разведуправления неоднократно ставило Зорге на грань провала своими указаниями. Так, например, в марте 1941 г. после получения от Зорге достоверных материалов о производственных мощностях авиазавода «Мицубиси» руководители потребовали от Зорге лично промерить производственные площади указанного концерна.

Руководством было совершенно неправильно дано указание об установлении личных связей нелегальной резидентуры Зорге с работниками Советского легального аппарата в Токио. Совершенно очевидно, что такая связь немедленно устанавливалась японской контрразведкой. Есть все основания полагать, что эти контакты и явились основной причиной окончательного провала резидентуры Зорге.

Так, в качестве примера неразумного и преступного с разведывательной точки зрения понимания агентурных связей можно указать на санкцию руководством проведения встреч в театрах Токио. Театральные билеты закупались советским дипломатическим аппаратом через официальные японские органы и передавались для Зорге и его людей с целью организации встречи на закупленных местах. Вне всякого сомнения, подобные встречи фиксировались японской контрразведкой.

Интересно то, что несмотря на совершенно явные огромные заслуги Зорге и поведение его на следствии и суде, с момента его ареста 18 октября 1941 г. и до момента казни 7 ноября 1944 г. никто не пытался его спасти, хотя возможности для этого были. Даже после его смерти никто не интересовался им и судьбой близких ему людей. И это несмотря на то, что нелегальная разведывательная резидентура Рихарда Зорге была одной из крупнейших в истории советской военной разведки периода подготовки и начала Второй мировой войны.

Кстати, официальную жену Зорге — Максимову Е. А., 1904 г. р., проживавшую по адресу: Москва, Софийская набережная, д. 34, кв. 74, 25 ноября 1942 г. арестовали. Дальнейшая ее судьба не известна.

Впоследствии деятельность Зорге на посту резидента Советской разведки в Японии была оценена по достоинству. 6 ноября 1964 г. за выдающиеся

заслуги перед Родиной и проявленные при этом мужество и героизм Рихарду Зорге было присвоено звание героя Советского Союза посмертно.



## **Глава IV**

### **Бегство во спасение**

В ночь с 12 на 13 июня 1938 г. начальник УНКВД Дальневосточного края Г. С. Люшков перешел государственную границу и сдался японским властям. Об этом побеге писалось много [\[347\]](#). Вымыслы часто сочетаются с фактами, имевшими действительное место. Хотелось бы подробно остановиться на этом, явно нерядовом, событии.

Генрих Самойлович Люшков родился в 1900 г. в Одессе в семье еврея — портного кустаря одиночки. Его отец умер в 1921 г. В 1908–1915 гг. Люшков учился в казённом еврейском шестиклассном начальном училище. Небольшое время в 1916–1917 гг. работал помощником в конторе автомобильных принадлежностей Суханова. В 1917–1918 гг. учился на вечерних общеобразовательных курсах при гимназии Гуревича в г. Одессе.

Под влиянием старшего брата принимает участие в революционной деятельности. В 1917 г. участвовал в рядах социалистической молодежи в революционных событиях (установлении советской власти в Одессе). Член РСДРП (б) с июля 1917 г.

В 1917 г. вступил рядовым в Красную гвардию в гор. Одессе. С марта 1918 г. в подполье, в феврале 1919 г. был арестован, но бежал из-под стражи. В марте того же года вновь вступил в Красную Армию (красноармеец-политработник 1-го Николаевского советского полка, затем курсант Киевских военно-политических курсов Наркомвоена Украины). Участвовал в боях с петлюровцами, затем работал помощником военного организатора Киевского

губернского комитета партии. После захвата Киева белыми войсками в сентябре 1919 г. служил политруком 1-й Отдельной бригады 14-й армии Южного фронта.

С 1921 г. — на работе в ВЧК. После советско-польской войны — учеба в Институте гуманитарных наук в Одессе, в ноябре этого же года отозван с учебы и направлен на работу в Одесскую Губ. ЧК. С 1921 по 1924 год служил в ряде пограничных и окружных отделах ГПУ. В 1924 г. работал начальником Проскуровского окружного отделения, а затем отдела ГПУ. В 1925 г. был переведен в центральный аппарат ГПУ Украины, где занимал должности начальника ИНФО УОУ ГПУ УССР, начальника СО СОУ ГПУ УССР, начальника СПО ГПУ УССР.

У многих историков встречается фраза, что Люшков в начале 30-х гг. занимался промышленным шпионажем в Германии, но таких фактов обнаружить не удалось, ссылки на документы в публикациях отсутствуют.

В 1931 г. он при поддержке Батицкого был переведен в центральный аппарат ОГПУ СССР на должность помощника начальника СПО ОГПУ СССР — начальника 2 отделения СПО ОГПУ СССР. В 1933 г. назначен на должность заместителя начальника СПО ОГПУ СССР. В ноябре 1935 г. ему присвоено звание комиссара госбезопасности 3-го ранга. В 1936 г. возглавил УНКВД Азово-Черноморского края.

С 1937 г. начальник УНКВД Дальневосточного края. На январском (1938 г.) совещании работников НКВД СССР Люшков был отмечен в числе лучших чекистов страны, за то, что репрессировал 70 тысяч «врагов народа».

За активную борьбу с контрреволюцией был награжден Президиумом Всеукраинского ЦИКа боевым оружием в 1927 г., и Коллегией ОГПУ двумя знаками почетного работника ВЧК-ОГПУ в 1929 и 1932 гг.

Документы свидетельствуют, что Люшков, работая в секретно-политическом отделе ОГПУ, занимался происходящими в это время в стране вопросами, связанными с коллективизацией сельского хозяйства. Он принимал участие в коллективизации сельского хозяйства на Украине и Северном Кавказе. Позже японцам он рассказывал, как подавлялись стихийные бунты голодных крестьян. Как ему приходилось принимать участие в карательных экспедициях.

В 1932 г он был включен в состав комиссии во главе с Кагановичем, инспектировавшей сельскохозяйственные районы Северного Кавказа. В казачьих станицах было введено чрезвычайное положение, они оказались изолированными от остальной страны. Не успевали рыть могилы. Умерших от голода приходилось сбрасывать в старые колодцы и засыпать землей.

Люшков в то время расследовал «случаи провокации голода» в Одесской области. 21 апреля 1933 г. совместно с начальником СПО ОГПУ Г. А. Молчановым он направил спецсообщение, в котором указывал, что по поступившим жалобам у единоличника Цихановского опухли от недоедания дети, однако произведенным обыском у него было обнаружено 54 пуда спрятанного хлеба. Единоличник Белоед, явившись в сельсовет, стал кричать о том, что умирает с голоду, в ходе обыска у него было обнаружено 2 пуда картофеля, пуд фасоли и 2 пуда бурака. В том же сельсовете якобы опухла от голода семья колхозника Писенко, у которого было обнаружено в яме 4 пуда пшеницы. Все эти лица были арестованы. Высказывалось предложение в отношении этих лиц провести показательный судебный процесс<sup>[348]</sup>.

Люшков выступил в роли одного из инициаторов и исполнителей фабрикации уголовного дела т. н.

«Российской национальной партии» («РНП»), Всего по этому делу было арестовано свыше 100 человек. 29 марта 1934 г. решением Коллегии ОГПУ СССР большинство обвиняемых получили от трех до десяти лет исправительных лагерей, несколько человек приговорили к ссылке.

Документально подтверждается участие Люшкова в расследовании и в подготовке процесса по делу об убийстве Кирова. После отъезда из Ленинграда И. В. Сталина, который на месте расследовал обстоятельства покушения на Кирова, руководители ГугБ НКВД СССР, оставшиеся в Ленинграде — Я. С. Агранов, начальник ЭКО Л. Г. Миронов, зам. начальника СПО Г. С. Люшков, помощник начальника ЭКО Д. М. Дмитриев — стали активно разрабатывать политическую версию совершенного преступления.

Ими была выявлена связь Николаева, совершившего это убийство, с оппозиционерами-троцкистами Н. Н. Шатским, И. И. Котолыновым и другими. Шатский и Котолынов были арестованы и допрошены. Через них вышли на связь с «зи-новьевской» оппозицией, которая в это время открыто блокировалась с «троцкистами». В своих показаниях арестованные Шатский, Котолынов, В. В. Румянцев, В. И. Звездов, Н. С. Антонов, Г. В. Соколов, И. Г. Юскин, Л. О. Ханник, и др. не скрывали общеизвестные факты о своих связях по Ленинградскому губкому и Северо-Западному бюро ЦК ВКП(б), которые возглавлял Г. Е. Зиновьев.

Сам Люшков 12 декабря 1934 г. допрашивал Колыванова, который признался ему в существовании зиновьевской организации, и то, что все декларации Зиновьева об отказе от своих антипартийных взглядов и от борьбы с партией рассматривались как маневренная тактика. С его слов руководили организацией Зиновьев, Каменев и связанные с ними Евдокимов, Бакаев, Харитонов и Гертик. Связи с Москвой поддерживал

Румянцев. Политическую и моральную ответственность за убийство Кирова Николаевым, по словам Колыванова должна была нести эта организация, под влиянием которой воспитывался Николаев, а воспитывался он якобы в атмосфере озлобленного отношения к руководителям ВКП(б)<sup>[349]</sup>.

В ходе следствия появилось новое определение причины убийства Кирова, которое было обнародовано немного позже, после ареста 16 декабря Зиновьева и Каменева. В газете «Правда» это преподносилось так, что «подлые подонки бывшей зиновьевской антипартийной группы вырвали из наших рядов тов. Кирова».

Активное участие заместитель начальника секретнополитического отдела ГУГБ Люшков принимал и в расследовании т. н. «Кремлевского дела». 7 февраля 1935 г. он допрашивал И. П. Лукьянова, коменданта Большого кремлевского дворца, который на допросе признался, что ему было известно о распространении контрреволюционной клеветы, направленной против Сталина. Знал о завещании Ленина, а также то, что Аллилуева — жена Сталина — умерла неестественной смертью. В конце допроса Лукьянов признал, что контрреволюционные клеветнические беседы с его участием разжигали озлобленные настроения к руководству партии и к Сталину<sup>[350]</sup>.

По этому делу 10 февраля 1935 г. Лютиковым была допрошена Е. К. Муханова, работавшая в правительственной библиотеке. Она показала, что официальная версия о смерти Аллилуевой в результате болезни не соответствует действительности, что на самом деле она покончила жизнь самоубийством. Это было вызвано ее несогласием с политическим курсом, проводимым в стране, в результате которого деревня

была доведена до обнищания. В городе населению не хватало продуктов питания и др.

Муханова показала, что ее знакомая Розенфельд говорила, что старые и ближайшие ученики Ленина — Зиновьев и Каменев отстранены от политической жизни, что в стране и в партии отсутствуют элементы демократии<sup>[351]</sup>. На следующий день, 11 марта Люшковым по этому делу был допрошен Б. Н. Розенфельд<sup>[352]</sup>, а 17 марта Д. С. Азбель<sup>[353]</sup>

20 марта 1935 г. Люшков еще раз проявил себя. Он допросил Каменева Льва Борисовича, который показал, что он с Зиновьевым критиковал деятельность партии, Центрального Комитета и допускал выпады по адресу Сталина. «В разное время, с большей или меньшей остротой, мы беседовали с Зиновьевым о нашем положении, при этом высказывалось убеждение, что к активной политической жизни нас не допустят. В отдельных случаях мы на безнадежность нашего положения реагировали злобными нападками на Сталина»<sup>[354]</sup>.

В активе Люшкова было также расследование дела троцкистско-зиновьевского центра в августе 1936 года.

В 1937 г. Люшков назначается начальником НКВД и председателем «тройки» Азово-Черноморского края, куда входил город Сочи. За короткий срок он сумел ликвидировать три «контрреволюционных правотроцкистских центра», активно выявлял «врагов народа» и среди руководства Азовско-Черноморского НКВД.

По его приказу был арестован один из убийц царской семьи, начальник ростовской конторы «Заготскот» Александр Белобородов. 26 мая 1937 г. за № 57531 Н. И. Ежов направит И. В. Сталину заявление А. Г. Белобородова от 23 мая того же года, которое ему направил начальник УНКВД по Азово-Черноморскому

краю Люшков. В своем заявлении Белобородов дополнит свои показания о троцкистско-зиновьевском блоке. После прочтения этого заявления Статин напишет резолюцию: «Ежову. Можно подумать, что тюрьма для Белобородова — трибуна для произнесения речей — заявлений, касающихся всякого рода лиц, но ни его самого. Не пора ли нажать на этого господина и заставить его рассказать о своих грязных делах? Где он сидит в тюрьме или гостинице? И. Ст.»<sup>[355]</sup>. Следствие было продолжено. Белобородов рассказал о своих «грязных делах» и в последствии был расстрелян.

В это время, 26 мая 1937 г. начальнику отдела кадров НКВД СССР старшему майору государственной безопасности Литвину был направлен рапорт помощника начальника 3-го отдела УНКВД КССР — старшего лейтенанта государственной безопасности Т. П. Глаткова. Он писал, что в свете последних событий, с учетом дела сотрудника НКВД центра Сосновского и других предателей, считает своим долгом сообщить о Люшкове.

В своем рапорте он писал, что в июне-июле 1920 г. во время наступления на польском фронте у него в подчинении, в должности полкового уполномоченного Особого отдела дивизии работал Люшков. Он вместе с другим сотрудником отдела скрылся из расположения полка с документами об агентурной сети, с оружием и обмундированием, выданным им в отделении дивизии. Эти лица были объявлены в розыск. Однако части дивизии быстро двигались вперед, и заниматься розыском пропавших не было времени. В полку вначале прошел слух, что оба были убиты в бою, позже пошли разговоры, что якобы они сбежали к полякам. Через несколько дней был отдан приказ по Особому отделению дивизии, считать Люшкова и другого

сотрудника пропавшими без вести. О чем был проинформирован Особый отдел 16 армии.

До 1927 г. Глаткову ничего не было известно о пропавших. В 1927 г. он узнал, что в ГПу Украины работает тот самый Люшков на ответственной работе. Предварительно сверившись и убедившись, что это его бывший сотрудник, сбежавший с фронта неизвестно куда, он написал об этом рапорт руководству. Где он довел до сведения факт бегства Люшкова. Глатков был вызван в г. Харьков, где более подробно рассказал о всех обстоятельствах дезертирства бывшего своего подчиненного. Этот разговор был застенографирован. После чего Глаткову было предложено вернуться к месту службы начальника Уманского окружного отдела ОГПу в гор. Умань.

Люшков, несмотря на этот рапорт, по-прежнему оставался в занимаемой должности.

Учитывая, что Люшков находился на работе в органах НКВД и, что его бегство с фронта было связано с переходом к полякам, Глатков посчитал необходимым еще раз напомнить о вышесказанном. Однако и в этот раз никакой реакции на рапорт Глаткова не последовало.

После назначения Люшкова начальником НКВД по Азово-Черноморскому краю он начинает собирать информацию о бывшем секретаре крайкома И. М. Варейкисе, который был уже переведен на работу в Дальневосточный край. По каким-то причинам Люшков его недолюбливал. Так, 27 июня 1937 г. он сообщил Н. И. Ежову о заявлении троцкиста М. М. Малинова. «Считаю необходимым информировать Вас о нижеследующем: секретарь Дальневосточного крайкома И. М. Варейкис конце 1931 года или в начале 1932 года, идя со мной домой после заседания обкома, начал мне говорить об И. В. Сталине, насколько я помню по поводу одной из его речей. В этом разговоре, наряду



с оценкой блестящих качеств И. В. Сталина, Барейкис отозвался о нем как о человеке весьма тяжелом, с которым крайне трудно работать, что даже некоторые члены Политбюро в его присутствии чувствуют себя несвободно и как бы чем-то виноватыми.

После назначения Варейкиса в Сталинград, он по дороге в отпуск, ожидая перецепки вагона, был у меня на квартире несколько часов. Тогда он рассказал, как произошло его назначение в Сталинград.

По его словам, ему позвонил по телефону И. В. Сталин и спросил, не обидится ли он, если его пошлют в Сталинград, на что он ответил, что сочту за честь как особое доверие ЦК, что его посылают в отстающий край для ликвидации отставания последнего.

На самом деле настроения у него были совсем иные. Он мне говорил, что И. В. Сталин его недооценивает, что выдвигают менее способных и менее заслуженных людей, что он почти единственный из старых "могикан", т. е. секретарей, которые остались в прежнем положении, что в Сталинграде ему уже нечего делать.

Подобные же настроения были после назначения его в Дальневосточный край.

Встретились мы с ним тогда в Москве в гостинице "Националь".

Близкое окружение Варейкиса, я имею в виду людей, которые с ним работают 10-15 лет и он повсюду возит с собой, с точки зрения партийного лица, негодные.

Малинов»[\[356\]](#).

Согласно постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 июля 1937 г. были утверждены тройки по проверке антисоветских элементов. По Азово-Черноморскому краю она была сформирована в составе Люшкова, Евдокимова и Иванова (с заменой Кравцовым). При этом утверждалось количество намеченных к расстрелу

кулаков 5.721 чел., уголовников 923 чел. Высылке кулаков 5.914 чел. и уголовников 1.048 чел. Разрешалось рассмотрение во внесудебном порядке дел о диверсионно-шпионских вылазках на уборке хлеба с применением расстрела<sup>[357]</sup>. Люшков с успехом выполнил это задание партии.

В июле 1937 года он был награжден орденом Ленина. В ростовской газете «Молот» была напечатана личная благодарность Сталина.

В это время сложилась сложная обстановка на границе оккупированной Японией Маньчжурии. Чуть не ежедневно совершались провокации. Военное столкновение на ДВК воспринималось как неизбежное.

В это время Дальневосточный край с административным центром в Хабаровске объединял девять областей: Хабаровскую, Приморскую, Амурскую, Нижне-Амурскую, Уссурийскую, Камчатскую, Сахалинскую, Зейскую и Еврейскую автономную. В центре считали, что край засорен троцкистами.

После назначения начальником УНКВД по Дальневосточному краю Люшков начал свою деятельность довольно активно. Так, 11 августа 1937 г. Н. И. Ежов переправил И. В. Сталину его шифртелеграмму, в которой он сообщал об арестах сотрудников НКВД ДВК.

Так, С. А. Барминский сознавшись в принадлежности к правотроцкистской организации в УНКВД, называл как одного из участников этой организации Т. Д. Дерибаса, С. И. Западного, нач. отдела кадров С. И. Полозова, бывшего начальника АХО Бубенного, нач. Приморского обл. УНКВД Я. С. Визеля, нач. Амурского Обл. Управления Д. М. Давыдова.

«О Полозове я Вам докладывал, как о троцкисте и с Вашей санкции его арестовал. Визель снят Вашим приказом как троцкист, но до сих пор Ваш приказ не

был выполнен. На мой вопрос Дерибас не мог дать никакого ответа.

Давыдов — бывший белогвардеец, несмотря на выражение ему политического недоверия облпартконференции и его бездеятельности, Дерибас его не снял. Подозрительно все повеление Дерибаса. По моему приезду, несмотря на договоренность по телефону о личном свидании предварительно послал на вокзал на разведку Западного, долго не появлялся в управлении и, как установлено, высматривал на смежной лестничной клетке, что делается в кабинете Западного, где я производил операцию. В разговоре со мною проявлял растерянность и раздражение по поводу своего снятия, крайнее любопытство к характеру показаний на Западного, Бармин-ского. Дерибас показывал харбинскую газету, где сказано о его аресте. Зная, что Западный допрашивается в своем кабинете, Дерибас появился там, объяснив мне, потому что искал меня. Подозреваем, что решил показать Западному, что он не арестован. Заслуживает внимания оттяжка Дерибасом отъезда на ДВК, несмотря на Баши указания на поездку его во Владивосток за семьей.

Прошу телеграфировать санкцию на арест Визеля, Давыдова, Бубенного».

Ежов доложил Сталину, который санкционировал арест: «Молотову Ворошилову. Дерибаса придется арестовать Ст.»; «За. В. Молотов, К. Ворошилов»<sup>[358]</sup>.

Интересно то, что Варейкис, не зная до конца причин назначения Люшкова на ДВК, в своем письме Сталину от 8 сентября 1937 г. особо отметил роль вновь прибывшего начальника УНКВД: «После приезда в край... Люшкова было вскрыто и установлено, что также активную роль в правотроцкистском Дальневосточном центре занимая бывший начальник НКВД Дерибас. Участником заговора являлся также его первый

заместитель — скрытый троцкист Западный. Вторым заместителем Барминский (он же начальник особого сектора ОКДВА) оказался японским шпионом. Арестованы как японские шпионы и участники заговора: Визель — начальник НКВД во Владивостоке, Давыдов — начальник НКВД Амурской области (г. Благовещенск). Входил в состав правотроцкистской организации Пряхин — начальник НКВД Уссурийской области, Богданов — начальник политического управления пограничных войск и значительная часть других чекистов»<sup>[359]</sup>.

Только за август 1937 г. Люшков и его «коллеги» из Ростова-на-Дону арестовали более 20 руководящих сотрудников краевого Управления НКВД.

В это время на имя Варейкиса было направлено анонимное письмо неизвестной женщиной, в котором сообщалось, что на ДВК в НКВД помощником к Дерибасу из Ростова приехал польский агент Люшков. Он имел знакомство с Рожевским или Ржевским в городах Шахты и Новороссийске и через него передавал сведения в польский генеральный штаб. Высказывалось предположение, что он продаст ДВК. Сообщалось также, что Люшков из «торговской семьи», его отец жил на процентах. В конце письма женщина писала, что боится подписываться в связи с опасением быть посаженной. С ее слов по вышеизложенному факту уже сообщаясь в Ростове. Люшков, узнав об этом письме, посадит мужа. Далее она пишет, что Люшкова точно видели. По ее словам, это черненький небольшой еврей. Реакции на анонимное письмо не последовало.

17 августа 1937 г. Н. И. Ежов сообщил И. В. Сталину о «врачах-заговорщиках», выявленных Г. С. Люшковым. Начальник санслужбы ОКДВА Короедов признался, что является участником военно-троцкистской организации и что был посвящен Аронштамом о необходимости

убрать Блюхера из армии. По его словам, Сангурский, Лапин и Аронштам неоднократно давали ему задание составить фиктивное медицинское заключение о признаках психического расстройства у Блюхера для посылки заключения в Москву.

Короедов показал также о большой вредительской работе по срыву санитарной подготовки ОКДВА, в случае войны, проводившейся им по заданию начальника СУ РККА Баранова. Особое внимание заслуживали его показания о бактериально-диверсионной работе. В 1936 г. по указанию Баранова и Райнера в армию были посланы вата, зараженная столбнячной палочкой, газовой гангреной, и нестерильный перевязочный материал. Впоследствии испугавшись якобы провала, Баранов дал указание о производстве полной стерилизации этих материалов. Полищук принял эти материалы, в результате умерли 2 бойца Ольгинского укрепрайона. Испугавшись провала, Полищук объяснил смерть бойцов ложными причинами.

Шрайбером производилась диверсионная работа через Дальневосточный санитарно-эпидемический институт при помощи работающего там врача Антонова — участника организации. Институт весной 1937 г. выпустил для прививок армии вредительски изготовленную вакцину, давшую большую заболеваемость и даже смерть одного командира. Командование приостановило прививку и провело расследование вместе с райисполкомом. Было установлено явное вредительство.

Люшков просил санкции Ежова на арест врачей. Он полагал произвести тщательный обыск при Эпидемическом институте с целью обнаружения бактерий для диверсионных целей. Сталин согласился с арестом врачей [\[360\]](#).

11 сентября 1937 г. Ежов сообщил Сталину с приложением копии телеграммы Г. С. Люшкова о диверсионных группах на оборонных заводах в ДВК. Согласно его сообщению, арестованный директор завода № 202 Сергеев показал об участии в правотроцкистском заговоре на ДВК. В троцкистскую организацию он был якобы завербован в 1932 г. в Ленинграде зиновьевцем Ждановым (бывшим директором судостроительного завода в Комсомольске, арестован). Выезжая в 1933 г. вместе с ним на Дальний Восток, получил задание от Пятакова создать троцкистскую организацию на заводе и развернуть диверсионную работу.

По шпионско-диверсионной деятельности он был связан в Москве с Муклевичем и Стрельцовым, на ДВК с краевым центром, из состава которого называет Лаврентьева, Дерибаса, Крутова, Косиора. Диверсионная организация на заводе руководилась японским консульством во Владивостоке, по прямому их заданию было сорвано строительство военных кораблей.

По состоянию на 4 сентября были дополнительно арестованы т. н. участники военно-фашистского заговора: Калнин, Гительман, Бойков, Малов, Солодухин, Юзефович которые отвергли предъявленные обвинения<sup>[361]</sup>.

В октябре 1937 г. Барейкиса сняли с должности первого секретаря Далькрайкома и затем арестовали. На его место был назначен Г. М. Стацевич. С этого момента началась вторая волна репрессий, связанная с изъятием партийносоветских и хозяйственных кадров, выдвинутых уже «врагом народа Варейкисом».

Во время ареста В. И. Осмоловского при обыске у него в несгораемом шкафу был обнаружен протокол допроса Быстрых Владимира Михайловича от 16

октября 1937 г. и письмо на имя Ежова от 17 октября 1937 г. М. И. Диментмана и В. И. Осмоловского. В этих документах против Люшкова высказывались обвинения в троцкизме.

Люшков испугался, он полагал, что эти документы попали адресату. 21 апреля 1938 г. он поспешил написать Ежову, что никогда за все время пребывания в партии не только не имел никакого отношения к троцкизму, но и никаких колебаний не проявлял. В период работы на Украине, о котором писал Быстрых в своих показаниях, Люшков активно боролся против этого течения в партии.

Быстрых писал, что в 1928 г. на закрытых собраниях сотрудников ГПУ У ССР Люшков выступал как активный троцкист по вопросу строительства социализма в одной стране.

Люшков оправдывался, что в 1928 г. после 15 съезда партии такие собрания вообще были не возможны. На Украине члены партии могут это подтвердить. Должны быть и архивные материалы партийной организации, при помощи которых можно установить истину.

Люшков испугался того, что Быстрых объединил его с Визелем и Тенером, действительно активными троцкистами, в одну компанию, хотя в партийной организации он был одним из наиболее активно боровшихся как с Визелем, так и с Тепером.

Далее Люшков писал, что в 1926-1927 гг. в период его работы в информационном отделе один осведомитель сообщил о прямой связи троцкистов с меньшевиками. Вместо того, чтобы передать этот материал в Секретный отдел (Информотдел не имел оперативных функций), он сам довел это дело до конца. Этот факт впоследствии был широко использован в Харьковской парторганизации для разоблачения

подлинных троцкистов, был использован на страницах партийной прессы.

Авторы письма на имя Ежова подкрепляли обвинения, выдвинутые против Люшкова. Быстрых утверждал, что во время совместной работы Визель был в очень близких и дружеских отношениях с Люшковым.

В ответ Люшков назвал это клеветой. По его словам, он с Визелем в близких отношениях не был. Во время работы на Украине вел с ним борьбу, а после его отъезда с Украины с ним не встречался.

По словам Люшкова, авторы письма пытаются связать это с настоящим, с фактом самоубийства Визеля после ареста. Для этого они пытаются взять под сомнение очередность ареста Западного, Дерибаса и Визеля и обстоятельства самого ареста Визеля.

В оправдание этим выводам Люшков сообщал, что засоренность аппарата НКВД шпионами и заговорщиками сама за себя говорит. В этих условиях он решил, прежде чем поехать во Владивосток в незнакомую обстановку, вызвать Визеля в Хабаровск. Он инсценировал совещание начальников областных управлений НКВД и таким образом арестовал Визеля. Раньше он не мог этого сделать т. к. приехал во Владивосток с маленькой группой в 7 человек и с первых же часов приезда развернул очень активное следствие. Тюрьмы не было, и его сотрудники сами вынуждены были охранять Дерибаса, Западного, Полозова и Барановского, так как, не разобравшись в людях, не могли оказывать слепого доверия кому бы то ни было.

Люшков признавал безобразным факт самоубийства Визеля. Он признал свою вину, что не уберег его. Он писал, что когда Визель сознался и написал заявление (это было под утро), следователь Малкевич решил отпустить его в камеру, а самому отдохнуть, ибо они сидели, не выходя из кабинета, двое суток. Визель, как



это было установлено, заранее готовился к самоубийству в случае ареста. В портфеле у него лежали конфеты, начиненные сулемой и кусок туалетного мыла, в который также была заделана сулема. Известно, что у ряда следователей после того, как они добивались признания арестованного, после напряжения ослабевают бдительность. Это случилось и с Малькевичем. Визелю удалось его обмануть. Сославшись на то, что он долго не мылся, он попросил дать ему в камеру мыло, которое находилось в лежавшем тут же портфеле Визеля. Малькевич согласился. Люшков принял все меры, чтобы спасти Визеля, но сулема попала в почки, и врачи ничего сделать не смогли.

Осмоловский и Диментман в письме Ежову брали под подозрение деятельность Люшкова по борьбе с врагами советской власти на Дальнем Востоке. По их словам, он якобы тормозил ликвидацию заговора по Тихоокеанскому флоту. В доказательство они писали, что 18 августа перед Люшковым ставился вопрос об аресте Лаврова и Бибикова, но ничего не было сделано для осуществления их ареста.

В ответ на это обвинение Люшков пишет, что он приехал в гор. Хабаровск 9 августа и несмотря на то, что первое время все внимание в соответствии с указаниями Ежова сосредоточил на расчистке аппарата НКВД от предателей, он сразу обратил внимание и на Тихоокеанский флот. 18 августа он вызвал из Владивостока для доклада Осмоловского и по своей инициативе поставил перед ним вопрос о вскрытии заговора. В тот же день отправил в Москву телеграмму, где ставил вопрос об особо важном значении развития этого дела, прося санкции на аресты. Посылая Диментмана во Владивосток, Люшков поставил перед ним задачу по ликвидации заговора, так как считал работу не удовлетворительной. Как только 16 октября

получил сообщение об Окуневе от Диментмана, в тот же день поставил вопрос об его аресте. При этом указав Диментману на то, чтобы он без его ведома не ставил вопрос об аресте Окунева. При этом Люшков исходит из директивы Ежова, указывавшей на необходимость прекратить самостоятельную постановку местными органами перед Москвой вопросов об арестах подозреваемых без ведома начальников унквд.

Люшков считал, что он должен нести ответственность за порученное дело и сам решать эти вопросы. Он пишет, что не сомневался в наличии заговора в Тихоокеанском флоте и не брал под сомнение показания отдельных арестованных. После выезда во Владивосток он перед руководством еще шире поставил вопрос о существующем заговоре. 12 декабря 1937 г. Диментману были даны указания о своей позиции в ликвидации этого заговора.

В отношении ссылок на заявление Люшкова о чересчур близких отношениях с Военсоветом руководства УНКВД, то оно основывалось на том, что Диментман и Осмоловский пытались создать такое положение, когда Военсовет был полностью в курсе всех чекистских мероприятий, зная обо всех решениях раньше Люшкова, решая вопросы оперативночекистской работы (аресты и т. п.). Люшков считал такое положение неправильным, полагая, что аппарат НКВД не может быть информатором у Киреева. Осмоловский и Диментман сознательно извращали его разговор. Их заявление, что мероприятия НКВД по разоблачению изменников и врагов в народе встречали как запугивание, является клеветой.

В заключении Люшков извинялся, что занял у Ежова дорогое время, но выдвинутые против его обвинения были настолько тяжелые, что он не мог не задержать внимание Ежова на своих объяснениях. Он заверил

наркома, что никогда, никаких колебаний в борьбе с врагами народа он не проявлял и не проявляет.

Вместе с тем существует версия, что Люшков действительно испугался показаний арестованного начальника УНКВД по Приморской области Я. С. Визеля, с которым работал в конце 1920-х гг. в ИНФО ГПУ Украины. При обыске у Визеля был изъят портфель, в котором помимо бумаг лежали полотенце, кусок туалетного мыла и две шоколадные конфеты. Осмотрев мыло, в нем нашли тщательно замаскированное отверстие, наполненное неизвестным порошком, предположительно ядом. В одной из шоколадных конфет также оказался яд (сулема). О находке сообщили Люшкову, тот приказал ядовитый порошок не извлекать, а отверстие аккуратно заделать. После того как Визель начал давать показания о своей антисоветской деятельности на Украине и Дальнем Востоке, ему передали в камеру отобранные кусок мыла и конфеты. Спустя час Визель отравился. Его в тяжелейшем состоянии доставили в тюремную больницу, где спустя несколько дней он скончался. Согласно этой версии, Люшков, решил не испытывать судьбу и дал возможность отравиться своему бывшему коллеге. Ведь неизвестно, что бы он мог наговорить [\[362\]](#).

26 мая 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение произвести перестановки в органах НКВД. Согласно этого постановления большая группа лиц перемещалась на другие должности в этой структуре. Так Г. С. Люшков освобождался от работы начальника УНКВД Дальневосточного края. Его отзывали для работы в центральном аппарате НКВД СССР. На его место был утвержден начальником УНКВД ДВК Г. Ф. Горбач, освобожденный от должности начальника УНКВД Новосибирской области [\[363\]](#).

Через два дня, 28 мая 1938 г. за № 1155 Люшков получает шифровку из Москвы от Ежова, в которой последний писал, что «в ближайшее время, в связи с реорганизацией ГугБ НКВД предполагаю Вас использовать центре. Подбираю Вам замену. Сообщите Ваше отношение к этому». В ответ Люшков пишет «Считаю за честь работать Вашим непосредственным большевистским руководством. Благодарю за оказанное доверие. Жду приказаний».

Несмотря на то, что решение о работе Люшкова в центральном аппарате было принято, Люшков по своим каналам получил информацию о якобы предполагавшимся своем аресте при приезде в гор. Москву.

Данная информация о его предполагаемом аресте вызывает сомнения. К чему такая подготовка? Люшкова можно было вызвать в Москву и под множеством других предлогов, а не готовить специальный приказ о его откомандировании. Или арестовать на ДКВ. Ни раньше, ни позже таких «липовых» приказов для ареста сотрудников органов безопасности никогда не готовилось. Тем не менее, Люшков испугался репрессий и совершил побег к японцам.

Вне всякого сомнения, принятию этого решения способствовал арест И. М. Леплевского, и М. А. Когана, близких ему людей. Бывший нарком внутренних дел СССР И. М. Леплевский 26 апреля 1938 г. был арестован по обвинению в «активном участии в правотроцкистской антисоветской организации и проведении контрреволюционной предательской деятельности». По его показаниям проходил друг Люшкова Коган, которого срочно откомандировали из ДВК в распоряжение центра. Заподозривший что-то недоброе Люшков попросил Когана позвонить из Москвы в Хабаровск и сообщить о причинах вызова, но

обещанного звонка не дождался. Коган по прибытии в столицу был арестован.

После побега Люшкова к японцам проведенным расследованием было установлено, что он использовал свое служебное положение под предлогом, якобы, предстоящей встрече с крупным агентом в сопредельной территории. В ночь с 12 на 13 июня 1938 г. он своим приказом открыл государственную границу на участке заставы им Косарева 59-го Посьетского пограничного отряда и совершив нелегальный переход границы.

План нелегального ухода за границу им был заранее тщательно разработан. С этой целью он три раза в течение месяца приезжал на эту заставу, где детально знакомился с прохождением линии границы и с путями, ведущими к японской заставе Пензау и маньчжурскому городу Хуньчун.

В первый раз Люшков приехал на заставу в сопровождении начальника пограничного отряда — полковника Грибенника, в ночь с 12-е на 13-е мая 1938 г. Вместе с ним и начальником заставы лейтенантом Дамаевым, Люшков вышел на линию государственной границы, где ознакомился с местностью сопредельной стороны, прилегающей к границе.

В тот же день Люшков в сопровождении начальника оперативного отдела штаба Пограничных и Внутренних Войск ДВО полковника Иванова, заместителя начальника 7-го отдела УНКВД лейтенанта государственной безопасности Стрелкова, начальника Гродековского Погранотряда майора Порховникова, заместителя начальника Особого Отдела Приморской группы Войск Сквозникова и коменданта участка Гродековского погранотряда Соловьева посетил заставу Ушагоу Гродековского погранотряда. На этой заставе Люшков интересовался расположением японских

гарнизонов, их наблюдательно-разведывательными пунктами и путями движения нарушителей границы на участке этой заставы.

Вторично Люшков выехал на границу в сопровождения лейтенанта госбезопасности Стрелкова 28 мая 1938 г. Перед выездом, Люшков вызвал к себе начальника пограничных и внутренних войск НКВД ДВО комдива Соколова. Им был зачитан, якобы, полученный телеграфный приказ Народного Комиссара Внутренних Дел СССР Ежова о том, что лично ему, Люшкову, предлагается принять крупного агента, который должен был прийти с сопредельной территории на участке заставы 59-го Посьетского пограничного отряда. Об этом он заявил и лейтенанту госбезопасности Стрелкову. Выезжая с Люшковым на границу, Стрелков, по его поручению, взял с собой 15.000 разной иностранной валюты для передачи агенту с сопредельной стороны, с которым Люшков, якобы, должен был иметь встречу.

29-го мая 1938 г. Люшков, в сопровождении начальника погранотряда полковника Грибенника и лейтенант госбезопасности Стрелкова приехал на заставу.

Его приезд на заставу конспирировался от личного состава заставы, в том числе и от его начальника лейтенанта Дамаева. Перед самым выходом на линию государственной границы Люшков через полковника Грибенника отдал лейтенанту Дамаеву приказание пограничных нарядов в район пограничного знака № 8 не высылать. Что и было выполнено.

На линию государственной границы Люшков вышел в сопровождении полковника Грибенник, лейтенанта Дамаева и лейтенанта государственной безопасности Стрелкова. После ознакомления с участком границы Люшков выбрал место для своего расположения против распадка на сопредельной территории, на удалении от

линии государственной границы примерно в 200 метрах.

Люшков приказал полковнику Грибеннику занять позицию влево от него на расстоянии 300 метров, а лейтенанту госбезопасности Стрелкову — вправо на 100-150 метров. Лейтенанту Дамаеву Люшков приказал вернуться на заставу и прибыть к нему в 3 часа 30 мая. Таким образом Люшков остался один на приготовленной им позиции, имея при себе портфель, в котором находилось 15.000 разной иностранной валюты, взятой им у Стрелкова перед уходом с заставы на границу.

В 3 часа 30 мая, согласно полученным указаниям, лейтенант Дамаев подошел к месту расположения Люшкова. На месте его не было. После двухчасовых поисков он был обнаружен у пограничного знака № 8. Свое пребывание там Люшков объяснил тем, что он, якобы, ночью поднялся с места, отошел в сторону, где-то упал. Заметив сопку и опасаясь заблудиться, забрался на нее и стал ждать рассвета. Люшков, мотивируя оперативными соображениями, отдал приказ полковнику Грибеннику, лейтенанту Дамаеву и лейтенанту госбезопасности Стрелкову хранить в секрете его посещение заставы и блуждания на линии границы.

Позже, 9 июня Люшков вместе с начальником штаба ОКДВА комкором Штерн выехал в г. Ворошилов и далее в г. Гродеково. Эта поездка мотивировалась серьезными происшествиям на участке 58-го Гродековского погранотряда, выразившимися в убийстве одного и уводе за границу другого красноармейца частей ОКДВА. По приезде в отряд Люшков выходил на линии границы застав: Рассыпная падь, Банная, им. Котельникова, и Кордонка, где он интересовался путями движения за кордон, месторасположением гор. Пограничного (Манчжурия) и т. п.

12-го июня 1938 г. возвратившись в гор. Ворошилов, Люшков выехал оттуда в сопровождении полковника Иванова и лейтенанта госбезопасности Стрелкова на участок 59-го Посьетского погранотряда. Начальник штаба отряда майор Алексеев, замещавший начальника отряда полковника Гри-бенника, находившегося в это время в Хабаровске о предстоящем приезде Люшкова был поставлен в известность заранее по телефону. Люшков предлагая лейтенанту Дамаеву неотлучно находиться на заставе.

Майор Алексеев принял меры к обеспечению безопасности проезда Люшкова по шоссе на участке отряда. Дал указание об усилении охраны государственной границы. Назначил для сопровождения Люшкова лейтенантов Карташова и Агевича. Сам к 17 часам выехал для встречи Люшкова на разветвление дорог Барабаш-Посьет-Краскино, где он и встретил его в 18.00 ехавшего в сопровождении полковник Иванова и лейтенанта госбезопасности Стрелкова.

В селении Краскино Люшков пересел на машину Посьет-ского пограничного отряда, при этом майору Алексееву и лейтенантам Карташову и Агевичу, а также полковнику Иванову Люшков приказал выехать в Посьет и ждать там его приказаний. Сам он в сопровождении Стрелкова поехал на заставу им. Косарева. Выезд на заставу Люшков вновь мотивировал предстоящей встречей с тем агентом, который не пришел в первый раз. Стрелков, по приказанию Люшкова, взял всю наличную валюту ИНО уже в сумме 4.500 гоби и иен, которую ему передал на заставе.

Охрана государственной границы в районе пограничных знаков № 7 и № 8 была построена следующим образом. Один секрет в составе 3-х человек с 17 часов — 12 июня до 3 часов — 13 июня высылался к погранзнаку № 8. Такой же секрет в составе 3-х человек



с 21 часа — 12 июня до 5 часов — 13 июня высылался к погранзнаку № 7. Остальные наряды высылались на другие направления и участки государственной границы. Резерва на случай назначения новых дополнительных нарядов на заставе не было. План этот передан был по телефону в штаб Краскинской комендатуры, оттуда никаких изменений не последовало.

Около 19 часов Люшков приказал лейтенанту Дамаеву лично, без сопровождающего наряда вести его и лейтенанта госбезопасности Стрелкова к линии государственной границы, где он располагался в прошлый раз в ночь с 29 на 30 мая. Нарядов в район его расположения приказал не высылать. Этим приказом Люшков заставил лейтенанта Дамаева заранее выработанный план охраны границы в ночь на 13 июня аннулировать и открыть границу в районе погранзнака № 8.

На границе Люшков подробно расспрашивал лейтенанта Дамаева о прохождении линии государственной границы, о месте расположения японской заставы Пензау и городе Хуньчун. Получив исчерпывающие ответы Дамаева, Люшков выбрал себе для расположения место в десяти метрах от линии государственной границы рядом с распадком.

Приблизительно в 23 часа Люшков, одев поверх формы штатское черное пальто и кепку, расположился на выбранном им месте. В связи с тем, что ожидаемый им агент якобы мог, несколько отклонившись, выйти вправо или влево от него, он приказал лейтенанту Дамаеву расположиться слева от себя в 600 метрах, а лейтенанту госбезопасности Стрелкову — справа на 250 метров, для наблюдения за сопредельной территорией с правого фланга.

Позже было установлено, что фактически Дамаев расположился от места залегания Люшкова на 300

метров, а Стрелков на 24 метра.

Местность в районе перехода Люшкова за границу была пересеченная. В 10 метрах от того места, где располагался Люшков, начинался распадок со средним падением. Человек скрывался в нем, примерно, через 20 шагов. Он просматривался только с точки залегания Люшкова.

В это время было пасмурно, облачно и темно. С 5-ти часов до 7 часов 30 мин стоял большой туман. Видимость была ограниченная. Силуэт человека можно было заметить не более как на 25-30 метров. Место расположения Люшкова с позиции Дамаева из-за складок местности не просматривалась, а с позиции Стрелкова просматривалась только в условиях хорошей видимости.

Около 2 ч. 30 м. 13 июня Дамаев, считая, что Люшков уже закончил операцию по связи с агентом, снялся со своей позиции и пошел к месту, где оставался Люшков. Однако последнего он там не нашел. Дамаев сообщил об этом Стрелкову. Полагая, что Люшков, как и в прошлый раз заблудился или же где-нибудь по близости спит, они не приняли мер к немедленному сообщению о чрезвычайном происшествии, решив искать Люшкова самостоятельно.

Лишь после 7 часов утра, когда разошелся туман и стало светло, Стрелков и Дамаев отчетливо увидели идущий след от места залегания Люшкова по пади за границу. Полагая, что Люшков заблудился и находится где-нибудь поблизости, Дамаев дал с промежутками 2 ракетных выстрела. Затем они обследовали весь участок границы и лишь в начале 9-го часа, по распоряжению Стрелкова, Дамаев отправился на заставу и по телефону сообщил в Посьет полковнику Иванову о происшествии.

После чего лейтенант Дамаев возвратился к месту залегания Люшкова и пошел по обнаруженному следу

через линию государственной границы на сопредельную территорию на расстояние в 1 километр от линии границы. При выходе на дорогу, идущую от погранзнака № 8 к японской заставе Пензау, след терялся. Осмотрев в этом районе местность, Дамаев около 10 часов вернулся обратно. Японских нарядов во время нахождения на сопредельной территории он не встретил.

При обследовании места, где располагался Люшков, никаких других следов или признаков насильственного увода Люшкова на сопредельную территорию обнаружено не было. Люшковым была оставлена зеленая пограничная фуражка, которой он маскировался, направляясь с заставы на линию границы, форменный плащ, коробка к пистолету «Маузер» и бутылка от нарзана.

На сопредельной территории в течение дня 13 июня пограничными нарядами отмечалось необычное оживление, это выражалось в движении автомашин и в том, что с японской заставы Пензау в сторону государственной границы на машине были выброшены 2 наряда — один в составе 4-х человек в направлении погранзнака № 8, второй — в составе 7-ми человек в направлении погранзнака № 7, что ранее не отмечалось.

Факт бегства начальника УНКВД Дальневосточного края к японцам был очевиден, хотя информации о нем первое время никакой не было.

Как и следовало ожидать, после этого события была арестована жена Люшкова — Письменная Нина Васильевна.

15 июня 1938 г. на допросе она сообщила зам. наркому НКВД Фриновскому, что с Люшковым она познакомилась в 1931 г. в гор. Харькове и через месяц — полтора после знакомства вышла за него замуж и уехала с ним в Москву, по месту его новой службы.

Она рассказала, что у Люшкова живут в Харькове мать, брат Семен, две сестры — Лиза и Нюра. Семен Люшков работает инженером, за принадлежность к троцкистам его в 1935 г. или в 1936 г. исключили из партии. До этого муж был с ним в хороших отношениях. Семен гостил у них в Москве. Со своими сестрами Люшков был менее близок, чем с братом, но тем не менее всегда заботился о них, посылал им и матери деньги. Нюра была им устроена на службу в ПК (перлюстрация корреспонденций). Вторая сестра Лиза — врач.

Наиболее близкими друзьями Люшкова были: И. М. Леплевский, М. А. Коган, Г. М. Осинин. С этими людьми у Люшкова была политическая дружба и между ними, особенно между Люшковым и Леплевским, и Люшковым и Коганом не было секретов.

До осени 1931 г. Люшков был в очень хороших отношениях с В. А. Балицким, но со времени переезда Балицкого в Москву в качестве зампреда эти отношения ухудшились. Люшков объяснял этот поворот во взаимоотношениях с Балицким тем, что последний поддерживал, как он выражался, выскочку — Письменного и его преследования меня, как бывшей жены Письменного. В самом деле, как потом оказалось, Люшков изменил свои отношения к Балицкому потому, что он начал сблизиться с Ягодой и его группой. Когда И. М. Островский сблизился с нашим домом, он неоднократно подчеркивал хорошие отношения и доверие Ягоды к Люшкову.

Люшков установил также хорошие отношения с Я. А. Дейчем, Б. Д. Берманом, бывая друг у друга на дому; кроме того, бывали иногда у Л. Д. Буля. Он был также в хороших отношениях с Дейчем Максом, Бельским Яшей и Западным Семеном.

Нина сообщила, что в 1935 г. они с мужем отдыхали в Сочи совместно с А. А. Андреевой, с которой близко

сошлись. Позже они бывали друг у друга на дому.

Она отметила, что до 1936 г. у Люшкова была троцкистская литература: собрание сочинений и несколько книг Троцкого, изданных за границей. Эту литературу он частично сжег дома в 1936 г., а часть книг, по его словам, отнес в НКВД. Вместе с троцкистской литературой хранилось несколько журналов «Социалистического вестника».

Как Люшков реагировал на снятие Ягоды, жена Люшкова не вспомнила, но арест Молчанова, по ее словам, очень взволновал и Люшкова, и Когана. О чем они узнали в Ростове. Этот период работы Люшкова она характеризует большой нервозностью с его стороны. Я. А. Дейч ежедневно, иногда по несколько раз в день звонил Люшкову в Ростов по ВЧ и информировал его о московских новостях. Эти новости и служили причиной волнений Люшкова. Если эти разговоры по телефону происходили в ее присутствии, но они носили условный характер, так что ей трудно было догадаться, о чем и о ком идет речь. С назначением Люшков на ДВК он успокоился, считая, что Н. И. Ежов относится к нему хорошо, но в январе 1938 г. в настроениях Люшков произошла перемена — он начал нервничать и беспокоиться. Появилось большое беспокойство и у Когана.

Будучи с Люшковым в январе 1937 г. в Москве Нина спрашивала его, не боится ли он ареста в связи с арестами ряда его близких знакомых и сослуживцев. На что он ответил: «да, страшно, все может быть». В это время у нее появились опасения за свою судьбу. Она неоднократно спрашивала, что же будет с ним, на что он обычно отвечал лаконически: «да, все может быть». В этот период времени Люшков сделал ей предложение разойтись с ним.

В середине мая 1938 г. Люшкову стало известно об аресте И. М. Леплевского. Внешне Люшков делал вид,

что он не реагирует на этот факт, тем не менее, было видно, что он очень волнуется. С тех пор он стал задумчив и замкнут. Его сильно беспокоил отзыв Когана из ДВК и отсутствие от него писем и телеграмм.

К тому же времени относится вызов Осинина в Москву и его возвращение в ДВК. Возвращению Осинина Люшков был очень рад, ждал его с нетерпением.

Перед отъездом Когана в Москву Люшков сказал в Хабаровске на вокзале, что не исключена возможность его ареста, что вместо нового назначения попадет в Лефортовскую тюрьму.

В мае месяце 1938 г. Люшков начал уговаривать Нину поехать в Москву с дочерью и, несмотря на ее возражения, настоял на этой поездке. Люшков советовал взять все свои вещи, мотивируя это тем, что за время ее отсутствия его, возможно, переведут в Москву. Перед отъездом дал ей восемь тысяч рублей и облигаций на шесть тысяч рублей.

Далее она сообщила, что в последних числах мая Люшков уехал на границу и взял с собой штатский плащ и кепи. При нем был его портфель, наполненный документами, который он привез обратно. Из вещей он брал одну смену белья, носовые платки, носки. Все это он привез обратно в неиспользованном виде, хотя он был в дороге около 8 дней. Плащ был запачкан якобы в машине, где он валялся. С ее слов это был первый случай в ДВК, когда он брал с собой штатскую одежду.

Уезжая на границу, Люшков сказал, что приедет не позже 3 июня, т. к. на это число был назначен день отъезда Нины. Однако Осинин сообщил, что Люшков задерживается и просит перенести отъезд на 5 июня, что и было сделано. Люшков вернулся в Хабаровск 4-го июня в подавленном состоянии духа. Прощался с женой сверх ожидания, очень тепло, как бы зная, что расстается с ней навсегда. Поведение Люшкова в течение 4 и 5 июня было очень странным,

чувствовалось, что в нем происходит какая-то борьба. На вокзале он просил жену телеграфировать ему с пути и сам обещал сделать то же. В Иркутске 8 июня она получила в поезде телеграмму от Люшкова и ответила ему.

Люшков говорил жене, что собирается на месяц поехать на границу. Собирался в ближайшее время поехать на Сахалин.

Никаких поручений к своим родным Люшков жене не давал и не говорил о них.

О своем выезде Нина с дороги телеграфировала в Москву воспитаннику Люшкова Ройфе Александру Владимировичу на его служебный адрес — АХу НКВД. Ройфе опоздал на вокзал к приходу поезда и приехал 13 вечером к ней домой. Люшков рассказывал ей, что ранее Ройфе был беспризорным, он его воспитал.

Жена Люшкова рассказала, что муж дважды был за границей на лечении, в 1927 и 1928 гг. и то, что он был в большой дружбе с секретарем Леплевского — Инсаровым.

На следующий день, 16 июня 1938 г. она показала, что за семь лет своей совместной жизни с Г. С. Люшковым она не наблюдала случая, чтобы он чем-нибудь выражал свою радость по поводу достижений Советской власти. По ее словам, он был страшным карьеристом и по своим человеческим качествам был весьма отрицательным типом: лицемером, злопамятным и завистливым чиновником. За годы их совместной жизни Люшков никогда не читал и не интересовался политической литературой, хотя очень увлекался художественной. До 1933 г. Люшков, выполняя некоторые общественные и партийные обязанности, ими не тяготился. Но с 1933 г. в нем произошла большая перемена — он стал относиться равнодушно к политической жизни. К факту его избрания в Верховный Совет СССР отнесся безразлично, не переживал радости

по поводу принятия Сталинской Конституции. Также равнодушно он относился к работам 1-й Сессии Верховного Совета. Больше того, в отношениях Люшкова к большим и важным достижениям Советской власти сквозила ирония. Ей особенно запечатлелось его ироническое отношение к стихотворениям Джамбула, посвященным Сталину. По поводу процессов правотроцкистских шаек Люшков не выражал никакого негодования и не реагировал на них ни единым словом, хотя дома подымался этот разговор.

Оценивая семь лет их совместной жизни, Нина рассказала, что Люшков носил маску, при помощи которой старался скрыть от людей, от партии и советской власти свою пошлость, свое двурушничество и предательство. По ее мнению, Люшкова и Когана связывала какая-то тайна. Люшков в душе не любил Когана, так же как Коган не был искренен к Люшкову, но тем не менее они стремились работать вместе. В январе 1938 г. Люшков говорил, что он ставит вопрос об отзыве Когана, но причины этого жене не объясняет.

Аресты Молчанова и других лиц, с которыми Люшков был в близких отношениях, огорчали его. Однако по поводу арестов Балицкого и его группы он злорадствовал. О ходе следствия по делу украинских чекистов его ориентировал по телефону из Киева И. М. Леплевский. С 1936 г. Люшков старался конспирировать от жены свои встречи с Леплевским. Нине казалось, что это объяснялось его отрицательным отношением к Леплевскому, на почве его вмешательства в их семейную жизнь.

Когда позже Люшков сообщил ей в мае 1938 г. об аресте Леплевского, Нина задала ему вопрос, а как с Инсаровым? На что Люшков ответил, что, наверное, арестован и Инсаров.

В заключении она рассказала, что Люшков условился писать ей в Москву не на адрес квартиры, а



до востребования, на имя ее матери, которую она предполагала пригласить к себе в гости из Кисловодска. На вопрос жены зачем он это делает, Люшков не ответил.

По ее словам, в Хабаровске у них дома бывали только Коган и Осинин.

С Блюхером Люшков был в плохих отношениях. Она однажды невольно слышала разговор Люшков с Осининым о Блюхере, после чего ей стало ясно, что Люшков не ладит с Блюхером и не любит его.

Жена Люшкова рассказала все. Было ясно, что о готовящемся побеге она ничего не знала. Тем не менее, 19 января 1939 г. она как «член семьи изменника Родины» была осуждена на восемь лет лишения свободы. Через восемь лет была освобождена.

НКВД спешно проводило расследование бегства Люшкова. Ежов докладывал Сталину предварительные результаты расследования обстоятельств измены бывшего начальника НКВД по ДВК. Он писал, что НКВД располагало сведениями, что Люшков был близок к Молчанову и Ягоде и являлся для них своим человеком. В силу этого им было принято решение Люшкова с Дальнего Востока отозвать.

Ежов считал, что по ряду выявленных теперь признаков можно судить, что решение бежать за кордон созрело у Люшкова давно, а самый побег тщательно подготовлялся им в течение длительного времени. При этом он ссылается на показания арестованной жены Люшкова, изложенные выше.

Он сообщал, что 13 и 22-29 мая Люшков под различными служебными предлогами один, без секретаря, выезжал на границу, на участки Гродековского и Посъетского пограничных отрядов и обстоятельно занимался вопросами работы иностранного отдела и, в частности, вопросами переброски и приема закордонной агентуры. До этого

Люшков на границе никогда не был и работой Иностранного отдела особенно не интересовался.

По показаниям заместителя начальника Иностранного отдела УНКВД по ДВК Стрелкова 28 или 29 мая Люшков вызвал его к себе с докладом. Не слушая доклада, Люшков взял со стола несколько телеграфных бланков, исписанных его рукой, и задал Стрелкову вопрос: «Вы знаете, как может ИНО перебрасывать свою агентуру без пограничной охраны?» На этот вопрос Стрелков ответил отрицательно. Тогда Люшков сказал, что от Народного Комиссара им получено задание, которое лично им было расшифровано, — принять важного агента, ожидаемого из Хунчуна на участке заставы имени Косарева.

Люшков приказал Стрелкову для проведения операции достать 15 тысяч валюты и строго предупредил никому, даже его заместителю Осинину ничего об операции не говорить. Если кто-либо будет интересоваться поездкой, то сказать, что Люшков едет обследовать Приморское управление НКВД и одновременно для того, чтобы подобрать кандидатуры для вербовок и для участия в областной партийной конференции.

Заехав в гор. Ворошилов на полтора часа, Люшков сразу же выехал на заставу имени Косарева. На заставе Люшков по карте участка границы выбрал дорогу, идущую с территории СССР на гор. Хунчун, и приказал начальнику заставы вести его на участок. Вместе с собой Люшков взял начальника Посъетского пограничного отряда Гребеника, Стрелкова и начальника заставы, которым приказал пограничные наряды на избранном участке не выставлять.

По истечении условленного времени Люшков на месте мнимой встречи с агентом обнаружен не был. Его нашли только через 2 часа, примерно в трехстах метрах от границы. Люшков причину своего отсутствия

объяснит тем, что заблудился и категорически приказал никому об этом не говорить. Стрелков, Гребеник и начальник заставы это приказание выполнили.

Ежов делает вывод, что Люшков еще 28-29 мая подготовил свой побег за границу, а вернувшись в Хабаровск, ускорил свои домашние дела, отправив жену и дочь в Москву вместе с их имуществом.

Далее Ежов пишет, что 9 июня Люшков, совместно с начальником штаба ОКДВА комкором Г. М. Штерном, полковником Ивановым, заместителем начальника Иностранного отдела Стрелковым и сотрудником УГБ Просторулаковым, выехал в Гродеково. Эту поездку Люшков мотивировал необходимостью личной проверки обстановки в Гродековском укрепленном районе в связи с захватом и уводом японцами красноармейцев. Одновременно Люшков приказал подготовить к переброске за кордон агента и 2 группы партизан для действий против белых в Пограничной.

Из Гродеково ночью 10 июня Люшков выехал на заставу Рассыпная Падь, где интересовался степенью защищенности границы. 11 июня он заявил, что ночью на участке Рассыпная Падь, или Падь Этапная, на территорию СССР должен выйти агент, прибывающий из Харбина. Приказал полковнику Иванову выехать на заставу Кордонка и обследовать территорию. Позже Люшков сам прибыл на заставу Кордонка и оттуда направился к границе. При этом Люшков пытался приблизиться к линии границы, но предупреждался в нецелесообразности этого. Ночью 11 июня Люшков еще раз выезжал на границу к Рассыпной Пади.

В 7 часов утра 12 июня Люшков прибыл в г. Ворошилов и направился в Областное Управление НКВД, откуда в 9 часов прибыл в свой вагон, где запершись в салоне, вел продолжительную беседу с комкором Штерном. В 11 часов вместе с Ивановым и Стрелковым Люшков выехал в Посьет и в 19 часов прибыл на заставу

имени Косарева, где приказал начальнику заставы Домаеву вести его к границе. Там он в бинокль тщательно изучал местность, спрашивал, где находится город Хунчун, где расположена японская застава.

Далее описывался побег Люшкова. Сообщалось, что никаких ценных документов при себе он не имел. Однако, обладая достаточной памятью, он хорошо и подробно помнит все основные данные, касающиеся вопросов обороны Дальнего Востока, работы органов НКВД и охраны границы.

Из беседы с комкором Штерном Люшкову также могли стать известными и намечаемые по ОКДВА организационные мероприятия.

По данным закордонного агента Хунчунской жандармерии было выяснено, что Люшков был обнаружен на территории Манчжоу-Го при обходе японской пограничной стражи в 5 часов 13 июня. При нем было 2 пистолета и свыше 3 тысяч гоби. На месте не было переводчика и Люшкова направили в Хунчунскую жандармерию, где он стал сообщать важные военные данные, о чем сразу было сообщено штабам Ковейской и Квантунской армий.

Из-за границы были получены сведения, что 19 июня в Хунчун прибыл командующий японской армией в Корее генерал Койса, якобы, для инспектирования войск в Хунчуне. Однако можно предположить, что его приезд связан с нахождением в Хунчуне Люшкова.

Ежовым были даны указания усилить охрану границы, принять меры к сохранению агентуры в Корее, свернуть резидентуры, непосредственно подчиненные Хабаровску.

Люшков же после своего бегства был доставлен в Японию, тайно помещен в так называемую «контору Кудан», где систематически допрашивался.

При переходе границы у Люшкова действительно никаких документов не было. При себе имелось лишь

служебное удостоверение, два пистолета (системы «маузер» и «дер-ринджер»), часы «лонжин», черные очки, папиросы, 4153 йены в японской, корейской и маньчжурской валюте, 160 рублей, орден Ленина и еще две награды (имеется в виду почетные знаки: V лет ВЧК и XV лет ВЧК-ОГПУ), фотография жены, телеграмма и несколько документов на русском языке. Все остальное он «хранил» у себя в голове.

«Как ни старались японцы сохранить в секрете побег Люшкова, об этом (до сих пор неизвестно, каким образом) пронюхали агенты польской разведки. Но их собственное руководство в это не поверило. Сведения были очень расплывчатыми. Впервые анонимная информация о переходе Люшкова к японцам была помещена в одной из газет Риги 24 июня. Через неделю аналогичная заметка появилась в немецкой прессе. Советские власти "железобетонно" молчали, хотя им уже стало ясно: Люшков сбежал. О том, что Люшков находился в Японии, не знали даже сотрудники японского посольства в Москве. Уже после разгрома Японии американские исследователи нашли в материалах японского МИДа несколько нот советского посла в Японии с требованием выдачи Люшкова <sup>[364]</sup>».

Вот что вспоминал о первых допросах Люшкова бывший начальник военной разведки в Сеуле Матасаки Онухи: «Допрос проходил в здании штаба, в комнате для высоких гостей... Люшков был человеком среднего телосложения, среднего роста, с усиками, как у Гитлера, волосы на голове курчавились и были взлохмачены. По лицу генерала было видно, что возбужден и напряжен. По документам Люшкову было 38 лет, но выглядел он старше. Первый допрос продолжался до ужина и носил формальный характер. Возраст, профессия, мотивировка побега и т. д. Что касается мотивировки побега, то было сказано, что

побег продиктован опасениями в связи с чистками по приказу Сталина. После допроса сели за обеденный стол. На ужин была подана традиционная японская пища. Люшков, видимо, оказался голоден и без какого-либо неудовольствия съел все, хотя впервые пробовал японские блюда».

Во время второго допроса Люшков выдвинул условия, на которых он согласен был сотрудничать с японцами. Он требовал обещаний освобождения и возможности выезда в третью страну, возвращения изъятых у него денег, а также выплаты дополнительно 500 тысяч японских иен и обеспечения ему безопасности на весь период пребывания в Японии. Также бывший комиссар госбезопасности 3-го ранга просил получить подтверждения того, что его семья успела бежать в Финляндию. Если же хоть одно условие не будет выполнено, Люшков обещал держать свои секреты при себе.

Японцы пригрозили перебежчику, в случае молчания он будет либо предан суду за незаконный переход границы, либо депортирован в Советский Союз. На эти угрозы Люшков, как вспоминал Матасаки Онухи: «Не меняясь в лице... сказал, что, если подобное произойдет, японской армии, видимо, впоследствии придется раскаиваться, и спокойно пояснил, что 500 тысяч иен — небольшие деньги по сравнению с затратами на войну в Китае. Я сказал, что сам не уполномочен принять такие условия. В ответ Люшков заявил, что в таком случае не скажет больше ничего до подтверждения его условий. И хотя я убеждал его, что японская армия ничего плохого не сделает, все это напрасно. Поэтому и на втором допросе он ничего не раскрыл». Тем временем в Сеул прибыл представитель 2-го отдела Квантунской армии подполковник Тацуро Утагава. Он ознакомился с протоколами первых

допросов, дополнительно опросил Люшкова и забрал его с собой в штаб Квантунской армии.

В Харбине Люшков практически все время проводил на допросах. Его шантаж японцев оказался бессмыслен, и он был вынужден уступить требованиям своих новых хозяев. Он стал выдавать всю известную ему информацию о военном и политическом положении в Советском Союзе [\[365\]](#).

По свидетельству бывшего офицера 5-го отдела японского Генштаба Коидзуми Коитиро: «Сведения, которые сообщил Люшков, были для нас исключительно ценными. В наши руки попала информация о вооруженных силах Советского Союза на Дальнем Востоке, их дислокации, строительстве оборонительных сооружений, о важнейших крепостях... В полученной... информации нас поразило, что войска, которые Советский Союз мог сконцентрировать против Японии, обладали, как оказалось подавляющим превосходством...». Офицеру японского Генштаба вторил и начальник разведывательного отдела Корейской армии Масатака Онуки: «В его информации было такое, что являлось для нас серьезным ударом. Советская Дальневосточная армия неуклонно наращивала свою мощь, а... японская армия... совершенно не была готова к военным действиям с Советским Союзом» [\[366\]](#).

Вскоре Люшкова перевезли на самолете в Токио. В японской столице его вначале передали в распоряжение специального отдела безопасности Министерства внутренних дел, а затем вновь вернули военным разведчикам. Для уединенного и безопасного проживания ему был выделен небольшой особняк в токийском районе Кудан. Допросы Люшкова продолжились. Теперь их вели сотрудники специальной группы, состоявшей из представителей военной

разведки и иностранного отдела МВД (главным образом специалистов по Советскому Союзу). В дальнейшем эту группу в донесениях японского разведывательного сообщества стали именовать «конторой Кудан», по месту ее постоянного нахождения<sup>[367]</sup>.

Представленные Люшковым сведения позволили руководству Японии по-иному взглянуть на своего западного соседа. Сведения Люшкова о том, что Советский Союз намерен дожидаться момента, когда Япония истощит свои силы в войне с Китаем, а затем осуществит на нее нападение, во многом изменили внешнеполитические и военные планы Японии.

После того, как Люшков был переброшен в Токио, начальник восьмого отдела Кояма Ясуо решил использовать его для активизации антисоветской пропаганды. Его назначили старшим консультантом в совершенно секретном отделе, который занимался пропагандой, разведкой и психологической войной против СССР. «В ноябре 1937 г. было утверждено "распределение обязанностей между управлениями центрального аппарата императорской армии в военное время". В соответствии с этим распределением "ведение пропаганды, организация подрывных действий и контрразведка возлагаются в основном на начальника второго отдела с привлечением в необходимых случаях к выполнению этих функций начальника восьмого отдела, начальника управления информации и других работников". Таким образом, ведение пропаганды возлагалось на Кояма.

Восьмой отдел составил проект пропагандистских мероприятий, а организация их проведения была возложена на управление информации военного министерства. В этом управлении имелся отдел планирования, который также составлял различные планы пропагандистских мероприятий. Однако в случае



с Люшковым эти планы были разработаны восьмым отделом, а выполнялись они управлением информации, поскольку Кояма рассчитывал использовать бегство Люшкова в целях развертывания антисоветской пропаганды в международном масштабе.

Отдел планирования управления информации принял предложения Кояма и приступил к их реализации. 1 июля японским корреспондентам, аккредитованным в пресс-клубе военного министерства, была передана информация о бегстве Люшкова. Одновременно эта же информация была распространена иностранными телеграфными агентствами Ассошиэтед пресс; Юнайтед пресс, агентством Байас, ДНБ, а также опубликована в выходящей в Японии на английском языке газете "Джапан адвертайзер". Сообщения вызвали громадный отклик. Задачей этой пропагандистской акции было показать тоталитарный характер сталинского режима, убедить всех в опасности коммунизма. Цель была достигнута. В американских и немецких газетах также появились статьи, осуждающие сталинский режим произвола и насилия»<sup>[368]</sup>.

2 июля 1938 г. газета Токио Асахи Синбун опубликовало сообщение о том, что 13 июня в 5 часов 30 минут в районе Хунчунского полицейского отряда на Маньчжурско-советской границе в провинции Узяндао два сотрудника маньчжурской полиции Хван Ду-Син и Ким Ен-Ден задержали неизвестного человека, одетого по-европейски.

Полицейские корейцы дополнили это сообщение, рассказав, что, закончив обход вверенного им участка, они возвращались в штаб полицейского отряда, откуда должна заступить новая смена. В метрах пятнадцати с передней стороны от штаба полицейского отряда они заметили блуждающего джентльмена в европейском

костюме. Они поняли, что это необыкновенная личность. Полицейский Ким Чан-Чи немедленно направился в штаб полицейского отряда, чтобы доложить о нарушении границы, двое других, пользуясь утренним туманом, подкрались к джентльмену, держа винтовку наготове. На расстоянии 5 метров они спросили кто он такой? Незнакомый выговаривал непонятные русские слова. Вынул из-за пазухи 2 револьвера и бросил их. Затем он показал чувство покорности, высоко поднимая вверх обе руки. Немедленно его привели в наблюдательный пункт, где в результате строгого допроса незнакомый с полным самообладанием показал, что он есть начальник управления НКВД по Дальневосточному краю комиссар государственной безопасности Люшков. Это всех сильно поразило.

Сообщалось, что в момент ареста Люшков был одет в установленную форму, брюки для верховой езды с красным кантом и сапоги. Сверху он носил обыкновенное пальто и кепку чайного цвета. Выглядел как обыкновенный человек.

У Люшкова было найдено заявление, написанное на грубой бумаге кровью и предсмертное письмо. Эти документы были написаны начальником военно-воздушных сил ДВК Л. Я. Лапиным, который стал жертвой репрессий, покончив жизнь самоубийством. Впоследствии японцы писали, что эти документы свидетельствовали о том недовольстве, которое охватило страну в связи с проводимой карательной работой. Лапин, обвиняемый в контрреволюционной деятельности, в хабаровской тюрьме подвергался жестоким пыткам. В своем заявлении он подробно изложил о своей невинности и из тюрьмы отправил его своему другу, работающему в Москве в центральном комитете партии. Но это заявление, написанное кровью, не попало в Центральный комитет. Потеряв всякую

надежду, Лапин оставил предсмертное письмо и покончил жизнь самоубийством. Эти документы попали в руки Люшкова. Содержание заявления, написанного кровью, и посмертного письма нижеследующее:

«ЦК ВКП

В Москве на допросе меня избивали. Чтобы избавиться от мучений, стал давать ложные показания. Каждый раз давая их под угрозой новых избиений. Принимая т. о. на себя смерть и позор. Так было и с очной ставкой, но перед нею (очн. ст.) я заявлял о ложности показаний, внушен, страхом мучений. Перед отправкой из М. я решился обо всем написать Наркому, а не дали возм. В Хабаров, не дают писать и не вызыв. лично. Только ЦК непосред. может распутать все это дело. Я никогда к-р не был и к-р не связан.

17.9.1937 г. Лапин Л. Я.

При беседах н. к. Ежова и мрш. Блюхера в кабин, следов я побоялся тогда жаловаться на присутствовавших лиц...

Лапин»

Содержание посмертного письма нижеследующее:

«В течении 17 лет честно служил Советской власти. Разв. исчисляемые результаты этой службы нет силы больше терпеть»[\[369\]](#).

В своем интервью японскому агентству «Домен» 2 июля Люшков рассказал, что он изменил Сталину, но никогда не изменял делу своих соотечественников и родине. Он считал себя политическим изгнанником. Люшков решил убежать из СССР, так как предчувствовал личную опасность на основании различных признаков, когда был вызван в Москву вместе с секретарем коммунистической партии на Дальнем Востоке.

Люшков рассказал, что он пытался перейти через границу из Градекова, но встретил там сильное

затруднение, изменив план, решил бежать из Посьета. Он долго колебался, прежде чем решил искать убежища в Манчжоу-Го. Хотел отказаться от плана, когда думал о страдании, а возможно и о смерти своих родных после его побега. Однако все же склонился к тому, чтобы бежать из СССР, для того чтобы разоблачать террористическую диктатуру Сталина и освободить советский народ от невыносимых страданий. Люшков раскаивался в своих преступлениях. По его словам, он был энергичным помощником в проведении террористической диктатуры Сталина, что привело к убийству десятков тысяч советских людей. В заключении поблагодарил Японию за оказанное покровительство.

В заявлении он говорил, что ему грозила непосредственная опасность в результате чистки, но основная причина заключалась в том факте, что ленинизм умер в Советском Союзе, несмотря на знаменитый лозунг «Ленин умер, но ленинизм жив».

Люшков рассказал, что участвовал в расследовании многих громких дел. Считал, что они были произвольно выдуманы Сталиным, который систематически уничтожал своих нежелательных соперников, используя убийство Кирова. Все ветераны советской революции, принимавшие активное участие в Октябрьской революции, были постепенно устранены Сталиным. Он хочет, чтобы у него не было соперников или противников и терпит только тех лиц, которые соглашаются быть орудием в его руках.

Объясняя весьма послушные признания всех осужденных советским судом, он рассказал, что все обвиняемые были подвергнуты в Лубянской тюрьме ужасным мучениям до тех пор, пока они не давали таких показаний, которых требовали от них власти. Хотя главный «режиссер» был иногда недоволен тем или другим из обвиняемых вроде Крестинского,

который на публичном суде отрицал свои прежние показания, но даже и эти обвиняемые постоянно выражали послушание после своего возвращения на Лубянку.

Люшков предостерегал Японию в отношении военных приготовлений, упорно проводимых Сталиным, который, оказывая широкую военную помощь Китаю, расширял китайский конфликт в намерении нанести сокрушающий удар Японии в случае нападения на нее Красной армией и Тихоокеанским флотом. Указывалось, что Красная армия сосредоточена на востоке от озера Байкал, численностью в 400.000 человек и к этой численности нужно прибавить 25 дивизий снайперов, 2.000 самолетов и свыше 90 подводных лодок, находящихся во Владивостоке, Каховке и Ольга. Утверждалось, что одним только выполнением международных обязательств или симпатиями к Китаю нельзя объяснить активность Сталина на Дальнем Востоке. Китай являлся лишь орудием, используемым Сталиным для его авантюристической политики, он намеревается болыпевизировать Китай, после того как использует его для своих целей и истощит его.

В своем заявлении он отметил, что личная диктатура Сталина полностью заменила пролетарскую диктатуру. В связи с этим возрастает и углубляется недовольство народа. Сталинская чистка нежелательных элементов распространялась не только на коммунистов и обыкновенных граждан, но и на командующих округами, командиров корпусов и дивизий, и не могла не отразиться на народе и Красной армии. Она служит двойной цели: уничтожению политически нежелательных элементов и подготовке войны, а также арестам и казням старых членов коммунистической партии.

Япония произвела на Люшкова хорошее впечатление тем, что условия жизни там, как в мирное

время. Несмотря на войну в Китае, в лавках было много всяких товаров.

3 июля 1938 г. газета «Йомиури» опубликовала интервью Люшкова, в котором он сообщил, что его побег произошел потому, что им было получено сообщение, что его собираются отозвать на работу в Москву. Вскоре после этого и секретарь дальневосточного Крайкома партии Стацевич получил телеграмму о своем отзыве. Председатель дальневосточного исполкома Легконравов также был отозван в Москву и заключен в тюрьму. Отзыв советских руководителей с Дальнего Востока в Москву рассматривался как прелюдия к казни.

Он привел в пример Зэковского, бывшего начальника управления НКВД в Ленинграде, который так же, как и Леп-левский, бывший Наркомвнудел в Украинской республике, были отозваны в Москву и арестованы. То же произошло с Берманом — Наркомвнуделом Белорусской республики и Дмитриевым, начальником управления НКВД гор. Свердловска. Все они до последнего времени представляли собой оставшуюся еще в живых руководящую группу старых чекистов. Принадлежа к той же самой группе, Люшков чувствовал, что с ним рано или поздно поступят точно так же. В силу этих обстоятельств он решил бежать. Отправившись на границу под предлогом служебной необходимости, он благополучно осуществил свой побег.

Люшков сообщил, что прежде чем принять это решение, долго размышлял. Перед ним стояла дилемма: или позволить себя застрелить как «врага народа» подобно многим десяткам тысяч других членов партии, или посвятить свою жизнь войне против сталинской политики, которая идет в разрез с интересами советского народа.

Придя к заключению, что благополучие народа СССР стоит выше всего, он для того, чтобы разоблачить террористическую диктатуру Сталина, его политику обмана, совершил этот побег. Он признался, что до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политики обмана и терроризма.

Выбор Японии был связан, прежде всего, географическими причинами, т. к. Люшков служил на Дальнем Востоке. До самого последнего момента он не имел намерения бежать в Японию. Когда решил бежать, естественно учел выгоду обстановки, веря в то, что Япония может быть страной, где он мог найти политическое убежище. В пример он приводил большевиков, скрывавшихся за границей, ведущих борьбу с царским режимом, Ленина, который находился за рубежом, годами переезжая из одной страны в другую в качестве политического беженца, который не считал зазорным получение помощи от капиталистических стран, когда он находил это в соответствии с интересами его сограждан.

Он сообщил, что имеются и более важные и фундаментальные причины, которые побудили его так действовать. Одна из них то, что ленинские принципы перестали быть основой политики партии. Впервые он почувствовал эти колебания со времени убийства Кирова Николаевым в конце 1934 г. Этот случай был фатальным для страны и для партии.

Он был тогда в Ленинграде и не только непосредственно занимался расследованием этого дела, но и активно принимал участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после этого дела под руководством Ежова.

Далее он перечислил дела, к расследованию которых имел отношение. Перед всем миром Люшков с полной

ответственностью заявил, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали, все они были преднамеренно сфабрикованы. По его словам, Николаев, безусловно, не принадлежал к группе Зиновьева. Он был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы стать историческим героем, что явствует из его дневника. На процессе, происходившем в августе 1936 г., обвинения в том, что троцкисты через Ольберга были связаны с германским гестапо, обвинения против Зиновьева и Каменева в шпионаже, в том, что они были связаны с так называемым «правым центром» через Томского, Рыкова и Бухарина, полностью сфабрикованы. Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков и Бухарин и многие другие были казнены как враги Сталина, противодействовавшие его разрушительной политике. Их слабым местом было то, что они не приняли решительных мер активной борьбы, не организовывали массы, не мобилизовали недовольных в партии в целях решительной борьбы со сталинской властью.

По словам Люшкова они лишь критиковали политику Сталина и то только внутри своей узкой группы. Получение помощи и поддержки со стороны иностранных держав даже и не обсуждалось. Их нельзя было назвать способными политиками. Это привело к гибели их самих, тысяч членов партии и бесчисленного количества советских трудящихся. Павшие жертвой не были действительными единомышленниками оппозиционеров. К сожалению, часто их считали таковыми на основании слухов о том, что они когда-то были связаны с троцкистами или правыми, или о том, что они когда-то критиковали политику Сталина.

Сталин использовал благоприятную возможность, представившуюся в связи с делом Кирова, для того, чтобы избавиться от этих людей посредством фабрикации заговоров, шпионских процессов и



террористических организаций. Таким образом он избавлялся от политических противников и от тех, кто мог стать ими в будущем. Эти методы Сталина приводили к падению даже весьма искушенных и сильных людей. Его мероприятия породили много трагедий. Это происходило не только благодаря истерической подозрительности Сталина, но и на основе его твердой решимости избавиться от всех троцкистов и правых, которые являются политическими оппонентами и могли представлять собой политическую опасность в будущем.

В ходе чистки даже члены Политбюро подвергались аресту, сперва Рудзутак, затем Косиор и Эйхе. Почти все они принимали участие в Октябрьской революции и гражданской войне и имели заслуги перед партией. Но для проведения своей политики Сталин хотел иметь только беспринципных последователей, которые не имеют своих убеждений, слепо выполняют его волю. Он стремился отвлечь внимание народа от внутренних дел, внешнеполитическими делами открывая дорогу войне.

Для того, чтобы создать огромную военную силу и обеспечить быстрое расширение военных приготовлений, расходуются огромные народные средства, развивается пропаганда для возбуждения патриотического духа.

Двухмиллионная постоянная армия, свыше сотни ударных дивизий, несколько тысяч военных самолетов, крупный промышленный район Урало-Кузбасс, высасывающий кровь народных масс — разве все это не для наступательной войны, которой требует Сталин?

Люшков считал, что для того, чтобы оправдать свою военную программу, Сталин постоянно заявлял, что Советская Россия противостоит опасностям вражеского вторжения. Чтобы устрашить народ и воздействовать на общественное мнение внутри и вне страны он, используя Ежова, устраивал публичные процессы о

самых фантастических заговорах против СССР со стороны Японии, Германии и других стран. Цель этих процессов — удостоверить существование заговоров. Эти процессы служили для того, чтобы показать необходимость усиления военной подготовки для защиты страны.

Люшков считал Сталина авантюрным политиком. Среди различных внешнеполитических авантур особо привлекает внимание советско-японская проблема. В Советском Союзе прилагаются огромные усилия к тому, чтобы создать впечатление в народе о том, что Япония готовится напасть на Советы. Фактически Сталин проводит антияпонские маневры. Он активно оказывает помощь Китаю, снабжая оружием, посылая советских военных командиров. Ведет секретные переговоры с Сунн-Фо о том, чтобы расширить объем японокитайского конфликта, ожидая от этого уменьшения военной силы Японии. Он думает, что когда военные силы Японии полностью истощатся благодаря тому, что она глубоко увязнет в Китае, наступит время, когда советская Дальневосточная армия и тихоокеанский флот нанесут удар по Японии.

По его словам, эти факты лучше всего выражают истинные намерения Сталина. Это нельзя объяснить словами о дружеской помощи Китаю и лживыми декларациями о международных обязательствах. Наоборот, Китай является орудием сталинских авантур. Массовые аресты китайцев советскими властями на территории русского Дальнего Востока говорят о том, что какого-то сочувствия к китайцам нет. Около 11.000 китайцев арестовано и 8.000 получили предписание переселиться в другие районы. Намерения Сталина заключаются в том, чтобы использовать Китай пока это возможно и в дальнейшем его болыпевизировать, когда он ослабнет.

Безжалостная чистка распространилась на Красную армию. Большая часть командующих округами, командиров корпусов и дивизий арестована. Это не может не оказать влияния на народ и на политические тенденции, дисциплину и степень обученности армии. Чистка эффективна не только в смысле удаления политически опасных для Сталина лиц, но она являлась с одной стороны и важным средством проведения военной подготовки. Массовые аресты командиров явились сильным стимулом для красных частей, особенно молодых офицеров, потому что им представилась возможность продвижения на вакантные должности. Но так как и этот слой нельзя полностью изолировать от общего положения в стране и в партии, то даже среди этих офицеров возрастает число недовольных.

В войсках НКВД такое же положение. Большинство старых руководителей расстреляно. Часты выдвижения молодежи. Работники партийного аппарата также выдвигаются из новых людей. Положение таково, что не только старые работники, но и средний слой руководителей захвачен чисткой. После ареста эти люди лишаются работы и посылаются в лагеря принудительного труда.

Люшков говорил, что Сталин часто употреблял слова враги народа, говоря, что это жалкие группы стремились вредить строительству СССР. Однако на самом деле эти жалкие группы объединяют тысячи членов партии, советских работников, командиров Красной армии — интеллигенции, крестьян и рабочих. Не видя никакого улучшения в общих экономических условиях страны и в жизненном уровне, трудящиеся массы выражают открытое недовольство против Сталина.

По мнению Люшкова, это объяснялось тем, что политика государства в области коллективизации и

индустриализации была ошибочна. Недовольство, вызванное этой политикой, свои провалы Сталин стремится приписать врагам народа. Интересам Сталина придается большее значение, чем интересам государства. Диктатура пролетариата заменена его личной диктатурой. Чтобы сохранить власть, применяются различные средства насилия и обмана. Его администрация действует в разрез с интересами народа, что вредит нормальному развитию государства. В стране действует террор. Свободное волеизъявление и свобода слова подавлены. Лозунг «свобода критики и самокритики» служит орудием чистки против тех элементов, которые не нравятся.

Единственное право, которое дано народу, право восхвалять Сталина как гения. И это несмотря на то, что он убил несколько сот тысяч населения. Эти жестокие убийства осуществлялись после провозглашения демократической конституции, распропагандированной во всем мире.

«После того как побег Люшкова перестал быть секретом, а также с целью поколебать престиж Советского Союза японцы решили устроить пресс-конференцию и показать Люшкова, так сказать, живьем. Ровно через месяц после побега, в центре Токио, в отеле "Санно", Люшков предстал перед японскими и зарубежными корреспондентами. Так как он слабо владел иностранными языками, то пресс-конференцию разделили на две части — один час он выступал перед иностранцами, а затем, несколько больше, — перед корреспондентами японских газет.

Все репортажи об этой пресс-конференции отмечали: Люшкова очень сильно охраняли — в зале было значительно больше переодетых агентов охраны, чем корреспондентов. Во вступительной части Люшков опроверг заявление советских властей, что на пресс-конференции покажут подставное лицо. А настоящий

Люшков находится на территории СССР. Он предъявил корреспондентам свое служебное удостоверение, удостоверение депутата Верховного Совета, другие документы. На вопросы отвечал уклончиво. Поэтому многие сомневались. Даже такая солидная газета США, как *New York Times*, в своей редакционной статье назвала пресс-конференцию "дневником японского школьника". Разумеется, в Советском Союзе никаких комментариев не последовало»<sup>[370]</sup>.

После этих интервью и пресс-конференций сомнений в умышленном бегстве к японцам начальника управления НКВД по Дальневосточному краю отпали.

Заместитель наркома М. П. Фриновский вынужден был сам ехать наводить порядок в ДВК. 6 июля 1938 г. в своей директиве он отметил, что несмотря на относительно высокие цифры арестованных в Дальневосточном крае, анализ проведенной оперативной работы указывает на явное неблагополучие в деле разгрома врагов.

Отмечались следующие ошибки: так лица, которые прошли по показаниям арестованных, не были учтены и не были репрессированы, следственная работа велась поверхностно; арестованные троцкисты и правые якобы не допрашивались, об их организационных преступных связях с эсерами, меньшевиками и др. Не все жены заговорщиков арестовывались.

Приказывалось усилить следствие и в семидневный срок провести массовую операцию, тщательно подготовив аресты всех врагов в промышленности, войсках, укрепрайонах.

9 июля 1938 г. приступили к составлению оперативных списков на весь антисоветский элемент, подлежащий репрессированию.

В оперативные списки подлежали включению весь контингент, предусмотренный Приказом НКВД № 00447,

как-то: бывшие офицеры, бывшие белые офицеры, бывшие белые добровольцы, купцы, помещики, кулаки, в особенности, бежавшие из ссылки и возвратившиеся из лагерей, бывшие чиновники, бывшие военнопленные, эсеры, меньшевики, анархисты, казачьи авторитеты, белые эмигранты, церковники, контрабандисты и другие.

На харбинцев, латышей, поляков, немцев, финнов, иранцев, болгар, румын, афганцев, греков, итальянцев и других составлялись отдельные оперативные списки, так как данная категория лиц должна была проходить по альбомам.

12 июля 1938 г. Н. И. Ежов предоставил М. П. Фриновскому под его председательством право рассмотреть на месте по согласованию с прокурором дела по альбомным операциям. То есть упрощенно. На каждой странице т. н. альбома значились имя, отчество, фамилия, год рождения и совершенное преступление арестованного. Этого было достаточно, чтобы утвердить приговор к высшей мере наказания или к длительному сроку лишения свободы.

На правах Особого совещания таким же образом было организовано рассмотрение цел по арестованным женам заговорщиков и антисоветским элементам<sup>[371]</sup>.

Из-за бегства Люшкова руководство НКВД СССР действовало безжалостно, только бы самим уцелеть. Так, 27 июля М. П. Фриновский просит утвердить для ДВК дополнительный лимит на 15 тысяч человек по первой категории и 5 тысяч — по второй, о чем 29 июля было доложено Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину.

Просьба нашла одобрение. Через неделю после утверждения лимита Н. И. Ежов направляет в Хабаровск шифрте-легграмму с просьбой сообщить о ходе операции по представленным дополнительным лимитам в 20

тысяч человек. Особо подчеркивалась необходимость очистить оборонные объекты, такие как органы связи, склады, госсооружения, дороги и другие<sup>[372]</sup>.

18 августа 1938 г. И. В. Сталин получил телеграмму из Хабаровска от М. П. Фриновского, в которой он докладывал о невозможности в установленный срок рассмотреть все дела, подлежащие передаче в Военную коллегию и на рассмотрение Особого совещания.

Это объяснялось отдаленностью от центра, перегрузкой тюрем и необходимостью использовать пребывание на ДВК выездной сессии Военной коллегии для рассмотрения максимального количества дел. М. П. Фриновский просил санкционировать право на предварительное рассмотрение законченных следствием дел, подлежащих передаче в Военную коллегию, начальнику УНКВД по ДВК и прокурору выездной сессии Военной коллегии. Кроме того, он также просил предоставить начальнику Управления на три месяца права Особого совещания для рассмотрения дел на жен осужденных участников правотроцкистской и военно-заговорщической организаций<sup>[373]</sup>. Такие права были предоставлены.

В это же время Фриновский активно занимался расследованием обстоятельств бегства к японцам бывшего начальника Управления НКВД по ДВК. Так им был выявлен антисоветский краевой общезаговорщический центр. В ходе следствия было установлено, что Люшков, оказывается, долгие годы являлся скрытым троцкистом и особо законспирированным членом этого центра. Было сделано предположение, что он, предвидя провал своей преступной деятельности, разработал план нелегального ухода за границу. С этой целью он и изучал возможности бегства.

Материалы расследования не давали никаких оснований к подозрению кого-либо из военнослужащих пограничной охраны в содействии Люшкову совершить бегство. Он как начальник Управления НКВД по ДВК имел право отдавать приказание командному составу пограничной охраны по делам службы. Его распоряжения не носили явно преступный характер, и командный состав пограничного Пось-етского отряда обязан был выполнять эти распоряжения.

Однако начальник 52-го Посьетского пограничного отряда полковник Гребенник в то же время обязан был максимально обеспечить неприкосновенность начальника УНКВД от захвата его с сопредельной территории. Он не должен был оставлять Люшкова одного. Нарушением службы полковника Гребенника являлось так же сокрытие им перед начальником войск пограничной и внутренней охраны ДВО — комдивом Соколовым — этого чрезвычайного происшествия.

В сентябре 1938 года Фриновский направил Сталину свое заключение по делу измены родине бывшего Начальника Управления НКВД по ДВК Люшкова.

Согласно этому заключению на основании материалов, собранных на ДВК, а также показаниями арестованных в Москве: бывшего начальника Экономического Отдела НКВД СССР Миронова и бывшего заместителя Люшкова Когана было установлено, что Люшков являлся старым скрытым троцкистом и участником ранее существовавшего в НКВД антисоветского заговора, возглавлявшегося Ягодой.

Приехав в начале августа 1937 г. на Дальний Восток, Люшков связался на преступной основе с секретарем Крайкома ВКП(б) ДВК Стацевичем, возглавлявшим после ареста Варейкиса правотроцкистскую организацию на Дальнем Востоке. Якобы по договоренности с ним Люшков, оставаясь на



особо законспирированном положении, включился в антисоветскую работу, проводившуюся дальневосточным заговорщическим центром.

Арест ближайших друзей Люшкова — Леплевского в апреле и Когана в мае 1938 г., — свидетельствовал о том, что окончательный план бегства у Люшкова созрел в мае 1938 г.

28 мая 1938 г. Люшков получил от Наркома Внутренних Дел СССР Ежова телеграмму о том, что предполагается его отзыв в Москву для ответственной работы в центральном аппарате. Усмотрев в этом ускорение развязки, Люшков приступил к выполнению плана бегства за кордон. Он дал телеграмму Ежову о готовности работать в центральном аппарате, в тот же день 28 мая выехал на границу, где сделал свою первую неудавшуюся попытку перехода границы.

Связи Люшкова с японцами установлены не были. Тем не менее, анализ поведения Люшкова давал основания считать, что он был уверен в том, что японцы окажут ему приют. Никаких признаков, которые указывали бы на наличие у него пособников среди личного состава войск пограничной охраны, не установлено. Начальствующий состав пограничной охраны старался, как можно более четко и лучше выполнять все его приказания и обеспечить его безопасность.

Фриновский предложил необходимым в новом уставе пограничной охраны предусмотреть следующее принципиальное положение, что ни один человек, какое бы он положение ни занимал кроме лиц, назначаемых в пограничный наряд или для проверки наряда, не могли быть допущены или оставлены на линии государственной границы, без сопровождения лиц начальствующего состава пограничной охраны. До издания нового устава считал необходимым эти

положения ввести в действие приказом Народного Комиссара Внутренних Дел СССР.

Далее Фриновский писал, что в связи с уходом за кордон Люшкова были арестованы заместитель начальника 7 Отдела УНКВД ДВК лейтенант госбезопасности Стрелков и начальник заставы имени Косарева лейтенант Дамаев.

К моменту его приезда в расположение Посьетского погранотряда начальник отряда — полковник Грибенник был болен воспалением легких. Во время событий у озера Хасан он, не оправившись от болезни, принимал активное участие в боевых действиях, где он проявил героизм и отвагу в боях с японцами за дело защиты социалистической родины — представлен к награждению орденом «Красного Знамени».

Лейтенант Дамаев, находившийся под арестом в помещении Посьетского погранотряда, во время событий у озера Хасан несколько раз обращался с просьбой направить его на передовые позиции, где бы он мог доказать свою преданность партии и советской власти и, если нужно, умереть.

Фриновский хорошо характеризовал полковника К. В. Грибенника и лейтенанта И. И. Дамаева, считая нецелесообразным привлекать их к ответственности.

Люшков же в это время рассказывал японцам, что прибыл на Дальний Восток в августе 1937 г. Перед выездом из Москвы был вызван к Сталину, где застал Молотова, Ворошилова и Ежова. При встрече Сталин сказал, что война с Японией неизбежна и Дальний Восток рассматривается японцами как плацдарм для ведения этой войны. В связи с этим он предлагал принять самые решительные меры к очистке армии и тыла от враждебных шпионских и японофильских элементов. Заговор Тухачевского, арест Сангурского, Аронштама, Кащеева показал, что в армии не все благополучно. Руководители НКВД на Дальнем Востоке

Дерибас, Западный и Барминский — японские шпионы. Япония располагает большой базой для шпионской и повстанческой деятельности в лице корейцев и китайцев.

Сталин заявил, что заговорщики в армии возлагали основные надежды на Дальний Восток. Гамарник все время ездил туда, создавая там основную базу заговорщиков. Поездки Рыкова на Дальний Восток были также организованы заговорщиками. План их сводился к тому, чтобы вызвать столкновение с Японией и по соглашению с японцами повернуть войска против Сталина. Особую роль в этом плане играли Дерибас и Западный, т. к. было выяснено, что Гамарник и Сангурский были связаны непосредственно с ними. В связи с этим Сталин считал, что удар необходимо начать с них, чтобы парализовать их планы.

Сталин считал, что на Дальнем Востоке хозяйничают японцы. Обратил внимание на чистку партийного и советского аппарата, при этом остановился на секретаре Крайкома партии Варейкисе. Сказав, что он был в т. н. рабочей оппозиции, и имелись сведения, что он не вполне надежен. Варейкис собрал группу близких, преданных ему людей.

В отношении Блюхера Сталин выразил мнение, что при Сангурском и Аронштаме он фактически не командует. Однако после его вызова в Москву Блюхер обещал исправить свои ошибки. Сталин полагал, что Блюхер очень популярен на Дальнем Востоке и должен быть сохранен.

После совещания Ежов сказал Люшкову, чтобы он под видом усиленной охраны Блюхера, объясняя это его личной безопасностью, стал наблюдать за ним и сообщать о его контактах в Москву. Подводя итог беседе, Сталин предложил, очищая тыл, терроризировать край и границу, чтобы не дать японцам никакой возможности вести шпионскую работу

на территории ДВК. Был предварительно решен вопрос об увеличении численности пограничных войск для усиления охраны границы.

После совещания Ежов, еще раз подчеркнул необходимость быстрых и решительных мер к очищению Дальнего Востока в предстоящей войне с Японией, так как мы можем очутиться в таком положении, что тыл будет в огне. Ежов предположил, что если удастся, быстро очистить тыл и армию, возможно будет целесообразным при выгодно сложившейся обстановке не ждать, пока Япония нападет на СССР, а самим взять инициативу в свои руки.

Он заявил, что по мнению Ворошилова и военных, Гитлер пока не готов к войне. Оказывая активную помощь Испании, преследовалась цель втянуть немцев в более широкие операции. В то же время Япония не начнет войну против СССР, прежде чем не обеспечит себе тыл со стороны Китая, а если она сцепится как нужно с Китаем, то надо использовать эту обстановку для активных действий.

Ежов сказал, что Сталин хочет, прежде всего, очистить страну от оппозиционных и враждебных элементов, тем самым создать более устойчивое положение. Он вынужден был проявлять большую осторожность в международных вопросах в связи с заговорами. Поэтому и спешил очистить Дальний Восток.

Операция в Хабаровске по НКВД была разработана совместно с Ежовым. Предлагалось начать с ареста Западного и Барминского. Дерибасу предлагалось передать письмо Ежова, в котором ему сообщалось о его вызове в Москву. Пока он будет готовиться к поездке, необходимо было установить за ним наблюдение, чтобы выяснить с кем он встретится. Одновременно, ускоренным следствием Западного и Барминского установить связи и роль Дерибаса в

заговоре, а также его связи с заговорщиками в армии. Затем, получив разрешение Москвы, арестовать Дерибаса.

Ежов предложит Люшкову выехать на Дальний Восток негласно, взяв с собой группу работников НКВД. По приезде начать немедленно аресты в НКВД. Предлагалось арестовать всех руководящих работников, чтобы пресечь все агентурные связи с японцами. При этом Ежов высказал опасение, как бы Дерибас и Западный, узнав о приезде Люškова, не убежали бы к японцам.

Люшков с группой сотрудников прибыл в гор. Хабаровск в отдельном вагоне в ночь на 9 августа. Со станции он связался с Дерибасом, объяснил ему свое прибытие поручением, которое имел для него и предложил ему прибыть в Управление на личное свидание. При разговоре по телефону Дерибас волновался. После разговора он послал на станцию автомашину, в которой были Западный и секретарь Дерибаса Соловьев.

Дерибас послал Западного, чтобы узнать о цели прибытия Люškова. Однако узнать тот ничего не успел, так как по прибытии со станции в Управление Западный был арестован в своем кабинете.

Дерибас ждал, что Западный сообщит ему цель прибытия Люškова. Не дождавшись, два раза позвонил по телефону в кабинет Западного, но получил ответ, что тот вышел. Подозревая что-то плохое, Дерибас пришел в Управление, поднялся на леса (здание было в постройке) чтобы посмотреть через окно, что произошло в кабинете Западного. Однако проходившие сотрудники, заметив, что кто-то лазит по лесам, начали кричать. Он был вынужден сойти вниз и войти в здание.

В здании Люшков встретился с Дерибасом, дал ему письмо Ежова. Сказал, что арестовал Западного. При этом предложил ему вызвать к себе Барминского.

Дерибас вынужден был позвонить на квартиру Барминского и вызвать его по срочному делу. Когда Барминский явился в Управление, он был так же арестован. Дерибас сдавая дела, сказал Люшкову, что не может выехать в Москву прежде чем не увидится с семьей, которая находилась во Владивостоке. Люшков настойчиво ему рекомендовал не лететь самолетом, как он хотел, а ехать поездом или автомашиной, так как в противном случае он лишился бы возможности наблюдать за ним. Кроме того, Люшков опасался, как бы Дерибас не улетел за границу. Дерибас учел рекомендации Люшкова и выехал во Владивосток на машине, под наблюдением. Как впоследствии оказалось, он ездил туда к бывшему начальнику областного управления НКВД Визелю, также участнику заговора, чтобы вместе с ним выяснить возможность бегства за границу, но из этого ничего не вышло. Дерибас вернулся в Хабаровск. Люшков, связавшись предварительно с Москвой, арестовал его.

Из показаний Дерибаса, Западного и Барминского устанавливалось, что в войсках НКВД и в погранохране существовал заговор, созданный в результате их связей с Гамарником. Дерибас давно был лично связан с Рыковым. Он вместе с бывшим секретарем Крайкома партии Лаврентьевым, бывшим предрайисполкома Крутовым и группой заговорщиков в армии в лице Сангурского, Аронштама и других предполагал совершить переворот на Дальнем Востоке и договориться с японским правительством о помощи и совместных действиях против СССР.

Ими были завербованы в НКВД пять начальников отделов, комендант Управления, начальник Приморского обл-управления Визель, его заместитель Кондратьев, начальник Амурского управления Давыдов, начальник Нижне-Амурского облуправления Липовский, начальник Уссурийского облуправления Пряхин,

начальник управления еврейской области Лавтаков, начальник Комсомольского горотдела Голянов, особоуполномоченный Управления Кри-чинский, заместитель начальника Сахалинского облуправления Домарев, начальник горотдела города Оха (Сахалин) Балицкий, заместитель начальника Особого отдела Тихоокеанского флота Новицкий, начальник особого отдела 51 авиабригады Коган и многие другие руководители органов НКВД, начальники отделений и уполномоченные в краевом управлении НКВД и в районах.

В пограничных войсках также была создана организация, во главе которой стоял начальник политуправления этих войск Богданов. В нее были вовлечены начальник оперативного отдела штаба погранвойск Груздь, зам. нач. политотдела Катцент, инструктор Политотдела Шестовский, начальник Камчатского погранотряда Лев и другие командиры и политработники.

Сотрудники японской разведки отмечали добросовестность и усидчивость Люшкова. Он сочинял доклады, антисталинские памфлеты и листовки, писал по-русски. Переводчики сетовали, что за Люшковым не угнаться — он писал в день до сорока страниц текста. Все это надо было быстро перевести на японский и передать в соответствующие отделы.

«По некоторым источникам, требующим уточнения, в конце 1938 — начале 1939 гг. Люшков в качестве советника японской военной разведки принял участие в ликвидации закордонной агентурной сети советских спецслужб. Он выехал из Токио в г. Чаньчунь, где расположился штаб Квантунской армии. Японские источники ничего не сообщают о количестве разоблаченных бывшим чекистом агентов НКВД и РУ

РККА, ограничиваясь пространной фразой, что "русской разведке был нанесен серьезный удар"»<sup>[374]</sup>.

Японские офицеры, сопровождавшие Люшкова в этой командировке, вспоминали «о бывшем чекисте, как человеке безжалостном и бессердечном». Он лично принимал участие в допросах подозреваемых в сотрудничестве с советскими спецслужбами корейцев, русских и китайцев. Если на допросе захваченный агент медлил с ответом, то Люшков «...сразу тыкал ему в лицо нож или плескал на него керосин, а затем чиркал спичкой и говорил допрашиваемому, что если тот не заговорит, пока спичка догорает в его пальцах, то он бросит эту горящую спичку ему на голову». Причину такой жестокости бывшего чекиста японцы связывали с его переживаниями о судьбе своих близких, оставленных в Советском Союзе. Их арест и осуждение якобы и сделали Люшкова ожесточенным и беспощадным человеком<sup>[375]</sup>.

Жил Люшков довольно уединенно. Не любил гулять в людных местах. Много читал. Просил начальство обеспечивать его текущей советской периодикой. Доклады Люшкова по военным вопросам публиковались в японской военной печати, некоторые статьи переводились в США.

Люшковым заинтересовался начальник немецкой военной разведки «Абвер» адмирал Канарис. «Он немедленно направил в Японию своего представителя, с которым японцы обещали поделиться разведывательной информацией, полученной от Люшкова. Об этом стало известно советской военной разведке. При аресте Зорге и его помощников японцам удалось захватить шифр, и они сумели прочесть ряд посланных из Москвы телеграмм. Одна из них, от 5 сентября 1938 года, гласила: "Сделайте все возможное, чтобы достать копии документов, которые специальный



представитель Канариса получил от японской армии (или копии документов, полученных этим представителем у Люшкова). Передайте их немедленно"»<sup>[376]</sup>. Зорге смог скопировать наиболее важные страницы. Пленка была направлена в Москву, куда была доставлена в начале 1939 г.

Для немцев и японцев показания Люшкова были очень ценны, особенно сведения о частях Красной армии и о политико-экономической обстановке в СССР.

Люшков писал, что диктатура Сталина в СССР распространяется на все области. У советских государственных органов отнята всякая инициатива. Любой хороший план не может быть проведен в жизнь без рассмотрения партийными органами. Результатом этого явилось то, что вся плановая работа была передана в руки партийных органов. Партийные органы в свою очередь должны были получать санкции Сталина почти по всем вопросам вплоть до мельчащих деталей. Следовательно, и они не имели никакой самостоятельной инициативы.

За результаты выполнения планов ответственность возлагалось на исполнителей, на советские органы. Если они не были выполнены, производятся массовые увольнения и аресты. Исполнители всегда должны быть готовы к тому, что на них будет возложена ответственность, за свои действия они будут посажены в тюрьму.

Сталин поощрял самокритику и критику третьих лиц. Однако в Советском Союзе не было людей, которые пытались критиковать ответственных лиц, ибо таких смелых тотчас же арестовывали. Когда в газетах производилась критика по какому-либо вопросу, то это делалось после того, когда от партийного руководства было получено разрешение. Иначе говоря, если газета

критикует человека, то его судьба в этом случае уже решена.

В январе 1938 г. была дана директива восстанавливать в партии лиц, исключенных без уважительных причин. Это, однако, отнюдь не означало смягчения чистки, а было вызвано тем, что в ее разгар, когда во всех областях и краях пытались свалить ответственность на плечи ниже стоящих, пострадало немало лиц, преданных Сталину. Нужно было их спасать. Однако чистка против элементов, враждебных Сталину, в дальнейшем, вероятно, будет носить более ожесточенный характер.

Работа по чистке началась с исключения троцкистов, зи-новьевцев и правых, которые когда-либо выступали против Сталина. Затем в интересах укрепления его диктатуры чистка распространилась и на видных деятелей революции, которые много лет были союзниками Сталина. В настоящее время она охватила всю партию, все советские и хозяйственные органы, Красную армию, НКВД и т. д., т. е. она распространилась на несколько миллионов человек.

Подозрительность Сталина, по мнению Люшкова, стала болезненной. Он не способен делать правильную оценку обстановки. Воображение Ежова, который из дня в день изобретал новые дела, не способствует этому. То обстоятельство, что во всех Респубиках и областях СССР все время возникали дела, связанные с чисткой, объяснялось тем, что люди боятся ответственности за плохую работу и при помощи воображения находят преступников. В результате страдают невинные, что вызывает недовольство народных масс. И это в свою очередь порождает новые причины для дальнейшей не знающей пределов чистки.

С другой стороны, все руководители политических, экономических и других органов, как было сказано, работают по приказам Сталина. Однако в тех случаях,

когда политика Сталина меняется, то при неблагоприятных результатах детального выполнения этих директив вина моментально перекладывается на них, и они становятся жертвами чистки. Ясно, что при таком положении чистка никогда не сможет прекратиться.

Неустойчивость Сталинской политики проявляется в вопросе о назначении руководящих работников. Он их постоянно перетасовывает, что лишает их уверенности в своих силах и ввергает в беспокойство за завтрашний день.

Руководители административных и хозяйственных органов работают по планам и директивам, составленным ЦК партии, т. е. по планам и директивам Сталина. Эти директивы зачастую невыполнимы. В этих случаях ответственность падает и на других руководящих работников. Сталин никогда не был виноват, виновны были всегда исполнители.

Люшков сообщил, что для многих колхозников типичны настроения недовольства экономическими результатами колхозного строя.

В деревне производятся жесткие репрессии, бесчисленные аресты и высылка лиц, не подчиняющихся решению БКП(б) по коллективизации сельского хозяйства. Бее, кто имел немного своей земли, арестовывались, после чего их земля конфисковывалась. Однако осталось еще очень много недовольных. Семьи репрессированных, их родственники и друзья таят в душе злобу. Заметно, что крестьяне недовольны колхозным строем<sup>[377]</sup>.

В городах недовольство проявляли в основном низкооплачиваемые категории рабочих, служащих и люди интеллектуального труда (учителя, врачи и проч.). Низкооплачиваемые категории рабочих — это вчерашние крестьяне, оставившие село из-за колхозов.

Чернорабочие получали 90-120 рублей, малоквалифицированный рабочий 180-250 рублей. Жить на эти деньги трудно. Сменный инженер на заводе получал 500-600 рублей — конечно, он тоже был недоволен. Если принять во внимание недостаточное снабжение, плюс непрерывные аресты за высказывание малейшего недовольства, то в городе картина не лучшая, чем на селе.

Интеллигенция старого времени почти целиком уничтожена. Осталась только новая советская интеллигенция. Среди этой новой интеллигенции, особенно среди инженеров, большое количество арестованных, что объясняется тем, что ответственность за плохую работу предприятий перекладывается на руководителей этих предприятий. Ясно, что при таком положении инженерно-технический работник не может спокойно работать.

Кроме того, несмотря на высокий уровень культурных запросов интеллигенции, ее зарплаты совершенно недостаточны для их удовлетворения. В последнее время стараются повысить жалованье и ввести другие льготы для них, но так как была отменена прежняя система работы по совместительству, то фактически их доходы уменьшились.

Высокооплачиваемые категории — это партийные работники, ответственные советские служащие и хозяйственники, ответственные инженерно-технические работники, но они живут в вечном страхе за завтрашний день, т. к. их арестовывают целыми группами, как заговорщиков, или за малейшую ошибку — как вредителей. За все недостатки в снабжении, за все трудности, полученные в результате неправильной политики и за ошибки Москвы расплачиваются они, т. к. Москва — Сталин непогрешимы и не могут делать ошибок.

Если даже не смотреть на нескончаемые аресты, положение не улучшается. У людей естественно возникает вопрос, кто виноват? Считают, что дело в режиме, но народ запуган. Люди закрылись в свою скорлупу, боятся встречаться, т. к. неизвестно не окажется ли знакомый арестованным завтра, как враг народа. А за связь с врагом, как минимум, увольняют со службы. Создалась такая обстановка, когда муж боится своей жены, брат брата и т. д.

Большое распространение получил своеобразный *безмолвный саботаж*, которым люди отвечают на репрессии. Люди работают без души, выполняя порученную работу кое-как в учреждениях, на железной дороге, на заводах и т. д. Характерно, что вопреки тому, что в Москве и в областях сменены все руководящие работники, общее положение в стране не улучшается.

Борьба против режима не ограничивается только молчаливым саботажем. Сторонники заговоров вредят и уничтожают материальные ценности. Так, машинист товарного поезда, перевозя 25 танков новейшей модели на железной дороге в гор. Хабаровск, развил совершенно недопустимую скорость. В результате совершил крушение поезда, уцелело только 8 танков. Капитан парохода, следовавшего из Владивостока в Нагаево с военным грузом и солдатами, в проливе Лаперуза умышленно посадил его на рифы. Когда его арестовали, он заявил, что хотел добраться до японского берега и остаться в Японии. Только случайно проходивший другой советский пароход пересадил людей на свой борт, помешав осуществлению этого плана.

Сталин заявляет о своем уважении к *национальной культуре* и провозглашает равенство национальностей, но в действительности боится пробуждения национального самосознания и старается проводить во

всех республиках советские культурные мероприятия. Вместе с тем принимаются меры к тому, чтобы привлечь национальные республики на сторону Сталина путем командирования молодежи на учебу и воспитания национальных рабочих кадров и т. д. Некоторым национальностям для привлечения к этому процессу помогают государственными субсидиями.

Наиболее враждебно настроены против Сталина казаки, а за ними идут национальности Украины, Средне Азии, Белоруссии, Казахстана и т. д. Имеется большая потенциальная возможность того, что в военное время эти национальности подымут движение за свою независимость.

Свою политику Сталин *проводит опираясь на молодежь* и старается всеми средствами привлечь ее на свою сторону и сделать своими сторонниками. Увлекает их премиями, карьерой. Стахановское движение для него большая поддержка, оно представляет собой движение подкупленной рабочей аристократии. Лучших из них выдвигает на ответственные посты. Трудлюбивых отбирают для обучения в вузах.

19-ти летнюю девушку делают членом Верховного Совета или директором текстильной фабрики. Никому неведомым летчикам, если только они проявили доблесть на испанском фронте, сразу же присваивается звание героя Советского Союза, и они назначаются на руководящие посты в авиации. Это наиболее ловкий прием Сталина, который нельзя рассматривать иначе, как своего рода революцию, заключающуюся в истреблении «заблудших» деятелей государства и выдвижении взамен них молодежи.

Вместе с тем Люшков признает, что советский режим по сравнению с царским принес улучшения условий жизни народа. Это связано с ограничением рабочего дня, установлением пятидневной рабочей недели, лечением за государственный счет в случае

болезни, посылкой за казенный счет на курорты и в дома отдыха, оплатой образования государством, распространением просвещения (семилетнее обязательное обучение), охраной беременности, созданием ясель, клубов и других учреждений, помощью безработным.

Однако человек всегда забывает о хороших нововведениях и остро реагирует только на недостатки. В царское время рабочий не мог учить своих детей, но во всяком случае был сыт. При нынешней жизни он не может питаться и хорошо одеваться и не нужно никаких других политических причин, чтобы вызывать у него глубокое недовольство.

Это вызвано, прежде всего, содержанием громадной армии и необходимостью огромных материальных жертв со стороны населения для ее расширения. Проведению большого строительства для индустриализации страны. При строительстве тяжелой промышленности были затрачены громадные средства. Ошибочными были методы экономического строительства. Так, при проведении коллективизации вначале предполагалось снабжать единоличных крестьян современными сельскохозяйственными орудиями и убеждать их в выгодах коллективного хозяйства, не разоряя их. Однако при практическом осуществлении этого действовали путем жестоких насильственных мероприятий и разрушали хозяйство, абсолютно не считаясь с любовью крестьянина к земле. Вследствие этого деревня одно время пришла почти к полной гибели, а животноводство не восстановлено и по сегодняшний день. При быстром развитии тяжелой промышленности почти без внимания оставалась легкая промышленность, вследствие чего отставали те отрасли, которые наиболее глубоко затрагивали нужды населения.

*Особо Люшков отразил настроения в армии.* Красная армия — это оружие в борьбе с капиталистическими странами. При этом ее основная стратегия заключается в ведении не оборонительной, а наступательной войны. Основная установка в войне заключается в установлении советской власти в группе стран или в отдельных капиталистических странах.

В соответствии с этим взгляды Тухачевского и других сторонников оборонительной тактики признаны вредительскими. Мобилизационные и оперативные планы переделаны на принципах наступательной войны. Население воспитывается в том духе, что война должна вестись малой кровью и для этого ее нужно вести на неприятельской территории.

Партия является управляющим руководящим органом, которому подчиняются все правительственные органы в стране. Следовательно, и Красная армия управляется партией. На деле Сталиным.

В Красной армии, не говоря уже о политсоставе, имеется громадное число членов партии. Взаимоотношения между командирами и рядовыми строятся не только в подчинении на основах дисциплины, но в то же время каждый командир является политическим руководителем красноармейской массы. Командир постоянно подчеркивает тесную связь с рядовыми, помимо воинской службы изучает их психологию и настроение и должен стараться завоевывать их уважение и доверие.

Высший и старший командный политический состав в армии проявляет недовольство Сталиным и его политикой, как и большинство руководящего партийного и советского аппарата. Это относится не только к группам, которые раньше шли за Троцким и Рыковым, но и напротив, активно боролись с ними за Сталина. Последующий ход событий показал им всю несостоятельность сталинской политики, ее



гибельность для страны. Это люди, которые создали армию, которые пользовались влиянием, имели свое мнение и поэтому были особенно опасны для Сталина. Большинство из них командовало округами, корпусами, дивизиями, полками. Подавляющая часть из них была арестована и расстреляна. Оставшаяся еще маленькая часть ждет своей очереди, нервничает, не уверена в завтрашнем дне.

Средний командный состав в своем большинстве — это молодые люди, выросшие во время Сталина идейная стойкость которых сомнительна. Сталин их привлекает возможностью быстрой карьеры и материальными благами. На эту молодежь Сталин в основном и опирается. Но массовые репрессии в стране и в партии не могли не задеть и этого слоя населения, хотя эти люди выбирались после тщательной проверки и особенно из среды рабочих, где репрессии относительно меньшие, чем среди крестьян.

Младший командный состав и красноармейцы очень близки по своему происхождению и настроению. В основной своей массе это крестьяне, часть из которых внутренне не довольна колхозным строем. Большое влияние на настроения солдат имеют огромные репрессии, которые были проведены в 1937 и 38 гг. на селе.

Часть солдат, родственники которых задеты репрессиями, передают свое недовольство другим. Появляются настроения, за что воевать. Одна часть этих солдат увольняется, другая самая активная арестовывается, остальные, скрывая свое недовольство, остаются служить.

Самые опасные настроения, получающие большое распространение среди солдат и даже командного состава, это недоверие к командиру. Везде сомневаются в действиях командиров, не является ли он шпионом. Естественно эти настроения оказывают

отрицательное воздействие на дисциплину. Это особенно скажется во время войны. Известно, какое разлагающее влияние оказывали во время войны с немцами слухи о том, что армия продана, что всюду измена и предательство. Такое обратное действие оказывают в армии массовые аресты командиров и политработников, которые обвиняются в шпионской и предательской деятельности. Сдерживающее влияние на солдат оказывает страх, восстановления царизма, что усиленно насаждается всеми видами агитации и умелым разжиганием националистических чувств, что немцы и японцы враги русского народа и что они покушаются на его целостность.

На младших командиров обращается большое внимание. Им обещают производство в офицерский чин. В отношении политсостава проводятся те же меры. Наряду с увольнением и арестами старых и влиятельных кадров усиленно выдвигается молодежь.

Большое внимание в армии уделялось политработникам. Для подготовки низшего политсостава отбирались подходящие лица из членов партии и младших командиров. Они получали обучение в дивизиях. Средний политсостав комплектовался из окончивших военные школы. Они должны быть обязательно членами партии с образованием обычного командира. Срок обучения 2-3 года. Кроме политических предметов, проходились общие воинские предметы. В Ленинградскую военно-политическую академию понимались политработники, имеющие определенный уровень образования. Большое внимание обращалось на изучение военных предметов, чтобы политработники могли заменять командиров. Кроме того, во всех частях проводятся семинары, где в течение 3 недель проводилось обучение по отдельным вопросам. Политработники обучались и в военных школах по всем специальностям.

Качество политсостава мало отличалось от общего уровня командиров РККА, но так как они имели больше возможности заниматься самообразованием, их уровень культурного развития выше. Политработники по характеру своей работы должны вести себя сдержанно, среди них сравнительно мало нарушений дисциплины.

*О внутренних силах в армии враждебных советскому строю.* Эти силы одинаково враждебны советскому строю, но различны по своим целям.

Так, имелась группа командиров, глубоко преданных Троцкому. Это Путно, Примаков и другие. Они вели работу в этом направлении.

Группа командиров из латышей, немцев, поляков и др. национальностей, у которых появились националистические настроения. Это Корк, Эйдеман, Гайлит и другие.

Группа командиров из бывших офицеров царской армии, такие как Тухачевский, Уборевич, Каширин, Орлов и другие, стремилась к военному перевороту и готовы были на союз с кем попало из других групп.

Основная масса командиров и политработников как Гамарник, Якир, Сангурский, Аронпгтам, Дыбенко, Леандов-сий, Дубовой и др. были согласны на блок с иными враждебными группами. Это очень характерно. Это люди, которые долго верили в Сталина, но в конце концов убедились в губительности его политики. Эта группа имела самые большие корни в армии, и ее настроение отражает настроения большинства высшего и старшего командного и политического состава армии.

Интересно, что массовые аресты среди недовольных военнослужащих в армии все еще не вносят успокоения. Это можно проследить на примере Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА). Вначале уничтожили связи армейского комиссара 1-го ранга Я. Б. Гамарника, заместителя командующего ОКДВА М. В. Сангурского и члена Военного совета

ОКДВА Л. Н. Аронштама. Затем начали разгром связей начальника политуправления ОКДБА. И. Д. Вайнероса и других. В конце концов арестовали помощников Блюхера Покуса, Гулина, нач. штаба Васенцовича, нач. политуправления Кропачева, командующего приморской группы войск Левандовского и его штаб, командиров корпусов и дивизий, командующего амурской флотилией Кадацкого и группу командиров бригад и кораблей Тихоокеанского флота и т. д.

И эти аресты не последние, т. к. даже вновь назначенные люди не были изолированы от общей обстановки и постепенно под ее влиянием начинали проявлять недовольство. Так, например, во время последнего приезда на Дальний Восток нарком военного флота Смирнов поставил перед новым начальником Амурской флотилии Октябрьским вопрос об аресте большой группы командиров. Октябрьский не выдержал и заявил, что он не знает уже кем можно командовать. Если всех арестовать, то корабли надо будет поставить на якорь. Смирнов в грубой форме ему сказал: «С вами или без вас, но мы сделаем то, что нам нужно».

Аналогичные настроения проявил по поводу арестов во время пребывания Смирнова на Тихоокеанском флоте командующий флота Кузнецов и член военного совета Волков. Об этом говорил сам Смирнов, который в этой обстановке был вынужден оставить начальником политотдела флота приехавшего с ним Лаухина. Это было связано с тем, что во второй половине 1937 и в 38 гг. в ОКДБА было арестовано в качестве заговорщиков 1.200 командиров и политработников, а в качестве антисоветского элемента около 3.000 средних и младших командиров и политработников.

Антисоветская деятельность приняла различные формы. У многих надежды связывались с войной, которая могла ускорить развязку. Очень характерна

группа заговорщиков, образовавшаяся вокруг Левандовского, в которую входили командиры 26-го 39-го корпусов. Они пытались вызвать искусственное столкновение с японцами, чтобы возникла война, и при этой обстановке ускорить развязку. Или группа заговорщиков в штабе ОКДБА, образовавшаяся из самых близких к Блюхеру людей как Покус, Гулин и другие, которые, окружив Блюхера и пользуясь его отношениями с Ворошиловым, старались вызвать его на политические скользкие и рискованные разговоры. Блюхер давал членам этой группы читать секретные показания арестованных заговорщиков и таким образом ориентировал их о ходе следствия, не имея на это право.

После ареста Гулин рассказывал Люшкову, как после вызова Покуса в Москву Блюхер, выпивая с ним, ругал НКВД, производимые аресты, Ворошилова, Кагановича и других. Блюхер рассказывал Гулину, что до увольнения Рыкова с поста Председателя Совнаркома, последний его обнадеживал и даже ему писал, что правые хотели бы видеть его во главе вооруженных сил страны. В припадке откровенности Блюхер делал Гулину намек, что если он останется сам (необходимо понимать в политическом смысле) Гулин пойдет с ним. Люшков считал это очень важным фактом в настроениях Блюхера.

По словам Люшкова Блюхер был очень властолюбив, его роль на Дальнем Востоке его не удовлетворяла, он хотел большего. Он считал себя выше Ворошилова. Политически он вряд ли доволен общей обстановкой, хотя он был очень внимателен. В армии его люди популяризовали только его, а Ворошилова обходили молчанием. Блюхер жаждал власти, не терпел чужого влияния. Он очень болезненно переживал введение института военных комиссаров, особенно Военного совета, ограничение его прав издавать единолично

приказы, которые он должен был подписывать вместе с членом военного совета и начальником штаба.

Опасность заговоров в армии, общее неблагополучие в командном составе побудили Сталина учредить институт военных комиссаров. Дело стоит не только в контроле со стороны партии, как официально говорится, а в том, что Сталин боялся доверить командные посты одному человеку. Введением комиссаров Сталин хотел не только установить контроль, противопоставляя командира комиссару, но и всегда иметь готовую смену командиру. Недаром везде подчеркивалось, что комиссар должен вникать во все вопросы военного дела как командир, чтобы он мог командовать. Командный состав отвечал на это скрытым саботажем, который пресекался самым жестоким образом.

Даже к Ворошилову Сталин поставил Мехлиса в качестве начальника Политуправления. В прошлом Мехлис был секретарем Сталина и являлся его доверенным человеком.

*Люшков сделал обзор войск ОКДВА*, в котором отразил, что при проверке состояния орудий в частях был установлен большой процент от 20 до 40 непригодных для боя орудий. Одна часть требовала ремонта, а другая часть была бракована.

С артиллерийскими боеприпасами было также не удовлетворительно. Боеприпасы во многих полках и дивизиях содержались под открытым небом, под брезентом и портились. Под Каменрыболовом от загорания травы взорвался артиллерийский запас 85 полка. При проверке снарядов из боезапасов ОКДВА оказалось очень много негодных. Имелись случаи взрывов снарядов в 45 мм. пушках, которые оказались больше в диаметре, чем это было необходимо. В бронетанковых частях вскрыт большой процент непригодных танков. Вследствие плохого отношения к

материальной части, начальник бронетанковых частей был арестован.

Все материально-техническое снабжение армии находилось в хаотическом состоянии, как в смысле сохранения запасов, так и в смысле учета. Много имущества портилось и гибло. В связи с этим арестован почти весь руководящий состав различных видов снабжения штаба армии и складов.

Связь в армии также в неудовлетворительном состоянии. Отмечается вредительство и порча материалов. Вследствие этого начальник связи армии Дубовко был арестован.

Инженерная подготовка войск была также неудовлетворительна. Ратификационные работы в ОКДВА были не на должном уровне. Солдаты даже не умели рыть окопы. В наступающем году войска должны провести фортификационные работы и таким образом укрепить границы и получить практику. Через эти работы должны пройти 10 дивизий. В Гродековском укрепрайоне существует шестнадцатикилометровый противотанковый ров и роется еще шестидесятикилометровый.

Особенно плохо обстоял вопрос с казармами. Буквально на голом месте сконцентрировано много частей. Всю зиму солдаты и офицеры живут в землянках и палатках. На этой почве имеются огромные недовольства, особенно среди комсостава, который живет в нечеловеческих условиях со своими женами и детьми. В городах дело обстоит не лучше, т. к. и там нет квартир. Строительство казарм и домов для нач. состава продвигалось очень плохо. Ежов, в связи с докладом Блюхера в Москву о тяжелом положении с расквартированием армии, предложил Люшкову вмешаться и принять решительные меры к ослаблению жилищного кризиса. Но эти меры не улучшат положения. В связи с неустроенностью частей и

необходимостью работы в этом отношении приступили к использованию солдат. В результате сильно отстает боевая подготовка.

*Стрелковая подготовка* во многих частях слабая. Организация Дальвоенстроя предусматривала освободить части ОКДКА от строительных работ, а Ушостройлаг от дорожных работ. Но это осуществить не удалось. Армия перегружена всевозможными посторонними делами, строят помещения и дороги, сажается картофель, сеется рожь и прочее. Недостаточная пропускная способность бань, а иногда и их отсутствие приводит к антисанитарному состоянию частей. За это наказывают врачей, а командиров арестовывают. Но при создавшихся условиях трудно обеспечить санитарию.

Очень остро стоит вопрос с питанием. Пищу готовят плохо, однообразно и часто в антисанитарных условиях. В результате часты случаи коллективных отказов от пищи, массовые отравления. Во Владивостоке отравилось более 350 солдат и офицеров. Массовые отравления были в Амурской флотилии, в гор. Ворошилове. Арестовали многих людей, доказали, что это диверсия японцев. Но это связано не только с плохими условиями, а часто заключается в том, что врачи и снабженцы таким образом мстят и проявляют недовольство и озлобленность к режиму. Так было во Владивостоке.

Всего в ОКДВА по сведениям, сообщенным Люшковым, было расквартировано около 20 дивизий, кроме специальных частей и укрепрайонов. Имеется корпус железнодорожных войск со штабом во Владивостоке, который непосредственно подчинен Москве, а оперативно ОКДВА. Все командование корпуса арестовано. Имеется строительный корпус со штабом в гор. Комсомольске. Командир корпуса Руднев арестован. Корпус делится на батальоны, строящие



военные заводы, подчинен Наркомату военной промышленности, а снабжается армией, ею и контролируется.

Дальвоенстрой, сформированный осенью 1937 г., делился на тресты, которые заключали договора со штабом ОКДВА на строительные работы. Рабочая сила состояла из рабочих батальонов, составленных из солдат. Программа строительства Дальвоенстроем на сумму около полумиллиарда рублей в 1 и 2 кварталах 1938 г. была не реализована. В связи с чем начальник Дальвоенстроя командир корпуса Сазонков был арестован.

По мнению Люшкова, при возникновении большой войны неизбежно будет ощущаться недостаток людских резервов. По его мнению, заслуживает внимания проводившееся переселение запасных на Дальний Восток. В 1936 г. было переселено 1.500-2.000 чел., в 1937 г. — 3.500 чел., но часть из них бежала. На 1938 г. был установлен план переселения 2.000 военных и 2.000 колхозников, однако был выдвинут план переселения 45 тыс. военных, и есть сведения, что якобы в Москве получили на это согласие.

Информируя японский Генштаб о Красной армии, Люшков сделал следующие выводы о том, что армия совершенно не подготовлена к активным действиям. Это было связано с недостатком руководящих опытных командиров, недостаточной военной подготовкой, плохим снабжением армии и в частности, снабжением боеприпасами. Сказывался также недостаток материальных резервов, сравнительно большой процент выхода из строя материальной части (самолеты, артиллерия), а также больше количество антисоветски настроенных командиров и политработников и плохая организация штабов.

Блюхер не разделял эту точку зрения, считая, что положение можно быстро исправить, но это, по словам

Люшкова, был результат его казенного оптимизма и, главное, нежелание показать Москве фактическое состояние армии т. к. в данном случае он должен был расписаться в собственной несостоятельности. Потребуется много времени и усилий, чтобы поправить положение.

Авиация на Дальнем Востоке имела очень мало аэродромов. На аэродромах не было взлетных площадок, и во время осенних и весенних дождей авиация не в состоянии была вылететь. Она становится небоеспособной.

Служба наблюдения за воздухом (около тысячи точек) находилась в отвратительном состоянии. Она не может исполнять свои задачи ввиду того, что очень плохая связь. Необходимо уменьшить количество точек в десять раз, но улучшить снабжение.

В последнее время замечено неблагополучие с химическими бомбами на аэродромах. От жары появились трещины в ипритных бомбах.

Авиация усиленно перевооружалась новыми типами самолетов СБ, ТБ-3, И-15 и И-16. К концу 1938 г. планировалось закончить перевооружение. Вследствие разрушения и поломок до 25 % самолетов было вне строя, в некоторых частях до 50 %. Заводской ремонт в Хабаровске сложен ввиду необходимости перевозки. Завод не справляется со своей работой.

На учениях ПВО в Хабаровске в 1938 г. была показана слабая подготовка летного состава для ночных действий. Запаздывание на 2-3 часа при взлете по тревоге, плохое взаимодействие между службой наблюдения, авиацией и зенитной артиллерией.

С организацией газоубежищ для населения в Хабаровске и других городах дело обстояло катастрофически плохо. Газоубежищ нет. Предполагалось мобилизовать население и на сопках

возле гор. Хабаровска вырыть галереи, укрепив их деревянным креплением.

*Транспорт и железнодорожное сообщение также находились в сложном положении.* Конский состав края был очень неблагоприятный. Самое большое число лошадей находилось в колхозах, а кони мобилизационных категорий должны были подлежать особому уходу. Последняя перепись 1938 г. показала резкое их уменьшение по отношению к 1936 г. Основная причина — колхозниками запрещается иметь лошадей для личного пользования. За общественными лошадьми очень плохой уход, перегружают их непосильной работой и истощают. Таким образом, кроме уменьшения конского состава наличное количество в большинстве находится в неудовлетворительном состоянии.

Грузовой транспорт края состоял из пяти тысяч машин. Концлагеря из этого количества имели четыре тысячи машин трехтонок и полуторок. Вследствие низкой квалификации большинства шоферов, варварского отношения к машинам и незначительного среднего ремонта, перевозные средства быстро изнашивались.

Перевозки и общие вопросы мобилизации были тесно связаны с состоянием шоссе, с которыми положение на Дальнем Востоке неудовлетворительное. Существующие дороги построены явно вредительски. Основная магистраль Хабаровск-Владивосток длиной в 700 км и шириной 5–6 метров, которая считается покрытой гравием, в действительности им не покрыта и не выдерживает больших грузов. По мнению военных, если по шоссе пройдет только одна дивизия, от него ничего не останется. При сильном дожде шоссе буквально размывается.

Состояние дорог и деревянных мостов не отвечает военным нуждам. Качество работ низкое, план строительства первого полугодия провален. Обвинили

во вредительстве начальника Ушостройлага Тарасова и арестовали его.

*Железнодорожный транспорт.* Лучшей проверкой готовности железнодорожного транспорта была перевозка корейцев, из Дальнего Востока. Для его очистки было выселено в Среднюю Азию около 200 тысяч корейцев. В короткое время необходимо было составить 120 эшелонов. После окончания перевозки корейцев начали перевозить демобилизованных солдат ОКДВА. Тогда оказалось, что при более усиленных перевозках в военное время положение будет катастрофическим. В мобилизационных фондах железной дороги не оказалось досок для нар, печек, не хватало паровозов. Не могли своевременно подавать составы для эшелонов и нарушают график.

В своих показаниях от 25-го июля 1938 г. Люшков писал, что руководством страны прилагались усилия к тому, чтобы сделать Дальний Восток независимым в отношении продовольственных ресурсов, но это окончилось неудачей. Вся продукция доставляется из европейской части СССР. Это еще в большей степени затрудняет работу железных дорог, и так работающих с полной нагрузкой. Созданные запасы ржаной муки и хлеба в качестве мобилизационных резервов были отравлены вредителями. Мука, вследствие плохого качества, не годится для хранения. Улов рыбы превысил ожидания, однако вследствие отсутствия холодильного оборудования, материалов для засолки и консервных банок, сгнило несколько сот тысяч центнеров рыбы. Тех, кто выбрасывал эту рыбу в море, арестовывали. То же повторялось и в 1938 г. Наличие ящиков для тары не превышало 40 % потребности, не хватало также консервных банок. Консервированная рыба из мобилизационных запасов, как выяснилось, большей частью сгнила. В итоге, очевидно, что с началом войны продовольственный вопрос обострится.

Он довел до сведения японцев, где располагались и что выпускали заводы ДВК, что на них строилось. Какие заводы выполняли военные заказы, и какие конкретно. Так, к примеру, он сообщил, что Хабаровский завод им. Молотова — авиаремонтный, Кагановича — авторемонтный (танки), Кирова — судостроение и ремонт. В Комсомольске на заводе № 119 строят два эсминца и продолжают сборку легкого крейсера. В Ворошилове строится завод № 116 — самолетостроение. Завод № 22 занимается строительством кораблей и сборкой подводных лодок для ТОФ и др.

Люшков сообщил, что помимо распоряжений, опубликованных в газетах в течение 1937-1938 гг., на ДВК были даны следующие директивы:

Вести беспощадную борьбу с врагами народов всех областях;

Вести широкую агитацию по поводу всех антисоветских выступлений, изображая их как доказательства японской агрессии;

Оказывать всемерную поддержку ОКДВА путем роста строительства, поднятия сельского хозяйства и улучшения работы промышленности, чтобы этим усилить обороноспособность ДВК;

Обратить особое внимание на улучшение работы железнодорожного транспорта;

Ликвидировать правооппортунистические компромиссные мероприятия в отношении японских концессионеров, заставить их строго придерживаться законов, т. е. после репрессий, проведенных в 1937 г., Сталин дал директиву отвергать японские протесты и объявил провокаторами всех тех, кто пытался договориться с концессионерами.

Для ликвидации опорных точек японского шпионажа НКВД и партийным органам даны были чрезвычайные полномочия:

Переселять поголовно всех корейцев и арестовывать тех из них, кто уличен или подозревался в контрреволюционных высказываниях.

Производить массовые аресты всех замешанных в антисоветских действиях, подозреваемых в шпионаже, замышлявших нелегальный переход границы, контрабандистов и торговцев опиумом.

Вначале было дано распоряжение о ликвидации имущества китайцев и их семей и переселения их в Синьцзян или Казахстан. Однако, когда часть китайцев была уже посажена в поезда, пришел приказ приостановить переселение.

Производить массовые аресты бывших кулаков, бывших участников белых армий, бывших меньшевиков и эсеров при наличии хотя бы незначительных фактов или подозрений в антисоветской деятельности.

Производить массовые аресты всех иностранцев, приехавших в СССР и имеющих связь с заграницей или не иностранцев (поляков, немцев, латышей, замешанных в антисоветской деятельности).

Самостоятельно производить аресты харбинцев, прибывших в ДВК после установления советской власти.

Чтобы прервать всякую связь с японскими консульствами населения установить по отношению к ним особый режим. Всех выходящих посетителей задерживать и по выяснению цели посещения арестовывать.

Подготовить материал для высылки из ДВК всех нежелательных элементов, семей арестованных, бывших кулаков, людей с политическим прошлым, лиц, имеющих связь с заграницей, рецидивистов, контрабандистов, исключенных из партии и т. д.

Установить в ДВК запретную зону и запретить въезд без разрешения. Установить систему пропусков для въезда на Дальний Восток. При выдаче пропусков ввести две категории: постоянно и временно живущих в

ДВК. Проводить проверку в поездах. Усилить паспортную систему, высылать лиц, не имевших паспортов, нарушителей общественного порядка, хулиганов и т. д.

В связи с большим увеличением числа арестованных для ускорения рассмотрения дел была введена новая система судебного разбирательства. В НКВД организована тройка в составе: Нач. УНКВД и двух секретарей Крайкома. По делам иностранцев должны были составляться краткие справки и пересылаться в Москву. В обоих случаях было предоставлено право приговаривать осужденных к тюремному заключению от 8 до 10 лет или к расстрелу.

В отношении границы даны были следующие директивы: чистку проводить особенно беспощадно в пограничной полосе. Для устрашения японских шпионов расстреливать лиц, пытающихся нарушить границу. Усилить наблюдение за японскими военными, пытающимися проникнуть через границу. Обстреливать их так, чтобы не наносить ранений, но запугать.

*Люшков отразил назначение НКВД,* которое признано осуществлять охрану государства и своевременно вскрывать и уничтожать все антисоветские замыслы и действия, каков бы характер они не носили и от кого бы они не исходили.

Для этой цели имелась сеть наблюдения, которая контролировала все слои населения. В случаях возникновения какого-нибудь беспокойства НКВД должно вскрывать его причины и своевременно арестовывает антисоветские элементы, которые стремятся использовать это положение для организации заговора. Кроме того, обращалось внимание на работу всех государственных органов и на внутривластьное положение и ведение за ними тайного наблюдения. Выявлялась диверсионная и

разведывательная работа, направленная против СССР. При ее выявлении уничтожались ее очаги.

НКВД формально является советским органом, который находится под политическим руководством местной партийной организации. Однако фактически это не совсем так. Местный партийный комитет не является руководителем начальника управления НКВД. Однако, если в какой-нибудь части области возникает беспокойное положение, местный партийный комитет сообщает об этом НКВД и требует обратить внимание на создавшееся положение. Начальник НКВД, в свою очередь, также по определенным вопросам ставит в известность партийную организацию, например, сообщает показания арестованных членов партии и т. д.

Наблюдение за местным партийным комитетом лежит на начальнике УНКВД.

Далее Люшков рассказал о реформах и правовом положении ЧК-ГПУ-НКВД. По его словам, ЧК приговаривало к наказанию без всякого судебного разбирательства. Ленин, при переходе к новой экономической политике, с целью ввести работу в нормальное русло упразднил ЧК и создал взамен гпу.

ГПУ имело право под строгим надзором прокуратуры вести дела только политических преступников. Однако это положение продолжалось только несколько лет. Когда начались троцкистские заговоры, власть ГПУ в целях борьбы с ними стала постепенно усиливаться, и оно превратилось в подобие прежней ЧК. Сперва ГПУ имело право осуждать на срок не свыше 5 лет, но затем права были постепенно расширены.

В 1935 г. в связи с созданием НКВД, ГПУ было упразднено. Эта перемена также носила чисто политический характер и преследовала цель рассмотрения преступлений в нормальном судебном порядке. Однако в действительности это правильное



мероприятие осталось только на бумаге. Именно в 1936 г. были созданы тройки для рассмотрения на местах дел, связанных с политическими преступлениями, за исключением дел троцкистов, правых, шпионов, военных и иностранцев.

В ДВК в состав тройки входили нач. УНКВД, а также первый и второй секретари Крайкома. Прокурор присутствовал на заседаниях тройки, но не имел права вмешиваться в ее решения. Если он был не согласен, он мог апеллировать в прокуратуру СССР в Москву, где и решалось дело.

Дела иностранцев — китайцев, корейцев, поляков и других — решались в Москве. Фактически без всякого суда по спискам, которые представлялись с мест.

Дела троцкистов, правых, заговорщиков и т. д. рассматривались военным трибуналом и решались нормальным судебным процессом в Москве.

Если в какой-то области возникало большое количество преступлений такого рода, из центра командировался прокурор, который бегло ознакомился с делами и посылал списки в центр. В Москве по этим спискам определялась степень наказания, т. е. по 1-й категории — расстрел, по второй категории — 10 лет принудительных работ. Эти суды представляют собой простую формальность. В день проходит по 70 человек. В свидетелях, конечно, не было никакой необходимости.

Люшков писал, что систему троек решено было в ближайшее время упразднить, ибо если в одной области арестовывалось несколько тысяч преступников, то такой упрощенный метод разбирательства их дел приводил ко всякого рода отрицательным явлениям.

Судебные методы после упразднения троек, вероятно, будут заключаться в следующем: различные политические преступления будут разбираться в особой коллегии верховного суда. Дела правых и троцкистских заговорщиков — в военной коллегии.

Люшков сообщил японцам и организационную структуру НКВД.

Общее мнение состояло в том, что японская армия опередила Красную армию в отношении авиации и по материальной подготовке летного состава. Блюхер и другие считают, что боевые качества красноармейца выше боевых качеств японского солдата. Причем одной из причин считают то, что японский солдат меньше приспособлен к суровым условиям севера.

Поражение в 1904–1905 гг. объясняют не качеством русского солдата, а гнилью царского строя и изменой. Еще один участок, где японская армия отстала, это, по мнению Блюхера, автотранспорт и тракторный парк. Главная тактика в отношении японской армии — разжигать конфликт в Китае, чтобы военные силы Японии как можно больше были втянуты в военные действия.

После уничтожения группы Тухачевского, которая стояла за оборонительную войну, оборонительная линия поведения объявлена вредительской. Все планы армии в стране перерабатываются, исходя из идеи наступления. В отношении Японии усиленно внушается, что Япония готовится к войне с Советским Союзом. Основная позиция Японии справиться с Китаем, обеспечить себе тыл и овладеть Дальним Востоком и, если удастся, Сибирью.

Ежов говорил Люшкову, что из Москвы в ОКДВА начальником разведотдела послан полковник Капалкин, который имеет специальные директивы об организации партизанской войны в Манчжурии. Капалкин и Блюхер приняли командиров китайских партизанских отелов в Манчжурии. Настроения в Москве были очень воинственными. На восток направлены новые типы самолетов, танков, орудия снаряжение и боеприпасы.

Блюхер предполагал напасть одновременно с двух направлений. Со стороны Читинского и Уссурийского

участков, чтобы быстро очистить вдающийся в Советский Союз клин. Ликвидировать угрозу Хабаровску и сразу выровнять фронт. Война с Японией, по его мнению, приведет к тому, что против нее поднимется весь тыл в Манчжурии. Предполагалось также держать под ударами подводного флота и авиации все морские коммуникации противника и сковывать действия его флота. Одновременно бомбардировать острова, чтобы дезорганизовать тыл и держать его в напряжении.

Далее Люшков рассказал, что в марте 1938 г. из Москвы прибыл с секретной миссией Сталина майор Ярцев, чтобы выяснить возможность смены базы флота из гор. Владивостока, а также провести специальные мероприятия на Сахалине. Майору Ярцеву были подчинены все власти на Сахалине. Он имел задачу сгладить обострившиеся отношения с японскими концессиями и одновременно привести в боевую готовность остров. Приступить к формированию там дивизий и авиационных баз в Сахалинске и Софийске. Таким образом должно было быть отвлечено внимание Японии, а в случае общих военных действий на материке предполагалось отвлечь часть воздушных морских и сухопутных сил Японии для защиты Южного Сахалина.

Позже, 12 апреля, заместитель Ворошилова и Смирнова Федьке вызвал ночью по телеграфу Блюхера и, основываясь на сведениях Чан-Кай-Ши, предупредил его о готовящемся внезапном нападении со стороны японской армии и флота на Посьетском и Владивостокском участке и предложил ему привести в боевую готовность армию и флот. Одновременно Смирнов (Нарком военного флота) выехал на Дальний Восток. Люшков предполагал, что дело с Чан-Кай-Ши имело другой смысл, что это было продолжением плана общих активных действий против Японии.

Одновременно со Смирновым прибыли в качестве начальника штаба комкор Штерн и в качестве заместителя Блюхера комбриг Романовский. Штерн был главным советником по Испании и считается специалистом по ведению войны в новых условиях. Перед выездом он имел большой разговор со Сталиным. Его приезд и одновременная директива по приведению вооруженных сил в боевую готовность были не случайны.

В первый день после прибытия Смирнов имел продолжительный разговор с Блюхером с глазу на глаз. Смирнов говорил Люшкову, что имел личное задание Сталина познакомиться с боевой готовностью флота и возможностями армии. После этого он выехал с Блюхером в Москву. Характерно, что Смирнов ожидал какие-то указания Сталина, но получил его телеграмму, выехать вместе с Блюхером в Москву на заседание Главного военного совета.

Блюхер говорил Люшкову, что в Москве необходимо решить два основных вопроса: оперативный план войны и распределение высшего и старшего комсостава в армии (дело с командным составом в армии обстояло катастрофически). Смирнов выехал по вопросу смены базы флота, предполагалось два варианта: или перенести базу в залив Находка, или превратить гор. Владивосток в военный порт типа Кронштадта. Он занимался также по заданию Сталина поиском мест для базы подводных лодок на Сахалине.

Однако во всех наступательных планах против Японии Люшков чувствовал нерешительность, страх от неподготовленности к войне, а главное, болезненный и острый страх от заговорщиков, особенно в армии, которые могли воспользоваться войной, чтобы совершить переворот. Этим объясняются противоречивые указания и решения.

Люшков делает вывод, что в отношении активных действий против Японии Сталина сдерживает неуверенность во внутренних силах армии и населения, боязнь деятельности заговорщиков; страх от нападения со стороны Германии; неуверенность в Китае, в устойчивости Чан-Кай-Ши и в том, что последний может за спиной СССР договориться с Японией. Данные о том, что Япония действует в Китае дивизиями второго и третьего разряда (резервистами), а главные свои силы бережет для войны против СССР, неуверенность в Блюхере. С одной стороны Сталин уверен, что Блюхер пользуется большой популярностью и крайне необходим для войны на Дальнем Востоке, а с другой стороны знает, что он властолюбив и с бонапартистскими тенденциями.

*Шпионская работа.* По словам Люшкова он сталкивался на Дальнем Востоке с массовым японским шпионажем против СССР, которым занимались завербованные корейцы и китайцы, отмечал и более квалифицированный шпионаж, ведущийся опытными агентами. Разоблачение произошло благодаря расширению шпионами круга вербуемых ими лиц, невнимательными антисоветскими разговорами с их стороны и т. д.

Практика показывает, что лучшим прикрытием для шпионов является их примерное поведение и активная советская работа. Как правило, они вступают в партию, отличаются на производстве, становятся стахановцами и часто играют роль разоблачителей врагов советской власти (это сейчас очень модно).

Меры контрразведывательного характера принимаются по линии агентурного наблюдения за командным составом и особенно штабными работниками, и инженерами военных предприятий, за лицами, имеющими связи с учреждениями, которые ведут секретную переписку, за лицами иностранного

происхождения и т. д. Они окружаются агентами на службе, изучаются их связи вне службы, их личные связи и связи с женщинами. Кроме того, используются начальники секретных отделов, учреждений (где хранится секретная переписка), чтобы узнавать о настроениях лиц, имеющих отношение к секретной переписке.

Специальный режим установлен вокруг служащих в иностранных консульствах. С целью пресечения всех возможностей с их стороны к ведению шпионской работы, консульства окружаются агентами, за каждым служащим ведется грубое наблюдение, чтобы он это видел. Все лица, граждане СССР, входящие в консульство, после выхода оттуда немедленно задерживаются и, если устанавливается, что нет законных причин к посещению консульства, они арестовываются и сажаются. Так поступают и с теми лицами, которые находятся в контакте с консульскими чиновниками.

Указал на круг лиц, которых, по его мнению, надо вербовать, и на методы вербовки Советских граждан.

По мнению Люшкова, повстанческие кадры на Дальнем Востоке, судя по вскрытым группам и организациям, состояли из остатков бывших белогвардейцев и офицеров, из казачьих элементов, из бывших кулаков, из семей пострадавших от репрессий, из антисоветски настроенной интеллигенции, из националистических элементов и бежавших кулаков.

Люшков рассказал о предпринимаемых мерах по выявлению японских шпионов. Чтобы пресечь возможность их проникновения, кроме мер по усилению охраны границы, был усилен пограничный режим. Введены фотографии на паспортах. Для жителей ДВК ставилась особая печать, а для жителей пограничной зоны другая особая. В связи с этим неблагонадежным элементам просто предлагается выселиться. По

железной дороге Иркутск-Владивосток практикуется внезапная проверка документов и пропусков (с апреля для проезда на ДВК требуется специальный пропуск, без него железнодорожные кассы не продавали билеты).

Раскрыл японцам принципы вербовки агентуры органами НКВД. Основным контингентом для ведения шпионской работы на территории Манчжурии считались китайцы. Были созданы две базы: одна в Манзовке, другая в Бекине, где были сконцентрированы китайские беженцы и бежавшие партизаны. Из них готовятся кадры для переброски в Манчжурию. Ведется работа по вербовке кадров среди выселенных в Среднюю Азию и Казахстан корейцев. Туда командированы специальные люди из Москвы. Переброска через пограничную линию корейцев должна вестись под формой или бежавших с места переселения или через другие страны. Обращается главное внимание на то, чтобы устроить агентуру в местах дислокации японских военных миссий: Сахалине, Санчагоу, Фуйкане, Мишане, Пограничной, Хун-чуне и проч.

Поставлена задача по переброске агентов-китайцев, которые могли бы оседать в этих пунктах или устроить там агентуру, чтобы наблюдать за действиями японских миссий, а по возможности под видом агентов входить в связь с этими миссиями. Создавать в этих пунктах или в других населенных пунктах такую агентуру, которая могла бы быть использована как явочные пункты в случае переброски агентов. Предполагалась возможность проникновения в полицию Маньчжоу-Го.

Самый больной вопрос во всех этих комбинациях был вопрос о связи. Здесь берется под внимание возможность агента, его родственные связи и знакомства, использование знакомых для связи, возможность вести переписку через другие страны, возможность агента переходить границу и т. д. Но т. к.

это очень трудно, обращалось внимание на радиосвязь. В Хабаровске и во Владивостоке были созданы радиокурсы, куда подбирали подходящие кадры. Для активных действий в Хабаровске создавалась диверсионная группа из китайцев. Для деятельности этой группы необходимо было получить указание Москвы.

Когда Люшков был в Москве, Ежов говорил ему, что японская разведка ведет в СССР активную диверсионную работу. По его словам, нам необходимо ответить тем же. В частности он говорил, что возле Харбина создан бактериологический институт для диверсионной работы на территории СССР. Ежов считал, что для диверсионной работы на территории Манчжурии необходимо создать группу, а окончательные ее задачи определит он (он говорил и о железной дороге). Когда потребуется, сказал Ежов, пошлем специальных людей из Москвы для руководства и вместе с ними пошлем готовые препараты для бактериологической диверсии. Но до последнего времени ни люди, ни директивы не присылались.

Глубокая политическая разведка в Манчжурии, Корее и Японии (и контрразведка) велась непосредственно Москвой, для чего использовался дипломатический торговый аппарат. Военная разведка велась разведотделом ОКДВА и Развед-управлением РККА в Москве.

Главное задачей Люшкова на Дальнем Востоке было разгромить весь старый аппарат ИНО (иностранная разведка) ДВК и пресечь все агентурные связи, которые были по оценке Москвы основным каналом работы японской разведки. Все работники ИНО были арестованы и все агентурные связи прерваны. В аппарате ИНО имелось два человека — Стрелков, недавно назначенный, и Панкратов, специалист по радио.



В Хабаровске была поставлена задача пробраться к белогвардейцам. Она была возложена на Малькевича из 3-го Отдела, который должен был подбирать кадры среди бывших белых и казаков.

Первые несмелые шаги по переброске через границу были произведены, некоторые люди намечены к использованию. Люшков с полной ответственностью заявил, что сейчас аппарата ИНО на ДВК нет. Существует еще пограничная разведка в погранотрядах, но она представляла из себя мелочное дело.

В Харбине основным резидентом Москвы являлся неизвестный под псевдонимом «Адам» — вероятно, секретарь консульства.

Люшков предполагал, что в случае если в течение нескольких лет не будет войны, то Сталин будет продолжать по-прежнему чистку всех не пользующихся его доверием элементов в правительственных органах, в армии и в партии. Будет решительно выдвигать молодежь.

В области внутренней политики будут приниматься все меры к расширению промышленных центров, особенно военной промышленности, к накоплению мобилизационных резервов и укреплению Красной армии.

По мнению Люшкова, для Сталина война необходима, как средство отвлечения внимания народа от внутренних проблем страны. Если ему это удастся, он благодаря этому получит стимул к развитию революционного движения в других странах.

В настоящее время Сталин для удовлетворения нужд населения принимает меры к улучшению работы легкой промышленности. Намечается также улучшение продовольственного снабжения городов и рабочих центров. Однако потребности громадной Красной армии, вероятно, помешают проведению этого.

Учитывая опасное положение Донбасса в военное время, принимается все меры к развитию угольной и металлургической промышленности в Кузбассе.

Если начало войны затянется, Сталин для внесения успокоения в стране и укрепления своей позиции, вероятно, смягчит политику чистки.

Каково будет положение в СССР после смерти Сталина — вопрос, по мнению Люшкова, чрезвычайно сложный. Ясно, по крайней мере то, что крах диктатуры и развал партии как коллективного органа приведет к перевороту в управлении государством.

Преемниками Сталина могли быть Молотов и Ворошилова. Оба они чисто русские люди и видные деятели Политбюро, притом отличающиеся политическим честолюбием.

Молотов — государственный деятель, образованный, хладнокровный и сдержанный. Однако у него нет дара предвидения, который необходим для управления государством. Ворошилов не только популярен в народе, но и пользуется поддержкой армии. По мнению Люшкова он является наиболее вероятным приемником. Он придерживается правых взглядов и является противником сталинских методов.

Люшков выдал японцам все, что он знал.

В книге японского журналиста Есиаки Хияма «Японские планы покушения на Сталина» утверждается, что после начала военного конфликта у озера Хасан из числа осевших в Маньчжурии русских белоэмигрантов японцам удалось сформировать отряд террористов, в задачу которых входило убийство Сталина. Для этого они поодиночке должны были перейти турецкую границу и добраться до Сочи, где в то время отдыхал Сталин. Там по сложной системе подземных коммуникаций боевикам предстояло проникнуть в павильон Мацесты как раз в то время, когда Иосиф Виссарионович будет принимать там

грязевые ванны, и прикончить его. План будто бы разработал Люшков. Как полагал Хияма, Генрих Самойлович превосходно знал как систему охраны Сталина, так и подземные переходы комплекса Мацесты, поскольку раньше работал в центральном аппарате НКВД<sup>[378]</sup>.

Несмотря на тщательную подготовку, операция провалилась. Все террористы были схвачены при переходе советско-турецкой границы. Москву заранее предупредил о готовящемся покушении агент Борис Бжеманьский по кличке Лео, служивший в Министерстве иностранных дел Маньчжоу-Го.

Он же сорвал и другой план, якобы также разработанный по наводке Люшкова. Накануне 1 мая 1939 г. японские агенты должны были пронести мощную мину в Мавзолей. Ее часовой механизм был установлен на 10 часов утра, когда на трибуне Мавзолея должно было находиться все советское руководство. Но опять террористы были перехвачены и обезврежены еще на границе.

Отмечен также факт попытки Люшкова склонить к измене Родины военного атташе СССР в Токио Федорова, которого он в письме предупреждал о том, что в Москве его ждет гибель. Он полагал, что по возвращению на родину его заставят признаться, что он старый японский шпион. Люшков считал, что избиения и пытки сделают свое дело. Он хотел предупредить Федорова как человека, стоящего на краю гибели, об опасности. Рекомендовал сделать такой же шаг, как и он. Люшков звал Федорова на политическую борьбу во имя спасения революции и народа. Предупреждал, что его семья обречена на гибель.

А в это время в центральном аппарате НКВД при очередной чистке аппарата органов государственной безопасности фабриковали новые дела. Так, 23 октября

1938 г. заместитель наркома внутренних дел Л. П. Берия, рвавшийся к власти, направил И. В. Сталину протокола допроса Д. М. Дмитриева — бывшего начальника Управления НКВД по Свердловской области, где тот утверждал, что в контрреволюционную организацию правых в НКВД СССР сбежавший к японцам Люшков был привлечен Балицким. Таким образом, благодаря этим показаниям, Берия постарался дискредитировать так называемую группу чекистов второго поколения, которую «выращивал» Ежов [\[379\]](#).

Ровно через месяц, 23 ноября 1938 г. Н. И. Ежов направил в Политбюро ЦК ВКП(б) на имя И. В. Сталина письмо с просьбой освободить от работы Наркома Внутренних Дел. В числе прочих причин своего освобождения с поста он указан, что «Вина моя в том, что, сомневаясь в политической честности таких людей, как бывший нач. УНКВД ДВК предатель Люшков и последнее время Наркомвнудел Украинской ССР предатель Успенский, не принял достаточных мер чекистской предупредительности и тем самым дал возможность Люшкову скрыться в Японию и Успенскому пока неизвестно куда, и розыски которого продолжаются.

Все это вместе взятое делает совершенно невозможным мою дальнейшую работу в НКВД» [\[380\]](#).

25 ноября 1938 г. И. В. Сталин направил шифртелеграмму руководителям парторганов, проинформировав их о неблагоприятном положении в НКВД. Он писал, что в середине ноября текущего года в ЦК поступило заявление из Ивановской области от т. Журавлева (начальник УНКВД) об ошибках в работе НКВД, о невнимательном отношении к сигналам с мест, о том, что нарком Ежов не реагировал на эти предупреждения. Одновременно в ЦК поступали сведения о том, что после разгрома банды Ягоды в

органах НКВД СССР появилась другая банда предателей, вроде Николаева, Жуковского, Люшкова, Успенского, Пассова, Федорова, которые запутывали следственные дела, выгораживая заведомых врагов народа.

ЦК ВКП(б) потребовал от Ежова объяснений. Ежов признал, что он явно не справился со своими задачами в НКВД и просил освободить его от обязанностей наркома НКВД, сохранив за ним посты по НКВДу и по линии работы в органах ЦК ВКП(б). ЦК ВКП(б) удовлетворил просьбу Ежова, освободив его от работы в НКВД.

Естественно, после этого пошла чистка заместителей Ежова. 13 апреля 1939 г. Берия направил Сталину заявление арестованного Фриновского от 11 марта 1939 г., в котором он в частности в отношении Люшкова писал, что ему было известно, что после своего ухода из НКВД Ежов скрыл от ЦК и Сталина показания, присланные из Грузинского НКВД на Люшкова и других заговорщиков при назначении его начальником управления НКВД ДВК. По заданию Ежова Фриновским была проведена «проверка» этих показаний на Люшкова путем допроса Ягоды. Допрос сознательно был проведен с таким расчетом, что Ягода этих показаний на Люшкова не подтвердил, в то время как Люшков являлся одним из самых его близких людей<sup>[381]</sup>.

Таким образом побег Люшкова стал основным поводом смещения наркома НКВД Н. И. Ежова и его заместителя М. П. Фриновского. Новый нарком Л. П. Берия в 1938–1939 гг. провел очередную чистку органов госбезопасности.

А в Токио Люшков продолжал давать интервью. В своем следующем интервью газете «Иомиури» он заявил, что совершил большие преступления перед народом, так как активно сотрудничал со Сталиным. По

его словам, ленинские принципы перестали быть основой политики партии. Это проявилось со времени убийства Кирова. Он не только непосредственно занимался расследованием этого убийства, но и активно принимал участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после кировского дела под руководством Ежова.

Он вновь заявил, что может с полной ответственностью сказать, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали, и все они были преднамеренно сфабрикованы. Николаев был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы войти в историю героем, что явствовало из его дневника.

На процессе, проходившем в августе 1936 г., все обвинения были полностью сфабрикованы. Зиновьев, Каменев, Томский, Рыков, Бухарин и многие другие были казнены как враги Сталина, противодействовавшие его политике. Сталин использовал благоприятную возможность, представившуюся в связи с делом Кирова, для того, чтобы избавиться от этих людей посредством фабрикации антисталинских заговоров, шпионских процессов и террористических организаций.

Сталин избавлялся не только от политических противников, но и от тех, кто мог стать ими в будущем. Это происходило не только благодаря истерической подозрительности Сталина, но и на основе его твердой решимости избавиться от всех троцкистов и правых, которые являлись политическими оппонентами Сталина и могли представлять собой политическую опасность в будущем<sup>[382]</sup>.

Чуть позже в журнале Кайзо Люшков напечатал открытое письмо И. В. Сталину. Это было связано с тем, что он якобы во время прошлых интервью не успел

рассказать о всех случаях фальсификаций, имевших место, поэтому и решил поместить и специальную статью, посвященную этому вопросу. Он писал, что указанные ранее фальсификации применялись Сталиным как обычное дело еще со времени его борьбы за власть, приблизительно с 1922 года. В пылу борьбы со своими противниками Сталин для того, чтобы обвинить группу своих антагонистов из членов ЦК во всех смертных грехах, широко пользовался выдержками из сочинений Ленина и этим старался подвести прочное основание под обвинения всех противников.

Для Сталина самым сложным периодом борьбы было противоборство против Троцкого. В те времена Троцкий пользовался огромным влиянием как в партии, так и внутри страны, а удельный вес Сталина был ничтожен. В те времена, исключая одних членов ЦК, имя Сталина было неизвестно ни в партии, ни в стране. Сталин пользовался поддержкой Зиновьева и Каменева, когда велось дело против Троцкого, они составляли ось, за которую держался Сталин. Этот способ борьбы более чем подробно описан самим Троцким.

Люшков писал, что в клевете, в подавлении членов партии, в арестах и в заключении их в тюрьмы, в пытках и в отношении к человеческой жизни характеризуется Сталин. Все его мероприятия и фальсификации достигали высшего расцвета после убийства Кирова. Люшков утверждал, что убийство Кирова было единоличным актом одного Николаева. Сам Николаев был неуравновешенным человеком, недовольным жизнью. Он считал себя способным на очень многое, строил из себя загадочную личность. Был решительно всем недоволен, с людьми сходилась тяжело. В связи с тем, что ему постоянно приходилось встречаться с бюрократизмом и холодностью в партии, он сделал попытку бороться с этим. Но в этом стремлении в обществе он наталкивался либо на безучастие, либо на

полную враждебность. Никто не хотел считаться с этим беспокойным человеком, все его отталкивали. В конце концов Николаеву стало казаться, что позиция общества по отношению к нему сложилась такой не потому, что сами люди как таковые были плохими, а потому что виновата система. По этой причине он стал чувствовать острое недовольство партийным режимом, и это недовольство привело его к намерению убить кого-либо из руководителей партии. Этим актом он надеялся выразить свой процесс против бюрократического и безжалостного режима. Эта мысль стала его навязчивой идеей. Он жил ради этого. Свое внимание он остановил на Кирове, бывшем тогда руководителе партийной организации в Ленинграде. Николаевым руководили и элементы честолюбия, он сравнивал себя со знаменитыми террористами как Шарлотте Карде, Каляевым и др. Он наводил справки о них, сравнивал с собой. Ставил их себе в пример. Он преследовал Кирова, изучил дороги, по которым тот ходил, и один раз ему удалось подойти к Кирову на вокзале. Он приготовился его застрелить, однако ввиду того, что рядом было много сотрудников охраны, намерение это ему выполнить не удалось.

Из сообщников Николаева Люшков назвал только Шацкого — ленинградского рабочего, который в начале революции был анархистом, но потом перешел в большевики. Когда оппозиционная группа Троцкого существовала легально, то он был сочувствующим ей, в связи с чем и был исключен из партии. После исключения из партии его постоянно преследовали, он потерял работу, пришлось голодать. Шацкий чувствовал сильную ненависть к партии. На этой почве они и сошлись с Николаевым. Николаев привлек его к слежке за Кировом, однако сам Николаев сделал свой план секретным и для Шацкого.



В день убийства Киров должен был сделать доклад на собрании Ленинградского актива партии. Николаев решил воспользоваться этим случаем. Проникнув в Смольный через уборную, Николаев в коридоре встретился с Кировым, который направлялся в свою комнату.

Охранявший Кирова агент НКВД Борисов несколько запоздал. Киров шел по коридору один. (Впоследствии это позволило привлечь к ответственности сотрудников Ленинградского УНКВД и Г. Г. Ягоду).

Николаев выхватил пистолет системы «Наган» и убил Кирова выстрелом в спину. Сам он упал в обморок и таким образом был арестован на месте преступления.

Люшков по этому делу проводил следствие. Он писал, что прибыл в Ленинград поездом спустя 15 или 16 часов после совершения преступления. В этом же поезде ехали Сталин, Молотов, Ворошилов, Ягода и прочие. Как только прибыли в Ленинград, Сталин проследовал в Смольный и стал допрашивать лично Николаева, его жену и прочих причастных к этому преступлению.

В том, что Сталин в самом начале не придавал этому случаю политического значения, можно было судить из того, что в газетах официально написали, что убийство было совершено белогвардейскими элементами. Через некоторое время Сталин, поручивший разбирать это дело Ежову, приказал направить дело против Зиновьева и его группы. Таким образом, он воспользовался этим случаем, чтобы подавить оппозиционную себе группу. Группа Зиновьева в Ленинграде была наиболее влиятельной, подавляющее большинство в партийных органах шло за ним. Сам Николаев еще в бытность свою членом комсомола примыкал к группе Зиновьева, что позволило Сталину пустить первую стрелу в эту группу. Ежов в определенные сроки приезжал в Москву, получал директивы от Сталина. По возвращении он

собирал подчиненных и представлял дело так, как будто это был его собственный план, отдавая приказания.

Когда были арестованы Зиновьев и Каменев, то и тогда не было доказательств их виновности. Эти доказательства были сфабрикованы в процессе их допроса. Доказательства психологической и политической ответственности их в убийстве Кирова были опубликованы во время суда в Ленинграде в январе 1935 года.

Сталин требовал расширения инцидента. Ежов, стремясь пришить к делу об убийстве Кирова также и Троцкого, развил бурную деятельность. Связь Троцкого с убийством Кирова была сфабрикована с помощью Латвийского консульства в Ленинграде. Оказалось, что Николаев, имевший жену-латвийку, обратился в Латвийское консульство для получения визы на въезд в Латвию вместе с женой. Это обстоятельство было использовано, как желание Николаева убежать за границу после убийства Кирова. Выяснилось, что сам консул был латвийским социал-демократом, что послужило доказательством того, что Троцкий через этого консула был связан с Николаевым.

Стали говорить о том, что Троцкий как руководитель большой заговорщической организации, выполнил план убийства Кирова. На суде заговор был разоблачен. Впоследствии дело об убийстве Кирова стало центральным. Было установлено, что организаторы убийства Кирова — Зиновьев и Каменев, а непосредственным руководителем был Багаев.

Люшков писал, что допрос трех вышеуказанных лиц Зиновьева, Каменева и Багаева производил он. По его словам, их признания — чистая лож. Ягода сообщил ему указание Сталина, которое и стало содержанием признания Зиновьева и Каменева.

На мартовском процессе в 1936 г. дело об убийстве Кирова получило новое продолжение. На этом процессе центром внимания стали показания Буланова, который показал, что Ягода и член ЦК Ленинградской компартии Борисов причастны к этому убийству. Тогда же специальный агент был командирован в Ленинград, чтобы допросить Борисова как свидетеля убийства Кирова.

Вызванный в Смольный Запорожец показал, что Борисов опасаясь, что Николаев признается, что «тот стоял у него за его спиной» решил убить Николаева. Борисов об этом рассказал Буланову. Далее Запорожец, по признанию Ягоды, убил Борисова в автомобиле. Вот такой детектив.

Борисов охранял Кирова давно, для этой службы он совершенно не подходил, был стар. Однако его выдвигал именно Киров. Медведь советовал переменить Борисова, но Киров об этом и слышать не хотел. Борисов не был безотлучно у Кирова, он постоянно опаздывал, как и во время убийства Кирова.

Борисов был вызван на допрос в Смольный. Однако через полчаса пришло сообщение о его смерти. Трудно было судить, случайно это произошло или нет. Под руководством Ежова стали разбирать это дело. Оказалось, что когда Борисова вызвали в Смольный, там не оказалось ни одного автомобиля, принадлежащего НКВД. Так как вызов Борисова был внезапный, то его посадили в свободный автомобиль, стоявший возле крыльца. У него было сломано управление. Водитель дал слишком большую скорость. На крутом повороте руль отлетел и автомобиль ударился о стену дома той стороной, на которой сидел Борисов.

Когда Борисова вызывали, Ягода был со Сталиным, и этот приказ привести Борисова был дан при Люшкове. Автомобильная катастрофа произошла в течение 30 минут. По словам Буланова выходило, что Запорожец

исполнил признание Ягоды, убив Борисова. Однако Запорожца в это время в Ленинграде не было.

Люшков считал, что и остальные случаи террора были сфальсифицированы. Ведь если смерть Куйбышева, Горького, Менжинского, сына Горького была приписана террористам, тогда и смерть турецкого президента Камала легко можно было приписать делу заговорщиков.

Еще во времена Кремлевских событий в 1935 г. Сталин настаивал, что Куйбышев умер не естественной смертью, а был отравлен. В этом направлении и стали производить дознание. Но эту версию доказать не удалось. Спрашивается, какая была нужда заговорщикам убивать Куйбышева, который потерял влияние. К тому же он был алкоголик, именно это и привело его к смерти.

Говорить, что Менжинский и Горький были убиты Ягодой, глупо. У Ягоды были самые тесные отношения с Менжинским. Он всегда прятался за его спину. Начиная с конца 1932 г., Менжинский перестал активно работать. В начале 1934 г., когда он был членом ЦК компартии, сохранилось его прошение на имя партийного съезда об освобождении его от обязанностей по причине болезни. Таким образом, он сам решил отказаться от своего поста. Прощение Менжинского — это достаточный материал для того, чтобы реабилитировать Ягodu от версии, что он тайно убил Менжинского.

Люшков присутствовал при вскрытии тела Менжинского профессором Плетневым и хотя он не имел специального медицинского образования, тем не менее мог сказать, что Менжинский, имея «не могущее двигаться» сердце и артерии, выжить не мог. Было удивительно, как он вообще жил.

Приписывать убийство Горького Ягоде просто комично. Горький был сторонником Ягоды. В свою

очередь Ягода был близок к Горькому, многое для него делая, чтобы заручиться его помощью. Смерть Горького для Ягоды являлась большим ударом, она в большой степени ослабило положение Ягоды.

Далее Люшков писал, что в действительности никаких секретных убийств не было. Сталин воспользовался смертями одного за другим влиятельных людей для того, чтобы показать, что терроризм и заговоры не выдумка, а действительность. На смертях этих людей он приобрел политический капитал.

Основной причиной обвинений Ягоды является то, что он покрывал от разгрома правых в ЦК. Рыков на суде в марте 1938 г. сказал, что фракция (имеется в виду дела Рютина и Угланова) считала, что в случае пересмотра своей программы они принимают всю ответственность на себя. Ягода был тогда начальником ГПУ, и мы могли тогда это произвести. Люшков был свидетелем процесса и считал, что все это чистая ложь. Дело Рютина началось осенью 1932 г. Ягода в то время никакого отношения к нему не имел. В признаниях Рыкова не было ни зерна истины.

Не удивительно, что и в деле Коссиора, Постышева и Эй-хе получилась чепуха. На суде в январе 1937 г. заговорщики признались, что они якобы хотели арестовать близких к Сталину лиц — Коссиора, Постышева и Эйхе, а в 1938 г. сами Коссиор, Постышев и Эйхе оказались арестованными как заговорщики. По словам Люшкова, это похоже на какой-то сумасшедший дом.

Заговорщиками оказались почти все наркомы, начальники военных округов, высшие руководители, все секретари партийных ЦК по всем областям. Все председатели Президиумов, члены наркомата внутренних дел, дипломаты, хозяйственники. Все они

были арестованы. Аресты производились в больших масштабах.

Лучше всего это можно увидеть из положения дел в высших партийных органах. Из 71 членов ЦК компартии арестовано 49 — более двух третей. Из кандидатов в ЦК числом 68 человек арестовано 54, тоже свыше трех четвертей. Из 22 членов Центрального контрольного комитета арестовано 16, более трех четвертей. Из 7 членов партийного контроля арестованы трое. Почти половина. Из 16 членов и кандидатов в члены Политбюро — арестованы 5, т. е. одна треть. Люшков брал на себя ответственность за точность приведенных цифр. Он считал, что если бы среди них нашлись те, кто бы действительно хотел составить заговор против Сталина, то кто бы из них стал этому мешать, ведь они все имели власть. В их руках была армия и ГПУ. Фактически они имели связь с генеральными штабами иностранных государств.

Далее Люшков выражает интересную мысль. *По его словам и сам Сталин не стремился сфальсифицировать заговоры, как это кажется с первого взгляда. Он хотел воспользоваться своими жертвами как конкретным орудием против вредительских элементов, против дезорганизаторов, против террористов и против антисоветского вмешательства со стороны шпионских органов прочих стран (выделено мной — О. М.).*

Это было сделано для достижения следующих целей:

Первое — привести к политической смерти Троцкого и других противников его антисталинской фракции в ЦК партии. Необходимо было ослабить их как предателей, вызвать к ним всеобщую ненависть масс.

Второе — посредством подавления членов ЦК показать рационализацию партийного аппарата в глазах широких масс.

Третье — для того, чтобы убрать своих злейших врагов и обратить на них недовольство масс.

Четвертое — для того, чтобы подготовить мероприятия к антисоветскому вмешательству со стороны других стран, чтобы была возможность сконцентрировать вокруг себя народные массы. А также для того, чтобы оправдать перед всем миром, народными массами колоссальные военные приготовления.

Пятое — для того, чтобы опозорить свои жертвы как сообщников иностранных шпионов и идеологически ослабить антисталинскую борьбу внутри страны.

А также показать ничтожность тех, кто был знаменит во время революции. Прославить себя. Пользуясь своими жертвами, в особенности создавшими себе историческое имя, постараться их руками переписать историю в свою пользу.

Сталин в своих речах указывал, что самое прочное правительство имеется в Советском Союзе, что правительство Советского Союза не знает политических переворотов вроде отставки кабинета. Совершенно верно. Но министры под управлением Сталина вместо того, чтобы выйти в отставку, посылаются в тюрьмы. Сталин не собирается задуматься над таким положением. Вместо этого он настаивает — это враги народа, подозрительные шпионы, лица, пробравшиеся на важные посты и т. д. Набор бездоказательных слов. И если положение таково, то для чего ему нужно делать предупреждение. Да просто потому, что он не во что ставит наличие руководящих органов. К этому надо прибавить, что члены ЦК и члены прочих руководящих органов не подвергались ни исправлениям, ни снятиям. Это получилось в результате того, что в продолжении пяти лет не собирався съезд партии и не было даже партийных совещаний. То есть мудрость гениального

вождя в течение долгого времени затеняла мудрость всей партии.

И хотя бы во избежание дальнейших затруднений и приняты предохранительные меры, главный удар должен быть направлен в другую сторону. Сталин говорил: «Эти успехи, в особенности победы пятилетнего плана, привели к отчаянию все антисоветские организации. Уже ясно, что это приводит и к их полному исчезновению». А как же теперь увязать сказанные выше слова с тем, что будто бы существовал заговор огромного масштаба, и в продолжение многих лет старая партийная оппозиция не складывала руки в борьбе. И эта борьба в особенности обострилась ко времени убийства Кирова.

Может получиться, что ошибся сам Сталин, но думать так совершенно напрасно. Гениальный Сталин никогда и ни при каких обстоятельствах не ошибается. Он непогрешим. По-грешимы троцкисты и все прочие оппозиционеры. Так как политические течения уже не существовали, то они превратились в бандитов, профессиональных шпионов, наемников иностранных контрразведок и Сталин доказал, что уничтожить их есть дело ГПУ. Что же будет делать ГПУ, руководимая Сталиным. Разве она не просмотрела заговор такого огромного размера. Для объяснения этого существует такое толкование. ГПУ была наполнена заговорщиками и, действуя по указанию иностранных контрразведок, обманула и партию, и Сталина. И если признать, что ГПУ была в руках заговорщиков, то сколько же тогда этих заговорщиков было? Если вспомнить обстоятельства убийства Кирова и если признать все это делом рук заговорщиков, то оказывается, что достаточно было острому взгляду гениального вождя выбрать и назначить в ОГПУ Ежова, как тотчас же заговор был открыт. Эта история была придумана только для того, чтобы Сталин сохранил власть и чтобы он стал



единственным хранителем партии и революции. Однако эта история вместе с вступлением Ежова в ГПУ потерпела некоторые поправки. Оказалось, что Ежов не ко двору. Но Сталин на это не обратил внимания. В действительности все поднятия и падения, передвижки и провалы всецело зависят от его усмотрения, как, например, в случае с Ежовым. Какой смысл во всем этом? Но Сталин умеет творить и не такие чудеса.

В последнее время он написал историю, просмотренную, как он говорил, людьми совести. Недавно вышедшая из печати история Всесоюзной Коммунистической партии — это поистине шедевр сталинского искусства фальсификации. Спрашивается, где же в мире имеется история, которая почти не дала бы имен участников и деятелей важных событий. И хотя это и было неслыханным в прежние поколения, однако Сталиным в резолюции ЦК Всесоюзной коммунистической партии давалось следующее объяснение. Роль отдельных личностей в истории обычно бывает обрисовано небольшим числом квазитеоретиками и пропагандистами только с точки зрения социал-революционеров.

Для чего это понадобилось? Нельзя было писать о том, кто и что делал, так как те люди, кто делал историю, благодаря Сталину оказались врагами народа. И может встать вопрос, что в это время делал сам Сталин? Преследовалась цель делать историю к выгоде Сталина. На основании такой истории можно будет людей обманывать и клеветать. Можно фальсифицировать любые события [\[383\]](#).

Люшков семь лет работал на японский Генеральный штаб в составе «Бюро по изучению Восточной Азии». Он занимался проработкой данных советской прессы, был участником планирования работ местной разведки и входил в состав сотрудников по психологической войне.

Жил в Токио, носил фамилию Маратов, а в самом конце войны сменил ее на Ямо-гучи.

Сотрудник разведки японского Генштаба М. Сагуэса так характеризовал Люшкова: «В нем было что-то демоническое. Под его взглядом хотелось съежиться, спрятаться. Руки и ноги делались вялыми. Мысли путались. Вероятно, подобное чувство испытывает кролик, встречаясь взглядом с удавом. Я безоговорочно верил рассказам Люшкова о том, как он добивался признаний у арестованных оппозиционеров. Ему, конечно, ничего не стоило загнать человеку иголку под ногти или прижечь тело горячей папиросой».

В начале 1941 г. Люшкова перевели на работу в гражданское учреждение «Това кенку дже» (Бюро по изучению Восточной Азии), являющееся фактически филиалом японской военной разведки. В обязанности входило изучение и анализ агентурных материалов, сведений радиоразведки и приграничных наблюдательных пунктов, а также показаний перебежчиков из Советского Союза. На основе этих материалов бывший чекист готовил аналитические сводки о положении в СССР. Так, в частности, Люшков подготовил критические заметки к «Краткому курсу истории ВКП(б)», проанализировал материалы стенографического отчета XVIII съезда партии <sup>[384]</sup>.

«Японцы активно использовали Люшкова и в пропагандистской войне против СССР. Подготовка антисоветских пропагандистских материалов и документов концентрировалась в 8-м секторе разведывательного отдела японского Генштаба. Сотрудники этого сектора привлекали в качестве эксперта Люшкова. При его участии было подготовлено несколько радиовыступлений, которые в дальнейшем японцы распространяли с передвижных радиостанций и громкого-ворительных установок на территорию

Советского Союза. В конце 1942 — начале 1943 г. по просьбе японского командования Люшков неоднократно выезжал в районы действия Квантунской и Корейской армий. Здесь он участвовал в разработке разведывательных и контрразведывательных операций, направленных против советских спецслужб.

К этому времени уже мало кто знал, что этот эксперт по Советам, работающий в "Това кенку дже" в недалеком прошлом бывший чекист, комиссар госбезопасности 3-го ранга и орденоносец Генрих Самойлович Люшков. Благодаря японской разведке Люшков получил новые документы на имя некоего Маратова, обзавелся несколькими квартирами в разных районах Токио, постоянно переезжая с одной на другую. Маратова-Люшкова постоянно сопровождала вооруженная охрана (японцы всерьез опасались за жизнь перебежчика). Обустроена была и личная жизнь бывшего начальника УНКВД. Его познакомили с вдовой-японкой, которая в прошлом жила во Владивостоке и немного говорила по-русски. Теперь все свободное время Люшков проводил в окружении этой женщины, четырех полицейских охранников и личного переводчика. Если приходилось выезжать на материк, то, как правило, Люшкова снабжали документами на другое имя. Так, во время своей командировки в 1944 году в Харбин, он проживал в гостинице "Нью-Харбин" под видом японского служащего Като Тадаси»<sup>[385]</sup>.

Органы «Смерш» в период Великой Отечественной войны, после оккупации Манчжурии предприняли поиски изменника Родины Люшкова.

В ходе допроса арестованного японского гражданина Та-кеока Юсаки было установлено, что 26 ноября 1941 г. он встречался с Люшковым в Дайрене. С его слов о нем много писали в японских газетах и журналах, как о перебежчике из Советского Союза. Он

занимал в СССР большой пост и имел высокое военное звание. Вместе со статьями в газетах и журналах помещались его фотографии.

Такеока рассказал, что в середине января 1945 г. на его имя от старшего офицера Харбинской военной миссии Асада поступило распоряжение, согласно которому он должен был прибыть в Порт-Артур и подобрать подходящую квартиру для жительства некоего Маратова, связанного со 2-м отделом штаба Квантунской армии. С этой целью им был подобран отель «Оганзан». В конце июня 1945 г. по делам службы в Дайрен приехал офицер 2 отдела штаба Квантунской армии подполковник Нахара, во время встречи он рассказал, что Маратов — это вторая фамилия Люшкова.

В середине июля 1945 г. Такеоке поступила телеграмма от 2 отдела штаба Квантунской армии, в которой сообщалось о том, что 2 отдел хочет использовать Маратова в своих целях. При этом указывалось, что с целью засекречивания места пребывания Маратова необходимо разместить его в Порт-Артуре. При этом предлагалось все расходы, связанные с устройством Маратова, Дайренской военной миссии взять на себя. Было обещано, что эти затраты будут компенсированы дополнительным ассигнованием. Подчеркивалось, что содействие в устройстве Маратова окажет начальник штаба обороны Квантунского полуострова генерал-лейтенант Яна-гита Тендзо.

6-7 августа 1945 г. от 2-го отдела штаба Квантунской армии была получена вторая телеграмма, предупреждающая о том, что 7 или 8 августа Маратов прибудет из Чанчуня в Дайрен в сопровождении сотрудника Харбинской военной миссии японца Такая.

8 августа утром Маратов вместе с Такаей на пассажирском поезде приехал в Дайрен. Встретив их

вместе с сотрудником Дайренской миссии Ивато Каипи на вокзале, вчетвером направились в миссию. Такая во время пребывания в миссии рассказал, что Люшков — Маратов имеет еще и японскую фамилию Като Тадаси и что в Чанчунь он прилетел из Токио на самолете. После двухдневного пребывания в Чанчуне они выехали в Дайрен. Во время встречи Такеока рассказал Люшкову, что в Порт-Артуре подобрал для него хорошую квартиру в отеле «Огонзан» и что за ее благоустройство и конспиративность может не беспокоиться. Кто он такой и с какой целью следует в Порт-Артур Такеока у Люшкова не спрашивал, желая подчеркнуть тем самым серьезность конспирации в разведывательной работе.

Примерно через час Люшков вместе с Такая в сопровождении сотрудника Дайренской военной миссии Уэно Кэнта-ро выехал в Порт-Артур. В тот же день Уэно вернулся обратно в Дайрен и доложил, что разместил их в отеле «Огонзан» в ранее подобранном отдельном домике.

10 августа, т. е. через три дня, Люшков с Такая вернулись обратно. Это было сделано по настоянию Люшкова, т. к. он узнал, что начались военные действия СССР с Японией и, не желая рисковать жизнью, не захотел более оставаться в Порт-Артуре. Будучи возмущен самовольными действиями Люшкова, Такеока в день их возвращения из Порт-Артура направил Такая в Чанчунь с задачей связаться со 2-м отделом штаба Квантунской армии и доложить о самовольном выезде из Порт-Артура Люшкова. Самого Люшкова временно решили поместить в Дайрене в отеле «Ямато». Такая из Чанчуна не вернулся, а телеграфная связь тем временем была прервана. В связи с этим никаких указаний от 2 отдела штаба Квантунской армии о Люшкове получить не удалось.

16 августа Такеока встретился с начальником штаба обороны Квантунского полуострова генерал-

лейтенантом Яна-гита. Штаб обороны Квантунского полуострова находился на улице Хигаси-Коэн-Це.

Кабинет Янагита представлял ближнюю комнату с тремя широкими окнами. Обстановка кабинета: три прямоугольных стола, поставленных в форме буквы Ж, за которыми он работал, один из них был покрыт зеленым сукном, а другой имел форму бюро. На левой стороне при входе в кабинет и прямо стояли две ширмы, справа в углу помещался несгораемый шкаф, там же стояла и вешалка. В левой части кабинета стоял еще круглый стол, покрытый белой скатертью, обставленный 5-ю стульями.

В беседе с Янагита Такеоке необходимо было выяснить вопрос об отправке на пароходе в Северный Китай атамана Семенова и решить вопрос о том, как поступить в дальнейшем с Люшковым, указав при этом на 4 возможных варианта решения этой проблемы, а именно:

1. дать ему возможность бежать в Китай;
2. в случае требования правительства СССР выдать его им;
3. убить его или же предложить покончить жизнь самоубийством;
4. бросить на произвол судьбы.

Несмотря на то, что Такеока настаивал на первом варианте, Янагита Тендзо предложил убить Люшкова, если он сам не захочет покончить жизнь самоубийством. Рекомендовал отравить его ядом. Каким образом поступить с трупом, вопрос не поднимался.

Янагита знал Люшкова плохо, именно поэтому он предложил его уничтожить, в то же время как к атаману Семенову проявлял большую заботу и предпринимал все меры к тому, чтобы тот удачно мог бежать в глубь Китая. Безусловно, Янагита знал, что Люшков изменил Советскому Союзу и занимался

разведывательной работой в пользу Японии, но лично они не встречались.

Возвратившись от Янагита, Такеока в первую очередь занялся вопросом подготовки побега атамана Семенова в Северный Китай, на что потратил 3 дня. Прекратив подготовку, в связи с тем, что Семенов категорически отказался бежать, решил заняться Люшковым.

В 21 час Такеока вместе со своим сотрудником Ивамото пошел в отель «Ямато» и предложил Люшкову зайти с ними в помещение миссии переговорить по вопросу, касающемуся его лично.

Далее Такеока показал, что, придя втроем в военную миссию, в свой кабинет, который находился на втором этаже, около двух часов вели разговор о том, как лучше поступить с Люшковым, в связи с тем, что части Красной армии скоро могут быть в Дайрене. Так как Такеока не владел русским языком, а Люшков плохо говорил по-японски, всю беседу переводил Ивамото.

Планировалось вначале отравить Люшкова там же в кабинете, с этой целью у Такеока при себе в боковом кармане брюк был заранее приготовлен в маленьком флакончике около 5 граммов цианистового калия в кристалле. Цианистый калий он приобрел у начальника жандармского отряда гор. Дайрен подполковника Мориясу для себя на случай, если японская армия в войне с Советским Союзом потерпит поражение. Пытаясь реализовать свой план отравления Люшкова, в процессе беседы с ним Такеока предложил ему чай, рассчитывая незаметно подложить в стакан яд и таким образом отравить его. Однако, Люшков пить чай отказался, заявив, что у него болит желудок. Видя, что отравить Люшкова не удастся, Такеока стал вести разговор к тому, чтобы он покончил жизнь самоубийством, указывая на безвыходность создавшегося положения, хотя прямо об этом не

говорил ему. Люшков вел себя по-прежнему так, что настоятельно требовал создать ему благоприятные условия для побега, высказывая при этом мысль, что, если, мол, поймают во время побега, то значит такова его судьба. Жалея Люшкова, как человека и имея к тому же приказание уничтожить его, Такеока очень волновался, в связи с чем в процессе беседы с ним выходил неоднократно на веранду. Будучи твердо уверен, что сегодня Люшков должен быть убит, Такеока согласился для видимости, что не возражает против его побега и предложил пойти вместе с ним в порт, чтобы подыскать подходящее судно, на котором Люшков мог бы уплыть в Китай.

Спустившись со второго этажа на ступеньки при выходе во двор военной миссии, огороженный каменным забором, Такеока зашел вперед и внезапно из имевшегося при нем браунинга выстрелил в левую сторону груди Люшкова. Он упал, после чего Такеока вторым выстрелом в правый висок убил его. Ивамото при этом был рядом. Во время убийства Люшкова других сотрудников миссии рядом не было, все они находились в помещении. Люшков был убит примерно в 23 час. 30 мин.

Сразу же после того, как Люшков был убит, Такеока приказал Ивамото принести одеяло, завернуть в него труп Люшкова и положить его возле каменного забора с внутренней стороны ограды. Сам Такеока поднялся на второй этаж к себе в кабинет с намерением вызвать из квартиры шофера миссии — китайца Ли-Ге-Юй, который перед убийством Люшкова был отправлен домой. На его вызов потребовалось около часа времени. После его прибытия, Такеока с сотрудником миссии Аримицу Кацуо на машине поехали к Янагита доложить о выполнении его приказа.

Янагита в это время находился у себя на квартире в доме на улице Каэдэ. Квартира его размещалась на



втором этаже. С внешней стороны дом был построен в европейском стиле, а внутренняя часть квартиры оборудована по-японски. Янагита спал. На звонок вышел его адъютант Оказаки в чине поручика, которому Такеока сообщил о необходимости срочно переговорить с генерал-лейтенантом. Последний принял без промедления в одной из своих передних комнат. Быт одет в спальный японский халат клетчатого узора, синеватого цвета. Извинившись за беспокойство, Такеока доложил об убийстве Люшкова и предложил свой план ликвидации его трупa, заявив, что целесообразнее предать труп Люшкова кремации, выполнив все необходимые формальности не от имени военной миссии, а от военного госпиталя, в котором, якобы, скончался своей смертью Люшков. Янагита не возражал, одоблив этот план. Он тут же позвонил начальнику госпиталя полковнику Йосимура, согласовав с ним вопрос о кремации Люшкова.

Побеседовав с Янагита еще около 6 минут в части и о том, что 2-й отдел штаба Квантунской армии безответственно поступил и уклонился от окончательного решения вопроса о Люшкове, Такеока попрощался и поехал к полковнику Йосимура. Договорившись с ним относительно выполнения формальностей по кремации трупa Люшкова, не назвав его фамилии, упомянул, что человек, которого будут кремировать, является большим политическим преступником. Йосимура вызвал поручик Иносъта и приказал, чтобы тот перевез труп из миссии в госпиталь. После чего Такеока вернулся к себе в военную миссию.

20 августа примерно к 4 часа утра из госпиталя прибыла закрытая санитарная машина и забрала труп Люшкова. Грузили его в машину сотрудники военной миссии Аримицу, Каджуо, Уне Нобу, Такая Сюнжо,

Хасилүто Тарижо. Сам Такеока в это время находился на втором этаже в своем кабинете.

В этот же день в 10 часов утра в госпитале была произведена похоронная церемония трупа Люшкова вместе с трупом умершего в тот же день в госпитале японца. По окончании ее оба трупа сотрудники госпиталя отвезли в Дайренский крематорий. Формальности в части сожжения этих трупов были заранее соблюдены, этим занимался обслуживающий персонал госпиталя. Вся одежда Люшкова была сожжена вместе с ним в крематории.

В 16 часов военнослужащий госпиталя принес урну с прахом Люшкова в военную миссию. При ее передаче присутствовало большинство сотрудников миссии, в том числе и Такеока. Кто-то из сотрудников миссии принял урну с прахом Люшкова и поставил ее на полку домашней божницы на третьем этаже в здании миссии.

Утром 25 августа Такеока отдал приказание Ивамото урну с прахом Люшкова поместить в японском храме (буддийском) в Дайрене, предварительно согласовав этот вопрос с властями городской управы.

Ивамото взял урну и на машине отправился в управу. Как Ивамото договорился в управе с ее администрацией, Такеока не интересовался. Примерно, в 14 часа 30 минут Ивамото доложил, что урну с прахом Люшкова поместили в буддийском храме на хранение под фамилией Кимура или Кино-сьта. Была ли указана на урне дата смерти Люшкова, Такеока не знал, но когда еще урна находилась в миссии, на ней никаких дат не было.

В дальнейшем Такеока сообщит, что из разговора с сотрудником Харбинской военной миссии Такая он понял, что Люшков выехал из Токио, с одной стороны, по причине участившихся налетов на Токио американской авиации. В это время население Токио рассредоточивалось во избежание больших

человеческих жертв. А главное, этот выезд необходим был для использования Люшкова 2-м отделом штаба Квантунской армии в разведывательной работе против Советского Союза. Он также знал, что в Токио Люшков занимался разведывательной и информационной работой против Советского Союза при генеральном штабе японской армии.

Такеока описал внешние приметы Люшкова — среднего роста, около 45 лет, брюнет, волосы вьющиеся, зачесывал их назад, нос прямой, большой, глаза темные, лоб высокий и широкий, рот тоже широкий, лицо брил, шея нормальной длины, голос средний, говорил не громко, плечи сравнительно широкие, походка обыкновенная. Такеока слышал от Такаэ, что с Люшковым было трудно договориться, страдал нервозностью. На руке как будто носил золотое обручальное кольцо. Одет был, когда прибыл в Дайрен, в черный костюм, мягкую шляпу серого цвета, в галстуке, без пальто, в руках нес узелок с книгой на русском языке и газетами «Правдой» и «Красной Звездой».

Такеока перечислил сотрудников миссии, которые знали об убийстве Люшкова. Это Ивамото Каицы работал в Дайренской военной миссии в качестве переводчика русского языка и в то же время являлся начальником сектора по руководству белоэмиграции. Аримицу Кацус — сотрудник разведотделения. Унэ Нобуо — сотрудник сектора белоэмиграции. Такаэ Сюнжо — он же сотрудник белоэмиграции. Хасимото Тарижо — сотрудник разведотделения и по совместительству заведывал финансовой частью.

Все они вместе с Такеока 22 августа были задержаны в Дайрене отделом контрразведки «Смерш» 22-й мотомехбригады.

Ивамото Каицы по информации Унэ Нобуо 24 августа бежал из-под стражи. Остальные до 25 августа

находились в заключении. Позже Такеока слышал от белоэмигрантов, что всех содержавшихся под стражей якобы отпустили домой.

Все эти 5 сотрудников знали о том, что Люшков был убит Такеока.

Кроме вышеперечисленных, об этом знал также начальник разведотделения Андо Эйлзи, начальник разведотделения белоэмиграции Нива Павло, сотрудник информационного отделения Уэно Кэнтаро, сотрудник отделения разведки Харадэ Мицуо, сотрудники общего отделения Танигуцы Томео и Томиеси Ивакицы.

Нива и Уэно 22 августа были вместе с Такеока задержаны в Дайрене. Уэно в последний раз Такеока видел под стражей в Дайрене 29-го сентября, а Нива 30 сентября был в Мукдене, куда их переправили из Дайрена.

22 августа задерживались и остальные 4 сотрудников, но 25 августа их освободили.

Иосимура и Иносъта должны были оставаться в Дайрене, так как военнослужащие госпиталя не подвергались задержанию органами советской разведки. Сказаки, видимо, был задержан и направлен на содержание в лагерь военнопленных, Такеока предполагал, что в Рюдзютон, в 30-ти километрах севернее Дайрена. Такая он не видел с тех пор, как его послали в Чанчунь для установления связи со 2-м отделом штаба Квантунской армии.

29 ноября 1945 г. был допрошен осужденный к высшей мере наказания Погрешяков-Нива Павел Михайлович, 1900 г. рождения, уроженец Приморской области, который работал в Дайренской военной миссии, выполняя обязанности начальника разведывательного отделения по сбору информации. Эту должность он занимал с июля 1944 года.

Он сообщил, что Люшкова знал как перебежчика из Советского Союза, о котором много писалось в японских

и русских газетах. От японцев он слышал, что Люшков проживая в Токио, где работал в генеральном штабе. В 1940 г., когда Погрешяков-Нива сопровождал в Токио в качестве переводчика атамана Семенова, тот рассказал, что Люшкова передали Советскому Союзу в обмен на плененного какого-то принца императорской крови. По возвращении в Дайрен он слышал такую же версию от других сотрудников военной миссии.

Примерно с лета 1944 г. в Дайренскую военную миссию стали поступать сводки из штаба Квантунской армии о внешней и внутренней политике Советского Союза, с обоснованными данными о мнении советских военных кругов по вопросам хода войны на Тихом океане. Особо интересные сводки зачитывал капитан Андо, который работал с Погрешяков-Нива за одним столом. На вопрос, кто пишет такие ценные сводки, Андо ответил, что пишет их Маратов.

Погрешяков-Нива рассказал о дальнейшей судьбе Маратова. Примерно 17 августа 1945 г. со слов солдата Дайренской военной миссии Такая он узнал, что из Токио прибыл некто Маратов — перебежчик из Советского Союза и что он секретно проживает в Дайрене в отеле «Ямато», его хотят отправить куда-то дальше. С этого дня между японцами из числа сотрудников велись скрытные разговоры, в которых часто приходилось слышать фамилию Маратов.

19 августа в 9 часов утра сотруднику военной миссии Аримицу было приказано Такеока провести какое-то оформление, какое Погрешяков-Нива не понял, но дело касалось крематория. Аримицу несколько раз уходил в госпиталь и всегда возвращался возмущенным тем, что администрация госпиталя не соглашается с оформлением, и только под вечер он добился положительного результата.

Ивамото с утра 19 августа готовил какой-то ранец. Погрешяков-Нива обратил внимание, что вещи в этом

ранце не его, а принадлежати кому-то из европейцев. Примерно в 9 часов вечера он заметил, что в кабинете Такеока очень ярко горит свет. Будучи в это время дежурным по военной миссии, он спросил у кого-то из других дежуривших сотрудников — что, мол, делается в кабинете начальника миссии. Ему ответили, что Такеока ведет разговор с одним из посетителей, а с кем именно — не сказали.

В 22 часов 30 минут поочередно раза по два-три в кабинет Такеока вызывали Ивамото и Аrimiцу. Последний раз Ивамото пробыл в кабинете минут 30.

Примерно в 23 час. 30 мин. Такеока с посетителем и Ивамото со второго этажа стали спускаться вниз. Такеока шел рядом с посетителем, а Ивамото сзади. Как только они втроем сошли со ступенек первого этажа, раздался выстрел, затем последовало падение тела, слышался стон раненого человека. Я в это время сидел в дежурной комнате. На выстрел несколько сотрудников сразу же выбежали на улицу. Погрешяков-Нива и Андо перепугались и никуда с места не пошли. Внизу раздавался шепот, он, мол, жив, его надо оттащить во внутрь двора. В это время в дежурную комнату бледный и трясущийся вбежал Ивамото. У него был в руках револьвер системы Браунинг. Тут же его позвали снизу, и он выбежал опять на улицу.

Примерно через полминуты раздался второй выстрел, дальше слышались слова: скорей несите одеяло. Кто-то из сотрудников схватил в дежурной комнате два-три одеяла и унес во двор. Слышно было, как Такеока тихим голосом отдавал приказание отнести труп в подвал. Но там натолкнулись на служанку, как потом Погрешяков-Нива узнал, и бросили труп около каменного забора на уголь. Затем унесли труп дальше во двор. Погрешяков-Нива спросил у сотрудника Андо кто это такой. Он ответил, что это Маратов и добавил,

как подло с ним поступили, ведь он большие услуги сделал японскому государству, а его убили.

Во время этого разговора в дежурную комнату вбежала из подвала прислуга — японка Кояма и стала говорить, что происходит что-то странное во дворе миссии, что она слышала два выстрела и стоны человека в углу двора. Андо ее стал успокаивать, заявляя, что ничего особенного не случилось и чтобы она продолжала свою работу. Через минуту она снова пришла и заявила, что не может больше находиться в подвале, что в столовой на столе она видела револьвер, значит не так все просто. Тут же в дежурную комнату пришли со двора два сотрудника миссии во главе с Такеока. Увидев прислугу Кояма, Такеока предложил ей уйти домой. После чего она ушла. Затем Такеока собрал всех вокруг стола и заявил, что сегодня ему впервые пришлось совершить гнусное дело. Не хотелось, чтобы это пятно легло на Дайренскую военную миссию. Он сказал, что командующий войсками генерал-лейтенант Яногито Кендзо дал категорический приказ ликвидировать Маратова. Его приказание исполнено. Это является государственной тайной и никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах никто из присутствующих не должен об этом рассказать. Далее он продолжал, что Маратов перебежчик из Советского Союза. Его никто здесь не знает, потому тело Маратова должны перевести в военный госпиталь. Завтра он будет погребен как японец. Тело Маратова сожгут в крематории по буддийскому обряду, отслужат по нему панихиду. Возможно, что выстрел кто-нибудь слышал на улице и если в будущем возникнет какое-либо следствие, то все должны сказать, что это покончил самоубийством военный чиновник Северной Маньчжурии. Остальные пояснения по этому вопросу дам сам, сказал Такеока.

Для погрузки трупа на машину, которая прибыла из госпиталя вместе с врачом в чине капитана или поручика, Такеока выделил Хасимото, Такая, Унэ, Аrimiцу и кажется еще прапорщика Уэно. Когда труп грузили в машину, Такеока говорил врачу о том, чтобы они оформили сожжение тела в тот же день, и сказал, что на урне надо написать фамилию точно не помню, но как будто Сано. Как только труп увезли, Такеока распорядился никуда не расходиться и отдыхать всем в помещении миссии. Револьвер, который лежал в столовой на столе, был разряжен и спрятан в сейф.

На следующий день, 20 августа Погрешяков-Нива слышал из разговоров сотрудников некоторые детали убийства Маратова. Якобы сначала Маратову в кабинете Такеока предлагали выпить яд, но он категорически отказался и просил дать ему возможность бежать. Возмущались тем, что Такеока первый выстрел нанес неудачно «в грудь в область живота» и, растерявшись, передал револьвер Ивамото, а тот, в свою очередь, передал его Аrimiцу, который выстрелом в голову и убил Маратова.

В этот же день Погрешяков-Нива обратил внимание, что Аrimiцу очень беспокоит о скорейшем сожжении трупа Маратова в крематории. В конце дня он заявил, что все формальности соблюдены. Погрешяков-Нива указал, что урны с прахом Маратова он не видел.

10 марта 1946 г. УКР «Смерш» был задержан бывший начальник русского отдела Дайренской японской военной миссии Ивамото Кончи, который ранее 23 августа арестовывался, но сумел в тот же день бежать. Ивамото дополнил рассказ об обстоятельствах убийства Люшкова. Он рассказал, что после убийства Люшкова лично ходил в госпиталь, где оформил акт смерти Люшкова под вымышленной фамилией Рейчи.



Утром 23 августа 1945 г. Такеока<sup>[386]</sup> вручил Ивамото удостоверение о смерти Ямагучи Рейчи, полученное из городского самоуправления и приказал захоронить прах Люшкова на кладбище. Ивамото получил в крематории завернутый в белую материю ящик с прахом Люшкова, после чего совместно с работником похоронного бюро Мальцо поместил его в особый памятник умерших, не имеющих родственников.

УКР «Смерш» был проверен факт кремации Люшкова. Согласно выписки из книги регистрации Дайренского крематория за 20 августа 1945 г., порядковый номер записи 2391, в этот день было действительно дано разрешение на кремацию за № Т£П Ямагучи Рейчи, 10 января 1916 г. рождения, японца, мужчины, вольнонаемного служащего японской армии. Время смерти было обозначено: 1 час дня 19 августа 1945 г. Причина смерти — пулевое ранение сердца. Проситель кремации: начальник отряда Манчжуго 15518 Иосимура Фумио.

Сотрудниками органов «Смерш» была изъята урна с прахом Люшкова. Ивамото урну опознал. Сторож кладбища Нисияма Фуку в свою очередь опознал Ивамото как человека, принесшего урну на имя Ямагучи Рийчи для захоронения на кладбище. Таким образом тайна смерти Люшкова УКР «Смерш» была раскрыта, отдельные разночтения в показаниях арестованных японцев не имеют существенного значения.

## **Заключение**

Рассмотренный период во взаимоотношениях Советского Союза и Японии является важной вехой в истории двухсторонних отношений. Эти отношения регулировались и строились в соответствии с Пекинской конвенцией 1925 г., устанавливавшей основы взаимоотношений между двумя странами. Однако их нельзя назвать дружественными. Маньчжурские события начала тридцатых годов и последующие конфликты еще более их обострили.

Б это время основную угрозу Советскому Союзу И. Б. Сталин видит в Японии, проводящей ярко выраженный агрессивный курс против СССР. В связи с этим он принимает меры по укреплению обороноспособности ДВК. В это время большое финансирование получает Красная армия и Военно-морской флот, которые были перевооружены новейшей военной техникой. Была улучшена работа транспорта. Созданы мобилизационные резервы на случай войны.

Однако И. В. Сталина не удовлетворяла сложившаяся обстановка на Дальнем Востоке. С середины 30-х гг. с учетом укрепления экономики СССР он предпринимает попытки по стабилизации политико-экономической обстановке в регионе. Идет «чехарда» переназначений, как по партийной линии, так и по линии органов государственной безопасности. Его не удовлетворял и командный состав Красной армии.

По сообщениям партийных и чекистских органов следовало, что Дальний Восток находится под влиянием японцев, где они безраздельно хозяйничают. При этом местное население, в особенности корейцы, благосклонно к ним относится.

В связи с этим предпринимаются меры по выселению с ДВК корейского населения. Репрессиям подвергаются и хар-бинцы, замешанные в связях с японцами. Происходит «зачистка» приграничных территорий. Выселяют семьи репрессированных. Проводят массовые репрессии партийных деятелей, руководящего состава органов НКВД, командиров Красной армии.

Им на смену присылаются новые кадры. Вкладываются огромные средства, направляемые на модернизацию армии, на социально-культурные нужды края.

Почти все материалы по партийной линии и по линии органов государственной безопасности, связанных с Дальневосточным краем, направляются Сталину на доклад. Четко прослеживается, что каждый вновь назначаемый руководитель стремится показать засилье врагов на ДВК, с которыми до его назначения не так боролись, как надо. И в первую очередь это касалось армии, флота и НКВД.

Необходимо отметить, что запущенный Политбюро механизм массовых репрессий не пощадил Дальневосточный регион. Несмотря на свою отдаленность от центра он пострадал более других регионов Советского Союза. Этому способствовали как объективные, так и субъективные причины, изложенные выше. В это время органы государственной безопасности превратились в карательный инструмент государственного управления.

Нарастание международной напряженности вело к повышению роли спецслужб в реализации внутренней и внешней политики страны. Приоритетным направлением органов безопасности стало обеспечение обороноспособности государства. В исследуемый период были проведены результативные контрразведывательные операции по нейтрализации и

пресечению подрывных замыслов японских спецслужб и белоэмигрантов. Органы государственной безопасности сумели сыграть свою роль и обеспечить условия для наращивания военного потенциала.

Тем не менее, наша контрразведка не всегда работала эффективно. Созданные японской разведкой массовые агентурные позиции во время оккупации Дальнего Востока, а также агентура белоэмигрантских организаций, да и просто недовольных Советской властью граждан способствовало тому, что японская разведка довольно эффективно действовала против НКВД СССР. Слабо была обеспечена экономическая безопасность Дальнего Востока. Процветало браконьерство японцев в советских территориальных водах. Велась разведывательно-подрывная деятельность на японских концессиях.

В 1939 — начале 1941 гг. японское правительство запретило проводить своим спецслужбам активные разведывательные мероприятия и диверсионные акты, заняв выжидательную позицию в отношении Советского Союза. Такая ситуация продлилась до 22 июня 1941 г.

Нападение гитлеровской Германии на СССР активизировало агрессивную политику Японии в отношении СССР. Правящая клика Японии считала неизбежной победу Германии над СССР и полагала, что это откроет благоприятные возможности для реализации захватнических планов Японии на Дальнем Востоке. В силу этого планирование и подготовка агрессивной войны против СССР получили со второй половины 1941 г. и по 1943 г. особенно широкий размах. Численный состав Квантунской армии, расположенной в Маньчжурии, был более чем удвоен и достигал одного миллиона человек. Квантунская армия получила в большом количестве новое вооружение. Количество танков по сравнению с 1937 г. было удвоено, а количество самолетов возросло в три раза.

В Маньчжурии на границах Советского Союза была проведена концентрация войск Квантунской армии, на восточной границе Маньчжурии против СССР был сформирован первый фронт в составе четырех армий и резерва. На северной границе Маньчжурии был сформирован второй фронт, который должен был действовать в составе двух армий и резерва. На западной границе Маньчжурии были сосредоточены две отдельные армии.

Помимо Квантунской армии в войне с Советским Союзом должны были принять участие японская армия в Корее, во Внутренней Монголии и войска, находившиеся на островах Хоккайдо и Хонсю.

Разработанный обществом «Кокусаку-Кенкью-Кай» десятилетний план построения Великой восточноазиатской сферы процветания свидетельствует, что в «рациональные границы» этой сферы должны были войти все районы восточной части СССР, включая озеро Байкал.

Планы «построения Великой Восточной Азии», остававшиеся до определенного времени достоянием узкой группы заговорщиков или тесно связанных с ними лиц, стали в период после нападения Германии на СССР основной темой японской шовинистической пропаганды.

Ход войны не оправдал расчетов японского правительства. Япония не дождалась поражения Красной армии в войне с Германией. Именно этим объясняется, что японское правительство не осуществило длительно подготавливавшееся ею нападение на СССР.

К окончанию войны с Германией наша разведка получила сведения, что в декабре 1944 г. Комитет по делам Дальнего Востока при Госдепартаменте США стал прорабатывать вопрос о послевоенном статусе Курильских островов, так как они имели стратегическое

значение как для Советского Союза, так и для США и Японии. Комитет проанализировал все возможные доводы и претензии заинтересованных сторон и обсудил возможное компромиссное решение этой проблемы.

Курильские острова образуют цепь малозаселенных вулканического происхождения островов, общей протяженностью до 690 миль, которая тянется от о. Хоккайдо до Камчатки. Общая площадь островов составляет 3.944 кв. мили. Количество постоянного населения в 1940 г. составляло 17.550 чел. Их экономическая ценность определялась рыбной промышленностью. Курильские острова имеют большое стратегическое значение для Советского Союза и Японии с точки зрения удобства оборудования в непосредственной близости к соседу различных военно-морских и воздушных баз как наступательного, так и оборонительного характера. Кроме того, Курильские острова являются барьером, прикрывающим доступ к Охотскому морю и к побережью Приморской области. С этой точки зрения они особенно важны для Советского Союза.

Претензии Японии на Южную группу Курильских островов определялись следующими доводами:

- заселенностью островов исключительно японским населением;
- географической близостью к японским островам;
- экономической необходимостью и исторической принадлежностью их к Японии.

Притязания Японии на Центральную группу островов основывались только на том, что они принадлежат ей.

Претензии на Северную группу островов основывались, главным образом, на необходимости для Японии поддерживать сосредоточенную там рыбную промышленность.

Советский Союз в свою очередь имел существенные притязания на Северную группу островов: Симусю, Парамусир и Арайто в силу близости этих островов к территории СССР. В связи с этим вытекала необходимость иметь эти острова в своих руках для предотвращения могущей возникнуть военной угрозы в случае овладения ими враждебной страной.

Американцами не исключалась возможность, что Советское правительство потребует не только Северную, но Центральную и Южную группу островов.

Имея у себя Северную и Центральную группы Курильских островов, Советский Союз будет иметь возможность контролировать проходы в Охотское море, которые свободны ото льда круглый год. Притязания Советского Союза на Южную группу Курильских островов считались малообоснованным.

В конечном счете решение вопроса о Курильских островах в пользу Советского Союза Япония будет рассматривать как не окончательное; в данном случае она будет руководствоваться следующими мотивами:

- Япония лишается островов, которые исторически и этнографически принадлежат ей;

- если на Южных островах будут созданы укрепления и различные военные базы, в чем нельзя сомневаться, то это создаст постоянную угрозу для Японии.

Предполагалось, что требования Советского Союза по вопросу о Курильских островах создадут такое положение, что Объединенные нации согласятся уступить ему Северную и даже Центральную группу островов, как компенсацию за вступление Советского Союза в войну против Японии.

Претензии США сводились в основном к требованию военно-морского командования получить морские базы на Курильских островах, которые можно было бы

использовать при развертывании военно-морских операций в этих районах.

США не хотели усиления Советского Союза. В результате Конгрессом были приняты следующие рекомендации правительству США: Южная группа Курильских островов должна быть оставлена за Японией; Северная и Центральная группы Курильских островов должны находиться под контролем международной организации. Функции по управлению этими островами должны были быть возложены на Советский Союз. За Японией должны были быть сохранены права на рыболовство в водах Северной группы островов.

Обстановка в отношении вовлечения Советского Союза в войну с Японией союзниками постоянно нагнеталась. Англо-американская пресса использовала малейший повод, чтобы поставить вопрос о военной помощи Советского Союза. Чем реакционнее была газета, тем резче и яростнее она выступала за скорейшее вступление в войну СССР. Не проходило и дня, чтобы сенаторы и члены палаты представителей США не ставили этот вопрос в своих речах.

Все аргументы сводились к следующему: Англия и США помогают СССР в войне против Германии, а СССР отказывается помогать Англии и США в войне против Японии; Советский Союз не только не хочет воевать против Японии, но не желает даже предоставить воздушные и морские базы для американских военных сил в целях более быстрого разгрома Японии; СССР продолжает придерживаться пакта о нейтралитете, освобождая таким образом силы Японии для борьбы против Китая, США и Англии.

Эти выступления находили большую поддержку среди руководящих государственных деятелей Китая, которые хотели втравить СССР в войну с Японией и тем самым освободить Китай кровью советских людей.



Агитация за скорое выступление СССР против Японии усилилась в связи с фразой И. В. Сталина, сказанной им в докладе о том, что Япония является агрессивной нацией. Особенно широкую и настойчивую кампанию вела американская печать, подсказывая разные методы давления на Советский Союз. Предпринимались попытки отодвинуть СССР на задний план. Высказывались мысли, что два главных центра силы после войны будут находиться в Англии и Америке. Россия и Китай будут играть второстепенную роль. Однако, после успехов Красной армии в войне с Германией разговоры о гегемонии США или о дуумвирате Англии и США стали звучать реже.

Союзники не прочь были и раньше, вместо открытия своими силами второго фронта на западе, создать силами Советского Союза второй фронт на Дальнем Востоке.

В это время в США продолжали разрабатывать планы распределения тихоокеанских островов и дальневосточных территорий, согласно которым основная их часть должна была перейти к США. Между тем детальное обсуждение будущего устройства тихоокеанских островов и прилегающих к Тихому океану стран затрагивало интересы СССР. Союзники понимали, что если Советский Союз не воюет против Японии, то это не значит, что он может остаться в стороне при окончательном урегулировании всех дальневосточных вопросов.

Слишком велики были интересы СССР на Тихом океане, чтобы они могли ограничиться Южным Сахалином, предоставив Англии или США занять место Японии во всех международных проливах (Цугарском, Лаперуза, Цусимском), овладеть Курильской грядой, островом Цусима и т. д. и тем самым отрезать СССР от Тихого океана. Естественно, по окончании войны

должен быть разрешен вопрос о возвращении Советскому Союзу Курильских островов.

Во время Крымской конференции глав трех государств — Сталина, Рузвельта и Черчилля, 11 февраля 1945 г. было подписано соглашение относительно участия СССР в войне против Японии. Руководители трех держав согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе СССР вступит в войну против Японии на стороне Союзников при условии:

«2. Восстановления принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов;

б) интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;

с) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Манчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов»[\[387\]](#).

Впоследствии Черчилль писал, что он был удивлен, что во время согласования этих вопросов Сталин запросил так мало.

8 августа Советский Союз согласно принятым на себя обязательствам объявил войну Японии[\[388\]](#). Она была быстрой, 2 сентября на борту американского линкора «Миссури», находящегося в водах Токийского

залива, состоялось подписание акта о капитуляции Японии.

3 сентября в СССР было объявлено праздником Победы над Японией. В ознаменование этого события этот день стал нерабочим<sup>[389]</sup>.

11 сентября были опубликованы потери японцев и трофеи наших вооруженных сил на Дальнем Востоке за время с 9 августа по 9 сентября 1945 года.

«Захвачено: самолетов — 925, танков — 369, бронемашин — 35, полевых орудий, в том числе и самоходных — 1.226, минометов — 1.340, пулеметов — 4.836, винтовок — около 300.000, радиостанций — 133, автомашин — 2.300, тракторов и тягачей — 125, лошадей — 17.497, складов с боеприпасами, вооружением, снаряжением и продовольствием — 742.

Нашим войскам сдалось в плен более 594.000 японских солдат и офицеров и 148 генералов, в том числе до 20.000 раненых. Японцы потеряли только убитыми свыше 80.000 солдат и офицеров.

Таким образом общие потери японцев в людях, не считая погибших команд с потопленных японских кораблей, составляют: пленными и убитыми свыше 674.000 солдат и офицеров.

Кораблями и частями Тихоокеанского флота за тот же период времени потоплено следующее количество кораблей и плавсредств японцев: эсминцев — 2, транспортеров — 28, танкеров — 3, катеров — 5, барж и шхун — 12.

За это же время потери наших войск на Дальнем Востоке составляют убитыми 8.219 человек и ранеными — 22.264 человека»<sup>[390]</sup>.

Отлично проявили себя в этой войне органы государственной безопасности. Особо хочется отметить большую эффективность деятельности контрразведывательного аппарата. Командованием

Советской армии от органов государственной безопасности была своевременно получена объективная информация о дислокации, численном составе, вооружении, передвижении частей и соединений Квантунской и Корейской армий Японии, что способствовало быстрому разгрому японских войск.

В это время органам контрразведки «Смерш» удалось полностью разгромить специальные службы Японии, которые в течение длительного времени занимались организацией и осуществлением подрывной деятельности против СССР.

# **Приложение. Сущность будущих мероприятий в различных районах южных морей, захваченных в результате войны в великой Восточной Азии**[\[391\]](#)

## **ОГЛАВЛЕНИЕ**

Сущность будущих мероприятий в различных районах южных морей, захваченных в результате войны в великой Восточной Азии. (Декабрь 1941 г.).

План территориальной дифференциации б. великой Восточной, Азии. (Декабрь 1941 г.).

Предложения политического комитета (октябрь 1941 г.). (Список членов комитета, материалы заседаний комитета).

## ***Глава 1***

### **1. ЦЕЛИ ВОЙНЫ**

Цели войны в великой Восточной Азии можно считать достигнутыми лишь в том случае, когда будут захвачены Японией территории Америки, Англии и Голландии, что же касается форм государственного устройства, политической жизни, экономики, хозяйства и культуры, то все это должна решить сама Япония. Ведение войны исходит из приказа императора и преследует цели: — устранения гегемонии господства

Америки и Англии на Востоке, создания единой восточной сферы процветания для стран великой Восточной Азии под руководством Японии, обеспечения спокойствия в Азии и создания условий длительного и справедливого мира. Для достижения этих целей необходимо только соблюсти полностью выполнение приказа императора.

## 2. ПРИНЦИПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗДЕЛА

а) С занятием территории Америки, Англии и Голландии на Востоке необходимо одновременно исключить влияние этих стран на данные территории.

б) На занятых территориях в соответствии с целями войны необходимо немедленно создать соответствующие органы, могущие выработать синтетический план воздействия на политику, экономику, хозяйство и культуру занятых территорий.

в) С целью обеспечения полноты власти императора на занятые территории, необходимо обеспечить такое национальное руководство данными территориями, которое бы обеспечило полное предоставление для использования Японией всех национальных ресурсов и богатств на занятых территориях.

Национальные ресурсы занятых территорий необходимо использовать планомерно, с целью обеспечения национальных интересов занятых районов и особенно необходимо осуществление экономического контроля над производством, дабы исключить перепроизводство продукции, тщательно регулируя производство согласно нужд потребления и спроса в великой Восточной Азии. (Резина, олово, сахар). Изучив подробно жизненные потребности наций занятых районов, сократить до предела производство непотребляемого количества продукции, прежде вырабатывавшегося на этих территориях для вывоза.

г) С целью обеспечения полноты порядка в занятых районах, необходимо произвести такое

административное деление на районы, которое выделило бы особо военные районы и упростило бы форму управления занятыми территориями, игнорируя даже национальную, государственную и производственную принадлежность ранее существовавшего деления на занятых территориях.

д) В случае необходимости объединения разделенных соответственно указанным принципам отдельных малых государств — провинций, необходимо прибегать к мере организации видимости союзных отношений между этими отдельными странами — лилипутами.

е) С целью обеспечения видимости государственной самостоятельности постепенно прибегать к организации внутреннего самоуправления в этих отдельных странах — лилипутах, но для обеспечения полноты спокойствия в великой Восточной Азии все внешние взаимоотношения этих стран — лилипутов регулировать специальным государственным органом, созданным для этого. (Декабрь 1941 г.).

## **Глава II**

### **ПЛАН ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ В ВЕЛИКОЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

*1. Создание районов на правах японских генерал-губернаторств.*

а) Расширить генерал-губернаторство ФОРМОЗЫ с целью подчинения ему других территорий. Территория ГОНКОНГА и находящиеся в английской аренде районы Китая, а также Голландское МАКАО (в будущем купить). Филиппинские острова, остров ФуРАТАСу, ПАРАСЕРУ и ХАЙНАН — (купить в будущем у Китая).

б) Территории островов южных морей — острова: ГуАМ, НАУРу, НОСЯН, ГРИБАТО и УЭЙК.

в) Генерал-губернаторство "Малонезия" (наименование предположительное) или Южно-Океанское губернаторство: НОВАЯ ГВИНЕЯ (от 141 градуса восточной долготы до района Австралии). Адмиралтейские острова — Новая Британия, Новая Голландия и к ним относящиеся группы мелких островов, Соломоновы острова, острова Сантогрузу, острова Эллис, острова Фиджи, острова Новая. Хебурайсу, острова Новая Каледония, острова Локаучи и острова — Чистафель-да почти до 180 градуса восточной долготы, т. е. до южного поворотного круга.

г) ВОСТОЧНО-ОКЕАНСКОЕ генерал-губернаторство: ГАВАЙСКИЕ острова ПАЛЬМИРА, острова ХОРАНДО и БЕКА, острова ФИНИКС, острова НЮОН, острова КАРКУ-ЭСАС, острова ЦУАМОЦУ, острова СОСАЭТЕ, остров КуКА и АВСТРАЛИЙСКИЕ острова САМУ А, острова ТОНГА (между островами ТОНГА и ФУКУДЗИ коралловые рифы принадлежат Южно-Океанскому губернаторству), территория от южного поворотного круга на север, т. е. от 180 градуса Восточной долготы.

д) АВСТРАЛИЙСКОЕ генерал-губернаторство (наименование предположительное). Вся АВСТРАЛИЯ, ТАСМАНИЯ и остров РОДОХО.

е) НОВО-ЗЕЛАНДСКОЕ генерал-губернаторство (наименование предположительное). Южные и Северные острова НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ, острова МАККАРИ, от южного поворотного круга, т. е. от 180 градуса восточной долготы вся морская территория до крайнего юго-восточного пункта), исключая 120 градус западной долготы и восточнее.

ж) ЦЕЙЛОНСКОЕ генерал-губернаторство: Западное побережье южной части ИНДИЙСКОГО полуострова, участок ГОА, от его северо-восточной границы через район ЛОНДА по северной дороге ДАРВАРА, северной дороге ВЕЛЛАРДИ северная точка разветвления дорог ГуН-ТАКАЛ, в направлении юго-



восточнее ее, параллельно железной дороге на расстоянии 10-20 км от нее, т. е. 15 градусов севернее берега реки ПЕННЕР по правому ее берегу до моря, весь южный район острова ЦЕЙЛОН, остров РАКА-ДЕЙЦ, остров МАРДЕПу, остров ЧАГОС, остров СЕЙСЕРу и относящийся к нему остров МАУРИСАШ.

з) Генерал-губернаторство АЛЯСКА:

Вся АЛЯСКА, район ЮКОН английской КАНАДВ1 (по среднему руслу реки МАККЕНЗИ, через озеро ОГУМА, по фарватеру озера ОДО до границы штата АРБАТ), штат АРБАТ, БРИТАНСКАЯ КОЛУМБИЯ, штат ВАШИНГТОН;

и) ЦЕНТРАЛЬНО-АМЕРИКАНСКОЕ генерал-губернаторство: (новое устройство).

ГВАТЕМАЛА, ГОНДУРАС, АНГЛИЙСКИЙ ГОНДУРАС, НИКАРАГУА, САЛЬВАДОР, КОСТА-РИКА, ПАНАМА, КОЛУМБИЯ, ВЕНЕСУЭЛА от пункта 10 градусов 30 минут северной широты и 68 градус западной долготы в юго-западном направлении до 60 градусов 50 минут северной широты и 72 градусов западной долготы (включая сюда же нефтепромысла МАЛ АКАЙПО), ЭКВАДОР, английский остров ДЗЯМЕЙКА, КУБА, остров БОГАМА, ГАИТИ, САН-ДО-МИНГО, ВЕРТОРИКО (англо-французская территория острова РИВАДО и ДОРИННТАДТО, вопрос принадлежности данных территорий будет разрешен японо-немецким соглашением на международной конференции, также самое вопрос с английской Голландией).

к) В случае выступления Мексиканского правительства в войне против Японии мерой наказания для Мексики будет в этом случае отторжение от нее территории вплоть до горного перевала ФАЙДЖИБЕК по 95 градус 30 минут западного меридиана.

В случае если правительство Перу выступит в войне против Японии, в союзе с Америкой и Англией, то мерой наказания для Перу будет отторжение территории от 10 градуса южной широты с юга на север. В

аналогичном случае с Чили. ЧИЛИ также лишается районов залежей и разработки селитры, которые находятся от 24 градуса южной широты на север и островов САРАЙГОМЕК и ВАЙРУ (ВОСТОЧНЫЙ ОСТРОВ).

2. *ТЕРРИТОРИИ, подлежащие выделению в самостоятельные государства:*

а) ВОСТОЧНО-ИНДИЙСКОЕ государство:

Вся территория голландских владений, английская территория, острова БАРНЕО, острова РувуМАН, САРУВАК, БУРНИТ, остров КОРОСУ, остров ХРИСТИАНСКИЙ, остров АНДОМАН, остров НИКОБАР, португальский остров ТИМОР. (В будущем покупается).

б) БИРМАНСКОЕ государство:

Все английские владения в БИРМЕ, область в Индии АЦУСАМУ территория БЕНГАЛИИ от левого берега реки ГАНЖИС и впадения притока в нее БРАМАПАТРА до восточной части пролива СЯБАЙПОРО; граница государства ТАИ будут решены отдельно, границы Китая будут также определены отдельно по достижении победы в войне

в) Государство МАЛАИ:

Территория МАЛАИ, принадлежащая непосредственно Англии и союзная с Англией территория МАЛАИ, границы государства ТАИ в этом случае также будут решены отдельно.

г) Государство ТАИ:

Территориальный вопрос ТАИ будет урегулирован отдельно.

д) Государство КАМБОЛА:

Территория КАМБОЛА и ФРАНЦУЗСКИЙ ИНДОКИТАЙ.

е) Государство АННАМ:

Территория южной части АННАМ и районы государства РАОС и французская территория ТОНКИН. Лто касается французских территорий, указанных в статьях: д) и е), то вопрос с ними в будущем будет урегулирован в переговорах с правительством ВИШИ.

### *3. Территория СССР в будущем.*

Вопрос на территориальные притязания к Советскому Союзу сейчас довольно не ясен, и можно полагать будет разрешен в будущем только японо-германским соглашением. Тем не менее Приморье Советского Союза должно будет присоединено к японским территориям в Маньчжурии, с включением в японскую сферу влияния. Бесспорно, надо надеяться на то, что Япония приобретет право полноты управления СИБИРСКОЙ железнодорожной магистралью до ОМСКА включительно, как и Германия в свою очередь от ОМСКА на Запад.

### *4. Политические и военные мероприятия в районах будущих японских владений.*

В генерал-губернаторстве ЦЕЙЛОН, входящем в состав территориальных владений Японской империи, следует установить не гражданское, а военно-административное управление, назначив генерал-губернатором представителя армии или флота.

В АЛЯСКЕ также на продолжительное время следует установить военно-административное управление с тем, чтобы обеспечить военную подготовку к последующей агрессии на Америку.

*Форма гражданского управления приемлема:* для губернаторств — АВСТРАЛИЯ, НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ и то на некоторое время (примерно на 10 лет), с целью оказания политического давления на последние и пресечения самоуправления.

АВСТРАЛИЯ и НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ представляли собой в прошлом наполовину неиспользованные территории, поэтому в силу невозможности использования данных территорий японцами необходимо заселить их китайским населением (переселить около 3-х млн китайцев), коими мерами довести экономическое развитие, за счет эксплуатации данных районов, до уровня экономики Англии.

Тихоокеанские владения же не соответствуют климатом для освоения их китайцами, поэтому в данном случае надо иметь в виду индийское население (главным образом за счет южной национальности Индии — ТАМИЛ).

Что касается местоположения японской армии в ходе войны по срокам, то она должна иметь следующие районы базирования:

а) Генерал-губернаторство ФОРМОЗА:

МАНИЛА — бригада пехоты, небольшое соединение мотовойск, артиллерия и самолеты (сухопутные).

б) ОКЕАНСКОЕ генерал-губернаторство:

ГАВАИ — ГОНОЛУЛУ — около 5 тысяч морской пехоты и гидроавиация (гидросамолеты), военно-морская база в Синжуан с морской эскадрой.

в) АВСТРАЛИЙСКОЕ генерал-губернаторство:

СИДОНИЙ — две дивизии пехоты, мотомехчасть, авиация (сухопутная) с рассредоточением по всей территории от СИДОНИЙ с целью патрулирования территории.

г) НОВО-ЗЕЛАНДСКОЕ генерал-губернаторство:

ВЕРИНТО — дивизия пехоты, мотомехчасть, артиллерия, авиация (сухопутная и морская).

д) ЦЕЙЛОНСКОЕ генерал-губернаторство:

Четыре дивизии пехоты, большой отряд мотомехчастей, главным образом танки, с рассредоточением 80 % в Индии, главными силами в БАНГАЛОРЕ государства МАЙСОЛУ, на плоскогорье в 950 м над уровнем моря, где не жарко, что очень удобно для войск, с несением патрульной службы на всей территории.

Остров ЦЕЙЛОН, в районе КАНДИ на плоскогорье в 500 м над уровнем моря. Военно-морская база ТРИНКОМА-РИ северо-восточнее берега острова ЦЕЙЛОН, с эскадрой и 5 тысяч морской пехоты, с рассредоточением на острова в Индийском океане.

Авиация сухопутная и морская, согласно мест сосредоточения войск.

е) Генерал-губернаторство АЛЯСКА:

Три дивизии пехоты в КАНАДЕ и КАЛГАРИ штата АРБАТ для обороны от войск Америки и Англии. Военно-морской флот в базе порт ТОВАНЗЕНД района БЮЗЕТ-САУНД, используя американские военно-морские базы. Одна морская эскадра и авиация по необходимости сухопутная и морская.

ж) Генерал-губернаторство МАЛОНЕЗИЯ:

В силу того, что находится в сфере действия войск, окружающих извне губернаторств, в постоянном базировании частей не нуждается, а также нет надобности и во флоте. Необходимо только содержание усиленных отрядов полиции и авиации для ее нужд.

*5. Самостоятельные малые государства и их оборона:*

Принципиально все малые государства в нашей армии не нуждаются, но в районах, непосредственно с которыми мы граничим с другими государствами, необходимы войска для обеспечения границ от нападения, а именно: БИРМА — необходимы войска — флот и гидроавиация в районах Восточной Индии.

Места базирования войск в БИРМЕ: населенный пункт СИЛЛОНГ в районе АССАМ с местом расположения на плоскогорье по побережью в 1529 м над уровнем моря — три дивизии пехоты, мотомехчасть и сухопутная авиация с районом действия соответственно расположению.

Старая БИРМА в войсках не нуждается. В районе Восточной Индии необходимо для патрулирования морских пространств морская авиация с базой на острове КОКОСУ (12 градусов 7 минут южной широты, 96 градусов 54 минуты восточной долготы и острова, состоящие из коралловых рифов), до БОТАВИИ и ФРИМАНТОНА, где проходит подводный кабель связи,

соединяющий МОРЖИС в западной Австралии, с очень удобной базой для морского аэродрома в рифовом кольце — с постоянным отсутствием ветров и штилем в морском бассейне. Есть возможность при помощи войск оборудовать гидроаэродром, а также оборудовать на рифах аэродром для сухопутных самолетов, что также возможно. Фарватер заключенного рифами бассейна позволяет также вхождение в бухту кораблям всех классов, что очень удобно как база укрытия флота. Организовав авиасвязь между островами СЯБА, ЦЕЙЛОН и ЗАПАДНОЙ АВСТРАЛИЕЙ, район Индийского океана таким образом окажется полностью под контролем нашей авиации. Тем более с островов КОКОСУ самолеты типа «КРИППА» могут достигать района острова МАРИЛЬЯС, поэтому эти рифы являются самыми удобными пунктами под базы для авиации. Отстоя на расстоянии 110 км от ЯВЫ, острова остаются в районе связи с ЯВЫ морскими военными катерами.

ВОСТОЧНАЯ ИНДИЯ — население восточной Индии относится исключительно дружелюбно к японскому населению, поэтому представляет некоторую опасность, но в войсках все же необходимости нет.

Государства АННАМ и КАМБОЧА претендуют в будущем на самостоятельность, поэтому армия здесь не нужна, за исключением 2-3 лет на первых порах.

Районы СИБИРИ: территориальные возможности для использования только в принципах японо-немецкого соглашения, в пределах остатка территории СССР после немецкой экспансии, поэтому сейчас преждевременно решать эту проблему.

## **6. Комментарии**

Районы, в будущем подлежащие японскому влиянию, а также планируемые генерал-губернаторства, по своему качеству могут быть разнородные, что не главное. Главное — внешние отношения между ними, к чему надо приложить

максимум усилий. Особенно надо усилить губернаторство ЦЕЙЛОН, чтобы в Индии на долгое время подавить национальную борьбу, поэтому это губернаторство будет иметь значение чуть ли ни отдельного фронта, а вовсе не гражданское управление районом нашего влияния. ИНДИЮ необходимо лишить прав на самоуправление и самоопределение, чего нельзя добиться силой японской империи перед Индией и лишь возможно достижение этой цели через победу над Америкой и Англией, после чего вся полнота прав на Индию, как на колонию, будет в руках Японии. Поэтому, чтобы добиться совершенства руководства этого губернаторства, для этого потребуется несколько лет. В силу этих причин Япония не располагает сейчас возможностью быстрее всего полного подчинения себе Индии. Эта проблема нас сейчас не может не волновать, особенно вопрос с самоуправлением в Индии, т. е. вопрос предоставления Индии самой себе. Необходимо поэтому со всех соседних губернаторств, т. е. с Востока от БИРМЫ и с Юга от ЦЕЙЛОНА систематическое воздействие с непреклонным стремлением охватить в будущем важный район влияния для Японии на Востоке, как Индия, хотя и в условиях бесподобных трудностей.

В генерал-губернаторство ЦЕЙЛОН включить отдельные мелкие государства — МАЙСОЛ и ТРАБАНКОЛ, выделив их отдельно, не вмешиваясь в их внутренние принципы самоуправления. Губернатору ЦЕЙЛОНА распространять на эти государства права только военно-чрезвычайные, прибегнув к оккупации японской армией столицы МАЙСОЛ города Бангаро с тем, чтобы окончательно ликвидировать критерии к дальнейшей агрессии этой малой державы.

Государство ТРАБАНКАЛ представляет собой необжитый, малонаселенный, неразвитый район, поэтому нет надобности здесь в армии и

целесообразнее прибегнуть здесь к форме самоуправления.

Что же касается создания новой Индии, то этот вопрос надо решить великодушно и вместе с тем политически осторожно, т. к. индийский народ всегда относился к японскому народу с подлинным чувством уважения. Что же касается внутренней политики в Индии, то это право надо представить самим индийцам и не понуждать к введению японских обычаев и законов в их жизнь и быт. В случае же неудачи политики создания этих двух малых государств и создания Новой Индии — от Индии мы вынуждены будем отказаться. Только поэтому необходимо проведение твердой, военной политики.

Гражданское управление обычно стоит на стороне соблюдения законов, поэтому отсутствует факт твердой политической и военной линии в административном руководстве. АВСТРАЛИЯ и НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ самые богатые по экономике государства, если поэтому за их счет мы не сумеем обеспечить экономику Японии, то мы тогда же все же будем в опасности. Вследствие этого надо немедленно перебазировать максимальное количество рабочей силы за счет Китая в Австралию и Новую Зеландию и использовать эту возможность как быстрее и как рентабельнее, планируя одновременно отличительные свойства рабочей силы Китая, в противовес Англии исходя из принципов низкой стоимости рабочих рук, получаемых нами в неограниченном количестве из Китая. Вытеснить экономическое влияние Англии. Только такая форма решения данного вопроса может быть принципиальной.

Генерал-губернаторства, как форма управления на занятых территориях, будет самой приемлемой формой потому, что только спустя десяток лет можно позволить на данных территориях другую форму управления в виде народного представительства, похожего на



парламент. Притом, переход к иным формам управления на данных территориях поистине возможен только тогда, когда Япония полностью овладеет всеми экономическими, хозяйственными, имущественными и юридическими правами этих народов, в достижении чего мы не остановимся даже перед фактами национализации частных богатств и в такой степени, когда Япония будет владеть всеми путями сообщения, богатствами недр, горной промышленностью и металлургией данных территорий. Все это должно быть подчинено генерал-губернаторствам, с правами только непосредственного японского руководства всей экономикой и средствами производства на подчиненных территориях.

Достигнув всего этого, можно облегчить себя в дальнейшем т. е. в послевоенный период, для проведения планомерной эксплуатации завоеванного, прибегнув еще к одной крайней мере — это переселение одного миллиона японцев в Австралию и Новую Зеландию для осуществления нужного руководства.

Острова ФИЛИППИНЫ, включающиеся в генерал-губернаторство ФОРМОЗА. В данном случае вовсе нельзя прибегать к мере создания самостоятельного государства Филиппин с правами самоуправления, ибо проявив в данном случае великодушие к филиппинскому народу, утвердим этим шагом в нем дух горделивости и неповиновения нам впредь, что окажется для нас в будущем крайне пагубным.

Надо еще не забывать и того, что вредная американская идея демократизма дошла полностью до масс Филиппин, поэтому вероятно то, что филиппинское население будет нам перевоспитать в нужном направлении труднее всего из всех народов азиатских стран.

Вот только поэтому и лучше всего Филиппины предопределить генерал-губернаторству ФОРМОЗЫ, население которого полностью воспитано в нужном нам духе. Воздействуя на Филиппины твердой рукой, осуществляя на население твердое давление, можно добиться того, что в будущем будет возможность в этом районе обойтись формой гражданского управления.

Население МИНДАНАО. Остров СРУ, остров БАЛОВАН — крайне угнетенное и забитое, что облегчает управление, только некоторые районы островов ЛУСОН и ВИСАЯС представляют в управлении некоторые трудности.

Другие губернаторства в управлении очень просты в силу угнетенности населения.

Генерал-губернаторство АЛЯСКА. Самым важным районом на территории КАНАДЫ — штат АРБАТ с запасами угля в 100 млрд тонн и большими запасами нефти, с добычей в настоящее время 1 млн тонн в год, чего если мы не захватим, то в будущем это послужит причиной конфликта между Америкой, Англией и Японией. Больше того, не заняв этого района, мы совершим глупость и поставим себя опять в положение страны, вечно испытывающей недостаток стратегических ресурсов. Эта же территория изобилует продукцией сельского хозяйства и леса. Отсутствие населения в этих районах нужно будет восполнить за счет населения Китая. Военного Управления в данном районе организовывать нет надобности. Лучшей формой управления будет гражданская, но на некоторое время, как и в Австралии и в Новой Зеландии, надо будет воздержаться от формы управления в виде народного собрания из представителей. С целью соблюдения самостоятельности данного государства, последним надо руководить только внешне, не вникая во все мелочи внутренней жизни страны, по той простой причине, что все самостоятельные государства будут

находиться в окружении японских генерал-губернаторств, созданных на вновь занятых Японией территориях, а посему не должны будут идеально противоречить проводимой политике в генерал-губернаторствах.

Необходимо воспитать в народах веру в Японию, как в страну, которая в состоянии обеспечить национальное процветание народов, невзирая на то, что территория самостоятельных государств составляет  $\frac{2}{10}$  —  $\frac{3}{10}$  территории генерал-губернаторств, которые представляют собой основу территориальных владений Японии. Захват территорий самостоятельных государств, как источников сырья, вовсе не нужен, потому что только нефть и олово являются главными видами сырья, источники которых находятся в Восточной Индии, МАЛАЕ и БИРМЕ, которые расположены на территориях японских генерал-губернаторств.

Нет надобности вести войну с целью захвата сырьевых источников у той или другой нации, необходимо только стремиться к взаимному содружеству народов, с целью их процветания, используя все известные формы для достижения этой цели.

По мнению некоторых узких специалистов, как самая спешная мера в войне — это необходимость захвата источников экономических ресурсов, но они себе не отдают отчета в том, насколько это будет полезно, учитывая трудности их использования генерал-губернаторствами, находящимися вне районов этих источников. Устранить всякую разницу пошлин и налогов в генерал-губернаторствах, учитывая, что все районы составляют единую японскую территорию.

Открытый район КАНТО в Маньчжурии до сих пор представляет немало беспокойства из-за таможенной

разницы, взимаемой за провоз. Эту ошибку нет надобности повторять впредь. Не надобно вовсе подчинять японским законам все занятые территории, необходимо только воздействовать на них.

С целью подробного изучения национальных интересов народов занятых территорий еще раз изучить пример ФОРМОЗЫ. Особенно избегать бессмысленной подмены законом национальных интересов в самостоятельных государствах. Таможенные платежи составляют источник национального дохода, поэтому надобно его соблюдать везде и доподлинно.

Поистине говоря, устройство в Великой Восточной Азии является самой актуальной проблемой Японии в послевоенный период. Самым же главным является воспитание чувства веры народов в справедливость Японии, из чего и надо исходить прежде всего в деле организации и устройства генерал-губернаторств и самостоятельных государств.

Эксплуатация Маньчжурии и Китая в послевоенный период доставила Японии много хорошего и вместе с тем и плохого.

#### *ПРИЧИНЫ НЕУДАЧ ЯПОНИИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ.*

1. В Японии произошел ряд доброкачественных изменений в государственном руководстве, которые произвели ряд мероприятий, вызвавших недоброжелательное мнение и настроение отдельных кругов японского народа.

2. Народы Японии крайне недовольны давлением, проводимым государственной политикой в последние годы на массы.

3. Погоня торговцев и даже чиновников за прибылью и наживой.

4. Переселение японцев в другие районы с целью осуществления эксплуатации занятых территорий вызвало упадок духа японцев.

Все эти факты очень сильно опорочили честь народа великого японского государства и подорвали независимость национального духа.

Если взять с целью анализа примеры осуществления колониальной политики других государств на Востоке, то мы видим, что, например, господство англичан на занятых ими территориях гуманно и поэтому не роняет достоинства английской высокой национальности. Англичане, прежде всего, деловые люди и честны в своем влиянии и не поощряют угнетения и эксплуатации. Зло надо отрицать, доброте же надо учиться всегда. Для будущего все это надо особенно продумать. (Декабрь 1941 года. Составлено комиссией военных представителей и представителей министерства колоний).

#### *ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА.*

В силу спешности подготовки материалов комитет изложил их вкратце, скомпоновав материалы в семь основных вопросов. В данных семи отдельных вопросах и заключена вся сущность предложений комитета по планируемым мероприятиям.

Самой первостепенной и главенствующей целью войны надо понимать ни что иное, как приобретение источников экономических и стратегических ресурсов. Достижению этой цели и надо, прежде всего, подчинить весь смысл ведения войны.

В зависимости от того, какой цели подчинено ведение войны: захвату ли сырьевых источников, захвату ли территорий, уничтожению ли армий врага и решаются методы достижения этой цели, сама тактика и военная политика армии на занятой территории, а впоследствии и избирается форма временного управления занятой территории.

1. По предписанию специального отдела армии создается орган управления занятым районом. В составе штаба армии существует специальный отдел,

ведущий вопросами гражданской администрации на занятых территориях, в обязанности которого и входит создание органов гражданского управления в занятых районах. (Название органу назначается соответствующим решением).

Назначается начальник гражданского управления (название предположительное).

На этот пост обычно назначается личность, имеющая богатый опыт управления районом с населением другой нации, личность компетентная во всех вопросах военной и гражданской законодательности.

С назначением на этот пост личность получает полномочия руководителя соответствующего органа гражданского управления районом с расширенными правами, с полной гарантией поддержки и одобрения его действий в руководстве районом от вышестоящего военного командования.

На данное лицо возлагается полная ответственность по руководству назначенной территорией, а именно:

- создание подчиненных ему органов гражданского управления;

- подбор заместителей и определение их обязанностей;

- степень работоспособности руководителя органа гражданского управления районом определяется фактом его личного подбора руководящего аппарата управления.

Руководитель органа гражданского управления и его заместители, как правило, должны подбираться на срок не менее 2-3 лет, что играет очень важную роль в их деятельности.

2. Законы использования местного населения на службе в органах управления.

К подбору аппарата из лиц местного населения вовсе не надо подходить субъективно. Прежде всего надо руководствоваться чувством того, насколько данное лицо будет полезно в подобном органе по своему авторитету и способностям. Не создавать условий игнорирования лиц из местного населения, работающих в органах японского управления. Рекомендуется, если это полезно в данных условиях, использовать старые административные органы.

Самым лучшим в данном случае будет привлечение в подобные органы лиц японского населения, ранее проживавших на занятой территории и по своему положению не состоявших на службе ранее выше этого органа.

Рекомендуется полностью использовать прежние органы местного управления, возглавляя его лицом из японцев, довольно компетентными в вопросах управления.

Нельзя вовсе согласиться с системой охраны порядка и спокойствия, основанной на принципе ГПУ, которая имеет больше отрицательных сторон, чем положительных, поэтому нужно больше всего ориентироваться на создание усиленных органов полиции.

3. Обращение с японским населением, проживающим на занятых территориях до прихода японских войск и с прибывшим после прихода войск.

Организовать систематическое наблюдение за проживавшим ранее японским населением и прибывающим ныне.

С вступлением японских войск немедленно издавать приказ об организации надзора за японским населением.

В случае плохого поведения японского населения принять все меры вплоть до принудительного вывоза японцев в собственно Японию.

Выезд японского населения в районы, занятые войсками, проводить организованно только через органы предварительного отбора и специального разрешения на выезд в эти районы.

Лица, занимающиеся переводами средств в собственно Японию с целью личной наживы, подлежат немедленному принудительному возвращению.

В силу того, что армия, оставшаяся в занятых районах для несения службы, не может удовлетворить запросов на работу всех желающих японцев, остаться при армии на службе, в силу еще того, что войска эффективнее использовать для выполнения различных работ, необходимо регулировать въезд японского населения в занятые районы, соблюдая полный порядок и пресекая праздные бесцельные поездки.

4. Методы морального воздействия на чувства народа в занятых районах.

С целью охраны спокойствия населения в занятых районах необходимо проводить следующие мероприятия:

Ограничительные условия быденной жизни населения.

Политическая жизнь населения; разрежение или запрещение того или иного мероприятия.

В занятых районах создать атмосферу ведения строгой, но вместе с тем и симпатизирующей политики. Избегать необдуманных симпатизирующих мероприятий.

Используя удобные для этого случаи демонстрировать факты проведения твердости в руководстве населения занятых районов. В нужных случаях же стараться обратить внимание местного населения на спокойствие их жизни, постепенно внушая им то, что необходимо быть всегда готовым переносить трудности быденной жизни.



Японцы, работающие на ответственных постах, должны стараться всеми своими личными качествами и способностями заслужить доверие местного населения и снискать симпатии к своей деятельности.

Если, действуя сообща, мы снискаем доверие местного населения занятых районов и изучим все возможности воздействия на чувства народов, мы достигаем своей политикой желаемого успеха. Вопрос привлечения симпатий народов занятых районов и способы воздействия на чувства народов — дело очень важное, поэтому должно быть тщательно продумано и даже запланировано.

Действуя в таком обдуманном плане, надо никогда все же не забывать о времени, столь ценном для нас. На выполнение своих служебных и личных обязанностей все-таки надо уделять времени больше, чем на старание привлечения симпатий народа.

5. Методы обеспечения необходимого Японии сырья и стратегических материалов.

Необходимо приложить максимум усилий к тому, чтобы источники экономического и стратегического сырья на занятых Японией территориях обратить к нормальному использованию. Без всяких промедлений организовать исследование и изучение источников сырья в районах, куда уже достигли войска японской армии.

Мобилизуя все торговые фирмы, проводить полнейшее освоение сырьевых баз всеми наличествующими усилиями и с помощью местного населения организовать добычу и выработку необходимого сырья и материалов.

Приобретение материалов и сырья — дело бесспорно государственное, но на первых порах нельзя установить какой-либо определенной системы, которая бы занималась этим вопросом, вроде торговой фирмы, поэтому не разрешается приобретать сырье частным

порядком, так как за частными предпринимателями сохраняется право продажи и прибылей, в чем государство вовсе не заинтересовано.

В силу этого государство само должно выработать план обращения источников сырья с тем, чтобы гражданские управления могли, придерживаясь его, организованно проводить мероприятия по подготовке его.

Создавать же с этой целью какой-то новый государственно-политический аппарат бессмысленно и непозволительно. Необходимо компаниям брать по возможности своего бюджета под контроль некоторые предприятия и использовать их крайне рентабельно. Если же отдельные компании не в состоянии брать то или иное предприятие для использования, то в таких случаях разрешается слияние компании. Разрешается также и создание новых компаний в Японии, с целью приобретения предприятий в районах, занятых Японией.

В вопросе использования сырьевых источников стараться преодолевать все преграды на пути к их эксплуатации, но вести всю работу по мобилизации всех ресурсов так, чтобы не привлечь внимания местного населения своей активной деятельностью, ибо это может быть истолковано как факт самой хищнической эксплуатации источников сырья занятых территорий, что вовсе будет также нежелательно восприниматься местным населением.

6. Льготы и методы оказания преимуществ и поощрений местному населению.

Вопросы здравоохранения, связи и сообщений на занятых территориях, играющие важную роль в жизни местного населения, надобно разрешать немедленно. Что же касается всех остальных льгот для местного населения, то их необходимо хорошо продумать, чтобы не попасть в ложное положение, например, вопрос

аграрной системы. Японская система ведения сельского хозяйства во многом отсталая, поэтому этот вопрос надо тщательно продумать. Представлять льготы уважения обычаев местного населения, соответственно условиям жизни населения и проводимой политики на занятых территориях.

#### 7. Политика переселения обработанного населения.

Массовое переселение населения осуществить очень трудно, а поэтому более эффективно будет переселение специалистов сельского хозяйства, которые и будут руководить местным населением. Кроме того, переселение обработанного населения в страны южных морей не в интересах японской нации, а поэтому следует переселять только специалистов, могущих руководить местным населением. Наиболее целесообразно как можно больше переселять обработанных людей в СССР для того, чтобы обеспечить общественное спокойствие. (Декабрь 1941 г.)

#### *СПИСОК ЧЛЕНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА*

1. Абе Нобуюки
2. Исогаи Рэнсукэ
3. Одати Сигэо
4. Окура Кимимоти
5. Киси Синеукэ
6. Кобаяси Сейдзо
7. Гото Фумио
8. Сакураи Хиогоро
9. Симомура Хироси
10. Такахаси Санкити
11. Хориути Рэнсукэ
12. Ямакаба Хасио

*МАТЕРИАЛ ДОКЛАДА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА*  
(Комиссия по изучению государственной политики)

#### **1. ЦЕЛЬ СОЗДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА**

В скором будущем Япония непременно должна направить свои военные усилия в южном и северном направлениях, а поэтому, если не будет сделано для этого шага необходимая подготовка, военные действия могут развернуться подобно действиям в Китае и Маньчжурии. Неподготовленность поэтому и является самой большой опасностью. Исходя из этого, комиссия по изучению государственной политики, рассмотрев различные вопросы государственного порядка, предлагает правительству на утверждение разработанный состав комитета, целью которого является обеспечение этой готовности к будущим военным действиям.

## ***2. ОБЪЯСНЕНИЯ ПРОЕКТА И ОСНОВНЫЕ МНЕНИЯ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ***

О необходимости создания военного отдела специального назначения и организация этого отдела.

а) Необходимо создать такой орган управления во внутренних и внешних странах, который бы был в состоянии руководить политическими и экономическими мероприятиями. Во время событий в Маньчжурии подобный военный отдел был создан при Штабе Квантунской армии. Не оправдает ли себя в будущем такой метод работы или нет? Или быть может имеется другой, аналогичный метод работы? В случае создания такого органа кто должен быть назначен руководителем этого органа — представитель военных или гражданских кругов, как было во время военных действий на острове Хэйнань? Какие полномочия должен иметь руководитель этого органа? Какой должен быть состав этого органа? К примеру, нет ли необходимости назначить ответственных лиц, которые бы взяли на себя ответственность за общественное спокойствие, международные отношения, экономику, производство, денежную систему и т. д.

б) Основные мнения членов комиссии по проекту.

1. Временно организовать штаб и гражданский отдел, начальником отдела назначить лицо гражданское. В гражданский отдел должны войти отделения общественного спокойствия, экономическое и промышленное.

2. Временно создать отдел специального назначения в армии и назначить начальником лицо военное, в работе которому должны помогать заместители. Этот специальный отдел должен получать указания непосредственно от правительства.

3. Прежде всего необходимо подыскать подходящего руководителя (независимо военный или гражданский), который бы имел опыт управления другими нациями, а потом решать вопрос о самом органе.

4. Необходимо создать специальный отдел (политический). Руководителем последнего назначить лицо опытное, способное и энергичное. В штат отдела можно ввести как гражданских, так и военных лиц, что не повредит работе. Но подбор людей нужно производить очень осторожно и обдуманно.

#### *ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ.*

а) Объяснение проекта.

Необходимо глубоко обдумать два различных случая захвата территорий: 1) имеющий первостепенное значение (допустим Приморский округ); 2) имеющий второстепенное значение (допустим Голландская Индия).

Соответственно с этим необходимо обдумать методы использования населения СССР, голландских владений и Индонезии. В связи с этим возникают вопросы: следует или не следует использовать местное население? Если использовать, то в какой мере? Правильно или неправильно поселять японцев в захваченных странах? Следует или не следует

использовать орган ГПУ для населения СССР? Особенно следует обратить внимание на использование белоэмигрантов. Каким образом лучше будет использовать население БИРМЫ, МАЛАИ, КИТАЯ и т. д.?

б) Мнения членов комиссии по проекту.

1. Что касается использования населения Голландской Индии, то лучше воздержаться от этого, ограничиваясь использованием отдельных лиц, а что касается СССР, то лучше всего использовать белоэмигрантов.

2. Среди местного населения лучше всего использовать лиц, имеющих влияние на населения. Использовать орган ГПУ не рекомендуется, но использование белоэмигрантов будет целесообразнее.

3. Местное население использовать можно и нужно, однако это сопряжено с большими трудностями, особенно в голландской ИНДИИ.

*3. ОТНОШЕНИЕ К ЯПОНСКОМУ НАСЕЛЕНИЮ, ПРОЖИВАЮЩЕМУ НА ЗАНЯТЫХ ТЕРРИТОРИЯХ*

а) Объяснение проекта.

Наличие японского населения на занятых территориях очень выгодно, но среди этого населения необходимо проводить постоянную работу, чтобы возбудить в японцах чувство собственной нации. Кроме этого возникает целый ряд вопросов, как-то:

Следует или не следует использовать японцев, проживающих на занятых территориях, в качестве служащих в армейском аппарате? Нет ли необходимости установить за этим японским населением строгий надзор? Как поступить с воспитанием детей, проживающих на занимаемых территориях японцами?

б) Мнения членов комиссии по проекту.

Необходимо установить строгий контроль для японцев, проживающих на занимаемых территориях,

произвести среди них чистку, а затем уже использовать.

2. В первую очередь необходимо изолировать японское население, проживающее на занятых территориях, затем выработать планы отношения к этим японцам и строго руководствоваться им, карая тех лиц, которые занимаются грабежами.

3. С проектом согласен.

4. Установить строгий надзор за японским населением. Из числа лиц японского населения можно отбирать с хорошим поведением и привлекать на работу в армии.

5. Необходимо обратить особое внимание на недовольных японцев и отправлять их в собственно Японию.

6. Необходимо опубликовать приказ о том, что японское население, проживающее на занимаемых территориях, находится под надзором.

7. Следует строго следить за поведением японцев, кроме тех, которые имеют связи с армией.

*4. МЕТОДЫ РАБОТЫ С ЯПОНСКИМ НАСЕЛЕНИЕМ ПО ВОЗБУЖДЕНИЮ ЧУВСТВА СОБСТВЕННОЙ НАЦИИ.*

а) Обоснование проекта.

В силу того, что японское население, проживающее в других странах, постепенно утратило свою национальную гордость, то для восстановления этого нужно проводить среди них постоянную работу. В будущем, когда японская армия двинется вперед, следует обратить на это особое внимание. Среди этого японского населения необходимо будет проводить различные политические и культурные мероприятия. Соответственно с этим не следует ли предварительно подыскать для этой работы человека, создать специальный орган, разработать методы работы?

К примеру, вопросы по сбору сельхозпродуктов, политические преступления, использование

духовенства, помощь безработным, пропаганда местного населения, используя для этого радио, музыку, кино и т. д.

б) Мнение членов комиссии.

1. Вместе с хорошими отношениями к японскому населению необходимо быть очень осторожными. Нельзя проводить сентиментальную политику, а также нарушать обыденную жизнь местного населения.

2. Необходимо найти хороших руководителей японского населения, проживающего в других странах.

3. Необходимо проводить работу таким образом, чтобы не потерять доверия местного населения.

4. Среди японского населения на занимаемых территориях следует проводить политику японской империи.

*5. СПОСОБЫ ИЗЫСКАНИЯ НЕОБХОДИМЫХ РЕСУРСОВ.*

Целью настоящей войны является приобретение источников сырья. Для осуществления этой цели необходима военная сила. Прежде всего, необходимо исследовать все существующие источники сырья, затем подготовить необходимую для их разработки рабочую силу. Помимо этого, необходимо разработать способы эксплуатации этих источников, как-то: транспорт, порты вывоза и т. д.

Кроме того, для осуществления этой цели необходимо создать отдельные компании или одну — объединенную компанию.

б) Мнение членов комиссии.

1. Необходимо расширять существующую сеть торговых компаний и таким образом сосредотачивать необходимые материалы. В собственно Японии нужно создать контрольный центр, который бы контролировал работу этих компаний.

2. Приобретать источники сырья и необходимые материалы следует по ранее разработанному правительством плану.



3. Согласен с проектом. Однако нельзя проводить работу таким образом, чтобы получилось впечатление настоящей эксплуатации источников сырья. Неплохо для этого организовать компании, которые бы проводили работу по разработке источников сырья.

***6. СПОСОБЫ И РАЗМЕРЫ ЛЬГОТ, КОТОРЫЕ ЯПОНИЯ ПРЕДОСТАВИТ МЕСТНОМУ НАСЕЛЕНИЮ.***

а) Обоснование проекта.

Цель мероприятия по предоставлению льгот заключается в том, чтобы воодушевить чувства населения. С одной стороны — показать влияние силы Японии, а с другой стороны — создать якобы мирные условия жизни. В виде льгот местному населению следует предоставлять право продолжать воспитание детей в школах, строить железные дороги, разрешить работать лечебным заведениям, магазинам и т. д. Таким образом дать почувствовать местному населению, что ему оказывается действительная помощь со стороны Японии.

б) Мнение членов комиссии.

1. Я согласен с проектом.

2. Нельзя вмешиваться в нравы и обычаи местного населения. Не следует нарушать религиозных ритуалов и традиций народов. Вся работу с местным населением нужно проводить так, чтобы не составить о себе плохого впечатления.

3. Вся работу с местным населением необходимо проводить в соответствии с положением той или другой страны. В первую очередь необходимо наладить работу транспорта и лечебных заведений.

4. Транспорт, лечение и т. п. мероприятия для населения очень полезны, но вопрос с воспитанием никакой пользы не принесет.

***7. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ОБРАБОТАННОГО НАСЕЛЕНИЯ.***

а) Объяснение проекта.

После занятия той или иной территории по истечении четырехмесячного срока необходимо в первую очередь выселить все разоруженные силы захваченной страны. Всю военную технику, снаряжение и другие материалы должна взять в свои руки японская армия. Особенно следует серьезно обдумать вопрос о переселении населения в Голландскую ИНДИЮ и СССР.

б) Мнение членов комиссии.

1. Необходимо как можно больше переселить обработанного населения в районы Новой Гвинеи и БАРНЭО, где населения очень мало. Сюда также следует переселить лиц, которые бы могли работать в качестве руководителей местного населения.

2. Этот вопрос с переселением населения требует глубокого изучения.

Помимо вышеизложенного среди членов комиссии были также следующие мнения и предложения:

1. Что касается вопроса ходячей валюты, то необходимо создать специальную комиссию, которая бы разработала план использования и обращения денежной валюты и следила бы за его исполнением.

2. Необходимо усилить работу транспорта. В других вопросах согласен с мнениями, высказанными другими членами комиссии.

3. Я полностью согласен с проектом. На мой взгляд, самым важным являются люди, которые будут осуществлять этот проект и способы, которыми проект будет претворяться в жизнь. Для успешного осуществления этого проекта необходимо изучить весь имеющийся опыт в работе в этом отношении.

4. Я согласен с проектом и думаю, что для того, чтобы осуществить политику управления той или другой страной, необходимо послать в эти оккупированные страны специальных людей, имеющих административный опыт, которые бы в тесной связи с войсками проводили бы политику управления страной.

5. В первую очередь необходимо заниматься делами, представляющими интерес для Японии.

6. На всем протяжении выполнения этого проекта следует иметь в виду за главную силу — армию, под контролем которой должны осуществляться все мероприятия.

7. Ни в коем случае не давать возможности ИНДИИ развиваться.

8. Своих мнений я не высказываю.

(Октябрь 1941 г.)

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1070. Л. 5-38.

---

<b>notes</b>
--------------

## Примечания

Аварии В.Я. «Независимая» Маньчжурия. М., 1934.;  
Болдырев Г. И. Японские милитаристы провоцируют  
войну. М., 1938.; Иоган Е., Танин О. Когда Япония будет  
воевать. М., 1936 и др.

Болдырев Г. И. Японские милитаристы провоцируют войну. М., 1938; Как мы били японских самураев. М., 1938; Хамадан А. Япония на путях к «большой войне». Военно-фашистский заговор в Токио. 26-29 февраля 1936. М.-Л., 1936.

Кулаков Л. Н. История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.

Горбунов Е.А. 20 августа 1939. М. 1986; Кошкин А. А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. М., 1989; Кулаков Л. Н. Россия и Япония. М. 1988. Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. Панасовский В. Е. Уроки Хасана и Халхин-Гола. М., 1989; Победа на реке Халхин-Гол. М., 1981; Шка-дов И. Н. Озеро Хасан. Год 1938. М., 1988 и др.



Соколов Б. В. Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная война спецслужб. М., 2000; Георгиев Ю. В. Рихард Зорге и тайны Второй мировой войны. М., 2007 и др.

Горбунов Е. А. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002; Егоров Н. А. Деятельность органов государственной безопасности СССР на Дальнем Востоке по пресечению разведывательных и диверсионно-террористических акций белоэмиграции в 1922–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010; Линдер И. Б. Прыжок самурая. М., 2008; Лота В. И. За гранью возможного: военная разведка России на Дальнем Востоке, 1918–1945 гг. М., 2008; Шинин О. В. Деятельность органов государственной безопасности в межвоенные годы 1922–1941 гг.: на материалах Дальневосточного региона СССР: дис. ... докт. ист. наук. М., 2007; Шульженко А. Б. Противодействие органов ГПУ-НКВД антисоветской деятельности японских спецслужб и белоэмигрантских центров на Дальнем Востоке России в 20-30-е гг. XX в. // Труды общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. М., 2008. — С. 73–84 и др.

Полутов А. В. Работа японских военных миссий против России и СССР на Дальнем Востоке в 1916–1945 гг. (по материалам японских источников) // Органы государственной безопасности Приморья: взгляд в прошлое во имя будущего: Материалы науч. — теор. конфер. (Владивосток, 3–4 февраля 2003 г.). 2-е изд., испр. Владивосток, 2003. — С. 55–66 и др.

Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. — 1991. - № 2. -С. 138-143, № 3. — С. 132-136,140-144; Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командноначальствующего состава, 1937-1938 гг. СПб., 2007; Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920-1950-е гг. Владивосток, 2011 и др.

Буракшаев В. Я. Действия войск пограничного округа по охране государственной границы на Дальневосточном театре военных действий в угрожаемый период. Дис... канд. воен. наук. М., 1978; Умнов Ю. И. Управление соединениями и частями пограничных войск в первой армейской операции на Дальневосточном театре военных действий. Дис... канд. воен. наук. М., 1983; Акулиничев А. А. Действия войск пограничного округа в системе оперативного прикрытия армии в условиях Дальневосточного театра военных действий. Дис... канд. воен. наук. М., 1988; Краснощеков И. А. Участие пограничных войск Приморского округа в разгроме сил милитаристской Японии (август-сентябрь 1945) Дис... канд. истор. наук. М., 2016 и др.

Борьба тяжеловесов: хабаровские чекисты против японских спец-служб // Тихоокеанская звезда. Хабаровск. 2012. 18 декабря, 19 декабря, 20 декабря; Националистический путч в Токио 26–29 февраля 1936 г. Пре-дыстория, ход и последствия события в архивных документальных материалах // Исторические чтения на Лубянке. 100 лет ВЧК—ФСБ. Сборник статей и материалов XXI научно-теоретической конференции 28 ноября 2017 г. — М.: в/ч 33965, 2018. — С. 240—255; Организация и содержание подрывной деятельности японских спецслужб против СССР на Дальнем Востоке. 1938–1941 гг. // Исторические чтения на Лубянке. 2017 год. 100-летие ВЧК: уроки истории. Материалы XXI Всеросс. науч. конф. (Москва, 7–8 декабря 2017 года) М.: ОИИОСС, 2018. С. 226–235; Русский отдел Бюро экономических исследований при Управлении Южно-Маньчжурской железной дорогой // Исторические чтения на Лубянке. 2018 год. Отечественные и зарубежные спецслужбы: история и современность. Материалы XXII междунар. науч. конф. (Москва, 6–7 декабря 2018 года) М.: ОИИОСС, 2018. С. 202 — 209 и др.

Тэраяма Киосукэ. Маньчжурский инцидент и СССР. Acta Slavica Ja-ponica Tomus XIV, 1996. Sapporo, Japan; он-же Soviet policy toward Mongolia in the 1930s — From the Manchurian Incident to the Nomonhan- (CNEAS Monograph Series № 32); он-же Советская мобилизационная политика на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг. / / Урал и Сибирь в сталинской политике (сборник статей). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 98–125.

Мозохин О. Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии 1918–1945 гг. М.: Родина-МЕДИА, 2012.



Преображенский Евгений Александрович (1886–1937) — секретарь ЦК и член Оргбюро ЦК РКП(б) в 1920–1921 гг.

Крестинский Николай Николаевич (1883–1938) — в 1920–1921 гг. член Политбюро и секретарь ЦК РКП(б), в 1921–1930 гг. советский представитель, полпред в Германии.

Никифоров Петр Михайлович (1882–1974) — член правительства ДВР в 1920–1921 гг., председатель Совета министров ДВР в 1921–1922 гг., член Дальбюро ЦК РКП(б) в 1920–1922 гг.

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) — нарком иностранных дел РСФСР (СССР) в 1918–1930 гг.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 1.

Там же. Л. 8.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 5.

Ленин Владимир Ильич (1870–1924) — председатель СНК РСФСР в 1917–1922 гг., председатель СТО РСФСР в 1920–1922 гг., член Политбюро ЦК РКП(б) в 1919–1922 гг.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 4.

Семенов Григорий Михайлович (1890–1946) — один из руководителей белого движения в Забайкалье, генерал-лейтенант. В 1917 г. поднял антибольшевистский мятеж в Забайкалье, а в 1918 г. установил там военный режим. В 1919 г. объявил себя атаманом Забайкальского казачьего войска. В 1920 г. стал преемником А. В. Колчака на восточных окраинах России. С 1921 г. один из руководителей белой эмиграции.



АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 9.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.309. Л.164-166.

АПРФ Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 16.

РГАСПИ. Ф.558. Оп. 11. Д.404. Л. 1-2.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 999. Л. 191.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1000. Л. 122-123.

Там же. Л. 153.

Там же. Л. 169.



Там же. Д. 1001. Л. 17-18.

АПРФ. Ф- 3- Оп. 66. Д. 1001. Л. 20.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 54-61.



АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1001. Л. 77.

АПРФ. Ф. 3. Опп. 66. Д. 1001. Л. 84.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 379. Л. 78.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.311. Л.176.



Там же. Л.178.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.311. Л.179-189.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1004. Л. 231.

Там же. Д. 1009. Л. 212.

Там же. Д. 1010. Л. 6.

Там же. Д. 1008. Л. 216.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1009. Л. 62.

Там же. Л. 77-77 об.



АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1010. Л. 87-88.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1010. Л. 89-92.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1051 Л.19-197.

С 1934 г. заместитель наркома иностранных дел СССР, курировал дальневосточные дела.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1051 л. 198.

Там же. Л.195.

Тэраяма Киосукэ. Маньчжурский инцидент и СССР.  
Acta Slavica Ja-ponica Tomus XIV, 1996. Sapporo, Japan; С.  
189.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 1-9.



Там же. Д.404. Л. 9-10.

В отношении СССР предполагалось «продвинуть японскую военную силу в Сибирь до Верхне-Удинска и заставить СССР уступить Японской империи всю территорию от реки Лена до Берингова моря. Япония в свою очередь поможет белогвардейцам и бурятам организовать Дальневосточную Республику. При этом оба государства должны управляться нашими верховными правителями (губернаторами). Таким образом Охотское и Японское моря превратятся в наши владения. Тогда морская оборона империи нужна будет только в двух направлениях на восток и юг».

«В территорию Дальне-Восточной Республики, от реки Лена до Берингова моря, должны войти губернии: Амурская, Приморская, Забайкальская, Якутская и северный Сахалин. Это составит площадь более 300 тысяч квадратных километров, т. е. в семь слишком раз более, чем собственная часть Японии. Жителей обеих этих государств около 40 миллионов. Это равняется половине жителей Японии (включая сюда Корею и остров Формоза). Столь обширные пространства при столь слабой населенности, если империя сумеет использовать его, то в течении двух сот лет не предвидится затруднений по вопросу о эмиграции.

Перспективы земледелия, залежи разных ископаемых, нетронутые леса и рыбная промышленность, в Монголо-Маньчжурии и на Дальнем Востоке чрезмерно богаты, не поддаются учету и не имеют в мире себе равных. Далее имеется целый ряд великих рек и озер, которые тоже дороги, их водяная энергия достаточна для снабжения всей территории по всем отраслям предприятий. На равнинах рек Сунгари, Нонни, Ляо и Амура распространяются черноземные

степи, если таковые эксплуатировать техникой нашей империи, то 4-х 5-ти процентов продуктов достаточно будет для удовлетворения потребности Японии, остальную часть продуктов, более 80 %, можно будет реализовать на мировом рынке. Что же касается рыбного богатства Охотского моря, то оно является одним из трех больших пунктов рыбных в мере. Если оно будет эксплуатироваться империей, то оно может ежегодно принести свыше ста миллионов прибыли. Рентабельность кетовой ловли еще более огромна».

РГАСПИ. Ф.558. Оп. 11. Д.404. Л. 11-15

Тэраяма Киосукэ. Маньчжурский инцидент и СССР.  
Acta Slavica Ja-ponica Tomus XIV, 1996. Sapporo, Japan; С.  
125.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 185. Л. 15-36

Тэраяма Киосукэ. Маньчжурский инцидент и СССР.  
Acta Slavica Ja-ponica Tomus XIV, 1996. Sapporo, Japan; С.  
181-182.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 1.



АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 2-15.

Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М., 2001. С.432.

АП РФ. Ф.3. Оп. 58. Д.33. Л.72.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 55, 59-78.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 6.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 7-8.

Вредительство особенно широко захватило сучанские и артемовские угольные копи. Запущены были в шахтах подготовительные работы, в результате в феврале резко сократился фронт забоя, негде было даже расставлять забойщиков. Были развернуты подготовительные работы. Площадь, подготовленная к выемке угля, увеличилась на Сучане в два с лишним раза. Имеется четырехмесячный запас. Угольные богатства этих районов огромны, но шахты недостаточно механизированы и далеко отстали от Донбасса и Кузбасса. Предлагал угольную промышленность Дальнего Востока объединить и передать ее из НКПС Наркомтяжпрому.

Дополнительный завоз тракторов комбайнов устранил основную причину, тормозящую сельское хозяйство ДВК – это недостаток рабочей силы. Самая трудная часть сельскохозяйственных работ уборка урожая, которая совпадает, обычно, с осенними дождями. Распространялась вредительская теория, что особенности почвы не дают возможности убирать комбайном. Перешли на комбайн, в результате – успех полный. Свыше 60% всего урожая убираем комбайном, в прошлом году комбайнами убирали менее 20 %. Хлеб молотился — до мая месяца, при этом свыше 50 тыс. га не окошенных посевов ушло под снег.



Из 557 тыс. куб. метр, строительных бревен на 1-е сентября отпустили армии 456 тыс. куб. метров. Пиломатериалов отпустили 116 тыс. куб. метров (из плана 230 тыс.). В сентябре отпускаем 50 тыс. куб. метр, пиломатериалов, а в октябре фактически остальную часть.

Пришлось сменить почти все кадры военных строителей. Из плана строительства в 370 миллионов руб. на 1-е сентября выполнено только на 97 миллионов руб. В течение сентября-ноября надеемся подтянуть, особенно строительство аэродромов, ангаров, складское строительство. Однако весь план войскового строительства и в этом году выполнен не будет. Это очевидно.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 9-20.

АП РФ. Ф.3. Оп. 58. Д.405. Л.175-178.

Наумов Л. Сталин и НКВД. М. 2007. С. 184.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 23-24.

Там же. Л. 25.

6 членов Бюро Крайкома ВКП(б) нового состава арестованы, 2 за Пред-крайисполкома и почти все заведующие Крайисполкома арестованы или подлежат аресту, Секретарь Хабаровского Горкома и Председатель Горсовета арестованы. Арестованы почти все руководящие работники Амурской, Уссурийской Хабаровской областей, частично Приморский, Нижне-Амурской, Сахалина, Камчатки...». РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 26-29.



По развертыванию сети госпиталей, нужен подробный план с указанием зданий отводящихся для этих целей, чтобы можно было в 5-6 дней развернуть госпиталь. Такие здания намечены, но их состояние таково, что потребуются месяцы на их оборудование. Куда переселять организации, занимающие сейчас эти помещения неизвестно.

Летом во время так называемой «Константиновской заварушки» с японцами, когда потребовалось подтянуть артиллерию, то из-за отсутствия более или менее сносных дорог артиллерия прибыла к месту назначения с опозданием на несколько часов. Бюро Далькрайкома ни разу не слушало вопроса о местных дорогах, нет конкретного плана ремонта с перечислением участков, кто отвечает за ремонт.

Так, Шостак — зав. крайпищеторгом довел все до развала. «В Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, Комсомольске, Ворошилове, на протяжении ряда месяцев очереди за хлебом. В Комсомольске с марта нет сахара, папирос, соли, в течении 4-х месяцев нет колбасы. Такое же положение и в других городах. В Хабаровске и других городах нет свежей рыбы в продолжении нескольких месяцев. В промтоварных магазинах по несколько месяцев нет мануфактуры. Завоз товаров за первое полугодие выполнен по отдельным городам на 50 %, а по 3-му кварталу на 69 %. В Комсомольске смертность детей превышает рождаемость из-за отсутствия молодежи. Болтают несколько месяцев о завозе коров, но до сих пор не завезли. Все это делают вредители, чтобы озлобить население против Советской власти. Складской сети в торгующих организациях очень мало. Емкость складов позволяет держать запас не более 10 дней. Часто товары находятся под открытым небом, в том числе и мобзапасы и в течение лета ни один склад не построен. Варейкис все это знает. И когда положение стало уже нетерпимым, 25 августа бюро Крайкома слушает вопрос об очередях за хлебом, выносит беззубое решение, никого не привлекает к ответственности. Этим решением прилагает мукомольному тресту обеспечить выполнение программы перемола зерна (сейчас выполняет на уровне 50 %) и совершенно обходит такой вопрос, что рабочим на мельницах не выплачивается заработная плата с 15 июля. Остальные вопросы торговли продовольственными и промтоварами совершенно замалчивает. Напрашивается вопрос, почему Варейкис не принимает никаких мер? Торговля

самый острый участок в нашей работе, затрагивает интересы тысячи людей. Имеют место разговоры среди рабочих: (Вредителей арестовываем, а дело не улучшается", Варейкис не только не исключил этого вредителя Шостака, а отправил в Москву.

По его мнению, Директива ЦК о том, чтобы в каащой области и крае провести показательнее процессы над вредителями сельского хозяйства до сих пор не выполнена. В связи с этим совершенно непонятно поведение Варейкиса.

С его слов председатель горсовета Хабаровска Райхман арестован. Секретарь горкома Слинкин арестован, его приемник Виноградов тоже. Он считал, что эти люди развалили городское хозяйство. В городе всего пять мощеных булыжником улиц, за лето ни одной улицы не замостили. Дороги, выходящие из города, являются непроезжими во время ЮЖ1Я. На население в городе около 200.000 чел. имеется всего две бани, которые закрыты из-за ремонта уже полтора месяца. Электростанция подает свет с перебоями, канализации нет, хотя были отпущены средства. 20 автобусов разбиты, их заменяют обычные грузовики. За этот год не построено ни один жилой дом. Огромные деньги, отпускаемые на строительство, остаются неиспользованными.

Средства, ассигнованные на жилищные и всякие другие бытовые уч-реждения, сознательно задерживались заведующим Крайфо Абрамсоном, который все средства централизовал в краевом бюджете и ликвидировал по существу районные и городские бюджеты. НКФ вскрыла это вредительство, низовая партийная организация поставила вопрос об исключении Абрамсона из партии. Барейкис запретил это обсуждать на том основании, что он является работником краевого масштаба и его дело будет слушаться Крайкомом. Бюро Крайкома решило ограничиться снятием Абрамсона с работы и отпустило в Москву. Сейчас на него есть показания, что он член контрреволюционной организации.

Так, председатель Ханкайского РИКа во время интервенции японцев на ДВК арестовывался два раза японцами. Секретарь одного райкома за право-оппортунистические дела в 1933 г. исключался из партии, что потом ему было заменено строгим выговором. Секретарь Посьетского РК Сенько имел родственников в Польше и переписывался с ними, сейчас арестован за саботаж выселения корейцев.

Варейкис обязан был с первого дня своего приезда в край взяться за проверку людей. В Крайкоме по словам Стацевича по несколько месяцев лежали заявления на целую группу руководящих работников, обвинявшихся в связях с врагами. В том числе было подано заявлений на 24 первых и вторых секретарей Райкомов, шесть на первых и вторых секретарей Обкомов. Никакого расследования по этим заявлениям нет. Ограничились только получением письменных объяснений. Такая линия не только не способствовала развертыванию критики и самокритики в парторганизациях по разоблачению врагов, но прямым образом покрывала их.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 34-43.



РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.304. Л.110.

РГАНИ. Ф.З. Оп. 61. Д.306. Л. 47-48.

Там же. Л. 49.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 49.

Там же. Л. 30-33.

Бюро в своем решении констатировало, что такое положение с руководством газетой явилось следствием и отражением отсутствия подлинно большевистского руководства со стороны крайкома ВКП(б) и его первого секретаря Варейкиса. Бюро крайкома и его первый секретарь не выполнили указаний Сталина, данных на февральском пленуме ЦК о повышении бдительности, о ликвидации идиотской болезни беспечности. Бюро крайкома решило полностью опубликовать свое постановление в местной печати, но поскольку часть решения касается первого секретаря Варейкиса, опубликование задерживаем до ваших указаний. Статья «Правды» была получена после отъезда Варейкиса на Пленум и обсуждение проходило в его отсутствие АП РФ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 44.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 50-52

Маршалу Советского Союза тов. Климентию Ефремовичу Ворошилову от участника гражданской войны Иванова Ф.Я.

«Дорогой Климентий Ефремович, мною прочитана на днях газета "Тихоокеанская звезда" от 27/1 1937 г. и читал в ней биографию тов. Варейкиса (секретаря Дальневосточного края). Мною обнаружено в этой статье много ошибок. Я опасюсь, как бы эти ошибки не попали в книгу Истории гражданской войны. Вы являетесь одним из редакторов этой книги и Вам военное дело прошлого и настоящего более знакомо, чем кому-либо, поэтому я и обращаюсь к Вам.

В статье — биография тов. Варейкиса написано: "Изменниками был занят город и броневики, пулеметы изменника окружили здание советов".

Это ошибка, клевета на весь первый бронированный дивизион. Все тт. 1-го Курского бронированного дивизиона, без помощи тов. Варейкиса, разобрались, что Муравьев ввел их в заблуждение и, как верные сыны революции, дали слово, что не выпустят изменника живым из стен Симбирского совета. И первый Курский бронированный дивизион, под руководством своего тов. разоружил пароход, на котором прибыл изменник Муравьев.

Второе, в статье говорится, что Муравьев был убит в кабинете т. Варейкиса, — это вторая ошибка — Муравьев был убит в дверях при выходе из зала заседания одним тов. по национальности латыш — в правый висок пулей из нагана.

Когда изменник увидел, что красноармейцы у зала заседания встали с ружьями наготове, он выскочил из-за стола и направляясь к выходу, дал три выстрела из



револьвера системы "Маузера", рассчитывая на создание паники, но, так как все было подготовлено, он получил выстрел в висок (вот и все его сопротивление), и в уже в убитого по команде ротного было произведено еще выстрелов 150-200.

Третья ошибка, что тов. Варейкис освобождал Тухачевского. Вы можете спросить Тухачевского, кто его освобождал, он скажет. Я не хочу этим письмом сказать, что т. Варейкис не принимал участия в ликвидации измены Муравьева, он принимал участие, но в статье исказили факты. Если бы тов. из бронированного отряда были изменниками, то члены Симбирского совета были бы уничтожены и Муравьев был бы временным диктатором Поволжской республики. Он сам себя прочил на должность диктатора до учредительного собрания (на несколько дней).

Извиняюсь, что Вас я беспокою, но так как в статье имеются допущенные ошибки, которые должен был исправить тов. Варейкис, но этого не последовало, и опасаясь, что во второй том гражданской войны войдет история с авантюрой Муравьева и с теми ошибками, которые имеются в биографии тов. Варейкиса, и бывшие участники боев, прочитав ее, увидят себя изменниками получат кровную обиду.

Если Вам потребуется более подробное освещение истории с изменой Муравьева, можете вызвать меня для доклада.

Член партии с 1917 г., № 1192461 Ф. Иванов» РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 53-56.

«В результате преступной деятельности врагов — Ентина, Григ и других, портились на складах продукты на миллионы рублей. В 1935 г. сгноили в Биробиджане 100 тонн рыбы, начальник отделения был Морозов, за убыток никто не ответил. В этом году испорчено 160 тыс. банок консервов, убыток в 738 тыс. не возмещен, 1.800 тысяч выплатили вперед, овощи армии не получили, сотни тысяч рублей авансов проедено столовыми, аванс в 9 млн, переведенный за поставки продуктов, не возмещен за закупки мяса Амурской конторе, причинен убыток армии в 200 тыс. рублей, сено портится, много других безобразий. В августе мясным скотом потравили в Покровке огороды рабочих, убыток в течение месяца причинен 56 тыс. рублей. Планирование снабжения вредительское — никто его не проверял. В отношении подсобных хозяйств в частях, в самом отделе проводится ликвидаторство, имущество разбазаривается, принятые трактора заброшены в Чесноково 30 тракторов в течение года бездействовали, портились, помещения для скота-молодняка не строятся, ветобслуживание безобразное, молодняк девать некуда, гибнет, простуда.

Виновники этих дел, кроме Ентина, Морозова, Беякова, — Кокинский, Фурносов не привлечены к суду. Напротив, врид. Морозов — бывший парторг замазывает свою вину. В ноябре незаконно снова требовал перевода аванса на поставку 7,5 млн рублей, зажимает самокритику, под всяким предлогом выживает из отдела специалистов, критикующих отдельных руководителей, уволен технолог по рыбе, бухгалтер. Молодым специалистам-кадрам не помогает в работе. Предложение об армейском соревновании по

подсобным хозяйствам сорвали. Парторганизатор Оченев покровительствует Морозову, другим виновникам, инспекторам. После критики на ряде собраний Морозова и других клеветнически обвиняют, выживают меня — сына колхозника, комсомольца, окончившего рабфак Институт 1935 г.» РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 57-58.

«Страна переживает ответственный период. Близятся всенародные выборы в высший орган государственной власти Верховный Совет.

Правильное руководство нашей партии и ее ПК нашли живой отклик в сердцах многомиллионных народов Советского Союза. Называются имена достойных кандидатов, показавших себя в своей повседневной работе преданностью делу социализма и готовностью бороться за окончательную его победу. Так, вслед за товарищем Сталиным и его верными соратниками печати оглашаются имена выдающихся стахановцев и героев труда и подвигов, как например, Громова, Молокова, Немченко и пр. Это предъявляет к нам особые требования максимальной политической бдительности и осторожности при подборе кандидатов в Верховный Совет.

Основываясь на этом, я по прочтении сообщения, помещенного в ЦО нашей партии "Правде" о выдвижении по Хабаровскому избирательному округу кандидатом в Совет Союза исполняющего обязанности секретаря Далькрайкома партии тов. Стацевича Г.М... считаю обязанным заявить следующее:

Тов. Стацевич в течение ряда лет вплоть до 1937 года руководил Сокольническим, а затем Железнодорожным райкомом партии г. Москвы. За время его работы в райкоме в качестве первого секретаря была обнаружена масса преступных безобразий и абсолютное отсутствие как с его стороны, так и со стороны его близких сотрудников (Рабиновича. Молоткова, Скворцова и др.) политической бдительности, твердости и последовательности большевистского руководства. Об этом свидетельствует

засоренность аппарата райкома врагами народа, шпионами, троцкистско-бухаринскими жуликами, как Тернер, Табаков, работавших в инструкторском аппарате, которые не только ограничивались указанной работой, но влезли в доверие т. Стацевича, пользовались его покровительством и задавали тон идейно-политическому руководству РК. Мало того, т. Стацевич не только не противился выдвижению Торнера в качестве секретаря парткома и назначению его начальником РПУ ОГИЗ особенно ответственный момент работы ОГИЗ (после разоблачения в нем троцкистско-зиновьевского гнезда органами НКВД), но и рекомендовал его, как "достойного" работника, о чем свидетельствует факт сокрытия Стацевичем и его ближайшими сотрудниками материалов, изобличающих вражеское ладо Торнера. Таким путем засылались ОГИЗ и другие мошенники — враги народа, как Лагун, Воронов. Руководя райкомом, т. Стацевич не только не разоблачал троцкистско-бухаринских шпионов, но, несмотря на неоднократные сигналы со стороны, замазывал. Аналогичное положение с Огизом имелось на фабрике им. Бабаева, о чем в свое время не раз писалось в "рабочей Москве".

Проверка парт, документов, массовое исключение из партии носило на себе следы, что и здесь троцкистско-бухаринские мерзавцы приложили свою грязную руку. И все это проходило под руководством т. Стацевича. Этот факт также отмечался в газ. "Правда". Вот почему я считаю своей прямой обязанностью самым решительным образом дать отвод т. Стацевичу.

Член ВКП(б) с 1220 г. партбилет № 1259422, консультант РПУ ОГИЗ И. М. Шаров» РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 59-61.

Выяснилась, что тракторов в МТС отремонтировано примерно 85 %. По совхозам положение не лучше. Как в МТС, так и в совхозах не отремонтированы машины, требующие серьезного ремонта и запасных частей. Недостаток трактористов и водителей в крае предполагался около 3.000. Горючего на посевную залито на 85 %, а по дизельному топливу на 72 %, но очень плохо обеспечены глубинные районы. Особенно плохо обстояло дело с удобрениями. Не было выбрано со складов 2.148 тонн минеральных удобрений.

Плохо обстояло дело с подготовкой к севу овощных культур. Отсутствие овощей в городах и крупных гарнизонах и непомерно вздуло цены. Например: на Хабаровском рынке 1 килограмм картофеля доходило до 2 р. 50 коп., почти вдвое дороже стоимости яблок в Москве.

Нет необходимой деловой и согласованной работы краевого руководства. Это сказалось на несвоевременном распределении полученной семенной ссуды по областям и районам, которое только 10 марта было утверждено на бюро Крайкома.

Далее Блюхер писал: «Вчера же узнал, что в результате состоявшегося разговора между Стацевичем и Маленковым 28 марта в Москву должен выехать Легконравов с материалами о состоянии колхозов Дальнего Востока, лично считаю, что выезд Легконравова в Москву возможен лишь только в том случае, если решено разобрать поступившие на него заявления по месту его прежней работы, в которых его обвиняют в покровительстве работавшим в Крайисполкоме врагам народа. Эти материалы действительно имеются и Комиссией Партийного

Контроля при ЦК ВКП(б) были пересланы в Хабаровск Стацевичу. Но если вызов Легконравова с этими материалами не связан, то считаю, что Легконравову необходимо на время посевной быть в крае. Отъезд Легконравова из края бесспорно скажется на руководстве севом, а самое главное создаст положение, при котором, в случае срыва плана посева и его качества, трудно будет найти ответчиков за плохой итог посевной, т. к. даст возможность Стацевичу свалить вину на Легконравова, а последнему, в связи с поездкой в Москву, снять с себя вину и переложить на Крайком. Поэтому, если нет причин, связанных лично с Легконравовым, то нужно, по-моему, Легконравова оставить в крае, а в Москву вызвать т. Анисимова. В этом случае будут ответчики за ход сева на месте и дело сева от этого выиграет, а представительство тов. Стацевича в Москве Анисимовым будет обеспечено».

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 65-70.



Имеется ввиду Стацевич и Легконравов.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 71-72.

Там же. Л. 73.

РГАНИ. Ф.З. Оп. 61. Д.306. Л. 74-76.

Комиссар 69 с.д. Востриков подробно описал, что произошло. 11 мая в 17 часов на районную партконференцию явилось три лица. У входа в зал милиционер потребовал предъявить партбилеты и делегатские мандаты. Не обращая внимания на преграждающий путь милиционера, все трое проследовали в президиум. Делегаты конференции возмутились и потребовали предъявления партбилетов и дачи объяснения. Выступивший заявил, что он Макагонов, а рядом с ним Стацевич. Делегаты вновь потребовали предъявить партбилеты. Выступил Стацевич, заявив «что по-моему нет надобности подымать спор, а нужно заниматься деловой работой». В ходе ответа на это снова поступили требования о проверке партбилетов. Макагонов и сержант НКВД партбилеты предъявили, а Стацевич заявил, что при себе партбилета не имеет. В ответ на заявление Стацевича делегат конференции командир зенитного дивизиона старший лейтенант Иванов бросил реплику может быть с вашим партбилетом под именем Стацевича японский шпион проверяет конференции, после чего делегаты стали выступать за удаление с партконференции человека без партбилета. Особенно резко выступил майор Чанчибадзе, комбат, комиссар батальона Подокаралин и Иванов. Конференция голосовала за удаление Стацевича с конференции, которую он покинул. На конференции присутствовали: 20-25 гражданских и 55-60 военных коммунистов. РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 77-80.

**100**

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 82.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 83.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 63-64.



Там же. Л. 62.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.304. Л.126.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 84-85.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 86.

Там же. Л 87.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.304. Л.127.

16-го апреля, ознакомившись с моими материалами, Блюхер заявил, что он не согласен с оценкой положения мобфондов и с предложениями о вредительстве бывшего нач. Продотдела штаба ОКДВА Энтина и о том, что по данным отдела резервов в частях ОКДВА безобразно хранится и незаконно расходуется дровяной мобфонд ОКДВА.

Вопрос был поставлен на Бюро 4-е мая. На заседании Бюро произошла перепалка «"А где же проект решения Бюро? " — спрашивает т. Стацевич. Я заявил, что т. к. представление проекта связано с расчетами по мобплану, то я предложил его представить докладчику — Нач. отдела резервов. Ибо я и мой аппарат не приспособлены к таким расчетам и не можем нести ответственности за них. "Нет уж, говорит т. Стацевич, раз Вы вносите вопрос вы и обязаны внести проект!" Сказано это было в повышенном тоне, а затем после моего ответа о том, что Уполномоченный КСК и не обязан, и не может по всем вопросам представлять проекты, т. Стацевич прямо закричал: Как так не обязан... нам такая помощь не нужна... мы примем решение просить т. Косиора обязать Вас представить Бюро Крайкома проекты по всем вопросам, которые Вы ставите на Крайкоме".

А тов. Блюхер при этом бросил реплику о том, что мое разъяснение "является разъяснением советского чиновника". И в связи с "привкусом" в моей телеграмме предложил при рассмотрении этого вопроса "обсудить и содержание моей телеграммы по существу и высказать мнение Бюро"».

Результатом дальнейшей перепалки Бюро, по предложению Блюхера отложило рассмотрение вопроса

до 5-го мая. Чтобы не затягивать рассмотрение вопроса, Махнев составил и передал Стацевичу проект ряда необходимых организационно-практических мероприятий, оставив представление расчетов за начальником отдела резервов. Однако назначенное Бюро не было создано.

В личной встрече Махнева со Стацевичем были высказаны взаимные претензии друг к другу. Махнев перечислил, что им было сделано за 5 месяцев работы. То, что на сглаживание острых углов при проверках он не пойдет. Обратил внимание Стацевича на то, что Бюро Крайкома не может являться арбитром и, что если Блюхер находит что-то неточным или неправильным, он может опротестовать этот вопрос перед Бюро КСК.



РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л.89-94.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.304. Л.128.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л.100-102.

«Сняты с работы и переданы органам НКВД: второй секретарь крайкома Анисимов, зав. ОРПО крайкома Баринов, оказавшийся маньчжурцем, членом контрреволюционно-троцкистского кружка Радека в Сибири и четыре ответработника крайкома, кроме того ряд ответственных и технических работников сняты с работы в аппарате крайкома как не вызывающие политического доверия.

Библиотека крайкома засорена контрреволюционной троцкистской литературой.

Лично проверяя весь состав аппарата Хабаровского горкома и всех райкомов города, партийное хозяйство которых крайне запущено. Выявлено и снято свыше 40 человек ответственных и технических работников, недостойных работать в партаппарате. Среди них эстонцы, поляки, латыши, харбинцы, колчаковцы, занимаемся подбором работников в аппарат крайком.

После городской конференции приступил к работе бюро Хабаровского горкома в новом составе. На днях заканчиваем формирование аппарата горкома.

В аппарате Хабаровского обкома снято 5 ответработников. Арестованы заговорщики: председатель Хабаровского облисполкома Вяшков, ав. Обл-ЗУ Евдокимов, зав. Облвноторгом Сенюшкнн. Арестован секретарь Сахалинского обкома Беспалько. Снят с работы секретарь Сучанского горкома (Приморская область) Никитин. Снят ряд ответственных и технических работников Уссурийского обкома и Ворошиловского горкома. Засорен партаппарат и редакция газеты еврейской Автономной области правыми, бундовцами, сионистами, которых в

количестве 10-ти человек также сняли с работы. Проводим проверку партаппарата Дальневосточной ж.д.

Тов. Сталин! Обращает на себя внимание положение в партаппарате Тихоокеанского флота, засоренность его иностранцами: латышами, эстонцами и т. д., об этом я говорил с членами Военного Совета Флота, обращал их внимание на необходимость немедленной тщательной проверки Штаба и политуправления. Прошу ЦК дать указание о производстве очистки командно-политического аппарата Тихоокеанского флота.

За эти дни провели совещание секретарей парткомов и парторгов первичных парторганизаций города Хабаровска по вопросу улучшения партработы в организации и укрепления партаппаратов.

Провели городское собрание партактива с участием актива строителей по вопросу жилищно-коммунального строительства.

Провели совещание заведующих отделами крайисполкома и руководителей краевых промышленных и торгово-кооперативных организаций с участием секретарей парткомов и парторгов этих учреждений по вопросу о немедленной ликвидации разболтанности краевого советского аппарата разительного улучшения работы. Работу по очистке партаппарата продолжаем, о нем буду регулярно информировать ТТК». РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л.107-108.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л.109.

Из обкомов ВКП(б) наиболее засоренным оказался Приморский. Были сняты и переданы органам НКВД секретарь обкома Коротков, зам. заведующего ОРПО Мохов, зав. Культпропом Коршков, зав. отделом школ Галкин, Колим — секретарь горкома в ряд других. Всего было удалено из аппарата обкома, горкома и райкомов города Владивостока более 60 человек, из них более 30 арестовано как заговорщики, шпионы, диверсанты.

Из аппарата Уссурийского обкома и Ворошиловского горкома и райкомов было снято 23 человека. Из аппарата Хабаровского обкома 12 ответработников. Из аппарата горкома и райкомов города Хабаровска — более 40 человек. Из аппарата Амурского обкома и из состава секретарей райкомов области снято 13 человек. Поездка Соболева в Благовещенск привела к выводу о необходимости замены секретаря Амурского обкома Макагонова, который вместе с начальником Амурского НКВД не вызывает политического доверия. Макагонов — друг Стацевича, Гольвич ставленник Люшкова. От работы обкома и редакции газеты "Амурская Правда" несет правой практикой.

Из состава ответработников обкома Еврейской автономной области и секретарей районных комитетов было удалено 10 человек, из которых в большинстве сионисты, бундовцы и другие враждебные элементы и заговорщики.

Был арестован бывший первый секретарь Сахалинского обкома Беспалько.

Засоренность обнаружена в обкомах ВКП(б) Нижне-Амурском и Камчатском.

**116**

РГАНИ. Ф.З. Оп. 61. Д.306. Л.110-111.



В Райкоме, обкомах, райкомах за небольшим исключением развалено партийное хозяйство. На учете, хранении, выдаче партбилетов сидело много шпионов, белогвардейцев, харбинцев. Оформление и выдача парт-документов, вновь принятым и восстановленным в партии, умышленно задерживалось.

В первичных парторганизациях мало ставилось злободневных вопросов партийной жизни, острых вопросов работы предприятий, учреждений. Особенно громадный ущерб враги нанесли в деле кадров. Часть актива как гражданских, так и военных организаций они завербовали в свои контрреволюционные фашистские организации. Немалое количество людей разложилось подкупам, пьянкой, которая сильно развита среди военных и гражданских работников, сделали их безвольными, неспособными драться за линию партии, насаждали беспечность. Разрушали партийную и государственную дисциплину. Этим самым наносили большой ущерб боеспособности всей большевистской организации Дальнего Востока. Всячески срывали выдвижение новых работников. Присылаемым ЦК работникам не создавали условий в работе, им не помогали, плохо ориентировали в местной обстановке. Затрудняли их работу. За малейшие ошибки их компрометировали. Все это мешало закреплению присылаемых товарищей на Дальнем Востоке. Многие из товарищей в момент приезда на Дальний Восток садились на чемодан в ожидании случая уехать обратно на запад.

Особенно тяжелое положение с жильем для работников как краевых, так областных и районных центров. Соболев получил, по его словам, огромное

количество писем, жалоб и протестов от товарищей, которые с семьями приехали на Дальний Восток и многими месяцами не имели жилья. Враги развалили партучебу, особенно в Приморье. Арестованный зав. отделом агитации и партпропаганды Приморского обкома Коршков показал, что он имел задание развалить партучебу, насадить врагов в системе партпросвещения и учебы актива, что и было сделано в Приморье.

Райисполкомы городов Хабаровска, Владивостока и других, кроме того, что были засорены, не представляли собой органов боевого руководства первичными организациями. Райкомы были обезличены — они не отвечали за хозяйственную политическую и культурную жизнь района, как это было поставлено в Москве и Ленинграде. Райкомы не организуют настоящей драки за выполнение заводами промфинплана за выполнение плана строительства жилищных и культурных учреждений и так далее. Вновь организованный железнодорожный райком в городе Хабаровске после конференции в течение двух месяцев не работал ввиду того, что ему никто не давал помещения.

Обращала на себя внимание обособленность, отсутствие взаимной, крепкой большевистской связи в парторганизациях армии и флота, железнодорожного и водного транспорта, рыбников, работников Наркомпищепрома. Эта "ведомственная" разобщенность организовывалась врагами, сидевшими в краевых аппаратах.

Особенно Соболев подчеркивал вражескую работу по созданию антагонизма между армейскими и гражданскими коммунистами. Многие руководящие работники, в том числе армейские, железнодорожного и водного транспорта зазнались, плохо знали дорогу и

комитеты своей большевистской организации. Этой разобщенности кладем конец.

Советский краевой аппарат представляет разбухшую канцелярию с разваленной государственной дисциплиной среди работников. В областях Приморской, Амурской, Хабаровской продолжительное время нет председателей облисполкомов, начальников ОблЗУ, плановых и финансовых работников. Отсутствие этих руководителей способствовало развалу советской работы, расшатыванию дисциплины среди работников аппарата и теряли его авторитет перед районами. Такое состояние аппарата не могло не сказаться на руководстве хозяйственной и политической жизни края, где вся хозяйственная, политическая и культурная работа должна быть подчинена интересам помощи армии и укреплению обороны. Мною было созвано специальное совещание начальников управлений и Завотделов крайисполкома, секретарей первичных организаций этих учреждений. На этом совещании рассказал о большой засоренности аппарата. На мой вопрос – кто из руководителей отделов выезжал в районы края, из 20 участников совещания поднял руку только один – начальник КрайЗУ Панченко и тот, оказывается, выезжал только один раз в деревню под Хабаровском. Руководящих работников крайисполкома в областях и районах не знают.

Столы работников советских учреждений переполнены не разобранными жалобами, письмами и заявлениями трудящихся. В крайисполкоме накопилось громадное количество вопросов, которые нужно незамедлительно решать. Трудящиеся по всем даже мелочным вопросам и сами руководители советских учреждений обращаются в крайком ВКП(б). Хочу

подчеркнуть исключительную засоренность  
прокуратуры, суда, органов связи, торгового аппарата.

Новые военные заводы не достроены (заводы имени Горького, Кагановича, завод в Комсомольске). На ряде этих заводов был лично, на днях был на заводе Молотова. Это единственный на дальнем Востоке артиллерийский завод, который выполняет программу всего на 20-25 %.

В сельском хозяйстве вредители из года в год сокращали посевные площади, снижали урожайность, уничтожали скот, допуская большой процент падежа молодняка, срывали посев овощей. Запущено денежное хозяйство и строительство. В Хабаровске созывали партийный актив, актив строителей и на днях четырехтысячное собрание строительных рабочих.

В крае большое количество военных и гражданскихстроек, за исключением тех, которые ведет НКВД, все находятся в состоянии тяжелого прорыва. На протяжении ряда лет враги, сидевшие в партийно-советском и хозяйственном аппаратах, организовывали срывы крупнейших мероприятий партии в деле хозяйственного, оборонного и культурного укрепления и развития Дальнего Востока. Разваливая партийный и государственный аппарат, разваливая хозяйство, враги наносили крупнейший ущерб непосредственному тылу Красной армии на Дальнем Востоке. Враги, сидевшие в гражданских учреждениях и предприятиях, проводили свою злодейскую работу в сговоре с контрреволюционными изменниками, орудовавшими в военных организациях, вкуче пытались продать Дальневосточный край японскому империализму.

**120**

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л.112-116.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.322. Л.99-120.



Существует еще и японская версия, которую мы рассматривать не

Необходимо отпустить дополнительно в распоряжение Далькрай-исполкома 3.396 тыс. руб. (сверх уже отпущенных в 1938 году 3.430 тыс. руб.) для окончательного расчета по выплате государственного пособия демобилизованным младшим командирам, оставшимся на работе в ДВК (по 2 тыс. рубл. на человека).

В связи с этим прошу принять следующее решение:

«Отпустить Дальневосточному крайисполкому на расходы по переезду в ДВК молодежи хетагуровского призыва 2 млн руб. из резервного фонда СНК СССР.

Предложить Дальневосточному крайисполкому представить в СНК СССР свои предложения о распределении молодежи хетагуровского призыва по предприятиям и организациям в 1938 г. с тем, чтобы расходы, связанные с переселением этой молодежи, были отнесены на соответствующие сметы предприятий и организаций.

Выделить в распоряжение Далькрайисполкома дополнительно из резервного фонда СНК СССР 3.396 тыс. руб. (на 1.698 младших команд.) для окончательного расчета по выплате государственного пособия демобилизованным младшим командирам, оставшимся на работе в ДВК». РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.322. Л. 123.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.322. Л.122.

Там же. Д.304. Л.132.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.322. Л. 126-127.

Положение характеризуется следующими данными: зерновых культур убрано 90 %; овощей 21 %; сена 58 % (из убранного много унесено водой). План силоса выполнен на 44 %.

На север отгружена только половина потребного хлеба и подавляющая часть организации не выполнила плана завоза остальных товаров. Население Камчатки и Сахалина увеличилось, в связи с этим есть опасения, что население глубинных пунктов Севера будет голодать, как и в прошлом году.

Плохо с рыбой. Шесть рыботрестов из десяти не выполнили плана путины.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л.117-119

Обыск производили начальник милиции этого района Михалев и беспартийный сотрудник НКВД Гуляев, действовали они по указанию начальника РО НКВД Луженко. Ночью 2 октября Михалев и Гуляев открыли окно в здание райкома, забрались в помещение и произвели выемку документов во всех столах, в том числе и в столе секретаря райкома Махова, составив об этом возмутительный по содержанию «акт». Махов, во время обыска был на партийном собрании, узнал о всем этом, обнаружив беспорядок в своем столе. Эти факты сигнализируют о партийном воспитании некоторых здешних работников аппарата НКВД.



РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л.120-121.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л.122.

«Целый ряд моментов, отмеченных в вашем письме, как например: расширительное применение арестов без санкции под видом подготовки материалов для тройки, не допуск прокурора к исполнению своих функций по надзору за правильностью содержания, длительные сроки содержания арестованных и так далее, подтвердились. За незаконные действия арестован зам. начальника облуправления НКВД и целая группа работников НКВД. По линии НКВД приняты меры к тому, чтобы впредь работа протекала в нормальных условиях, чтобы аресты санкционировались прокурором, чтобы, не чинить препятствия прокурору при исполнении им служебных обязанностей, в частности при осуществлении своих прав по надзору за правильностью содержания арестованы, что облпрокурор имеет право проверять правильность содержания арестованных, это само собой понятно».

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 123-125.

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 126.

Донской считал, что, привлекая Махнева к улучшению работы, ничем не нарушили решений партии. Махнев был включен в состав тройки по лесозаготовкам для того, чтобы он изо дня в день следил за тем, как выполняется решение ЦК и СНК по лесу; ему поручили проверить факты нарушения Оргкомитетом указаний СНК о вербовке рабочих для леса; поручили проверить состояние жилища, бытовых условий в лесу; проверить выполнение решения о семенах; поручили контролировать как выполняется решение Экономсовета о создании неснижаемого запаса товаров в крае.

Кроме того, включили Махнева в некоторые комиссии, где он по своему положению обязан участвовать. Это комиссия по Сахалину, там допущено очень много нарушений в выполнении указаний правительства: комиссия по подготовке вопроса о нарушениях устава сельхозартели в колхозах и комиссия по совхозам, в которых в этом году разворовали и погубили 31 тыс. тонн хлеба.

«Мы считаем, что правильно поступаем, заставляя всех, без исключения, заниматься устранением безобразий, творящихся в крае. Мы твердо решили покончить с вредной для дела партии практикой, когда большинство руководящих работников считают себя здесь представителями центра и лишь сигнализируют о безобразиях, а ничего не делают, чтобы их предупредить и устранить. Таких смакователей наших недостатков здесь сколько угодно, и мы хотим заставить их заниматься делом».

Директива Беленького выглядит как ведомственный документ, не направленный к улучшению дел в крае, а

поощряющий вредный для дела отрыв представителей  
КСК от местных организаций. РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306.  
Л 128-130

**136**

РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 127.



РГАСПИ. Ф.558. Оп. 11. Д.404. Л. 83-88.

РГАСПИ. Ф.558. Оп. 11. Д.404. Л. 91-101.

Ямпольский В. П. Е. Мацуока: Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска / / Военно-исторический журнал. № 3. 2000. С. 50-55.

**140**

Там же.

Ямпольский В. П. Е. Мацуока: Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска // Военно-исторический журнал. № 3. 2000. С. 50-55.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 17-18.

Ямпольский В. П. Е. Мацуока: Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска// Военно-исторический журнал. № 3. 2000. С. 50-55.

Мураками Кэйсаку, 1889 года рождения, в 1916 году окончил Военную Академию, с 1919 по 1922 год был в европейских государствах (Англии, Франции, Бельгии, Германии, на Балканах), с его слов, с целью изучения опыта первой мировой войны и подбора материала по оперативному руководству, особенно в русской и германской армиях. С 1922 по 1936 год, с перерывами, был преподавателем в Токио в Военной Академии по тактике, истории русско-японской войны и общей стратегии, в 1943 году был начальником военного училища в Гунчжулине (Маньчжурия), в котором изучались приемы ведения войны против СССР и взаимодействие различных родов оружия.



Железнодорожная магистраль в Манчжурии, от Харбина до Люйшуня (Порт-Артур), длиной 1022 км.

Железнодорожная магистраль, проходившая по территории Маньчжурии и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Построена в 1897–1903 гг. как южная ветка Транссибирской магистрали.

АП РФ. Ф 3, оп.68, д.1076. л. 138-171.

Ямпольский В. П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918–1945) / / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М.: Кучково поле, 2006. — С. 174–175.

Ямпольский В. П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918–1945) / / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М.: Кучково поле, 2006. — С. 174–175.

Горбунов Е. А. Схватка с Чёрным Драконом... С. 46–47.

Ямпольский В. П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918–1945) / / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М.: Кучково поле, 2006. — С. 175.

ЦА ФСБ РФ. Ф 66. Он. 1, Д. 262, Л. 61-62.



ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 262. Л. 63-65.

Быкин (Беркович) Яков Борисович (1888-10.02.1938) — партийный деятель. Родился в местечке Крестовое Витебской губернии. С 1912 г. член РСДРП(б). В 1912–1918 гг. в эмиграции. С 1918 г. на партийной и профсоюзной работе в Белоруссии. Участник Гражданской войны, политработник. В 1922–1925 гг. ответственный секретарь Воронежского губкома ВКП(б). С 1926 г. в аппарате ЦК ВКП(б). В 1927–1934 гг. член Центральной Ревизионной Комиссии ВКП(б), с 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1927–1929 гг. ответственный секретарь, в 1929–1930 гг. первый секретарь Ярославского окружкома ВКП(б). В 1930–1937 гг. первый секретарь Башкирского обкома и Уфимского горкома ВКП(б). Арестован 16 октября 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 14 марта 1956 г.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 17.

**156**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 18-20.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 22-31.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 32-33.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 34-35.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 40-44.



Ямпольский В. П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918–1945) / / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М.: Кучково поле, 2006. — С. 190–192.

Горбунов Е. А. Схватка с Чёрным Драконом... С. 104.

Ямпольский В. П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918–1945) / / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М.: Кучково поле, 2006. — С. 177.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 242. Л.2-7.

**165**

АП РФ Ф.3. Оп 58. Д. 245. Л. 36-37.

**166**

АП РФ Ф.3. Оп 58. Д. 245. Л. 38.

Там же. Л. 39.

Морозов С. В. К вопросу о секретном приложении к польско-германской декларации от 26 января 1934 года // Юрист-международник. 2004. № 4.



Документы внешней политики СССР. Т. XVII. 1 января  
— 31 декабря 1934 г. М., 1971. С.828.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1512. Л. 79-80.

Ямпольский В. П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918–1945) / / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М.: Кучково поле, 2006. — С. 184.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т.1. Накануне. Книга 1. Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г. М., 1995. С. 366.

Ямпольский В. П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918–1945) / / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М.: Кучково поле, 2006. — С. 185–186.

Ямпольский В. П. Е. Мацуока: Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска / / Военно-исторический журнал. № 3. 2000. С. 50-55.

Ямпольский В. П. Е. Мацуока: Мы должны двинуться на север и дойти до Иркутска // Военно-исторический журнал. № 3. 2000. С. 50-55.

Ямпольский В. П. Взгляды японского военного и военно-морского атташе в СССР на ход советско-германской войны и перспективы японо-советских отношений // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 1. М., 2006.



ГА РФ. Ф. 9401сч. Оп. 2. Д. 97. Л. 151-152.

АП РФ. Ф.3. Оп. 66. Д.1069. Л. 101-108.

АП РФ. Ф.3. Оп. 66. Д.1069. Л. 118-127.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 262. Л. 63-64.

«Братство Русской Правды». БРП это русская монархическая белоэмигрантская организация, которая была образована в 1921 году в Берлине С. А. Соколовым-Кречетовым, совместно с генералом герцогом Г. Н. Лейхтенбергским, генералом П. Н. Красновым и другими бывшими белогвардейцами для подрывной антисоветской деятельности. БРП действовала с одобрения великого князя Николая Николаевича и по благословению митрополита Антония (Храповицкого) — главы Русской православной церкви за границей. Центральным печатным органом БРП был журнал «Русская Правда».

Братство Русской Правды ставило себе целью борьбу с СССР любыми средствами. Основное направление деятельности — террор: взрывы пороховых складов, мостов, устройство крушений поездов, поджоги крупных фабрик и заводов, убийства видных партийных и советских работников и селькоров, подготовка партизанского движения.

Боевыми кадрами организации являлись остатки белорусских национальных отрядов, «Дружин зеленого дуба», отряды Булак-Балаховича, организации Савинкова и т. д.

Руководящим органом БРП являлся т. н. «Верховный Круг», находящийся в Берлине. Верховный круг и его рабочий аппарат состоял из бывшего генерала Краснова Петра Николаевича, атамана донского казачьего войска; Палеолога Сергея Николаевича, уполномоченного по устройству русских эмигрантов в Югославии; Ливена Анатолия Павловича, князя, начальника Прибалтийского центра БРП; Соколова (Кречетова) Сергея, бывшего офицера, журналиста и

Кольберга Александра Николаевича, бывшего морского офицера, контрразведчика. Причем Краснов непосредственной и повседневной работы не вел, выступая лишь в случаях нападок на БРП других эмигрантских организаций в печати в защиту БРП, как организации. Палеолог возглавлял Российскую Освободительную Казну (РОК), ведал сборами денежных средств через филиалы, находящиеся почти во всех странах Европы и САСШ, которые сначала поступали к Палеологу, а затем уже в Центр. Ливен возглавлял боевой прибалтийский центр. Соколов-Кречетов — фактический руководитель всеми БРП. От имени Верховного Круга он вел переписку со всеми автономными отделами БРП, издавал журналы, писал листовки, воззвания. Распоряжался имеющимися в Центре денежными средствами. Кольберг — ближайший сотрудник Соколова-Кречетова, секретарь Центра и Верховного Круга БРП, фактический руководил активной работой БРП в СССР через боевые центры.

Периферия БРП состояла из ряда местных, областных и боевых центров, автономных отделов и подотделов, групп и дружин — применительно к территории, возможности и масштабу проводимой контрреволюционной работы. Все начальники и руководители филиалов БРП входили в т. н. «Основной Круг», имеющий чисто иерархический характер. Основным руководящий состав периферии БРП состоял из кадров активных белогвардейцев. Всем членам БРП присваивались определенные «братские номера». Как правило, каащий «братчик» должен был знать только своего непосредственного начальника, не зная вышестоящих и вообще других работников БРП. В переписке «братчики» пользовались шифрами, кодами, называя себя только по номерам.

Структурно БРП состояло из местных, областных и боевых Центров, автономных Отделов и подотделов, террористических групп и боевых дружин, управляемых Братским Центром — Верховным Кругом. В организации соблюдалась строгая иерархия, поддерживаемая «братской дисциплиной» с беспрекословным подчинением начальникам и спаянной присягой на верность Братству и Русскому делу.

Местные организации БРП существовали почти во всех странах, где жили русские эмигранты, но наиболее сильными считались германский, латвийский, югославский, маньчжурский и эстонский отделы.

БРП, являясь террористической организацией, развила довольно успешную террористическую деятельность на территории СССР. Для борьбы против большевиков члены Братства Русской Правды организовали подпольную сеть на территории Советской России, нелегально переправляя своих соратников в СССР для проведения диверсионно-террористических актов. Согласно сообщениям самого БРП, в 1925-1930-х годах его партизанская деятельность, в основном, остановка и «проверка» поездов, расстрелы чекистов, взрывы объектов, в западных советских областях приобрела большой размах.

«Братство» довольно осторожно относилось к контактам с другими воинскими эмигрантскими организациями. Это была тщательно законспирированная, построенная по типу заговорщицких организаций. которым законченным на территории ДВК и ВСК уголовным делам была выявлена деятельность агентов БРП, посылаемых из Маньчжурии в местные кулацко-белогвардейские и бандитско-повстанческие организации.

БРП планировало совершение террористических актов против полномочных представительств СССР и за

границей. (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 683. Л. 31-42-а).

ИНО ОГПУ в 1932 году удалось «добыть» документальные данные о деятельности белоэмигрантской организации «Братство русской правды». Интересны программные документы БРП. Согласно ним БРП это «тайная, русская, национальная, противокommунистическая, пропагандная и боевая организация, которая принимает в свои ряды, по должной проверке и отбору, всех честных русских граащан (мужчин и женщин), ненавидящих коммунизм, любящих родину и готовых работать для ее спасения». Не являясь партией, БРП не несло, каких-либо политических программ, а выдвигало лишь лозунги, направленные на сплочение народных масс в России и свержения «красной Коммунистической власти». Цель БРП — «объединить народную массу в России около общерусских, всем близких и понятных лозунгов, указать народу пути и способы действия, вызвать повсеместную народную раскачку, перевести ее во Всероссийскую Национальную революцию, свергнуть чуждую России по духу и по составу красную коммунистическую власть и заменить национальным русским правительством...»

БРП активно вело работу против СССР приблизительно до 1934 года. Благодаря успешной работе органов ОГПУ «Братство русской правды» в это время почти прекратило свою деятельность, оставшиеся активные кадры стали перетекать в другие белоэмигрантские организации.

В предвоенные годы появились сведения о том, что в боях под Халхин-Голом участвовал диверсионный отряд Асано, состоявший из нескольких сот человек и, что ядро отряда было сформировано японцами из членов БРП. Но в данном случае, в большей степени присутствуют элементы дезинформации, или выдавалось желаемое за действительность, так как



основная масса эмиграции крайне негативно относилась к японским властям. А в докладе руководства БРП в 1939 г. отмечалось, что в случае войны с СССР значительная часть эмиграции выступит против Японии. (ЦА ФСБ РФ. Оп. 4. Д. 469. Л. 48-51).

ЦА ФСБ РФ, Ф. 2, Оп. 11, Д. 1680. Л. 1-3.

ЦА ФСБ РФ, Ф. 66, Оп. 1-т, Д. 73. Л. 18-19.

Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) был создан в 1924 г. генералом Врангелем из чинов белых армий и объединял около 30 тыс. человек. Эта организация являлась хранительницей традиций русской государственности. Это была армия, переведенная на гражданское положение, рассеянная по многим странам, сохранившая дисциплину.

С середины 1920-х годов и приходом после смерти Врангеля в 1928 г. на должность председателя РОВС А. П. Кутепова Союз обратился и к силовым методам борьбы, в том числе к так называемому «среднему террору», который был направлен на отдельные советские учреждения.

К 1930 году в РОВСе были организованы следующие отделы: 1-й отдел (Франция с колониями, Италия, Польша, Дания, Финляндия, Египет); 2-й (Германия, Венгрия, Австрия, Данциг, Литва, Латвия, Эстония, Англия, Испания, Швеция, Швейцария, Персия); 3-й (Болгария и Турция); 4-й (Югославия, Греция, Румыния); 5-й (Бельгия и Люксембург), 6-й (Чехословакия); отделы на Дальнем Востоке, в Канаде, Северной и Южной Америке. В 1931 г. было открыто отделение в Аргентине. В 1932 г. отделения в Бразилии и Уругвае. В конце 1930-х гг. группа галлиполийцев образовала подотдел РОВС в Сирии.

Наиболее крупными отделами РОВС были 2-й и 3-й. В 1938 г., второй Отдел был выделен из состава РОВС в самостоятельную группу и переименован в «Объединение Русских Военных Союзов» (ОРВС)

РОВС так же объединял военнослужащих Русской Армии, входивших в Союзы и общества, занимавшихся в

основном оказанием материальной помощи и поддержкой русских эмигрантов.

В начале 30-х годов в боевом центре «Русского общевойскового союза» было принято решение перенести центр тяжести на организационноподготовительную работу с тем, чтобы подготовить в моральном, боевом и конспиративном отношении кадры, достаточные для укомплектования нескольких групп.

Планировалось создать хорошо организованную базу за границей. Поставить на высокий уровень террористическую подготовку этих групп. Связаться с генштабами сопредельных с СССР государств и при их содействии создать надежные переправы.

По выполнении этой программы накопленные силы и средства для совершения террористических актов надо было ввести в действие, сосредоточив основные усилия на главной задаче, уже «центральной терроре».

Курс боевой организации РОВСа в эти годы был направлен на террор, против руководителей ВКП(б) и членов правительства, главным образом в отношении Сталина.

По мнению руководства РОВСа, «центральный террор» имел большое политическое значение не только сам по себе, но и как «призыв к действию, производящий впечатление на массы... Террор, устрашая и разлагая врага, в то же время является сильнейшим средством агитации».

Ямпольский В. П. Роль японских спецслужб в борьбе против Советского Союза (1918–1945) / / Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. — М.: Кучково поле, 2006. — С. 193.

ДП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.247. Л. 105-107.

Кобылкин Иннокентий Васильевич 1888 г.р., уроженец г Читы, проживал ст. Джалайнор Сев. Манчжурия. Русский, отец казачий офицер-полковник, умер в 1907 году. Мать по смерти отца унаследовала два дома в г. Чите. До революции служил в Забайкальских казачьих войсках, последняя должность перед революцией командир каз. сотни, после резолюции — командир сотни войск атамана Семенова. Состав семьи: мать — Кобылкина Александра Игнатьевна, проживает в Иркутске, ст. брат — Кобылкин Алексей Васильевич проживает в г. Иркутске, служит бухгалтером, мл. брат — Кобылкин Василий Васильевич студент ВУЗа в Красноярске. Сестры: Евгеньевна Капиталина Васильевна, проживает в г. Иркутске, дом. хозяйка и Нечаева Мария Васильевна, проживает в г. Иркутске служит. Образование — среднее, окончил Хабаровский кадетский корпус в 1907 г. окончил Николаевское кавалерийское училище — казачий отдел в б. Петербурге 1909 г. Беспартийный. Служба в белых армиях: принимал участие в качестве офицера белогвардейской армии Семенова, с которой отступил в Манчжурию. Принимал участие в бандах. Член Русского Общевоинского Союза.



АП РФ. Ф 3 Оп.58. Д.247. Л. 108-112.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.247. Л. 113-117

Перепадов Евлампий Лукьянович, 1906 года рождения, уроженец села Коркино, б. Тобольской, губернии. Местожительство — Харбин, Частный затон, 73. Русский. Прибыл нелегально в СССР. Работал в качестве полицейского в Пограничном полицейском отряде Манчжоу-Го. Из мещан, отец получал пенсию от царского правительства за участие в японской войне. До революции — учился. После — служил и учился. Отец Перепадов Михаил Лукьянович, с 1919 г. рождения, связи с ним не имел. Брат — Перепадов Михаил Лукьянович, 1904 г. рождения, связи с ним с не имел. Образование — 4 класса Омского кадетского корпуса — 1 год в смешанной гимназии в Никольск-Уссурийске. Окончил двухгодичное Мань-дунское Военно-инструкторское училище в Цы-Нань-Фу, выпущен в чине подпоручика. Репрессиям не подвергался. Наград не имел. В Красной армии не служил. В 1920 г, служил в Енисейском казачьем дивизионе атамана Патанина (Каппелевские войска), затем в Омском полку войск Каппеля в чине Штаб-труоача. С 1929 г. член Русского Общевоинского Союза.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.247. Л. 118-122.

Белоэмигрантская террористическая организация «Национально-трудовой союз нового поколения» была создана в 1927 году при «Русском общевойском союзе» (РОВС) по инициативе его бывшего руководителя генерала Кутепова, считавшего необходимым объединить под руководством РОВСа белоэмигрантскую молодежь для борьбы с советской властью.

Первоначально в 1924 году в Болгарии был организован «Кружок русской национальной молодежи», к 1927 г. он разросся в «Национальный союз русской молодежи». В Югославии, независимо от Болгарии в 1924 г. образовался «Союз русской национальной молодежи» (СРНМ). В сентябре 1929 г. эти союзы объединились в единую организацию, получившую название «Национальный союз русской молодежи за рубежом». Аналогичные национальные группы из числа эмигрантской молодежи образовывались и в других странах русского расселения. 1 июня 1930 г. прошел первый съезд представителей групп и союзов русской национальной молодежи. Участниками съезда были приняты идеологические положения новой организации и принят ее временный устав. Первостепенной задачей руководящих органов организации стало идеологическое сплочение русской белоэмигрантской молодежи всех стран и освобождение России от власти третьего интернационала. На втором съезде было изменено название Союза. Он стал именоваться Национальным Союзом Нового Поколения (НСНП), позже «Национально-трудовым союзом нового поколения».

Так же как РОВС, БРП и др. правые организации, НСНП в начале-середине 1930-х гг. считал террор одним

из успешных методов борьбы с большевиками.

НТСНП, вначале примыкавшая к РОВСу из-за возникших разногласий, в конце 1935 года отошла от него. С этого времени НТСНП существует как самостоятельная и активно действующая белоэмигрантская организация.

Руководящим органом НТСНП являлось Исполнительное бюро. Председателем, которого был белоэмигрант Байдалаков Виктор Михайлович, 1900 года рождения, уроженец г. Конотопа УССР, инженер-химик. В состав Исполнительного бюро до 1941 года входил Георгиевский Михаил Александрович, 55-60 лет, профессор древних языков, проживал до революции в г. Ленинграде и Вергун Кирилл Дмитриевич, 1908 г.р., сын белоэмигранта профессора-филолога.

С 1932 до 1942 года центр организации находился в Белграде (Югославия), пользовался поддержкой регента Югославии принца Павла. НТСНП имело свои филиалы (отделы) во Франции, Германии, Чехословакии, Польше, Бельгии, Югославии, Болгарии, Румынии, Голландии, Финляндии, Японии, Китае, Англии, США.

Ставя своей задачей свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР, руководство НТСНП считало основными средствами борьбы с советской властью террор против руководителей ВКП(б) и Советского правительства, повстанчество и диверсию. В этих целях руководство «Союза» поддерживало связь с рядом иностранных разведок (польской, японской, румынской, югославской, французской), которые финансировали НТСНП, снабжали организацию оружием, фиктивными документами и организовывали переброску его эмиссаров в СССР.

АП РФ. Ф. 3. Оп.58. Д.247. Л. 123-126.

Там же. Л. 104.



АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.247. Л. 128.

Там же. Л. 127.

В 1941 г. отдел РФС в Маньчжурии вошел в «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (БРЭМ). В Шанхае и Европе РФС продолжал действовать как самостоятельная организация вплоть до разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии.

Письмо изъято у убитого 28 мая 1935 г. при нелегальном переходе границы разведчика — террориста Кустова. Автор письма, «Михаил» — Петунов Михаил Карпович — представитель «НСНП» в г. Харбине.

Письмо обнаружено у убитого при переходе границы террориста Кустова 28 мая 1935 г. Автор письма «Д» является секретным сотрудником некой военной миссии в Харбине Тимофеевым. Письмо адресовано Кобылкину И. В.

«О» — редактор газеты «Харбинское время», активный разведчик.

«С» — секретарь японской военной миссии в г. Харбине.



АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.247. Л. 129-155.

**201**

Там же. Л. 156.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.247. Л. 158.



**203**

Там же. Л. 157.

Там же. Л. 160.

**205**

АП РФ. ф. з. Оп. 58. Д. 205. Л. 136-141.

**206**

АП РФ. ф. 3. Оп. 58. Д. 205. Л. 134.

ЦА ФСБ РФ. Арх. угол, дело № Н-20569, т. 1. Лл. 166–181,185.

В следующем составе: Родзаевский Константин Владимирович, Си-ваченков Федор Степанович, Арсеньев Константин Владимирович, Мартынов Николай Андреевич, Петлин Николай Николаевич, Винокуров Сергей Степанович, Тараданов Геннадий Викторович.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 6. Д. 228. Л. 106-110.

**210**

АП РФ. ф.з. Оп. 58. Д.285. Л.13-14.



**211**

АП РФ. Ф.3. Оп. 58. Д.285. Л.15-33.

**212**

АП РФ. Ф.3. Оп. 58. Д.285. Л.34-49.

**213**

Правда № 207 от 31 августа 1946 г.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Он. 1-Т. Д.118. Л. 313-315.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 1495. Л. 12-14.

**216**

Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Ф. 90. Оп. 3.  
Д. 665. Л. 15.

ЦА ФСБ РФ. ф. 66. оп. 1-Т. Д. 118?Л. 313-315.

ЦА ФСБ РФ. Ф. 66, Он. 1. Д. 262. Л. 66-67.



АП РФ, Ф.З. Оп. 58. Д.240, л.153-154.

**220**

Там же. Д. 244. Л. 101.

**221**

Там же. Д.240. Л. 159 а, 159 б.

Записка ОГПУ о раскрытии крупной шпионской террористической организации японского Генштаба / / АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 240. Л. 141–144.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л.30-31.

**224**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л.32-37.

**225**

Там же. Л.57.

**226**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л.38-50.



АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л.54-56.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л.79-81.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 82-91.

Там же. Л.92-94.

**231**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 95-98.

**232**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л.75-78.

**233**

Там же. Л. 101.

**234**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д. 245. Л. 67-67 об.



**235**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д. 245. Л. 80-92.

**236**

АП РФ. ф.з. Оп.58. Д. 245. Л. 79.

**237**

Там же. Л. 93.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д. 245. Л. 94-95.

Там же. Л. 97-98 об.

**240**

АП РФ Ф 3 оп.58. Д. 245. Л. 99-99 об.

**241**

Там же. Л. 100.

АП РФ. ф. 3. Оп.58. Д. 250. Л. 118-123.



**243**

Там же. Л. 117.

**244**

АП РФ. ф.з. Оп. 58. Д. 404. Л.232-236.

Шпигель Мориц Львович, 1894 года рождения, сын домовладельца и мукомола в г. Звенигороде, Киевской области. В 1911 году выехал во Францию, Бельгию и Англию, где учился на средства отца. Находясь во Франции, с 1911 по 1914 гг. состоял в РСДРП — меньшевиков. В конце 1915 года вернулся в Россию через Швейцарию и Финляндию. Проживая в Москве, в 1918 году был арестован ВЧК за служебные преступления и контрабанду. В 1919 году вступил в КП(б)У в Чернигове (УССР). Факт ареста скрыл на последней чистке. С 1925 по 1929 г. был председателем Туркшелка, с 1930 по 1933 г. — заместитель председателя Всесоюзного Объединения Союзшелк. Последнее время работал в качестве начальника капитального строительства Центросоюза СССР.

**246**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л.11-18.

**247**

Там же. Л.19-29.

Фик Николай — 1910 г. рождения, комсомолец, прибыл в СССР с КВЖД в 1931 г. служил в авиаотряде на ст. Бочкарево и Пукас Иван Иванович 1912 г. рождения, б. комсомолец, в последнее время работал в тресте «Примзолото в Хабаровске слесарем.

**249**

АП РФ. ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л.58-74.

**250**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 100.



Тирао Саджуро — 1901 г.р., на Камчатку прибыл из Японии в 1920 г., в момент ареста работал плотником-кунгасником АКО. Кандидат в члены ВКП(б), гр. СССР.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 102-103 На данном документе никаких резолюций нет.

Биография Лукашевкера характеризуется следующими данными: родился в 1882 г. в гор. Одессе, в семье доверенного крупной экспортной фирмы по торговле хлебом. С 1901 по 1908 гг. принимал участие в работе РСДРП, являясь членом Петербургского, Харьковского, Крымского и Киевского Комитетов РСДРП. С 1901 по 1904 г. проживал в эмиграции в Швейцарии и Франции. В годы революции Лукашевкер, оставаясь членом РСДРП до 1917 г., отошел от революционной деятельности и до февральской революции занимался службой в частных банках. С 1917 г. по осень

1928 г. служил в различных советских хозяйственных учреждениях в Ленинграде. В конце 1928 г. Лукашевкер был устроен Москвиным на службу в Харбинскую контору Дальгосторга в качестве директора. В период Советско-Китайского конфликта в 1929 г. временно вернулся в СССР. В конце

1929 г. вновь выехал в Харбин, куда был командирован по линии НКПС по рекомендации Москвина. В Харбине Лукашевкер работал в качестве Начальника Земельного Отдела КВЖД. Вернувшись в СССР осенью 1931 г. Лукашевкер по личному приглашению и назначению Москвина работал вначале помощником Начальника Отдела Кадров Наркомтяжпрома, а с февраля 1933 г. по момент ареста заместителем управляющего Всесоюзным Объединением Текстильного Машиностроения.

**254**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 104-107.

**255**

АП РФ. ф. з. Оп. 58. Д. 244. Л. 108-119.

**256**

АП РФ. ф. з. Оп. 58. Д. 244. Л. 120–124.

Саввин Владимир Пантелеймонович 1894 г.  
рождения, уроженец г. Краснодара.

**258**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 125.



Офицер японской армии — крупный военный разведчик.

Орлов Николай Евгеньевич, 1895 г. рождения, член ВКП(б) с 1918 г., окончил Военно-политическую академию им. Толмачева, был в троцкистской оппозиции. С января 1930 г. по декабрь 1931 г. был сначала консулом СССР в Хайларе, а затем вице-консулом в Харбине. Работник 4-го управления Штаба РККА. Проживая в Харбине, Орлов вел разгульный образ жизни, тратил крупные суммы денег, завязывая неразборчивые знакомства, имел любовницу-белоэмигрантку. Были сведения о возможном отказе Орлова от возвращения в СССР. О недопустимом поведении Орлова за границей ОГПУ информировало соответствующие директивные инстанции. Вернувшись в СССР, Орлов по сентябрь 1933 г. работал в Ленинградском Автодоре. Мобилизован ЦК на транспорт, Зам. Нач. Политотдела 4 района Закавказских жел. дорог в Ленинанкане.

**261**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 126-143.

Там же. Д.245. Л. 104-105.

Саввин был членом партии с 1917 года по февраль 1933 года, когда по постановлению партийной комиссии при Политуправлении РККА был исключен за обман партии — составление ложной автобиографии, присвоение подпольного партстажа с 1914 года, связь с братом — активным белогвардейцем-эмигрантом, офицером ударного корниловского полка, и как оторвавшийся от партии. Это постановление было утверждено также и Центральной Контрольной Комиссией.

В анкетах Саввин пишет, что он сын рабочего; на самом деле его отец мелкий собственник. Саввин в анкете писал, что его отец был большевиком, что при проверке оказалось абсолютно не соответствующим действительности.

Саввин в 1916 г., будучи 17-ти лет от роду, поступил добровольцем в дорожно-строительный отряд Всероссийского земского союза. В 1917 г. был в Красной гвардии, участвовал в гражданской войне до 1921 г, был ранен, награжден Орденом Красного Знамени. С августа 1928 г. до сентября 1929 г. работал директором Дальгосторга в Харбине, затем в течение года приемщиком Амторга в Нью-Йорке; с марта 1931 г. до апреля 1933 г. — пом. нач. бронетанковых сил в Ленинграде, а после исключения из партии — преподавателем автобронетанковой школы в гор. Орле.

АП РФ. Ф.3, оп.58. Д.246. Л.119-121.

**265**

АП РФ. ф. 3, оп.58. Д.246. Л.122-127.

Морозов Николай Иванович, 1892 г. рождения, уроженец г. Бахнута — УССР, сын преподавателя учительской семинарии, по специальности химик. С 1918 г. по конец 1921 г. служил в учреждениях Колчаковского и Меркуловского правительств. В 1921 г. эмигрировал в Харбин, где проживал до лета 1932 г. служа в различных харбинских учреждениях, а затем на КВЖД. В бытность в Харбине был связан с рядом видных белоэмигрантов и состоял в белоэмигрантской организации «Союза Спасения России». В июле 1932 г. Морозов прибыл в Москву, где был принят на работу в институт Сои, на должность заведующего пищевой лабораторией, по приглашению директора института Сои Наркомзема СССР Брагина А.Г.



Лабазников Николай Кузьмич, 1894 г. рождения, уроженец г. Коврова, сын рабочего, по специальности химик. Научный сотрудник фабрики-кухни № 1 Краснопресненского района. С остатками колчаковской армии, в которой служил в течение 1918–1919 гг., Лабазников эмигрировал в Харбин. В 1931 г. Лабазников вернулся в СССР, получив приглашение на службу от института Сои. В СССР работал научным сотрудником института Сои, техноруком Соевого комбината, научным сотрудником опытной станции Моснарпита и затем научным сотрудником Краснопресненской фабрики-кухни № 1. На службу в институт Сои Лабазников был приглашен из Харбина Брагиным А. Г.

**268**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 144-148.

Гордеев Михаил Константинович — бывший нач. земельного отдела КВЖД. Осужден Коллегией ОГПУ от 11 января 1932 г. к расстрелу с заменой, заключением в концлагерь сроком на 10 лет за шпионаж в пользу японцев.

**270**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 149-176.

**271**

В результате произведенного в лаборатории обыска найдены в указанном Лабазниковым шкафу спрятанные им 50 грамм мышьяковой кислоты, о чем составлен акт.

Гурович работал вместе с Лабазниковым на Краснопресненской ф-ке-кухне №1 в качестве старшего инженера, и кроме того в Центральном Совете Осоавиахима по секции питания при постоянном военнопонаучном совещании.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 244. Л. 177-184.

Предварительной проверкой было выяснено, что Брагин Абрам Григорьевич, 1893 г. р., беспартийный, сын крупного арендатора имения в Белоруссии до Октябрьской революции был активным членом сионистской организации.



**275**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 68.

**276**

АП РФ Ф.3. Оп 58. Д. 245. Л. 71.

**277**

АП РФ Ф.3. Оп 58. Д. 245. Л.76.

Там же. Л. 77-78.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.245. Л. 102-103.

Там же. Д.247. Л. 161-164.

**281**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.246. Л.82.

Там же. Л. 89-90.



Латкин Николай Васильевич, (б. пом. нач. доменного цеха по шахте КМК). 1904 года рождения, уроженец станции Зима ВСК, русский, б/п., гр-н СССР, горно-инженер. В прошлом имел кустарную мастерскую с применением наемной рабсилы. Арестован 30 апреля 1934 г.

**284**

АП РФ, Ф.3, оп.58, д.246, л.9-14.

**285**

Арестован 26-го апреля с. г.

**286**

АП РФ, ф. 3, оп.58, д.246, л.л.15-19.

Давыдов Георгий Савельевич, 1899 г.р. урож. Уральской обл., Май-керской вол., дер. Зуево, из крестьян середняков, работал ст. инженером Центрального Бюро Тяжелого Машиностроения НКТП. Не судим, гр. СССР, б/п, служил в Колчаковской армии рядовым в 3-м артиллерийском дивизионе до 1920 г.

**288**

АП РФ Ф 3 Оп.58. Д.246. Л.20-23.

Там же. Л. 24-27.

Дампель Леонид. Николаевич, 1902 г. рожд., урож г Харькова, сын учителя, личный дворянин, русский, гр. СССР, б/п, инженер, окончил Ленинградский Политехнический Ин-т в 1930 г. В 1920 г. арестован совместно с отцом Тульской Губ. ЧК по обвинению в шпионаже в пользу белых и попытке перехода линии фронта. Арестован 27 апреля с. г.



**291**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.246. Л.28-33.

Саров Даниил Иванович, 1892 г.р., уроженец, г. Ленинграда служащий, б/п., русский, гр. СССР инженер металлург, пом. техн, инженера по эксплуатации металлургического завода им. Томского, не судим.

Эджиро Ранзо — японский разведчик.

**294**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.246, л.34-41.

Там же. Л.42-50.

Издер Николай Александрович, 1880 г. р., ур. г. Москвы, происходит из мещан-кустарей, русский, б/п, гр-н СССР, среднее техническое образование, техник строитель, гл. инженер Стройлентрелл, Кабажевского Гор-лемхоза, судим по делу аварии на Мотовилихинском заводе, осущен к 3 годам заключения.

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.246. Л.51-54.

Там же. Л.1.



Регион был указан ошибочно. Вышинскому было указано на эту ошибку.

**300**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.246. Л.79.

**301**

АП РФ. Ф.3. Оп. 50. Д.38. Л.12-13.

**302**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.250. Л. 103-104.

**303**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.250. Л. 141-142.

**304**

АП РФ. Ф.3. Оп. 58. Д.405. Л.179-181.

там же. Л.182-184.

**306**

Кисима Исабуро, 1899 г. рождения, уроженец острова Хокайдо, гор. Сибеду, житель поселка Эннай (Южный Сахалин)



**307**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.254-8. Л. 23.

Там же. Л. 47.

**309**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.254-а. Л. 46.

**310**

Там же. Л. 45.

Там же. Л. 76-77.

**312**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.254-8. Л. 78.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Книга 1. Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г. М. 1995. С. 58-59.

«Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003.С. 244.



**315**

Там же. С.288.

«Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003.С.288-289.

**317**

АП РФ. ф.з. Оп.58. Д. 250. Л. 99-102.

**318**

АП РФ. ф. 3. Оп.58. Д. 250. Л. 98.

13 марта 1936 г. в проекте постановления ЦК ВКП(б) «О положении в корейской части Дальне-Восточной организации ВКП(б)» говорилось, что в ходе проверки партийных документов в приграничных районах со значительным корейским населением было установлено, что в Посьетском и Буденовском районах, среди руководящего корейского актива разоблачено много националистов, фракционеров, «т. н. шанхайцев», поддерживающих связь с японцами, а в ряде случаев прямо смыкавшимся со шпионами и диверсантами

На пост начальника политотдела совхоза им. Сунн-Ят-Сена Уссурийской области «пробрался» Ким Михаил, бывший офицер царской армии, связанный в период интервенции на ДВК с начальником военной японской миссии Такомори. Ким периодически выезжал за границу, участвовал в 1933 г. в Москве в совещании японской диверсионно-разведывательной организации. Попал в партию через бывшего заведующего корейской секцией Приморского обкома Лиен-Шеня, оказавшегося японским шпионом (расстрелян). Присвоил себе с помощью секретаря Посьетского райкома ВКП(б) Кима Афанасия фиктивный партстаж с 1920 г.

Была выявлена масса и других нарушений в среде корейского населения, что вызывало к ним определенную настороженность. РГАНИ. Ф.3. Оп. 61. Д.306. Л. 1-5.

**320**

АП РФ. ф. 3. Оп. 58. Д.139. Л.22.

**321**

Там же. Л. 23.

**322**

АП РФ. Ф.3. Оп. 58. Д.139. Л. 3-4.



**323**

АП РФ. Ф.3. Оп. 58. Д.139. Л.49-51.

**324**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 203-215.

**325**

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 994. Л. 18.

**326**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 157.

**327**

Там же. Д.139. Л.101.

**328**

АП РФ. Ф.3. Оп. 58. Д.139. Л.103-104.

Там же. Л.106-107.

**330**

АП РФ. ф.з. Оп. 58. Д.139. Л.110.



**331**

Там же. Л.109.

**332**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 254. Л. 223-228.

**333**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.250. Л. 154-155.

**334**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.250. Л. 156-171.

**335**

Там же. Оп.24. Д. 302. Л. 158-162.

**336**

АП РФ. ф. 3. Оп.58. Д.250. Л. 183-184.

Клетный Александр Леонтьевич, 1889 г. рождения, уроженец гор. Киева, беспартийный, русский, работал драгоманом в полпредстве СССР в Токио.

Асков Аркадий Борисович, 1897 г. рождения, уроженец гор. Чернигова, русский, член ВКП(б) с 1918 г., работал первым секретарем полпредства СССР в Японии.

Янковская Мария Михайловна. 1900 г. рождения, уроженка гор. Москвы, исключена из партии в 1930 г., как элемент, имеющий связь с белогвардейцами. Работала инспектором Электропромимпорта в Москве.

Яковлев Николай Михайлович, 1900 г. рождения, уроженец гор. Иркутска, беспартийный.

Орлов Николай Евгеньевич, 1895 г. рождения, уроженец гор. Казани, член ВКП(б) с 1918 г.

Климов Анатолий Яковлевич, 39 лет, русский, уроженец гор. Тюмени, член ВКП(б) с 1918 г. Назначен консулом в Львов.

Давыдов Василий Васильевич, 1888 г. рождения, урож. Смоленской губ., русский, член ВКП(б) с 1918 г., находился в распоряжении Разведупра.

**338**

АП РФ. Ф.3. Оп.58. Д.250. Л. 185-186.



Мельников Борис Николаевич, 1895 г. рождения  
урожд. Забайкальской области, чл. ВКП(б) с 1916 г., из  
служащих.

**340**

Псевдоним Советского разведчика Рихарда Зорге.

**341**

АП РФ. Ф. 3. Оп.58. Д. 250. Л. 187-203.

**342**

АП РФ. Ф 3. Оп.50. Д. 47. Л.5-6.

**343**

Там же. Л.6.

**344**

Зорге Р. Статьи, корреспонденции, рецензии. М., 1971.

**345**

АП РФ. Ф 3. Оп.50. Д. 47. Л.6-7.

**346**

АП РФ. ф з. Оп.50. Д. 47. Л.7.



«Я счастлив, что принадлежу к числу работников карательных органов..», или Истинные причины побега чекиста Люшкова за кордон» / / Новый часовой, 1998. № 6-7; Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2, 3; Николаев С. Комиссар, перебежчик, предатель // Труд. 1990. 5 августа; Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина, / / Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3, 4, 5; 1991. № 3, 5, 6, 7; Куксин И. Побег столетия / / Вестник 1999, № 17; Соколов Б. В. Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб. М. Вече. 2000 г. и др.

**348**

ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 11. Д. 42. Л. 153.

**349**

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 198. Л. 8-9.

**350**

АП РФ. ф. з. Оп. 58. Д. 231. Л. 32-36.

**351**

Там же. Д. 230. Л. 67-75.

**352**

Там же. Д. 232. Л. 168-176.

**353**

Там же. Д. 233. Л. 80-87.

**354**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 234. Л. 1-6.



**355**

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 305. Л. 104-111.

**356**

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 311. Л. 83-84.

**357**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 212. Л. 37.

**358**

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 317. Л. 112—114.

Сутурин А. С. Дело краевого масштаба. Хабаровск. 1991. С. 47-48.

**360**

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 319. Л. 115—118.

**361**

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 321. Л. 38—40.

Востоке в 1920 — 1950-е гг. Материалы 1-й  
Дальневосточной научно-исследовательской  
конференции. Владивосток: 1997. С. 68.



**363**

РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 17. Д. 999. Л. 50-51.

Вестник № 17 (224), 17 августа 1999. Илья Куксин.  
Побег столетия.

Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина. / / Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 142.

Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина. / / Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 4. С. 135.

**367**

Там же. № 5. С. 111.

Беседа писателя Хияма Есиаки и Коидзуми Коитиро  
об информации невозвращенца Г.С. Люшкова 1937 г. // Проблемы Дальнего Востока. -1990. № 5.

**369**

Газета Токио «Асахи Синбун» от 2 июля 1938 г.

Куксин И. Побег столетия. Вестник № 17 (224), 17 августа 1999.



**371**

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 87. Л. 428.

**372**

Там же. Л. 578.

**373**

ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1674. Л. 572-573.

Хияма Е. Японские планы покушения на Сталина. / / Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 5. С. 117-118.

Хияма Е. Указ. соч. / / Проблемы Дальнего Востока.  
1990. № 5. С. 119.

Вестник № 17 (224), 17 августа 1999. Илья Куксин.  
Побег столетия.

Если этот строй дал им некоторые выгоды, то они недовольны тем, что все должно делаться по Государственным планам, что даже лошади принадлежат государству, ограничивается количество скота и т. д. Правительство, чтобы хотя бы немного удовлетворить крестьянскую тягу к собственности, вынуждено было разрешить колхозникам иметь по полгектара земли для своих нужд и разведения овощей. Однако крестьяне даже на этих маленьких участках засевают хлеб. Вопреки всем репрессиям советской власти, единоличники живут лучше, чем колхозники.

Но есть другие утверждения, те, что Люшков никогда не работал в охране Статина и не имел никакого представления о системе охраны, равно как и о подземных коммуникациях Мацесты.



**379**

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 367. Л. 70-95, 111-140.

**380**

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1003. Л. 82-84.

**381**

РГАСПИ. Ф.17. Оп. 171. Д. 373. Л. 3-44.

**382**

Газета «Иомиури» 3 июля 1938 г.

**383**

Журнал Кайзо апрель 1939 г.

Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток.  
1991. № 3. С. 139.

Стефан Д. Тайна ночного побега/ / Проблемы  
Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 149.

5 декабря 1945 г. бывшего начальника Дайренского специального агентства доставили и в Москву. Здесь его допрашивал сам Абакумов. Он обвинил Такеоку в неискренности. Капитан спросил, что тот имеет в виду, — оказалось, что чекисты знают: добивал Люшкова кто-то другой. Выяснилось, что Аримицу тоже был допрошен и признался, что второй выстрел произвел именно он. Такеока стал оправдываться, что хотел только подчеркнуть: всю ответственность за убийство перебежчика взял на себя как старший начальник и потому не упоминал своего подчиненного. Он полагал: Москве важно знать, жив Люшков или мертв, а не то, выстрелили ли в него один или два раза. Абакумов раздраженно заметил: «Что важно, а что нет — решать Советскому правительству, а не вам».

Год Такеока провел в тюрьме на Лубянке. В августе 1946 года был вызван свидетелем на процесс по делу бывшего атамана Забайкальского казачьего войска Г. М. Семенова, которого судил военный трибунал. Затем Такеока два года сидел в Лефортовской тюрьме. В июне 1948 г. его осудили на 25 лет тюрьмы за шпионаж против Советского Союза, перевели во Владимирскую тюрьму.

В 1956 г. Такеока был репатриирован на родину. По возвращении в Японию он молчал до 1979 г. и только после публикации книги Хиямы о несостоявшихся покушениях на Сталина рассказал журналисту газеты «Сюкан асахи» Кавагати Нобокжи о том, как убил высокопоставленного советского перебежчика (Соколов Б. В. Охота на Сталина, охота на Гитлера. Тайная борьба спецслужб. М. Вече. 2000 г.).



**387**

«Правда» 13 февраля 1946 г. № 37.

**388**

«Правда» 9 августа 1045 г. № 189.

**389**

АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 1062. Л. 40-41.

**390**

«Известия» 11. 09.1945 г. № 214.

Русский текст документа, составлен в октябре-декабре 1941 г., выпущен директором Общества «Кокусаку-Кенкью-Кай».